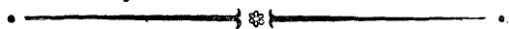

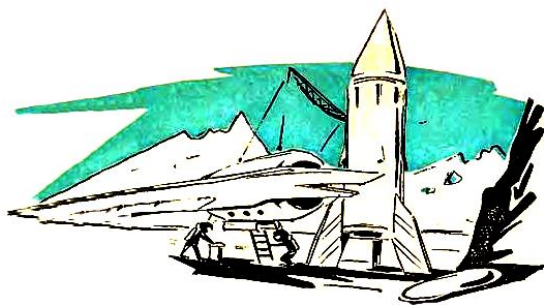
БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

ТАЙНА ОЗЕРА ИССЫК-КУЛЬ

*Советская фантастика
40-х – 50-х годов XX века*

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «СПУТНИК™»
2020**

О. КРИШТОПЕНКО

ЗАГАДОЧНЫЕ МЕТЕОРИТЫ

Научно-фантастическая повесть

Художник С. Левицкий

Перевод Ст. Борина, В. Тимошенко-Пастраки

Журнал «Знання та праця», №№ 8-12, 1940 з.

1

ВЫСОКО поднялся месяц. Кипарисы сделались еще чернее, и еще острее врезались в небо. Море тихо вздыхало у скалистого берега.

Коля Зыбин, связист местного почтово-телеграфного отдела, сидел на большом камне и, не отрывая глаз, смотрел на дворцы и виллы, утопающие в темных волнах деревьев. Легкие и пышные, облитые лунным светом, они казались выточенными из слоновой кости. От них к морю струились теплые волны аромата магнолий и роз.

«Кажется, зря я жду... — посмотрел Коля на часы. — Уже второй час...»

Коля вздрогнул, не закончив предложение и насторожился: над одной из вилл блеснул голубой свет. Через секунду оттуда вылетела маленькая, совсем маленькая комета, вернее, хвост кометы, ослепительно голубой, как луч прожектора. Комета эта прочертила по небу восходящую кривую и исчезла вдали, высоко над морем, затерявшись среди созвездий Млечного пути.

«Откуда же это она вылетела?» — спросил сам себя Коля, и на загорелый его лоб набежали две продольные морщины, а левая бровь поднялась вверх.

Это было у него признаком тяжелого раздумья.

«Сверкнуло, как и в прошлый раз, где-то около того высокого кипариса, слева... да... Посмотрим...» — Коля легко вскочил с камня на посыпанную гравием дорожку парка.

В его стройной, среднего роста, широкоплечей фигуре чувствовалась сила и ловкость. Легким спортивным шагом он вышел из парка.

Коля Зибін сидів на великому камені і, не відриваючи очей, дивився на палаці і вілли.

На асфальте безлюдной улицы лежали черные, четко очерченные тени домов и деревьев. И только шаги Коли нарушали ночную тишину... На него слепо смотрели темные впадины распахнутых окон.

Вот и высокий кипарис. Слева от него, в саду, за ажурными решетками — небольшой серый домик.

«Видимо, отсюда...» — подумал Коля, глядя на дом.

«Вилла «Надежда». Профессор Яков Лазаревич Горн», — прочитал он на овальной эмалированной табличке.

«Профессор Горн... Горн... Знакомая фамилия... — вспоминал Коля. — Да это же тот самый Горн, который ежедневно посылает такие странные телеграммы в Сочи и Владивосток».

И Коля вспомнил маленького, седенького, худенького старичка в темно-синих очках и панаме, в свежее-отутюженном, немного обвисшем костюме и мягких белых туфлях.

Старик молча протягивал Коле в окошко телеграфный бланк, где старческой рукой было написано примерно следующее: «Сочи, отель Ривьера, Воронову. Двадцатого едет Мария, 2-30-25, Горн», — платил деньги, получал квитанцию, дрожащей рукой прятал ее в большой кожаный бумажник и молча выходил.

Содержание телеграмм было всегда почти одинаковым, — менялись только имена ехавших: выезжали то Мария, то Нина, то Катя, то Шура. Во Владивосток шли такие же телеграммы на имя Славиной. Непонятны были и телеграммы-ответы. Сегодня Коля принял из Сочи такую: «А... вилла «Надежда», профессору Горну, Мария давление Н 500, отклонения с 275, Воронов».

Очевидно, в телеграмме говорилось о состоянии больных, только языком цифр, понятным только профессору и его корреспондентам. Через руки Коли за день проходили десятки различных телеграмм. Он передавал и принимал их механически, не вникая в содержание, и на телеграммы профессора Горна тоже не обратил бы внимания и не вспомнил бы о них, если бы... если бы не стоял сейчас перед виллой «Надежда».

Вблизи выстроенный из серого камня и увитый плющом дом не отличался какой-то особой архитектурой, но был очень живописен. Его закрывали от улицы густые, подстриженные пирамидами, лавровые кусты. По бокам нависли тяжелые ветви платанов. Огромный кипарис одиноко стоял в углу сада. Готические окна, окутанные плющом, были закрыты и занавешены тяжелыми шторами.

«Здесь боятся свежего воздуха и... посторонних взглядов», — подумал Коля, коснулся металлической калитки и сразу же отдернул руку: прямо перед ним за решеткой ограждения стояла и рычала большая собака. Шерсть на спине у нее стояла дыбом, злые глаза блестели зеленым ог-

нем, она грозно скалила великолепные белые зубы. Очевидно, в доме профессора Горна не спали и слышали сигнал четвероногого сторожа: уголок шторы крайнего окна приподнялся, за стеклом мелькнула женская рука и заметно бледное, обрамленное темными волосами лицо с большими глазами. Встретившись взглядом, Коля прочитал в них тревогу и любопытство... Штора опустилась, но Коле почудилось, что глаза, которые показались на мгновение, продолжают смотреть на него.

Коля быстро пошел по тротуару.

«Это возмутительно, — укорял он сам себя, — брожу по ночам, как лунатик, беспокою больных... могут еще подумать, что вор...»

Но что имеет общего профессор Горн со всей этой историей с кометами?..

«...Видимо это — какая-нибудь Нина, Катя, или Мария, одна из пациенток профессора Горна», — подумал Коля о девушке с большими глазами...

2

ДОМ АННЫ Григорьевны, Колиной матери, стоял на высоком обрывистом берегу моря. Стены его, сложенные из ракушечника, были аккуратно выбелены, черепичная крыша пряталась среди веток акаций и орехов, четыре окна весело смотрели на морские просторы, на чисто выметенный дворик и на буйно разросшийся сад и огород. Молодые, изумрудно-зеленые ростки винограда любовно обвивали подпорки, по стенкам домика и сарая вилась глициния с фиолетовыми цветами. На открытой веранде — целый арсенал рыболовных снастей: удочки, сачки, верши, жерди и свежеразкрашенные в голубой цвет весла.

Коля сидел за столом, глубоко задумавшись. Перед ним стояла кружка с молоком, а на тарелке лежали аппетитные лепешки.

До сих пор он жил тихо и спокойно. Закончив десятилетку, поступил учеником на телеграф.

Быстро овладел аппаратами Морзе и Бодо и тщательно изучил их устройство. Работа на телеграфе не мешала ему увлекаться рыбалкой, литературой, спортом, музыкой и садоводством. Любил Коля и природу. Для него было большим наслаждением слушать вечерами шум прибоя, бродить ночью по сонному парку, часами смотреть на лунную дорожку и отражение судовых огней на морских ночных волнах, наблюдать, как восходит и заходит солнце. Вот эта любовь к природе и принесла теперь заботу...

Первую комету, которая взлетела над городом, Коля увидел несколько дней назад, когда она исчезала высоко в небе над морем. Коля подумал тогда, что это метеорит, его удивило только, что этот метеорит летел не вниз или в сторону, как обычно, а вверх...

Две ночи подряд Коля видел кометы в тот момент, когда они взлетали над городом, и решил выяснить, в чем дело. А уж когда Коля что-нибудь решал, он выполнял это обязательно.

И вот после трех бессонных ночей он снова увидел комету почти в тот же час, что и первые, у самого места вылета ее, у высокого кипариса. Не было никакого сомнения, что это не метеорит, а дело рук человеческих... Но что же это такое?

Коля дал себе слово бодрствовать еще десять ночей, но выяснить все до конца.

Вспомнил, как прошлым утром, развернув газету, прочитал маленькую заметку о метеоритах. Заметка так заинтересовала его, что он вырезал ее и спрятал.

Интересная заметка... Коля вынул вырезку, положил перед собой на стол и еще раз внимательно прочитал:

ЗАГАДОЧНЫЕ МЕТЕОРИТЫ

В течение пяти ночей во время декурства на Сочинской метеорологической станции мы наблюдали падение метеоритов в море, километрах в трех от берега. Каждую ночь падал один метеорит. Все пять метеоритов были, как это видно из яркости свечения и силы удара при падении, достаточно ве-

лики. Падали они каждый раз почти в одном и том же месте, в радиусе не более одного километра друг от друга, и каждый раз почти в одно и то же ночное время, а именно — около 2:00. При падении первых четырех метеоритов был слышен глухой подводный грохот. Последний метеорит упал двадцатого июня, его падение сопровождалось взрывом колоссальной силы. Обследовав утром предполагаемое место падения метеорита, мы обнаружили, что небольшая скала, до этого выступавшая на три метра над водой, исчезла.

Установлено специальное наблюдение за этими загадочными явлениями.

Научный сотрудник Сочинской метеорологической станции Соболев.

Утром, как только Коля прочитал эту заметку и начал принимать телеграммы, к окошку поспешно подошел профессор Горн. Он был очень взволнован, руки его дрожали сильнее, чем обычно, а на телеграфном бланке, который он подал Коле, каракулями было написано:

«Молния. Сочи, отель Ривьера, Воронову. Немедленно выезжайте. Горн».

«Что случилось у профессора Горна?» — подумал тогда Коля. Этот же вопрос он поставил перед собой и сейчас. Ведь только позавчера профессор получил из Сочи от того же Воронова радостную телеграмму: «Поздравляю. Мария вполне здорова. Последствия прекрасны. Подробности — письмом».

«Не случилось ли чего с той пациенткой с большими глазами, которую я видел ночью? — в десятый раз думал Коля. — Не заболела ли она? Не вызывает ли профессор Горн Воронова, чтобы вылечить ее, как вылечил ту Марию?.. Но что это за метеориты? Падали они все около Сочи около двух часов ночи. А здесь кометы взлетали тоже ночью, и тоже примерно в это же время... Нет ли здесь какой-то связи?»

— Есть! — ударил ладонью по столу Коля.

— Ты что, Коля? — испуганно спросила, выходя на веранду, Анна Григорьевна, молодая еще, но совершенно седая женщина.

Ласковое лицо ее было обеспокоено.

— Я ничего, мамочка, — смутился Коля.

— Ничего... А молоко стоит... И лепешки остыли... — грустно сказала Анна Григорьевна, подходя и обнимая сына рукой. — Не ешь ничего, не пьешь... ходишь где-то по ночам... Скажи, Коля, что с тобой случилось?

— Ничего, мамочка, — весело ответил Коля, запихивая в себя молоко и лепешки. — Решаю я, мамочка, одну задачу, но пока... не получается...

— И задачника при тебе никакого нет, и бумаги не видно, — улыбнулась Анна Григорьевна, глядя, как сын с аппетитом уминает лепешки.

— Жизненную задачу решаю, мама... Когда решу — расскажу... А решу обязательно!.. — твердо сказал Коля.

3

КОЛЯ ВИДЕЛ, как они садились в лодку. Мужчина лет сорока пяти в подчеркнуто-элегантном сером костюме, гладкий и холеный, вежливо протянул руку темноволосой стройной девушке в коротком белом платье. Едва коснувшись кончиками пальцев его руки, она ловко вскочила в лодку и, умело балансируя, пробежала к корме, а за ней вскочила большая серая собака и села рядом. Мужчина оттолкнул лодку и сам запрыгнул в нее.

Отойдя от берега, лодка повернулась носом к открытому морю и вдруг стремительно понеслась вперед.

Все дальше и дальше плыла лодка, оставляя за собой короткий пенный след. Странно... Девушка показалась ему знакомой, но где он ее видел? Кроме того, его очень интересовал вопрос — был ли на лодке мотор. Со стороны его не было видно, значит, скрыт где-то, очевидно, под кормой... Но почему же не слышно его рокота? Почему не видно синеватого дымка позади лодки?

Забыв о рыбе, он долго сидел задумавшись, слушая шум прибоя.

А рыба не клевала. Спокойное утром море начинало дышать все тяжелее... Ветра не было, но волны, одна за другой, катились на берег и с грохотом разбивались о скалы.

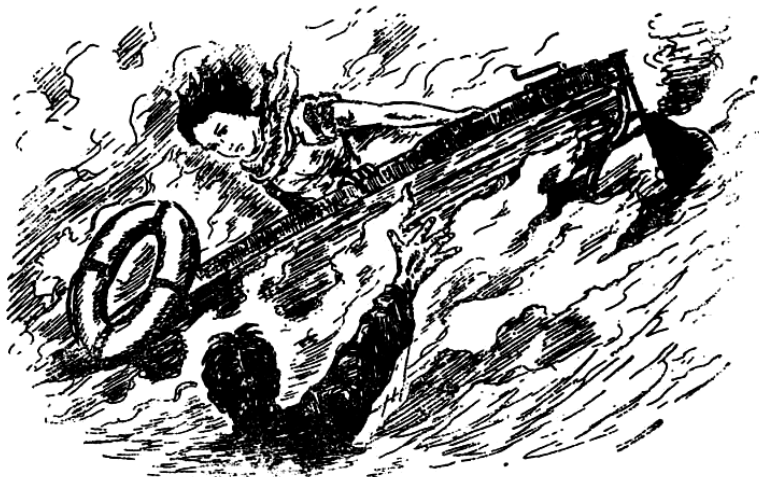
Коля смотал удочку, но домой не пошел. Он любил этот шум волн, эту веселую музыку прибоя. Улегшись на отвесную скалу над морем, что кипело у подножия, Коля смотрел вдаль, туда, где исчезла темная точка лодки. Вот она снова мелькнула и исчезла... Вот опять показалась на гребне волны...

«Повернули к берегу... Как же быстро она идет! Подожду, посмотрю, что это за мотор...» — решил Коля.

А лодка чайкой летела к берегу. Казалось, что она едва касается верхушек волн, сбивая их пенистые гребни.

У берега волны были особенно сильны. Налетая на камни, выступающие над водой, они с глухим шумом разбивались об него и закипали белой пеной.

«Рискованно...» — подумал Коля, когда лодка, не сбавляя скорости, пронеслась мимо скалы и провалилась в большую впадину между двумя огромными волнами.

Човен закрутився на місці і почав наповнюватись водою

Внезапно Коля услышал, как будто что-то треснуло. Лодка завертелась на месте и начала наполняться водой.

Девушка схватила спасательный круг, который лежал на корме, и протянула его мужчине. Он так рванул круг, что девушка упала и ударилась головой о борт лодки.

Не думая о ней, человек поплыл к берегу. Девушка с трудом поднялась на колени, провела рукой по окровавленному лицу и вместе с лодкой исчезла под огромной седой волной. На воде была видна только собачья голова.

— Негодяй! — сквозь зубы пробормотал Коля и, выставив вперед руки, прыгнул в море.

Он погружался среди подводных скал, волны отбрасывали его к берегу, но он упорно боролся с ними и ловко обходил острые камни. Коля подплыл к мужчине, который барахтался в воде, держась за спасательный круг. На его красном от напряжения лице и в выпученных глазах застыл животный ужас. Увидев около себя Колю, он дико заорал:

— Спасите... Тону!.. — и, как клещами, сжал Колино плечо.

Парень вырвался из его крепких рук, глубоко погрузившись в воду.

Вынырнул Коля у скалы. Собака все еще кружила вокруг того места, где исчезла лодку. В ее печальных глазах парень прочитал немую мольбу о помощи.

Переведя дыхание, Коля снова глубоко нырнул. В зеленой мутной воде между поросшими водорослями скалами лежала лодка, а над ней качалось тело девушки. Она зацепилась платьем за обломок борта.

Коля левой рукой схватил утопленницу поперек туловища, сильно оттолкнулся ногами от скалы и, вынырнув на поверхность, поплыл к берегу.

Плыть было трудно, приходилось оберегать не только себя, но и девушку от ударов об острые камни. В одном месте под отвесной скалой был небольшой, покрытый галькой пляж. Туда и поплыл Коля: там легче было выбраться из воды.

А море разгулялось не на шутку. Мутные волны, словно табуны диких лошадей, с грохотом набегали на берег и, пенясь, исчезали между камнями и галькой. Одна такая волна подхватила Колю и девушку шагах в десяти от берега, и выбросила на пляж.

Коле не раз приходилось спасать утопающих, би он умело начал делать девушке искусственное дыхание. Минут через пять девушка закашлялась и открыла глаза. Она удивленно посмотрела на Колю, который наклонился над ней.

— Да, да, дышите глубже, гражданин! — обрадовался Коля, помогая девушке сесть.

Девушка вздохнула и снова судорожно закашлялась. Отдышавшись, она сказала:

— Спасибо... кто вы?

— Николай Зыбин... — весело ответил Коля. — Да, и у вас лоб поранен, — озабоченно сказал он, — а перевязать нечем.

Девушка вспомнила обо всем, что произошло в лодке.

— А где мой спутник? — тревожно спросила она.

— Выбрался... к сожалению, — буркнул в ответ Коля.

Девушка укоризненно посмотрела на него и слабо улыбнулась.

— Видите, какой вы... нехороший... — сказала она. — Он же совсем не умеет плавать... Вот и...

— Вы можете идти, гражданин? — спросил Коля. — Вам надо сейчас же сделать перевязку... Здесь недалеко живет моя мама, она это лучше меня умеет...

С помощью Коли девушка поднялась на ноги и, опираясь на его руку, начала подниматься по крутой тропинке.

Галина Григорьевна заохала, повела девушку в свою комнату, перевязала ей голову, положила на кровать и взялась приводить в порядок ее одежду.

Только легкая повязка во главе девушки напоминала о катастрофе, когда через час она, весело разговаривая с Колей, шла домой.

— А знаете, если бы я не зацепилась платьем, и если бы не это, — подняла она руку к повязке, — я бы, конечно, вы-

плыла... Плаваю я прекрасно... Вот когда-нибудь обязательно посоревнуемся...

С лавочки возле одного из домов поднялся и подошел к ним спутник девушки.

Он успел уже переодеться в свежий белый костюм и выглядел безупречно.

Опустив глаза в землю, он сказал:

— Надежда Яковлевна... Поверьте...

— Верю, — перебила его девушка. — Но... Проводит меня домой Коля... Здесь уже безопасно... Кстати, — сказала она, обращаясь к Коле, — меня зовут Надей... Для вас я просто Надя. Приходите к нам в любое время дня, но не ночью. Правда, Граф? — спросила она собаку.

Граф залаял, словно понял ее.

...И вдруг Коля вспомнил, где он видел эти знакомые глаза...

— Спасибо, — смутившись, ответил он, и, волнуясь, вдруг спросил: — Скажите, Надя... Скажите, пожалуйста, а какой мотор был на вашей лодке?

— Внутреннего сгорания... — удивленно ответила Надя. — А вообще, я в моторах не понимаю... — добавила она и опустила глаза под пристальным взглядом Коли.

Коля почувствовал, что о моторе Надя знает гораздо больше, чем сказала.

— А кто ваш спутник? — допрашивал Коля.

— Этот? — кивнула Надя головой в сторону мужчины, который шел по другой стороне улицы. — Это инженер Воронов, ассистент моего отца...

Заметив Колин удивленный взгляд, она спросила:

— Что вас удивило?..

— Да... нет... — пробормотал Коля, — я думал, что это ваш врач.

— Врач? — тут уже удивилась Надя. — Я никогда в своей жизни не болела... До сегодняшнего дня, — улыбнулась она, глядя Коле в глаза, — но и здесь обошлось без врача...

А Коля думал о другом...

Значит, Мария, Нина, Катя и другие - это не больные. Но кто же они?

Коля хотел спросить об этом Надю, но подумал, что будет неловко вот так расспрашивать.

— А я думал, что ваш отец тоже врач, — сказал он.

— Что это вы сегодня все о врачах говорите? Отец мой — профессор Горн, химик и физик... Разве вам не приходилось читать его статей? Он работает над проблемой расщепления атомного ядра... — сказала Надя и тяжело вздохнула... — Вернее — работал, — грустно добавила она и заметила, что Коля не слушает ее.

— Комета... врачи... больные... метеориты... Мария... Бесшумный мотор... химия... физика... расщепление ядра атома... — не замечая, что думает вслух, говорил Коля. — Что это значит?

Надя со страхом посмотрела на него и подумала: «Бедный парень... Он, кажется, такой же, как и отец...»

4

ПОСЛЕ долгих размышлений обо всем, что произошло, Коля решил, что между кометами, которые взлетали ночью, таинственными метеоритами, бесшумным мотором разбитой лодки и телеграммами профессора Горна есть какая-то связь.

Однако, никаких выводов он не делал. Слишком уж необычными были бы эти выводы. Нельзя же предположить, что у профессора Горна есть какая-то сверхдальнобойная пушка, стреляющий на сотни, на тысячи километров... Да и звука выстрела никогда не было слышно... А может, это все простое стечение обстоятельств?..

И какое, в конце концов, ему, Коле, до всего этого дело?

В последнее время профессор Горн не являлся на почту, а на его имя пришла только одна лаконичная телеграмма из Владивостока:

«Жду. Солнцева».

Голубые кометы не появлялись по ночам, по крайней мере, в то время, когда Коля ждал их, сидя в парке.

Интерес ко всей этой истории начал уже спадать, когда Коля как-то наткнулся на такую заметку в газете:

СНОВА О МЕТЕОРИТАХ

Недавно мы опубликовали письмо научного сотрудника Сочинской метеорологической станции о загадочных метеоритах, упавших в море у Сочи. Об аналогичном случае сообщает нам колхозник Первомайского колхоза Дальневосточного края.

Печатаем его письмо:

«На участке нашего рыболовецкого колхоза, у островка Забытого, вблизи Владивостока, восемнадцатого, девятнадцатого и двадцатого июня упали метеориты. Все три метеорита упали около девяти часов утра. При падении метеоритов под водой были слышны сильные взрывы. С поверхности моря поднимались огромные столбы воды, как от взрыва большой мины. В результате взрывов была оглушена вся рыба в полукилометровом радиусе от места падения метеоритов. Подобрав рыбу, плавающую на поверхности моря, наша бригада выполнила годовой план вылова на 500 процентов.

Колхозник Кривых».

Академия наук заинтересовалась сочинскими и владивостокскими метеоритами, и отправила на места их падения научных работников.

В тот день вновь, как и после первой заметки, на почту пришел профессор Горн и отправил телеграмму во Владивосток, Солнцевой.

«Ждите пятого Марию. Приезде результатами вылетайте аэропланом. Горн».

Принимая телеграмму, Коля внимательно посмотрел на профессора Горна, который в это время протирал очки. Странное было это лицо. Старческое, изборожденное мел-

кими морщинками, оно в то же время казалось совсем молодым, будто отлитым из светлой бронзы — столько было в нем бодрости и силы. Еще более необычными были глаза профессора: карие, они горели каким-то внутренним огнем, были молоды и никак не гармонировали ни с сединой, ни с морщинами на лице.

— Ви товариш Зибін?—несподівано спитав професор, одержуючи квитанцію

— Вы товарищ Зыбин? — неожиданно спросил профессор, получая квитанцию.

— Да... Я Зыбин... — удивленно поднял на него глаза Коля.

— Будем знакомы... Профессор Горн... — протянул профессор в окошко маленькую сухую руку. — Мне Надя рассказывала о вас... Спасибо... — и после паузы добавил совсем другим, сердечным тоном: — Она у меня одна... И

вдруг... на дне моря... А я... я сильный, самый могущественный человек в мире, я ничего не мог бы сделать... Спасибо, товарищ Зыбин... Надя просила передать вам это... — он вынул из кармана синий конверт. — Ей сегодня восемнадцать... Подумать только: ей могло бы никогда не исполниться восемнадцати... А я так ждал этого дня... Теперь я могу перевернуть вверх ногами весь мир! И переверну! — уверенно сказал профессор, строго посмотрев на Колю.

Он резко потряс перед окошком маленьким старческим кулачком с зажатыми в нем очками.

Разорвав конверт, Коля нашел в нем короткую записку:

«Коля! Приходите сегодня в девять вечера. Жду. Надя».

«День рождения, — подумал Коля. — Надо пойти».

Окончив в четыре дежурство, Коля не пошел домой. Он давно уже собирался рассказать секретарю райкома комсомола о своих наблюдениях и посоветоваться с ним. Собирался, а все как-то не решался.

«А что, если я ошибаюсь? — рассуждал он. — А что, если Семенов скажет: «Не вмешивайся не в свои дела...» Но как не вмешиваться? Может, это испытывается какое-то важное открытие? Я проследил за ходом его испытания, значит, может и еще кто-нибудь проследить, какой-нибудь враг, шпион... Могут украсть открытие... Могут помешать его завершению...»

Сегодня, после заметки о падении метеоритов у Владивостока, и после того, как профессор Горн дал туда телеграмму, отзывая Солнцеву, никаких сомнений не осталось. Ясно, что это какое-то открытие профессора Горна, которое он проверяет... Вот только время падения метеоритов у Владивостока — 9.00 утра... Неужели полет метеорита занимает целых семь часов? Это что-то многовато... Ах да! А разница в часовых поясах?!

Теперь не было никаких сомнений...

Семенов сидел за столом, заваленным бумагами. Слушая Колю, он изредка перелистывал циркуляры. От шурша-

ния бумаги, от того, что Семенов, казалось, не слушал его, Колин рассказ о событиях последних дней вышел не ярким, не убедительным. Когда он кончил вопросом, что делать дальше, Семенов посмотрел на него внимательно, подумал и сказал:

— И парень ты хороший, Зыбин, а вот фантазия у тебя детская. Что же ты, брат, говоришь?! Ты думаешь, что профессор может кометы пускать. Разве ты не знаешь, что от нас до Владивостока шесть с половиной тысяч километров по прямой?.. Учиться тебе, братец, надо, вот что... Тогда не будешь бесполезно фантазировать... В этом году пошлем тебя учиться... обязательно пошлем!

Из ответа Семенова Коля понял, что весь его рассказ воспринят, как детская фантазия. А фантастического здесь, пожалуй, ничего и нет, если вспомнить работы Циолковского...

Ну, хорошо, на свой страх и риск он будет наблюдать и дальше...

Из райкома Коля пошел домой. Наскоро пообедав, он взял садовый нож и начал срезать красные, белые и желтые розы, махровые гвоздики и восковые георгины.

Цветы уже покрыли всю садовую скамейку, а Коля все срезал и срезал новые.

Анна Григорьевна несколько раз, улыбаясь, выглядывала в окно, а когда Коля, связав, наконец, огромный букет, вошел с ним на веранду, спросила, показывая глазами на цветы:

— Это тоже для решения задачи?

— Да, мамочка, — улыбаясь, ответил Коля. — Иду туда... Наде сегодня восемнадцать лет, и сегодня ночью вылетает во Владивосток Мария... Приду, мамочка, поздно. Ложись спать и не жди меня...

— Ну, иди, иди, — теперь я хоть знаю, куда ты ходишь, — ласково сказала Анна Григорьевна. — А Надя — славная девушка, она и мне очень нравится, — добавила она.

Коля удивленно посмотрел на мать, которая смотрела на него с улыбкой, и рассмеялся.

В МАЛЕНЬКОЙ гостиной сидели трое: Надя, забравшаяся с ногами на большой турецкий диван, профессор Горн и Воронов.

Когда вошел Коля, Надя быстро вскочила ему навстречу. Вместо приветствия Коля подал ей огромный букет и смутился, поймав на себе насмешливый взгляд Воронова.

— Спасибо, — сказала Надя и повернулась к Воронову. — Познакомьтесь, хотя вы, кажется, уже немного знаете друг друга.

Воронов встал и сухо поклонился, но руки не подал.

В гостиной горела голубая лампа. В ее рассеянном свете трудно было рассмотреть выражение лица, но Коля сразу понял, что Надя чем-то очень обеспокоена. Взмолвлен был и профессор Горн. Поздоровавшись с Колей, он сказал, очевидно, продолжая прерванный разговор:

— Конечно, это все — только незначительные крохи возможного. Перспективы же неограниченные... Вы себе их представляете... А я твердо убежден в успехе... Я сказал, что...

— Папа, посмотри, какие розы, — перебила Надя, подходя к отцу с букетом, и тихо добавила: — Хватит о делах... Он же ничего о них не знает...

Профессор провел рукой по лицу и посмотрел на Надю, как бы что-то вспоминая.

— Ах, да... Правда... — сказал старик, вставая. — Вы здесь посидите... Мы сейчас... Пойдем, Александр Петрович, — обратился он к Воронову, выходя из гостиной.

Воронов неохотно послеловал за ним.

— Садитесь, Коля, вот сюда, — показала Надя на диван, ставя букет в большую китайскую вазу. — Хорошо, что они ушли, — продолжала она, садясь рядом с Колей. — Мне, Коля, надо с вами поговорить... Больше у меня никого нет...

Коля удивленно посмотрел на девушку.

— Я долго думала о нашей последней беседе, вернее — об одной вашей фразе. Помните, когда вы провожали меня

домой, вы говорили о кометах, метеоритах. Тогда мне показалось, что и вы не совсем здоровы... А потом я подумала и решила, что это не так... Просто вы кое-что знаете о работах моего отца... Ведь так? — спросила она и доверчиво положила дрожащую руку на руку Коли.

Мені, Колю треба з вами побалакати... Більше у мене нема нікого...

— Догадываюсь... — тихо ответил Коля, глядя на взволнованную девушку.

— Вот я и решила поговорить, посоветоваться с вами... Отец мой давно работает над проблемой использования атомной энергии. И не без успеха... Он сделал много важных открытий... Да... мотор в лодке работал с помощью атомной энергии. Бесшумный и бездымный мотор. Он потребляет за час не более одной сотой грамма горючего. Особые реакции освобождают энергию ядер атомов... Дей-

ствительно... Кометы вылетали из нашего сада... Тогда, ночью, вы подошли к нашей вилле, — очевидно, хотели убедиться, что кометы вылетали именно отсюда... Вы, наверное, знаете о метеоритах, которые упали у Сочи и Владивостока, — об этом писали в газетах. Знаете, — потому что вы говорили о них. Так вот, и кометы, и метеориты — это не что иное, как ракетные снаряды профессора Горна... Горючее в ракетах — это смесь урана с другими элементами. Чтобы такой снаряд долетел до Владивостока, на шесть с лишним тысяч километров, надо разрядить энергию не более полграмма ядер атомов урана... Для взрыва нужно немного больше урана... Вы меня понимаете?

— Прекрасно понимаю... Продолжайте, Надя, — взволнованно сказал Коля.

— Так вот... Вы представляете себе значение всего этого... Отец открыл не только способ использования атомной энергии, но и способ регулирования процесса деления атомов урана... А это значит, что огромный запас энергии можно использовать и как движущую силу, и как взрывчатое вещество необычайной силы. Можете себе представить, какая это энергия! Ведь одна весовая часть урана может дать энергии в два миллиона раз больше, чем такая же единица каменного угля... Все это подтвердили опыты, отец проводит их со своими ассистентами — Вороновым и Солнцевой.

— Это так здорово! — восторженно сказал Коля. — Это — самое ценное открытие! Оно же в десятки раз увеличит могущество нашей страны...

— Да, если страна получит это открытие, — грустно сказала Надя.

— Почему же? Почему она может не получить его? — удивился Коля. — Разве профессор Горн...

Надя тяжело вздохнула и вытерла платком глаза.

— Отец, — сказала она со слезами в голосе, — тяжело заболел... Он не только не может довести дело до конца, а наоборот, может все погубить.

Коля со страхом посмотрел на Надю.

— Может, вы ошибаетесь, Надя... Он такой бодрый, энергичный... У него такие молодые глаза. Он еще долго будет жить, — добавил он.

— Отец заболел... психически, — заплакав, сказала Надя. — У него мания величия. Он хочет с помощью своего открытия стать диктатором всего земного шара...

Коля вспомнил, как сегодня на почте профессор Горн называл себя самым могущественным человеком в мире, и задумался.

— А Воронов? А Солнцева? Разве они не могут довести до конца реализацию открытия? — спрашивал он.

— В том то и дело, что отец все детали своего открытия держит в секрете даже от своих ассистентов... Они знают об открытии только поверхностно, участвуют только в проверке его действия, а химического состава топлива и взрывчатого вещества не знают... Не допускает он их и к своим лабораторным опытам. В лаборатории ему помогаю я, но недостаточные знания не позволяют мне ознакомиться с деталями.

— А если бы... если бы полечить его, — предложил Коля.

— Он и слушать об этом не хочет... И Воронов тоже против... Последнее время его поведение тоже стало каким-то странным. Я слышала однажды, как он уговаривал отца продать свое открытие за границу... Когда отец категорически отказался, Воронов сменил тактику... Теперь он втайне от меня потакает отцу в его безумных планах овладения миром и помогает в подготовке к этому... В отцовском кабинете они устроили мощную передающую радиостанцию и приготовили тексты ультиматумов правительствам всех стран мира. Вы по-английски понимаете? — спросила Надя, вынимая из кармана смятый лист бумаги. — Хорошо, я переведу вам. Адрес оторван и не видно, кому предназначается этот ультиматум, но из текста все равно можно догадаться.

Вот он:

«Внимание! Внимание! Я — самый могущественный из людей, профессор Горн, предлагаю в течение декады воплотить в жизни такое:

1. Дать полную автономию всем доминионы, колониальным и полуколониальным странам, которые входят в состав империи.

2. Распустить армию, морской и воздушный флоты.

3. Уничтожить (сдать на переработку) все оружие и боеприпасы.

4. Организовать выборы новых правительств на основании всеобщего, равного и тайного голосования. В случае невыполнения ультиматума или хотя бы одного из его пунктов, или недобросовестного выполнения, через десять дней после объявления по радио этого ультиматума столица вашей страны будет сметена с лица земли.

Профессор Горн».

— Вот видите, — грустно сказала Надя, складывая и пряча в карман бумажку. — Их сдерживало только то, что не было урана, но сегодня отец получил десять посылок из Ферганы... Сто килограммов урана... Я сегодня целый день работала с ним в лаборатории. Мы приготовили «Марию» — снаряд для Владивостока, и второй красный снаряд для подкрепления ультиматума... Какой ужас! И это мой отец... — со стоном закончила Надя.

6

УЖИНАЛИ в маленькой столовой. В центре круглого стола, застеленного белой скатертью, стоял Колин букет. Красное и белое вино весело искрилось в бокалах.

Профессор Горн первым поднял бокал.

— Поздравляю тебя, Надя! — сказал он ровным, спокойным голосом. — Сегодня тебе исполнилось восемнадцать лет... Ты вполне самостоятельный человек... Через несколько дней поедешь в университет. Это хорошо, что ты выбрала физико-математический факультет. Он даст тебе

широкое поле для научной работы... На вот тебе, детка, в день твоего совершеннолетия... Постарайся быстрее научиться обращаться с ним...

— На ось тобі, дитинко, в день твого повноліття...

С этими словами профессор подал дочери пакет, перевязанный английским шпагатом. Воронов подозрительно посмотрел на подарок.

— Спасибо, папа, — ответила Надя. — Я давно мечтала о хорошем микроскопе, — пояснила она Коле, который сидел рядом, и положила пакет на колени.

«Ничуть не похоже на микроскоп, — подумал Коля, — скорее, какие-то брошюры или тетради, свернутые в трубочку...»

Вторым поднял бокал Воронов. Опустив глаза, он сказал:

— Надежда Яковлевна, позвольте мне в день вашего восемнадцатилетия принести наилучшие пожелания и... если позволите... — нерешительно добавил он, намереваясь положить перед Надей квадратный футляр.

— Нет, нет, Александр Петрович, — отвела его руку Надя. — Вы же знаете, что я никаких украшений не ношу... А за пожелания спасибо...

Коля чувствовал, что теперь и он должен провозгласить тост, но смелый на спортивной площадке и в море, он невероятно растерялся, не мог подобрать нужных слов, не знал, как начать.

Наконец, поднялся с места, поднял бокал, повернулся к Наде и очень покраснел.

— Поздравляю... — только и мог произнести Коля и... замолчал.

— Спасибо, — быстро отвечала Надя, спасая своего друга. — Половина поздравлений принадлежит вам, Коля... Если бы не вы...

— Да, да, — сказал профессор, — если бы не вы, Коля...

— Если бы не вы, — перебил насмешливо Воронов, — то кто его знает, что могло бы произойти...

Коля и Надя настороженно посмотрели на Воронова, но он спокойно выпил вино и принялся за закуски.

Разговор за ужином не вязалась. Профессор сидел тихий и задумчивый.

— Он всегда такой в минуты просветления, — тихо сказала Надя, наклонившись к Коле.

Воронов бросил в их сторону ревнивый взгляд.

Ужин прошел вяло.

Около часа ночи Коля попрощался и начал собираться домой. Надя пошла его проводить.

— Коля, — шепнула она ему, — я боюсь... Вдруг и Воронов тоже сумасшедший?.. Вы знаете, недавно, перед поездкой на лодке, он просил меня выйти за него замуж... Я отказала... А теперь... я боюсь его.

Вместо ответа Коля крепко сжал руку Нади.

— Я не буду спать, — сказала Надя, — запрусь у себя в комнате и Графа возьму с собой... Это верный друг.

— Надя, а если я останусь в саду? — спросил Коля, — Мне хочется посмотреть, как будут пускать снаряд... Так я

останусь, — настаивал он, — и посмотрю. И вам будет спокойней. А завтра утром мы все сделаем.

— Оставайтесь, — тихо ответила Надя, — то есть, сейчас идите... А минут через пять возвращайтесь... перелезьте через забор... Графа я возьму с собой. Лаборатория вон там, видите — светится в окне. Будьте осторожны! Спокойной ночи! — громко сказала она, закрыв калитку за Колей, и дважды повернула ключ в замке.

7

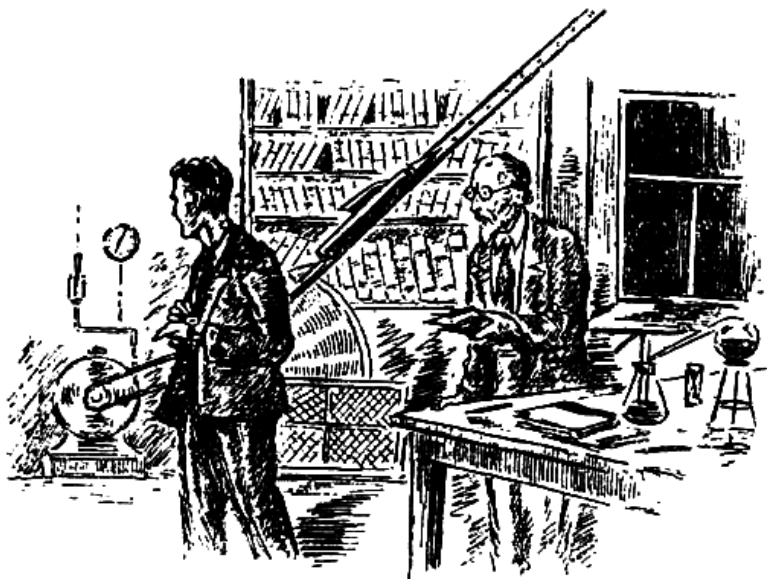
АРОМАТ РОЗ, табака, резеды и гвоздик плыл откуда-то снизу. Оттуда же доносилось тихое шуршание прибора. Черной стеной поднимались горы и закрывали почти половину звездного неба. Деревья и спрятанные меж ними дома спали беспробудным сном.

Колины шаги громко звучали в ночной тишине. Он дошел до перекрестка, постоял с минуту, а потом тихонько вернулся к садовой ограде, ловко перелез через нее и прижался к большому кипарису. Сердце его сильно билось... Вот и окно лаборатории... На его светлом квадрате суеются темные тени.

Пробираясь между деревьями, Коля подошел ближе. Через открытое окно он увидел небольшую комнату со столом у одной стены и книжным шкафом у другой. Стол был заставлен колбами, ретортами и флаконами с цветными жидкостями. Рядом со столом стояла динамо-машина, соединенная проводами с черным станком, рычаги которого беспрестанно двигались. Сдержанное гудение станка и машины было слышно и в саду.

На станке, рассыпая короткие голубые искры, крутился почти невидимый от быстрого движения маховик.

Профессор Горн и Воронов стояли у похожего на круто поставленный транспортер стального сооружения, верхний конец которого выходил в отверстие в потолке. Это сооружение состояло из двух гладких стальных рельсов, соединенных поперечными медными пластинками.

Професор Горн і Воронов стояли біля схожої на круто поставлений транспортер сталльної споруди.

Професор старательно измерял и устанавливал угол наклона и направления этого сооружения.

— Главная беда в том, что карты наши не точны, и нельзя сразу обеспечить попадание, — донесся до Коли его густой бас.

— Теперь, после корректировки Солнцевой, попадание обеспечено, — успокоил его Воронов, внимательно приглядываясь к тому, что делает профессор.

— Это теперь, во время попыток, можно корректировать, но представьте себе, что получится, если придется влиять на какое-то государство. Неточность карт может нас здорово подвести... В первую страну, которой мы предъявим ультиматум, вам, Александр Петрович, придется выехать для корректировки, иначе мы сразу же подорвем свой авторитет... Представьте себе, что наши карающие снаряды будут ложиться в километре, а то и двух от столицы. Скандал!.. А такая неточность в картах, как я теперь убедился,

возможна. Обязательно надо пристреляться. Мы это будем делать, бросая первые, «угрожающие» снаряды... Дайте, пожалуйста, «Марию». Последний раз пошлем во Владивосток.

Воронов подошел к шкафу и взял оттуда длинный блестящий, цилиндрической формы снаряд с двумя широкими короткими крыльями и раздвоенным хвостом. Он осторожно перенес его к транспортеру и положил боком, крыльями на стальные рельсы.

Профессор Горн осмотрел снаряд, повернул его головку с делениями на определенную отметку, выкрутил небольшую втулку из донышка снаряда, и вместо нее вставил головку штепселя, которым кончался толстый красный провод, идущий от станка.

— Вроде бы все в порядке, — сказал профессор. — Проверим еще раз... Угол 46,5, да... Направление — северо-восток... Заряд на 6378 километров... Взрывная сила — 0,001 от нормальной для этого типа снарядов... Пора. Нет, рано еще... Еще две минуты... Александр Петрович, включите, пожалуйста, ток в транспортере...

Воронов повернул рубильник. Машина застонала тяжелее. Теперь голубые искры побежали вверх по стальным пластинкам транспортера. Казалось, они извиваются волнами от сильного электрического тока.

— На эту динамо-машину нужен был бы двигатель, который съедает, по крайней мере, две тонны горючего в день, а я трачу всего около одного грамма, — говорил профессор, поглядывая на часы. — Я вычислил, что, если поставить мой двигатель на современном самолете, то всего с пятью граммами можно облететь вокруг земного шара без посадки... Ну, кажется, пора...

Стрелки на профессорских часах показывали 2:00.

Профессор повернул на транспортере рычаг с черной ручкой, и тогда...

Коля увидел, как снаряд сначала медленно, а затем быстрее ползти вверх по транспортеру, увлекая за собой красный провод. На половине длины транспортера провод

туго натянулся, и головка штепселя оторвалась от доньшка снаряда. Из небольшого отверстия в нижней части со свистом вырвался голубой, ослепительно яркий хвост, и снаряд-ракета исчез в вышине звездного неба.

— Теперь спать, — сказал профессор, выключая рубильники.

Машина заглохла, только маховик никак не мог остановить своего быстрого движения.

— Спокойной ночи! — поклонился Воронов.

— Подождите, я вас провожу, — сказал профессор и погасил свет.

Через минуту в пяти шагах от Коли прошли две темные фигуры. Профессор открыл калитку, выпустил на улицу Воронова, снова запер калитку на замок и вошел в дом.

«Так вот какая у них пушка, — ни дула, ни пороха», — думал Коля, ожидая, пока утихнут шаги Воронова, чтобы самому выбраться на улицу...

Осторожно он пробрался в угол сада к высокому кипарису, и только собрался перелезть через забор, как заметил с другой его стороны темную человеческую фигуру.

Коля отступил назад и плотно прижался к дереву. Человек, тяжело дыша, перелез через забор и, осторожно ступая, пошел к лаборатории.

«Да это же Воронов, — узнал Коля профессорского ассистента. — Вот так штука! Хорошо, получается, что я здесь остался».

Прячась за деревьями и кустами, Коля двинулся за Вороновым, но тот исчез, словно растворился в темноте... Как ни смотрел Коля, как ни прислушивался, — Воронова не было видно.

Прошло минут десять напряженного ожидания. Но вот в окне лаборатории что-то блеснуло, и Коля увидел Воронова с карманным электрическим фонарем в руках.

Положив на стол фонарь, Воронов достал из шкафа длинный красный снаряд, выкрутил из его дна втулку, вынул из отверстия длинную стеклянную трубку, отсыпал что-то оттуда на бумагу и спрятал в карман.

«Ворует секрет горячего, — похолодел Коля. — Но ладно... Далеко он с ним не убежит», — успокоил он себя.

Воронов, тем временем, спокойно вставил стеклянную трубку на место, закрутил втулку и начал раскручивать головку снаряда...

Вдруг все вспыхнуло ярким голубым светом...

8

НА БЕЛОЙ стене дрожал светлый розовый луч... Сквозь открытое окно из сада доносилось щебетание птиц, и изда-лека слышалось глубокое дыхание моря.

Коля открыл глаза и удивленно оглянулся.

Рядом на койках лежали люди. У каждой койки тумбочка, на тумбочках бутылки и коробочки с длинными хвостами рецептов. Пахло карболкой.

«Да это же больница, — подумал Коля, — но как я сюда попал? Куда делся Воронов? Что же это так ярко сверкнуло?»

Коля попытался подняться, но не смог пошевелить ни рукой, ни ногой.

Вошла сестра, посмотрела на Колю и улыбнулась.

— Ну, теперь мы будем поправляться быстрее.

И побежала сказать врачу, что контуженный при падении метеорита Коля Зыбин, наконец, пришел в себя.

Коля лежал и думал: «Что же случилось? И случилось ли вообще что-нибудь? Очевидно, я заболел, и все эти кометы, и метеориты, и профессор Горн, и ракетные снаряды — просто болезненный бред...»

Но вот в палату вошли две женщины.

— Мама! Надя! — крикнул изо всех сил Коля, но обрадованные женщины едва расслышали его слабый голос.

От Анны Григорьевны и Нади Коля узнал, что профессор Горн и Воронов погибли, что дом разрушен до основания взрывом; что Надя чудом осталась цела, и ее вытащила из-под обломков пожарная команда, настоящей причины взрыва никто не знает и все думают, что это упал метеорит.

— Значит, все погибло, — печально прошептал Коля Наде, которая наклонилась над ним.

— Все, Коля, кроме главного, — тихо ответила Надя. — Папа погиб... Может, это и лучше для него... Но, помните, он подарил мне пакет. Так это был не микроскоп... Я ношу этот подарок при себе. Вот он...

И Надя поднесла к Колиным глазам толстую, всю в пятнах от кислот, тетрадь. На ее обложке знакомым Коле почерком профессора Горна было выведено:

«Способы деления ядер атомов урана».

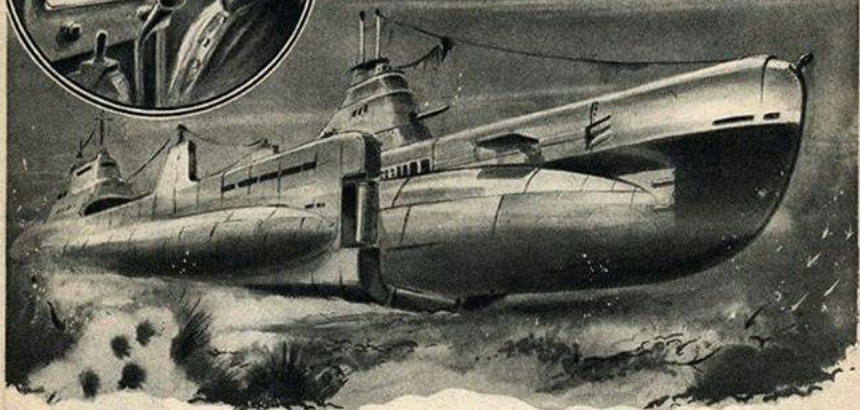
Надя перелистнула несколько страниц тетради, но все они были испещрены непонятными для Коли формулами.

— Коля, — вмешалась в разговор Анна Григорьевна, — присылали из райкома комсомола, спрашивали, куда ты хотел бы ехать учиться.

— Только на физико-математический, — не задумываясь, ответил Коля, — мы вместе с Надей...

Окно в будущее

Журнал "Техника-Молодежи", 1941 г., № 5

КОРАБЛЬ-ЧЕРПАК

Для подъема с морского дна потерявшей аварно подводной лодки можно использовать специальное судно, которое является одновременно пловучим доком. Вот примерное описание этого корабля будущего.

Пловучий док состоит из двух пустотелых вертикальных стенок, соединенных днищем. Сзади к доку примыкает сооружение, напоминающее собою кормовую часть большой подводной лодки. В целом получается огромный самодвижущийся ковш, или черпак. Днище этого черпака не сплошное, а состоит из множества валов, расположенных в два ряда под небольшим углом друг к другу. Валы могут вращаться только в одну сторону — к корме черпака.

Совершим воображаемый рейс на этом судне. Все управление им сосредоточено в особом помещении. Здесь находятся обычные приборы, которые имеются на подводных лодках. Кроме того, висит еще большой ящик, жестко прикрепленный к потолку. Передняя стенка ящика матовая.

Неожиданно в каюте вспыхивает красная сигнальная лампочка. Это приборы обнаружили лодку, которую нужно поднять со дна моря. Капитан отдает приказ о погружении дока. Через некоторое время судно мягко касается морского дна. Команда пристраивает, если можно так выразиться, к входу лодки в док.

Капитан подходит к висющему под потолком ящику и включает рубильник. Матовая стенка ящика начинает светиться. На экране видно, как лодка заходит в док.

Для этого в левой стенке дока установлено 200 излучателей инфракрасных лучей, расположенных в два ряда. А на правой стенке расположено 200 улавливателей этих лучей.

Если какое-нибудь плотное тело окажется между стенками дока, то цепь фотоэлементов прервется, и на экране появится темная тень.

Капитан ставит стрелку машинного телеграфа на «малый вперед».

Корабль, шурша днищем об ил, медленно движется вперед.

Вот он натолкнулся на что-то твердое. На экране появляется темная полоска, она

удлинится, превратится в силуэт подводной лодки.

Пловучий док подхватывает лежащую на морском дне лодку словно совком. Ребристые валы, вращаясь в одну сторону, помогают лодке войти внутрь дока. Захваченный с морского дна ил проваливается в решетчатое дно черпака.

Когда половина лодки уже введена в док, капитан приказывает дать задний ход. Нужно выжать вторую половину лодки из ила, в котором она завала. Винты, вращаемые мощными моторами, напряглись: на секции валов крепко держат уже захваченную часть лодки.

Новый толчок: лодка вышла из ила.

Капитан быстро переключает ручку машинного телеграфа, и черпак подбегает под корпус лодки. Она выкатывается по валам в док. На экране яден полный ее силуэт.

— Поймана! — говорит капитан.

Он отдает команду продуть отсеки, которые были заполнены водой при погружении дока. Пловучий док медленно всплывает. Судно-черпак берет поднятую лодку к берегу.

К. РАТУШИНСКИЙ

ГОСТЬ ИЗДАЛЕКА

Научно-фантастическая повесть

Рисунки М. Слипченко

Перевод В. Тимошенко-Пастраки

Журнал «Знання та праця», №№ 4-7, 1941 з.

СТРАННЫЙ ПАССАЖИР

В одно ясное морозное утро дальневосточный экспресс, как всегда точно, в назначенное время, плавно подошел к перрону Северного вокзала. На запыленных инеем крышах и стенках вагонов он словно принес с собой грохот далекого океана, ледовое дыхание сибирских просторов, хрустальную пыль сказочных уральских долин.

С экспрессом, как всегда, прибыло много пассажиров. В пестрой и оживленной толпе, которая высыпала из вагонов, можно было увидеть и шлем командира-дальневосточника, и пуховый берет девушки-комсомолки из молодого советского города на Амуре, и бескозырку моряка, и мягкую шляпу иностранца.

В общей суматохе, среди возгласов и поздравлений, никто не обратил внимания на странного пассажира, который не спеша пробирался вдоль вагонов. Однако, все в этом человеке — и его необычная внешность, и странная даже среди этой пестроты одежда, и темный грубой кожи мешок для вещей в руках — без сомнения, заслуживало внимания. Это был пожилой, коренастый, огромного роста мужчина, с суровым, словно выточенным из старого темного дерева лицом, окаймленным длинной, с проседью, бородой. Совсем

молодые зоркие глаза смотрели из-под нависших бровей внимательно и властно. Странный пассажир был одет в пушистую медвежью доху, мягкие оленьи сапоги и сибирскую шапку-ушанку с длинными меховыми ушами, которые висели до груди.

Остановившись у выхода на привокзальную площадь, пассажир позвал носильщика и передал ему багажную квитанцию.

— И возьмите товарища помочь, груз тяжелый, — сказал он резким надтреснутым голосом. — И еще: нельзя ли достать грузовую машину? Для моих вещей легковая не подойдет.

Носильщик кивнул головой, и через две минуты перед странным пассажиром уже стояло грузовое такси. Пассажир критически осмотрел машину и сам откинул борт кузова. Пока носильщик ходил за грузом, он несколько раз прошелся взад и вперед по площади, с интересом оглядываясь вокруг:

— Да... Изменилась Москва, — услышал шофер его бормотание.

Московским шоферам приходится видеть всякую публику, но необычный вид приезжего на этот раз все—таки

На ношах лежав маленький диктовый ящичок.

вывел шофера из его состояния душевного равновесия, и он с ленивым интересом спросил:

— Сами... давно из Москвы?

— Да уж... Пожалуй, лет тридцать пять, — неохотно ответил пассажир и отвернулся, словно подчеркивая свое нежелание продолжать разговор. В это время двое носильщиков, сгибаясь под весом носилок, подошли с полученным грузом. Даже не оглядываясь, а только по кряхтению носильщиков, понял шофер, что груз был, видно, нелегкий.

И действительно, на крепких носилках скромно лежал ничем не примечательный маленький деревянный ящичек с толстым деревянным дном.

— Сто двадцать килограммов... — уважительно пробормотал один из носильщиков, с кряхтением перебрасывая ящичек в автомашину. — И что за диво дивное?!

Но приехавший на это ничего не ответил. Он только как-то странно, быстро глянул на свой необычный груз и, бросив рядом с ним свой мешок, одним гибким движением, которое свидетельствовало о чрезвычайную ловкость и силу, вскочил на место рядом с шофером.

В ту же минуту машина тронулась и, набирая скорость, поехала по залитой асфальтом площади.

СЛУЧАЙ НА ПЛОЩАДИ МАЯКОВСКОГО

Широко раскинулась большая Москва. Немало в ней длинных улиц и широких площадей. Великаны—дома с зеркальными окнами, потоки машин и трамваев, — все это, казалось, привлекало внимание приезжего.

Но вдруг его брови вздрогнули, глаза заблестели настороженно и тревожно. Он увидел впереди машины двух мальчишек-школьников, которые беззаботно бежали на коньках по покрытому тонким льдом асфальту, ловко лавируя среди потока автомобилей. Однако, пара отчаянных смельчаков успела уже привлечь внимание постового милиционера. Пронзительно засвистев, милиционер спешил через площадь, наперерез дерзким нарушителям порядка. Ре-

бятя вовремя заметили опасность, которая угрожала им, и бросились бежать. Один из них, видимо, более сильный и проворный, быстро выскочил на тротуар и смешался с толпой. Второй же, маленький мальчик в серой вязаной фуфайке и такой же шапочке с пуговицей, промедлил, и, споткнувшись, неуклюже растянулся на улице перед самым радиатором машины. Напряженно перегнувшись, приезжий выхватил из рук шофера руль и круто повернул его в сторону. Одновременно шофер, не растерявшись, резко затормозил машину. Автомобиль дернулся и затрещал по всем швам. Еле удержавшись на месте от сильного толчка и, не обращая внимания на шофера, который разбил себе лицо, приезжий в одно мгновение выскочил из машины и озабоченно склонился над распростертым на асфальте, казалось, бездыханным маленьким телом. Вокруг быстро собралась толпа.

— Его только оглушило, — сказал приезжий, осторожно поднимая парня своими сильными руками, — ведь машина только немного задела его. Но на лице у него глубокая царапина, надо поскорее остановить кровь. Скажите, где здесь поблизости аптека, что ли?

Пока вызывали по телефону скорую помощь, приезжий в сопровождении нескольких человек из публики отнес парня в аптеку, которая была неподалеку. Здесь малыш пришел в себя и, пока ему накладывали повязку, прежде всего спросил, целы ли его коньки. Коньки оказались на месте, парень совсем повеселел и начал уверять всех, что больше он ездить на них по улицам не будет, потому что, оказывается, можно попасть под машину, которая еще и коньки может поломать, а рисковать ими он себе никогда не позволит. Слушая эти рассуждения, приезжий невольно улыбнулся, отчего его суровое лицо на мгновение стало совсем ласковым и добрым. Затем, не теряя времени, он поспешил к выходу. И на месте происшествия застал только милиционера, молодого, но очень серьезного, озабоченного, в элегантной серой шинели и белых перчатках. Козырнув, милиционер поспешил сказать:

— Не беспокойтесь, гражданин, все в порядке. Вас ждет машина. И вещи ваши в ней.

При этом милиционер показал на закрытую, блестящую черную лакированную машину, которая, сдержанно урча, действительно ждала у тротуара.

— А где же та... грузовая? — с явным беспокойством спросил приезжий.

— Грузовую я отослал в гараж. С такими повреждениями у нас машинам ездить по городу запрещено...

И милиционер деловито и важно поправил ремешок на плече, словно бы подчеркивая, что он не позволит беспорядки. Но приезжего не удовлетворили эти объяснения. Озабоченно он бросился к машине и пристально ощупал внутри ее коврик перед сиденьем.

— Здесь не все мои вещи, — обратился он к милиционеру, очень взволнованный. — Там, в грузовой машине, была еще одна вещь...

— Вы ошибаетесь, гражданин, — твердо произнес милиционер, — все ваши вещи перенесены в закрытую машину под моим личным присмотром... И там, собственно, был только один кожаный мешок и небольшой поломанный ящичек.

— Нет, там было еще кое-что, — настаивал приезжий.

— Тогда, возможно, кто-нибудь во время суматохи украл, — сказал милиционер, но тут же быстро поправился: — Хотя на вверенном мне участке...

— Нет, украсть не могли, эта вещь весит сто двадцать килограммов.

— Вы что-то путаете, гражданин, — строго остановил его милиционер. — Легко сказать. Сто двадцать кило! Такую вещь я, во всяком случае, заметил бы.

— В том то и дело, что нет, — торопливо сказал приезжий. — Она маленькая, совсем маленькая, вот такой, понимаете, небольшой черный камешек. Я очень прошу вас... помогите мне немедленно разыскать эту машину. Видимо, моя вещь осталась в ней. Иначе может случиться несчастье, страшное, непоправимое несчастье, поверьте мне...

В этих торопливых словах, сказанных с необычным волнением, было нечто такое, что сразу убедило милиционера. Он внимательно посмотрел на странного гражданина и коротко бросил:

— Тогда поедem. Номер машины у меня записан.

И, ловко открыв дверцу, милиционер подсадил приезжего в машину, которая сразу заревела и задрожала всем своим корпусом, словно зверь, готовый броситься на свою жертву.

По дороге взволнованный приезжий рассказал, что в ящичке был упакован величиной со спичечную коробочку маленький черный камешек. Камешек этот напоминал кусок обычного антрацита.

При внезапной остановке автомашины камешек, очевидно, проломил стенку ящика, и остался незамеченным лежать на дне кузова.

БУРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

В тот же дня вечером в институте топлива и энергетики должен был состояться доклад профессора Кобзаренко об исследованиях новых источников энергии. Доклад начался ровно в 19 час. 30 мин. в переполненном зале. Профессор Кобзаренко оказалась молодой светловолосой женщиной с чрезвычайно серьезным выражением лица и звонким строгим голосом. Одета профессор была в модное платье темно-оливкового цвета, новенький орден скромно сверкал на груди чуть левее от кремового жабо.

Появление популярного профессора в зале была встречена взрывом аплодисментов, которые, однако, сразу стихли, как только профессор сделала знак, что она должна, не теряя времени, начать доклад. Только кто-то с задних рядов продолжал сердито шикать на суетливого старичка, который, близоруко натываясь на кресла, поспешно пробирался к своему месту.

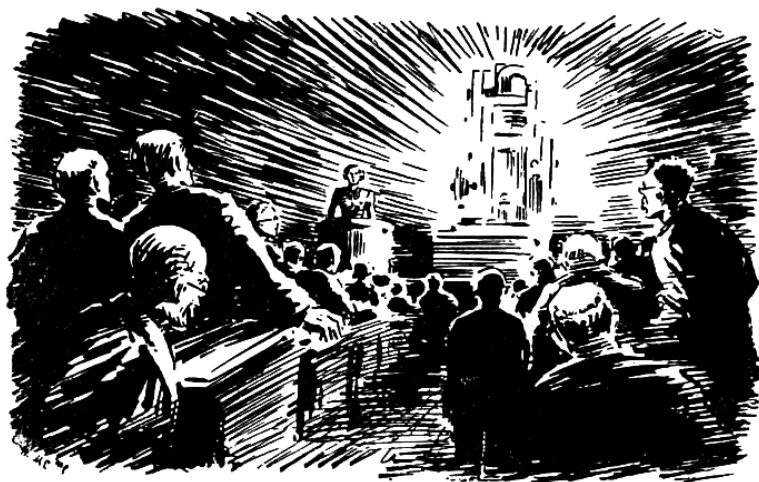
Проводя запоздалого старичка укорительным взглядом, докладчик попросила ассистента снять чехол с загадочного

огромного прибора, что стоял у стены на особой подставке. Все присутствующие увидели удивительную машину, которая тускло поблескивала медными частями и толстыми стенками из неизвестного прозрачного материала, которые отгораживали основной рабочий цилиндр. Ассистент включил ток, и машина сразу странно зажужжала, словно оса, попав в бутылку. Это жужжание медленно перешло в высокий визгливый вой, от которого многим присутствующим стало не по себе. Вдруг внутри рабочего цилиндра вспыхнуло синеватое пламя, среди которого стала вырисовываться золотистая мигающая точка, и, постепенно раскаляясь, вскоре стала ослепительно яркой. В зале погас свет, некоторые взволнованно поднялись с мест.

— Успокойтесь, — послышался словно издалека голос профессора Кобзаренко, — вы видите не что иное, как расщепление атома азота. Энергия, выделяемая при этом, не очень велика. Она даже не может заменить собой одной тонны каменного угля. Другое дело, если бы нам так же просто удалось расщепить атомы других элементов.

Вдруг в цилиндре что-то всхлипнуло и затрещало, машина будто подавилась и затрепетала, беспомощно виляя

Всередині апарата спалахнуло сліпучо - яскраве полум'я

лопастями винта. В зале зажегся свет, все вдруг возбужденно зашумели. Однако, все голоса покрыл чей-то дребезжащий смех. Хихикая, близорукий старичок, тот самый, что опоздал на доклад, протягивал с задних рядов дрожащую руку, требуя, чтобы ему дали слово. Отовсюду слышались возмущенные возгласы, кто-то из соседей пытался даже посадить его обратно в глубокое кресло. Но старичок не сдавался. С неожиданной резкостью взбежав по ступеням амфитеатра, он протиснулся сквозь плотные первые ряды слушателей и вдруг оказался перед докладчиком. В зале все притихли и с интересом следили за тем, как дедушка протирает скомканной платочком очки и злорадно обводит взглядом аудиторию, словно предвидел эффект, который производят его слова.

— Фокусами развлечь каждый может, — ехидно начал он, — но когда же, наконец; уважаемый... э... профессор Клавдия Михайловна предложит нам что-нибудь практическое? Здесь перед вами не школьники, Клавдия Михайловна, здесь старые машинисты, топливники, паровозники, турбинники. Когда вы собираетесь дать им обещанные биллиона калорий? А? Что? Я вас спрашиваю: когда?

Казалось, Клавдия Михайловна была немного смущена таким неожиданным и грубым нападением, но это длилось только краткий миг. Не спеша и словно собираясь с мыслями, она сначала опустила глаза на свои тонкие красивые руки, а затем спокойно и, как некоторым показалось, даже с оттенком грусти, посмотрела своему оппоненту прямо в очки.

— Когда, уважаемый Ипполит Геннадиевич? Скоро. Да-да, совсем скоро. На днях.

Старичок, которого называли Ипполитом Геннадьевичем, от удивления открыл рот и долго не мог произнести ни слова. Он только беспомощно глотал воздух. Но Клавдия Михайловна уже совсем уверенно закончила:

— Со дня на день я жду одного товарища с далекой окраины. Он везет мне то, что вы хотите видеть, Ипполит Геннадьевич.

— Товарищ ваш вымышленный, — завизжал вдруг старичок, — и ничего он не привезет! Хотел бы я видеть его. Где он?

— Здесь! — послышался вдруг среди притихшего зала чей-то резкий надтреснутый голос.

И все, оглянувшись, увидели пожилого человека с длинной седой бородой, которая обрамляла суровое лицо. Никто не заметил, как и когда этот человек появился в зале. Все невольно расступились перед ним и позволили ему быстро подойти к кафедре.

— Я очень виноват перед вами, профессор Кобзаренко, — сказал он глухо, — но я обманул ваши ожидания.

— Вы... товарищ Бугров?

— Да, это я.

— Выходит... это все неправда, что вы мне писали? Вы не нашли ультрауранит?

— Нет, я его нашел.

— Почему же вы не привезли его мне? Вы же обещали в своем письме.

— Я его привез сегодня сюда, в Москву. Но он...

— Что?..

— ...он пропал сегодня. Ультрауранит я потерял. Сегодня, здесь, в Москве.

Профессор Кобзаренко невольно отступила на шаг, и на лице ее отразился ужас.

— И что ж, скажите... много вы его привезли?.. То есть, вы потеряли?

— О, да. Сто двадцать килограммов. Вполне достаточно для того, чтобы, например, взорвать небольшую страну со всем ее населением, — глухо ответил Бугров.

...Как только машина тронулась и, мягко шелестя шинами по заснеженному асфальту, понеслась вдоль бескрайней улицы, Клавдия Михайловна решила возобновить разговор.

— Как же все-таки это произошло? Почему вам не удалось найти эту машину?

Бугров ответил не сразу. Казалось, этот суровый, сильный человек был полностью подавлен тем, что произошло.

— Нет, наоборот, — заговорил он наконец. — Я очень быстро нашел гараж, куда прибыла поврежденная машина. Но ее уже успели отослать для капитального ремонта за город на авторемонтный завод. Оказывается, все здесь у вас в Москве делается невероятно четко и быстро.

— Ну, и что же? Нашли вы ее на заводе?

— Да, но в ней я уже ничего не нашел. Дело в том, что машину грузили на железнодорожную платформу лифтом. При этом корпус машины сильно накренился и, очевидно, моя находка в этот момент выпала из кузова. Весь поезд из шестидесяти платформ был нагружен исключительно машинами, отправлявшимися на ремонт. На заводе я нашел свою машину уже полностью разобранной. Все это делается здесь невероятно быстро.

— И вы думаете, что никто не подобрал вашего камешка?

— Конечно нет. Кто может обратить внимание на невзрачный черный камешек, напоминающий обломок каменного угля? Вероятно, он остался на платформе.

— Почему же вы не осмотрели весь поезд?

— К сожалению, как бы я ни спешил, но не смог соревноваться с первоклассной техникой. Все операции на транспорте, оказывается, выполняются очень быстро. Раньше, чем моя машина с максимальной скоростью домчалась до товарной станции, поезд уже отошел. Я хотел попытаться догнать его в пути, но оставил свое намерение. Оказывается, теперь грузовые поезда ходят почти так же быстро, как и экспрессы. Мне сказали, что эти вагоны уже через два часа были поданы для погрузки подмосковного угля. Вы понимаете весь трагизм положения? Ведь в нескольких вагонах угля невозможно найти один маленький камешек, который своим видом ничуть не отличается от миллионов других. Дальше оказалось, что отдельные части поезда по 3-4 платформы порассылали в разные места. Как же здесь разыскать камешек?

— Ваша правда. Но скажите, неужели нет никакой возможности достать еще хотя бы кусочек ультрауранита?

— Боюсь, что это невозможно. Очевидно, на земном шаре нет совсем этого вещества. Он попал к нам из космического пространства, как случайный гость издалека. Где-то в мировых просторах, таких далеких, что наши даже самые чувствительные оптические приборы не могут обнаружить его присутствия, носится этот таинственный источник огромной энергии, возможно — в невероятном количестве.

Ведь вы знаете, я кратко писал вам о том, как я нашел ультрауранит. Случайно, ночью, когда я наблюдал звездные туманности, мои приборы зарегистрировали падение необычного метеорита. Грохот во время его падения напоминал раскаты грома в сильную грозу. Главная масса метеори-

Я уважно оглянув метр за метром усю прибережну смугу.

та упала, вероятно, далеко в море. Утром с вершины прибрежной сопки я наблюдал необычное явление: при абсолютном штиле море волновалось и кипело на несколько десятков километров вокруг. Видимо, процесс расщепления атомов в куске метеорита вызвал целую катастрофу в морской глубине, подобную извержению вулкана. Я внимательно осмотрел, метр за метром, всю прибрежную полосу возле места падения и только через несколько дней нашел этот один-единственный осколок драгоценного камня.

— Вы мне писали, что догадки о его чудесных свойствах зародились у вас...

— ...на основании фотоснимка спектра. На нем отчетливо отразилась яркая фиолетовая черта. Я сразу заподозрил здесь наличие нового, неизвестного нам элемента неслышанной еще радиоактивности.

— Его удельный вес...

— ...оказался около 6200, то есть в триста раз выше удельного веса самого тяжелого из известных нам элементов. Твердость нового вещества необычайна; ее можно сравнить разве только с твердостью алмаза. Я пытался поцарапать камушек своим острым охотничьим ножом, но на поверхности камешка не осталось ни малейшего следа.

Клавдия Михайловна помолчала, затем с оттенком тревоги спросила:

— Как вы думаете, что может теперь произойти?

— Трудно сказать. Я думаю, что нужны особые условия для того, чтобы процесс расщепления атомов и выделение спрятанной в них энергии начался сам собой. Обратите внимание — в то время, когда метеорит, упав в море, расщепился, найденный мной на суше обломок ничем себя не обнаружил.

— А вы пробовали класть его в воду?

— Конечно. Как оказалось, он слегка нагревался при этом, но дальше процесс распада почему-то очень быстро затухал. Очевидно, для того чтобы процесс не прекращался, камень надо сначала разогреть. Понятно, что я не решился сделать такую попытку.

Несколько минут они молчали. Наконец, Клавдия Михайловна мягко и даже робко спросила:

— А все же, как это так произошло, что вы решились оставить машину с вашим ценным грузом?

— Да, да, я и забыл рассказать вам об этом. А впрочем, об этом маленьком случае вряд ли стоит рассказывать. Словом, речь шла об опасности для жизни одного существа, и я поддался простому человеческому чувству. В моем положении мне не следовало бы это делать. Судьба доверила мне клад слишком большой, чтобы им можно было рисковать хотя бы и во имя... спасения человеческой жизни.

Клавдия Михайловна быстро повернулась к собеседнику и внимательно посмотрела на него.

— Вы мне до сих пор ничего не говорили об этом, товарищ Бугров. Разве речь шла о спасении человеческой жизни?

— Так... Как это ни странно, но это случилось так. Конечно, я сделал тогда непоправимую ошибку. Мое естественное чувство человечности, возможно, слишком дорого обойдется науке и человечеству.

— Но ведь вы говорите, спасали человеческую жизнь! Как же вы смеее так говорить?

— Вы забываете, что теперь, с потерей камешка, жизнь многих миллионов людей, возможно, в значительно большей опасности, — сказал Бугров.

В это время машина остановилась возле ярко освещенного подъезда большого дома. Бугров, словно очнувшись от забытья, удивленно оглянулся.

— Но позвольте... Куда же это мы приехали?

— Ко мне на квартиру. Я и мой муж, полковник Кобзаренко, просим вас быть нашим гостем. Вы нам подробно расскажете о вашем прекрасном крае и вашей замечательной жизни. Мой мальчик будет особенно рад познакомиться с вами. Правда, он у меня большой проказник, и сегодня с ним чуть не случилось серьезная беда. Но, к счастью, все кончилось хорошо.

В небольшой чистенькой прихожей увидел Бугров что-то,

что вызвало в нем какую-то неясную догадку. На вешалке висели удивительно знакомые детская серая фуфайка и такая же шапочка со смешной пуговицей сверху. Но неясная догадка перешла в радостную уверенность, когда Бугров переступил порог комнаты и увидел за чайным столом коренастого военного с петлицами полковника, а рядом с ним — мальчика со свежей белой повязкой поперек лба.

СОБЫТИЯ РАЗВОРАЧИВАЮТСЯ

Профессор Ипполит Геннадьевич Знаменский славился как специалист-теплотехник. Это был неугомонный, желчный и сварливый человек. Редко научные собрания или заседания с его участием обходились без бурного скандала. Однако, в научных и хозяйственных кругах он имел большой авторитет, к его мнению прислушивались всегда, когда нужно было решить любой вопрос по теплотехнике. Профессор Знаменский в свои 70 лет сохранил еще полную ясность ума и удивительную работоспособность, хоть на вид был хилый и все время покашливал. Однако, сегодня профессору почему-то не работалось. Шаркая ногами, он ходил из угла в угол по своему кабинету и пытался вспомнить, когда и где в течение своей долгой жизни он встречался с человеком, который имел фамилию Бугров.

Профессор останавливался, жевал губами, напряженно тер лоб, но его блестящая память ничего ему не подсказывала. Случайно его взгляд упал на настольный календарь, что стоял на подставке из старого почерневшего серебра. На отличном прямоугольном листе бумаги ярко вырисовывались красные цифры — 22, обведенные траурной рамкой. Так, сегодня печальная годовщина «кровавого воскресенья» — 9 января 1905 года. Тогда профессор Знаменский был еще молодым, но уже достаточно известным ученым. Тогда колченогий царский режим, словно предчувствуя свою близкую гибель, судорожно пытался задушить растущее мощное революционное движение. Тысячи лучших людей, рабочих, крестьян, студентов были брошены в тюрьмы или

высланы в далекие неосвоенные места азиатского материка. Пережили тогда бедствия и немало передовых российских ученых, которые открыто поддерживали борьбу с режимом. Да! Как же можно забыть! Теперь старый профессор отчетливо вспомнил: в университете все знали талантливого студента Сергея Бугрова. Ходили слухи, что он играет выдающуюся роль в организации революционных кружков среди рабочих и студентов. Но однажды, темной ночью, пьяные жандармы ворвались в его квартиру, совершили обыск и арестовали его. С тех пор о Сергее Бугрове в университетских кругах боялись говорить вслух, а долгие годы стерли его имя из памяти. И вот теперь... Время изменило эти черты, но могучая фигура и властный взгляд остались теми же.

Резкий телефонный звонок вывел профессора из глубокой задумчивости. Звонили с Вязовской электростанции, просили немедленно приехать. На станции произошла авария, — не согласится ли профессор дать консультацию? Машина уже выслана.

...Широкое, прекрасно укатанное шоссе между сосновыми перелесками, мягкие очертания холмов, подмосковные усадьбы, занесенные сугробами снега, — все это быстро промелькнуло мимо него. И через час профессор, кутаясь в просторную лисью шубу, уже выходил из уютной автомашины. У подъезда управления электростанции профессора встретил сам директор, молодой энергичный инженер, и сразу повел просто в дробильный цех.

— У нас, как вам известно, обычная схема подачи топлива, — спеша, на ходу объяснял он профессору. — Уголь прямо из вагонов разгружают в закрытый склад, оттуда подают для дробления в мельницы дробильного цеха. Из дробильного цеха уголь по наклонной галерее бункера подают в топку котлов.

— Что вы мне детские сказки рассказываете! — рассердился профессор. — Говорите по делу, что, собственно, произошло?

— В главной дробильной мельнице, которая может, шутя, перемолоть в порошок любую глыбу самой жесткой по-

роды, неожиданно сломались стальные терки. Очевидно, туда случайно попала какая-то посторонняя вещь, чрезвычайно твердая.

— Гм... посторонняя вещь. Что же это может быть? Разве кусок стали?

— О нет, этого не может быть. Мощный предохранительный электромагнит вылавливает из массы угля каждую крупинку металла.

В это время к инженеру подбежал обеспокоенный механик.

— Товарищ директор, с котлом № 4 неприятность, — волнуясь, доложил он.

— Я же приказал отключить его для ремонта.

— Совершенно верно. Но мы никак не можем потушить пламя в топке. Несмотря на непрерывную подачу воды и выпуск пара, давление в котле все увеличивается.

— Что за чушь, — вскипел инженер. — Вы в своем уме? — И быстро отправился в котельную.

Профессор, кряхтя и тяжело дыша, еле поспевал за ним.

Возле котла № 4 скопились растерянные рабочие. Измерительные приборы показывали давление в 40 атмосфер, хоть подавать топливо давно уже перестали. Огромный корпус котла весь гудел и трясся, раскаленная кладка, казалось, вот-вот рассыплется.

Профессор бесцеремонно растолкал всех и подошел к самой топке.

— Прикажете открыть немедленно топку! — скомандовал он.

По команде инженера механик включил рубильник, и топка стала медленно раскрывать свою массивную пасть. В тот же миг огромный сноп ослепительного зеленого пламени вырвался из нее вверх аж под самый потолок. Люди едва успели отскочить, силой таща за собой неугомонного профессора.

— Не может быть! — неистово зарычал тот. — Здесь что-то не так! Закон сохранения энергии никто еще не опроверг!

Величезний сніп сліпучого зеленкуватого полум'я вирвався з топки вгору аж під саму стелю.

Люди стояли смущенные и подавленные, тихо перешептываясь. Один только профессор не растерялся. Он яростно смотрел на топку, словно тигр, который должен вступить в единоборство с буйволом.

— Вычистить топку! — скорее прохрипел, чем произнес он.

— Уже вычищена, профессор. Пепел и шлак из-под топки высыпается через отверстия в подземную галерею, а от туда поток воды под большим напором выносит все в озеро.

— Вычистить, немедленно вычистить! Выдуйте из топки все до последней крупинки! — почти истерически закричал упрямый профессор.

Немедленно были пущены в ход огромные вентиляторы. Сильная струя воздуха, способная, казалось, переворачивать скалы, со свистом ворвалась в топку. Одновременно были открыты выходные отверстия.

В топке что-то дико завывало, и в тот же миг все присутствующие вскрикнули в испуге. Им показалось, что солнце вырвалось из воронки и сломя голову хлынуло в подземную галерею. Вслед за тем над отверстиями галереи поднялись густые клубы пара. Зато котел словно вздохнул с облегчением, как человек, сбросивший непосильную ношу.

— Ну, кажется, пронесло, — вздохнул облегченно инженер, вытирая лба. — Все кончилось хорошо.

Но профессор Знаменский, казалось, не склонен был разделять мнение инженера. Неспешно протер он очки своим скомканным платочком, и с несвойственной ему задумчивостью проговорил:

— Вы думаете — кончилось? По моему мнению, все только начинается.

ВЕСНА В ЯНВАРЕ

В выходной день, как всегда, полковник поехал за город на охоту. Готовя возле письменного стола конспект очередного доклада, Клавдия Михайловна невольно прислушивалась к интересному разговору в соседней комнате.

— Вот что, дядя Сережа, — слышен был тонкий мальчишеский голос, — вы меня не убеждайте, я вас где-то видел. Честное пионерское!

В ответ послышался густой, сдержанный бас:

— Не может быть, Вова. Последние тридцать пять лет, не выезжая, я прожил на Камчатке. Ты, наверное, ошибся.

Но Вова не унимался. Теперь парень требовал рассказать ему о Камчатке. Бугров долго и подробно рассказывал про этот чудесный край, к которому он привык и полюбил его за долгие годы пребывания там.

— Ты бы, Вова, приехал когда-нибудь ко мне. Обязательно приезжай. Увидишь много интересного.

— Можно будет, — охотно согласился Вова.

Клавдия Михайловна не могла сдержать улыбки, слушая разговор новых друзей, и не сразу сняла трубку телефона, который уже несколько раз настойчиво подавал сигналы.

Клавдия Михайловна — человек с большим самообладанием, но то, что она услышала в трубку, заставило ее немного побледнеть.

Когда она вышла в соседнюю комнату, Бугров по выражению ее лица сразу понял все. Он медленно встал из дивана, как человек, готовый к всевозможным неожиданностям.

— Едем, — коротко бросила Клавдия Михайловна, на ходу надевая теплые ботинки.

— Где? — глухо и необыкновенно тихо спросил Бугров.

— Вязовое. Шестьдесят километров по шоссе. Электростанция.

Не дожидаясь специального приглашения, Вова уже звенел коньками и надевал свою фуфайку и шапочку со смешной пуговицей.

— А... Вязовое. Знаю, знаю... — отметил он. — Там замечательное озеро. Вот где можно показать себя настоящему спортсмену.

Но Клавдия Михайловна сразу прохолодила его:

— Коньки там лишние, Вова. В Вязовом теперь... весна.

Вова от удивления аж рот разинул. Столько необычных вещей пришлось ему увидеть и услышать в этот день.

Еще задолго до Вязового, как только машина вырвалась из густого соснового бора, увидели путешественники темное свинцовое облако, клубившееся на горизонте, иногда освещаясь яркой молнией. Короткие раскаты грома раздавались чуть позже.

— Раз звук проходит за секунду примерно 320 м, а свет распространяется почти моментально, то до места происшествия не менее 15 км, — громко рассуждала Клавдия Михайловна.

Проехали еще немного; дальше вся местность была окутана холодным седым туманом. Шофер осторожно нажимал на тормоза, то и дело подавая сиреной тревожные сигналы.

В воздухе заметно потеплело. Пошел мелкий дождик, который вскоре превратился в короткий ливень. Где-то совсем низко в облаках опять сверкнуло, и тотчасже прогремел гром.

Не прошло и двух минут, как дождь перестал, туман сменился легкой, почти прозрачной дымкой. Сквозь нее тускло просвечивало низкое зимнее солнце.

За крутым поворотом завиднелись очертания большого строения с трубами. Это была электростанция; за ней зеркалом блестело озеро. Было совсем тепло, почти жарко. Выходя из машин, путники оставили в ней теплую одежду.

Скуйовджена постать блуждала понад берегом.

Первое, что бросилось им в глаза, была взъерошенная фигура, бродившая по берегу. В этой фигуре без шапки, в несуразно длинной, чуть не до земли, шубе, с нерасчесанными седыми волосами, едва ли можно было узнать профессора Знаменского. Увидев прибывших, он, путаясь в полах, быстро подбежал к ним, и с полубезумным смехом крепко схватил Клавдию Михайловну за плечо:

— Что вы скажете, коллега? Биллионы калорий — на воздух! Разве это не расточительство? А? Как? Ха-ха-ха!..

И он, спотыкаясь и хромая, поковылял дальше. Пот градом катился с его лица.

В это время со стороны озера послышался какой-то удивительный звук, и все увидели, что поверхность воды вдруг будто начала дымиться, большие пузыри с бульканьем поднимались из таинственных глубин и лопались, выпуская клубы пара. Очевидно, вода в озере закипала. Ища спасения, рыба выбрасывалась из воды. Теперь весь низкий берег был усеян мертвой рыбой.

Молодая травка кое-где уже зеленела на склонах. Вдоль ложбинок с журчанием мутными ручейками стекала вода от остатков растаявшего снега.

Почти на глазах у людей на деревьях раскрывались почки и разворачивалось кистями пахучие липкие листья. Неожиданно разбуженные насекомые роями носились в воздухе, пчелы душераздирающе жужжали в зазеленевших кустах.

Со стороны озера снова послышался шум. Вода в озере уже бурлила и кипела, словно в котле. Уровень воды заметно снижался. Уровень ее быстро отступал от берегов, обнажались песчаные отмели, затянутые илом, усеянные мертвой рыбой. Зеленоватый мерцающий свет шел из глубины озера.

— Пойдемте, — спокойно сказала Клавдия Михайловна, слегка дернув Бугрова за рукав, — нам надо отдохнуть. Кто знает, какие еще неожиданности нас ждут.

Бугров ничего не ответил; даже не пошевелился. За все время он не произнес ни слова, выражение боли застыло на

его лице. Казалось, что этот человек был подавлен всем, что происходило сейчас на его глазах по его же собственной вине. Устало проведя рукой по глазам, он почувствовал, что вдруг его охватило неведомое ему состояние апатии, ослабленности и слабости. Послушно, будто маленький, горбясь и неровно ступая, он шел за Клавдией Михайловной к низким зданиям, живописно раскинувшимся по склонам холма.

ГИБЕЛЬ НЕОЖИДАННОГО ГОСТЯ

Передохнув, Бугров вернулся к озеру. Шум и грохот с каждым разом крепили. То, что раньше было озером, стало теперь глубокой впадиной с пепельным, потрескавшимся от жара дном. Внутри впадины образовалось нечто подобное небольшому кратеру, и оттуда комками вылетали пепел и дымящая грязь. Клубы сизого дыма, перемешанные с паром, иногда сверкали каким—то странным зеленоватым светом, шедшим из глубины.

Вокруг стояли мрачные мертвые деревья, черные, с поникшими, обгоревшими листьями. Пересохшая трава слабо дымилась по склонам.

Между деревьями, брошенный и ненужный, стоял киноаппарат на треноге. Тут же, прижавшись плечами к сучковатому пню, крепко спал оператор. Его клетчатое пальто, расстеленное на земле, уже немного подгорело. Оглянувшись, увидел Бугров еще несколько групп людей, которые заснули в разных позах, в которых застал их снотворный газ. И над всей местностью, казалось, царил душный и пряный цветочный аромат.

Острая до боли мысль пронизывала сознание Бугрова. Он сразу все понял. Жизнь этих людей в опасности, их постепенно отравляет какой-то неизвестный снотворный газ. И во всем виноват он, Бугров.

Огромным усилием воли он вышел из оцепенения. Чувствуя необыкновенный прилив энергии, он посмотрел вокруг, будто ища спасения. Невольно взглянул на небо, не

будет ли дождя. Но ясное зимнее небо сияло бледно и ласково, и только мутные испарения кратера клубились вверх грязноватой тучкой.

Но неужели это озеро не соединенно с каким-либо другим водоемом? Задышавшись, Бугров бросился вдоль пустынной кручи. Ноги скользили по тлеющей траве, сознание туманилось от острого, дурманящего запаха, который, казалось, проникал в самую глубину легких.

Конечно же! Как он забыл! Ведь возле самого дома электростанции он, еще при въезде, заметил плотину, сдерживавшую напор воды смежного водоема.

Бугров схватил обломок стальной трубы, что лежал здесь, и с нечеловеческой силой ударил им в железобетонный затвор плотины. Но крепкий затвор, рассыпая снопом ярких искр, не поддавался. Неожиданно из-за плотины вышел человек. На нем — противогаз, на петлицах серой шинели — лейтенантские квадратики.

За ним шла группа людей в шинелях и противогазах.

— Что вы тут занимаетесь самодеятельностью, гражданин? — поинтересовался лейтенант, рассматривая Бугрова сквозь стекла противогаза. — И труба эта совсем ненужная.

Пролунав вибух, і слідом за ним вода ринула в долину.

Все это кустарщина. Мы сейчас взорвем плотину по всем правилам военной техники.

Бугров ничего не ответил. Его начал охватывать сон. Смутно услышал он слова лейтенанта:

— Надели бы вы противогаз, гражданин. Смотрите, вас сон сморит.

— Я за себя не беспокоюсь, — еле произнес Бугров. — Но там люди... Они могут погибнуть.

— Не волнуйтесь, гражданин. Газ совсем безвреден, — это мы определили точно. Он только вызывает сонливость. Ну, теперь начинаем...

И, по команде лейтенанта, Бугров вместе со всеми бойцами бросился под откос. Вскоре прогремел глухой взрыв. Вслед за ним послышался тихий плеск воды.

— Пошла водичка, — послышался спокойный голос лейтенанта. — Теперь конец всем чудесам.

Действительно, вода, расчищая путь, с грозным ревом хлынула в долину. Вот она достигла кратера и с гулом падала туда, но в тот же миг высоким столбом пара вырывалась обратно. Однако, столкновение стихий длилась недолго. Все больше воды втекало в долину. И за несколько минут исчезнувшее озеро на глазах начало наполняться мутной водой.

В воздухе заметно похолодало. Дурманивший аромат со всем исчез. Люди просыпались и, дрожа от холода, начали спешно натягивать свои пальто. Кинооператор уже старательно крутил ручку своего аппарата, но на лице его были тоска и досада.

Бугров поспешил в село. Не успел он выйти из леса, как навстречу ему показалась знакомая машина. Клавдия Михайловна приветливо улыбалась из-за зеркального стекла, рядом с ней смешно строил рожицы находчивый парень в вязаной шапочке с пуговицей. В воздухе похолодало. Когда наши путешественники проезжали мимо озера, на его поверхности уже гуляли буйные волны, и ледяной ветер засыпал мертвые берега первым морозным снегом. На берегу маячила одинокая фигура, в которой можно было узнать

профессора Знаменского. Рядом, ожидая, стояла машина, но профессор, казалось, не спешил расставаться с чудесным озером. Вдруг поднялся ветер, началась метель, и в ней ментально исчезла фигура.

* * *

Как прекрасна Красная площадь в Москве поздним зимним вечером! На фоне древней зубчатой стены, немного припыленной инеем, блестят гладко отшлифованные грани мавзолея. Пять букв воспроизводят имя вождя, их четко видно даже в этот туманный вечер. Тело вождя бережно охраняют молчаливые бойцы, сменяясь в назначенное время. За стенами белеет ярко освещенное массивное здание, над круглым куполом которого в луче прожектора развевается красный флаг. А по эту сторону стены по безлюдной и тихой в этот поздний час площади, кажется, блуждают исторические призраки.

Мелодичный звон курантов прозвучал с высоты Спасской башни и мягко утонул где-то высоко, над рубиновой звездой, что горела на шпиле. Десять часов. Пора собираться на вокзал. Сергей Бугров последний раз обвел глазами площадь, будто хотел навсегда сохранить в своей памяти ее неповторимое величие.

Спустившись в метро, через несколько минут Бугров прибыл к площади трех вокзалов. Отсюда ежедневно, в точно назначенное время, отходят поезда до самых берегов Тихого океана.

На шумном перроне полковник Кобзаренко и Клавдия Михайловна уже ждали Бугрова, чтобы в последний раз пожать ему руку. На память о встрече полковник подарил Бугрову зажигалку, хитро сделанную из винтовочного патрона. Не так давно полковник был умелым слесарем, и теперь на досуге его часто тянуло к привычному станку.

Клавдия Михайловна преподнесла свой последний печатный труд и, смутившись, сказала:

— Вот здесь Вова передал вам картинку. Собственно-ручное произведение. Мы решили не брать бедного мальчи-

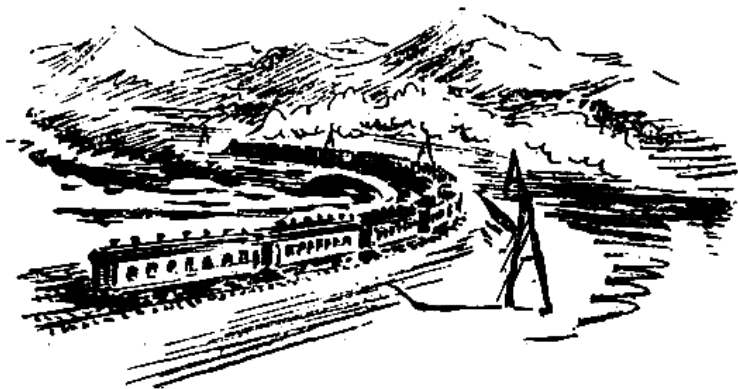
ка и оставили его спать. Он очень разволновался бы, прощаясь с вами.

Бугров медленно раскрыл книгу. В ней, действительно, лежала ярко раскрашенная картинка. На картинке со всем усердием примерного первоклассника нарисован бородастый мужчина с широкой грудью. Мужчина стоял на вершине какой-то неправдоподобной скалы. О ее подножие бились лохматые волны, наподобие клочков шерсти. Под рисунком подпись: «Дядя Сережа с вершины сопки осматривает океан».

Теплое чувство вспыхнуло в душе старого человека, стоявшего в это позднее время на перроне, ожидая отхода поезда. Маленькая тайна связала его теперь с этим мальчиком, и он осторожно повезет ее с собой к берегам далекой Камчатки. Она будет служить ему оправданием перед самим собой в потере обломка неизвестного камня, который случайно упал на Землю из мирового пространства, гость издалека. Бугров встрепнулся и, прощаясь, сказал супругам Кобзаренко:

— Ничего... Есть еще и на нашей земле много нераскрытых сокровищ. Еще мы и здесь поработаем.

Дальневосточный экспресс отошел в точно назначенное время. Впереди ждали его возвращения сказочно богатые Уральские горы, ледяное дыхание сибирских просторов и несмолкающий грохот далекого бурного океана.

А. Р. ПАЛЕЙ

ОПАСНАЯ МАШИНА

Фантастическая юмореска

Журнал «Крокодил», № 28, 1944 г.

О П А С Н А Я   М А Ш И Н А

Сцена изображает внутренность трамвая. Вагон движется. Тесно. У двери затор. С трудом втискивается высокий худой гражданин в кепке и с портфелем. При этом он нечаянно толкнул приземистую и толстую гражданку с накрашенными губами.

Гражданка (визгливо): — Осторожнее! Куда прёшься! Не дома!

Гражданин (вежливо): — Я не прусь, а иду. В вагон. Толкнул я вас нечаянно.

Гражданка: — Ишь, барин нашелся! Взял портфель и на людей прёт!

Гражданин: — При чём здесь мой портфель?

Гражданка: — Что ж, я для тебя людям на головы полезу? Вагон не резиновый! Места ему мало! Дома с женой привык спорить!

Гражданин вытаскивает из бокового кармана какой-то небольшой, странный на вид аппарат и тронул какую-то пружинку...

Голос из аппарата: Ты чего прешь? Очки нацепила, шляпу надела! Дома с мужем ругайся! По головам, что ли, ходить? Ведьма!

Гражданка: — Плевать я хотела на твою машину! Дурак!

Аппарат: — От дуры слышу! Откуда ты такая взялась?

Все пассажиры и кондуктор громко хохочут.

Гражданка: — А вот я тебе...

Аппарат (перебивая): — Иди, иди, откуда пришла! Хулиганка! Шляпу надела! Губы намазала!

Вагон останавливается.

Кондукторша: — Чистые Пруды!

Гражданин садится на освободившееся место, вынимает газеты и погружается в чтение, продолжая держать в руке аппарат.

Гражданка: — Видала дураков..

Аппарат: — От такой слышу! Шляпу надела! Хулиган-ка, дура!

Гражданка: — Подумаешь...

Аппарат: — Нахалка! Прёшься, как ломовая лошадь!

Гражданка: — Сам!.

Аппарат: — Губы намазала!

Вагон останавливается. Гражданка выскакивает через переднюю площадку.

Кондукторша (вслед ей): — Осторожно! Не остановка!

Аппарат: — Куда прёшься? На копейку не доехала! Шляпу надела!

Гражданин, видя, что неприятель в панике отступил, останавливает машинку и прячет её в карман.

Одни из пассажиров: — Вот это ловко! Что за машинка?

Гражданин: — Обыкновенный аппарат звукозаписи. Зачем же тратить энергию? Я раз навсегда записал на плёнку самые употребительные трамвайные выражения, повторив их подряд по многу раз. Длина плёнки позволяет ей ругаться хоть целый час. Кого хочешь перекричит! Есть отдельные ленты для мужчин и для женщин\

Вагон останавливается.

Кондукторша: — Покровские ворота! Вагон дальше не идёт! Это двадцать третий, а не «А»! Десять раз вам повторять! (Внезапно спохватывается и умолкает, опасливо покосившись на карман, в который гражданин спрятал свой аппарат.)

А. ПАЛЕЙ

Е.А. ПОПОВ

ТАЙНА ОЗЕРА ИССЫК-КУЛЬ

Научно-фантастическая повесть

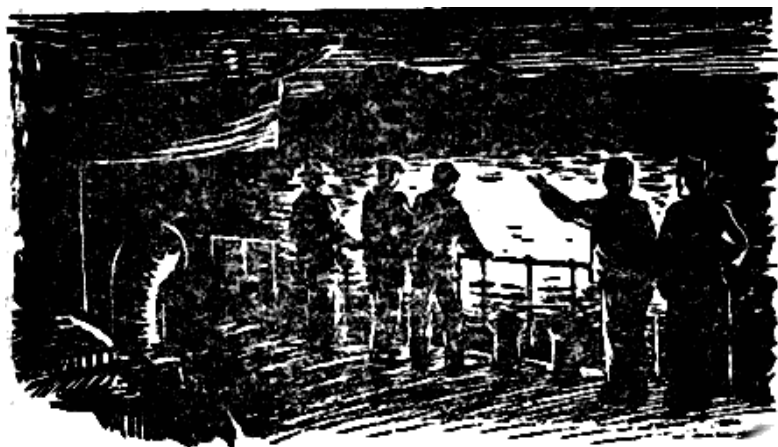
Фрунзе: Киргизгосиздат, 1959 г.

Б.А. Попов

ТАЙНА
ОЗЕРА
ИССЫК-КУЛЬ

ЗАГАДОЧНЫЙ СВЕТ

Грузопассажирский пароход «Киргизия» совершал очередную рейс по озеру Иссык-Куль, направляясь из западного порта Рыбачье в восточный — Пржевальск. Был июньский вечер. Пароход плыл вдоль южного берега высокогорного озера-моря. Впереди простиралась водная гладь.

В этот вечерний час иссык-кульские воды, освещенные лучами заходящего солнца, имели самые разнообразные оттенки. С палубы была видна целая гамма цветов. Прямо за бортом вода голубовато-зеленая, подальше-темно-изумрудная, еще дальше — лиловая, а у горизонта на востоке сверкала такая синь, что стоило мгновение посмотреть в одну точку и перевести взгляд на береговые предметы — все принимало лазурную окраску.

На палубе толпились пассажиры, любясь иссык-кульским пейзажем. Справа высился снежный хребет Терской Ала-тоо. Слева вдаль, словно гирлянда хрустальных кружев в мареве жемчужных облаков, видна цепь вершин Купгей Ала-тоо.

Озеро кажется огромным изумрудом, заключенным в серебряную оправу мощных ледников Тянь-Шаня.

Угасающее солнце сверкнуло в последний раз лучами и исчезло за уланским перевалом. Быстро наступила ночь. Яркие созвездия стали вырисовываться на черно-бархатном небе.

Береговой ветерок, бриз, принес аромат цветов с горных лугов, джайлоо.

Постепенно пассажиры разошлись по каютам. На палубе остался один вахтенный матрос. Пароход был на траверсе мыса Лебединый, когда произошло нечто необыкновенное. Капитан спокойно беседовал со штурманом, внезапно дверь рубки распахнулась, и вахтенный матрос прокричал:

— Капитан! За правым бортом огонь!..

— Что за огонь? — спросил капитан и вышел на палубу. У правого борта столпились матросы, слышались удивленные восклицания боцмана. Привлеченные шумом, из кают выбегали пассажиры. Капитан посмотрел и изумленно замер. За бортом справа вода Иссык-Куля светилась. Было заметно, что свет исходит из глубины озера. Матросы и пассажиры свесились за борт и устремили взоры в светящуюся глубину. Зеленоватая бездна фантастической картиной разверзлась под ними. Каждому вспоминались многочисленные легенды об Иссык-Куле.

Пристально вглядываясь, люди, казалось, угадывали какие-то смутные очертания темного продолговатого силуэта и древних причудливых храмов таинственного города, окутанного зеленоватым туманом. Вот пронеслась быстро стая рыб. А вот чудятся густые заросли необыкновенных водорослей...

Внезапно свет померк, словно выключили освещавший глубину прожектор.

Все заговорили, посыпались восклицания, выразившие удивление, восхищение, слышались догадки.

— Что вы на это скажете? — спросил капитан штурмана. Тот пожал плечами и ничего не ответил.

— Будет, видимо, сильный шторм, — высказал предположение боцман, не любивший никаких неясностей.

— Странно, очень странно, — проговорил капитан. От группы пассажиров отделился высокий мужчина и подошел к морякам. Это был молодой человек. Сдержанная улыбка оживляла несколько неподвижные черты его слегка скуластого лица. Быстрый взгляд внимательных глаз выдавал живость характера.

— Простите, капитан, не будете ли вы любезны объяснить, что означает виденное нами явление. — Молодой человек указал на воды Иссык-Куля.

— К сожалению, не могу, — ответил капитан. — Я плаваю двадцать лет на Иссык-Куле, слышал и видел много, но это встречаю впервые. Надо обдумать... Кое-какие предположения у меня есть, но нужно их уточнить в Пржевальске.

— Следовательно, мне не дожидаться объяснения: я схожу в ближайшей бухте, — улыбнулся молодой человек.

Вскоре пассажиры успокоились и разошлись по своим местам. Палуба опустела. И только высокий молодой человек всматривался за борт, в темные глубины Иссык-Куля и восклицал:

— Таинственный свет, опять этот таинственный свет.

Около полуночи пароход вошел в бухту Тон, пришвартовался у причала. С парохода на берег сошел только один пассажир. Он бодро направился к поселку, и его высокая фигура несколько минут была еще видна с капитанского мостика.

— Кто этот человек? — спросил капитан.

— Сангар Бакиров, журналист, автор книги «Легенды Иссык-Куля», — ответил штурман.

ЖУРНАЛИСТ САНГАР БАКИРОВ

Работая по специальности врачом-терапевтом, я стал увлекаться изучением курортологии — науки о курортах, — в частности, лечебниц, использующих горячие минеральные источники. В изучении минеральных источников Киргизии я достиг некоторого успеха, и мне было поручено институ-

том исследовать ряд малоизвестных горячих источников Иссык-Кульской области с целью практического освоения их для лечебных нужд.

Местом моей работы в этом году был небольшой поселок Тон, на южном берегу Иссык-Куля.

В тот вечер я засиделся в своей рабочей комнате допоздна, так как нужно было закончить обработку накопившегося материала.

Внезапно в темном квадрате открытой двери появился человек. Я тотчас узнал его. Это был мой лучший товарищ Сангар Бакиров.

— Приветствую вас, доктор Очевидцев! — шутливо воскликнул он, ставя дорожный саквояж на стол.

— Я ведь проездом, — добавил он после рукопожатия.

— Извини, что так поздно, только что с парохода. По одному делу.

— Минуту, — сказал я. — Давай приготовим ужин, а после дело.

Когда был приготовлен чай, мы возобновили беседу.

— Со мной только что случилось небольшое происшествие, — сказал журналист. И Сангар Бакиров увлекательно рассказал о загадочном свете, виденном на Иссык-Куле с парохода «Киргизия».

Рассказ меня заинтересовал.

— Что могло быть? — спросил я.

Не отвечая на мой вопрос, Сангар достал из саквояжа розовый конверт и подал его мне. Я извлек из него небольшое письмо и прочел:

«Уважаемый товарищ Бакиров! Мы, отдыхающие курорта Кой-Сары, с удовольствием прочитали вашу интересную книгу «Легенды Иссык-Куля». Мы полюбили это замечательное озеро, нам были интересны древние сказания и народные предания об Иссык-Куле. Видимо, вы также любите и хорошо знаете Иссык-Куль. Разрешите обратиться к вам с вопросом: мы узнали об одном очень любопытном явлении, о котором ничего не сказано в вашем сборнике легенд.

На Иссык-Куле, в нескольких километрах от Кой-Сары, а также и других пунктах, после заката солнца рыбаки встречали необыкновенное явление.

Подводные глубины озера начинали светиться. Световое излучение возникало внезапно в виде голубоватого нимба. Таинственный свет был равномерно рассеянный, не яркий, как бы мертвый. Продолжительность его сияния незначительная, всего несколько минут.

Этот свет удивляет местных рыбаков и окрестных жителей, особенно вызывает недоумение у людей, знакомых с законами физики и химии, так как данное явление нам трудно объяснить с позиций научного естествознания.

Если вы найдете возможным, просим сообщить нам причину данного явления.

Группа отдыхающих».

— Очень интересно! — воскликнул я.

— Да, — сказал журналист, — но я также не могу подобрать объяснения этому явлению. Когда я издавал книгу «Легенды Иссык-Куля», мне казалось, что я знаю все об этом озере. Я ведь сам уроженец Иссык-Куля и люблю киргизское море. Я тщательно собирал легенды и занимательные истории, побывал во многих юртах чабанов, у рыбацких костров, в палатках геологических экспедиций. Но никогда не слышал об истории с загадочным светом.

И пока Сангар Бакиров говорил это, я взял с этажерки небольшую книжку в сером переплете, с голубым силуэтом гор на обложке. Это и были «Легенды Иссык-Куля».

— Действительно, — сказал я, задумчиво листая хорошо знакомую книжку, — ни в одной из историй об Иссык-Куле не упоминается об этом явлении.

— Что это? — спросил Бакиров, увидев страницу книги, жирно подчеркнутую красным карандашом.

— Это отмеченные мною легенды об Иссык-Кульском минеральном источнике, который в древности назывался «Источник живой воды». Эти легенды мной использованы при изучении существующих минеральных ключей.

— Неужели в научных трудах что-либо значат древние сказания? — удивился журналист.

— Да, я считаю, что значат. Ведь основанием всякой легенды служат какие-то географические, исторические или физические явления и события, которые коллективное народное воображение переделывало, приукрашивало, преувеличивало при передаче из поколения в поколение и искажало тем самым действительный смысл. При изучении минеральных источников я вспомнил несколько легенд, в которых говорилось об одном и том же — великом источнике живой воды, излечивающем ото всех болезней, которым якобы пользовались люди в древности.

Но во всех легендах говорится, что источник этот исчез. По одним сказаниям в результате того, что злые духи отобрали у людей его себе. По другим — злой хан засыпал его камнями. В остальных вариантах рассказывается, что источник сам ушел глубоко в землю во время землетрясения.

Возможно, большой горячий минеральный поток когда-то действительно выходил на поверхность Иссык-Кульской долины, но вследствие геологических сдвигов земной поверхности древний основной выход источника закрылся, а осталось множество небольших горячих ключей, самыми крупными из которых являются Ак-Су и Джеты-Огуз. На них ныне работают бальнеологические курорты... Но возможно, что и сейчас основной источник все-таки имеет выход.

— Где? — спросил Сангар Бакиров.

— На дне Иссык-Куля, — ответил я. — Недалеко от берега.

— Смелая гипотеза.

— Но эта гипотеза основана не на одних легендах, — продолжал я. — При точнейшем исследовании химического состава минеральных вод источников было установлено наличие солей, некоторых редкоземельных элементов, которых нет в воде обычных рек, стекающих с окрестных гор в Иссык-Куль. Но эти же соли в незначительном количе-

стве, вернее, следы этих солей, находятся в иссык-кульской воде.

— Так-так, — произнес Бакиров, — а не содержится ли фосфор в минеральной воде иссык-кульских источников?

— Содержится, — ответил я, не зная, куда клонит журналист.

— Может быть, в этом и вся разгадка, — продолжал Бакиров. — Соединения фосфора, как известно из химии, могут частично восстановиться под действием света солнечных лучей, а ночью в темноте, окисляясь кислородом воздуха, дать фосфоресцирующее свечение, то самое, которое мы видели на озере Иссык-Куль.

Я объяснил журналисту, что соли фосфора в воде не способны вызвать какое-либо свечение, тем более в таком виде и размерах.

— Кроме того, — заключил я, — большой минеральный источник на дне Иссык-Куля — это всего лишь гипотеза, которую нужно подтвердить.

— Иссык-Куль — озеро загадок, — в конце концов сказал Бакиров. — Все может быть.

— Во всем этом нам помогут разобраться более опытные специалисты, — сказал я.

— Кто эти специалисты?

— Неподалеку от нашего поселка в Золотой Бухте работает физико-географическая экспедиция. Я лично хорошо знаком с руководителем этой экспедиции, профессором Северовым. Он на днях приглашал меня посетить экспедицию.

— Ты знаком с Северовым?

— Да, а что?

— Я должен быть у Северова. Я направляюсь в распоряжение его экспедиции как журналист, чтобы получить интервью о результатах работ, которые, по отзыву различных ученых, очень интересны. Итак, мы едем к нему вместе.

— При одном условии: не раньше, как я закончу обработку своего научного материала.

— Решено! — энергично сказал Сангар Бакиров.

ШТОРМ

В субботу утром я и Сангар Бакиров на легком четырех-местном катере местной водной станции отплыли в Золотую Бухту, где находилась база экспедиции профессора Северова. Пока наш катер, представляющий полускользкий глиссер, быстро резал иссык-кульские волны, я вспомнил рассказы о Золотой Бухте. В книге Бакирова «Легенды Иссык-Куля» так описывается эта бухта. В конце XIX века первые украинские переселенцы, вступившие на южное побережье Иссык-Куля, в одном из заливов озера при ловле рыбы обнаружили невиданных по величине сазанов. Когда стали разделять рыбу, то во внутренности рыб нашли крупинки чистого золота. С тех пор эта бухта стала называться Золотой.

Эта легенда в сказочной форме, видимо, говорит о рыбных богатствах Иссык-Куля. Но о том, насколько богаты заливы Иссык-Куля рыбой, говорят не только легенды, но и действительные факты. Летом 1857 года выдающийся русский географ Петр Петрович Семенов-Тянь-Шанский, первый из путешественников проникший на берег Иссык-Куля, остановился со своей экспедицией на привал в бухте Кызыл-Су. Бухта оказалась необычайно богата рыбой.

Огромные сазаны, путаясь в густых прибрежных зарослях водных растений, поблескивая золотистой чешуёй, плескались в воде. Казаки, сопровождавшие ученого, придумали необыкновенный способ рыбной ловли: они, раздевшись, бродили по воде и рубили саблями запутавшихся в водорослях сазанов. Улов, по свидетельству ученого, оказался очень обильным.

Мои размышления прервались...

Внезапно Сангар Бакиров приподнялся с дивана заднего кокпита (я сидел впереди за штурвалом) и положил мне руку на плечо.

— Надо торопиться! — прокричал он сквозь шум мотора и показал на потемневшее небо.

Действительно, погода угрожающе менялась. Ветер дул навстречу нам с востока, но рваные облака в вышине быстро неслись с запада, в противоположном направлении, с запада на восток. Это были предвестники бури. Буря на Иссык-Куле опасна. Иногда неожиданный шквал налетает на судно, и плохо приходится тем, кто не успевает спрятаться в прибрежной бухте. Временами на озере свирепствуют настоящие многодневные штормы. Я это прекрасно знал и повел катер на максимальной скорости. Но мы опоздали. Ветер на некоторое время стих, и после короткого штиля, над озером разразилась буря.

Восточный Сан-Таш и западный Улан — два иссык-кульских ветра с ревом налетали друг на друга.

Недаром старинная легенда повествует так... В древние, древние времена, когда люди были великанами, два страшных и злых богатыря из соседних племен полюбили девушку-красавицу.

Когда богатыри узнали, что любят одну и ту же девушку, они поссорились и вызвали друг друга на поединок. В долине закипел бой. Весть об этом облетела окрестных жителей. И вот люди-великаны каждого племени закричали: «Защитим своего богатыря!» И двинулись друг на друга. А девушка — это была мудрая и отважная красавица, — увидев, что племена готовы сразиться, воскликнула: «Люди! Остановитесь, не допускайте кровопролития...» Но два полчища неотвратимо шли друг на друга и вот уже вышли в долину и выстроились двумя рядами друг против друга, в этой долине, где дрались Улан и Сан-Таш.

— Остановитесь! — закричала девушка в отчаянии. И видя, что ее никто не слушает и что вот-вот произойдет страшная битва, девушка выхватила нож и ударила себя в сердце... Солнце потемнело... Земля зашаталась... Раздался гром, и в долине, где упала девушка на землю, образовалось глубокое озеро, которое разделило враждующих людей. Люди-великаны так были поражены, что окаменели от изумления и ужаса. Да так и стоят до сих пор в виде седых горных вершин. А злобные Улан и Сан-Таш, хотя и превра-

тились в тени, продолжают биться, временами налетая друг другу навстречу, и тогда возникает буря. Так говорит легенда...

Признаться, нам с журналистом было не до легенд в ту минуту. Черно-синие волны с белыми гребнями заливали наш катер. И в довершение несчастья отказал мотор. Напрасно я рвал на себя магнето зажигания. Наш полускользящий глассер типа «шарпи» был мертв. Ударила волна, и суденышко, ставшее беспомощной скорлупой в руках разъяренной стихии, взлетело вверх. Шпангоуты и стрингера катера жалобно заскрипели.

— Мы погибли! — вырвалось у журналиста. В этот критический момент справа в волнах показался черный нос большого катера.

— На помощь! — закричали мы, махая руками. С катера нас заметили. Катер развернулся и осторожно стал приближаться к нам. Это был настоящий морской катер, способный выдержать иссык-кульский ураган. На палубе его, держась за поручни, стоял человек в блестящем плаще и что-то кричал нам.

Несмотря на ветер и волны, мы по брошенному незнакомцем трапу быстро перебрались на этот катер. Наше суденышко было взято на буксир.

Человек на палубе, когда я его рассмотрел, к моему изумлению, оказался профессором Северовым.

Через минуту, укрывшись в крохотной каюте, мы выжимали насквозь промокшую одежду, а Северов бодро нас отчитывал:

— Разве мыслимо на таком челне с мотоциклетным мотором, как ваш, пускаться в плавание в непогоду! Плохой вы моряк, доктор Очевидцев! Как же вы перед выходом не посмотрели на барометр, предвещавший бурю. Ведь Иссык-Куль — море. Посмотрите: бушует настоящий шторм!

И он весело рассмеялся, когда очередная волна окатила палубу, и брызги залетели в каюту.

— Подождите, вы-то сами как решились пуститься в плавание в такой ураган? — спросил я.

— Во-первых, у нас отличный катер, во-вторых, я прирожденный моряк, а в-третьих, вышел спасать вас.

— Меня?!

— Да... я недавно позвонил по телефону к вам в поселок. Мне ответили, что вы только что направились на катере в Золотую Бухту ко мне. Зная вашу беспечность и неопытность в морских делах, я поспешил навстречу и, как видите, вовремя.

Крепко сложенный, хотя и пожилой, профессор, в плаще и морской фуражке с широким загорелым лицом, по выправке и манерам выглядел настоящим морским капитаном. Шторм, видимо, забавлял его.

Пока мы приводили свои костюмы в порядок, показалась песчаная коса, и катер благополучно проскочил в спокойные воды Золотой Бухты, укрытой с востока и запада от ветра высокими дюнами. У причалов стояли буксирный пароход и несколько катеров. Наш катер причалил, и мы сошли на землю.

На низком каменистом берегу, поросшем тамариском и колючим джерганакom, стояло несколько сборно-щитовых домиков и палаток. Это была база экспедиции.

Тут я вспомнил, что еще не представил Сангара Бакирова профессору... После знакомства Северов сообщил:

— Сейчас на отдых, а затем прошу ко мне в кабинет. У меня к вам есть просьба.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПРОФЕССОРА СЕВЕРОВА

Кабинет профессора Северова представлял собой обширную комнату, увешанную по стенам картами и таблицами. В углах комнаты находились шкафы, заполненные книгами, середину комнаты занимал длинный стол, уставленный различными приборами.

Северов, увидя нас, поднялся с раскладного кресла и пригласил сесть к столу.

Беседа для нас началась несколько в неожиданном направлении. Северов склонил свою большую голову с се-

дыми вьющимися волосами над кипой книг и извлек одну с хорошо знакомым серым переплетом. Это были «Легенды» Сангара Бакирова.

— Здесь одна история заинтересовала меня, так как некогда была предметом научного исследования, — сказал он.

Я прочел несколько строк на раскрытой профессором странице.

Северов говорил о легенде, которая возникла в начале XX века, она быстро распространилась среди жителей Прииссык-куля и Семиречья после сильного землетрясения в 1911 году, разрушившего старый город Верный. Согласно этой версии от землетрясения образовалась огромная тысячекилометровая подземная расселина, соединившая, будто бы высокогорный Иссык-Куль с равнинным озером Балхаш в Казахстане, и вследствие этого воды Иссык-Куля хлынули в Балхаш.

Эти рассказы подтверждались теми фактами, что в Балхаше внезапно появилась в большом количестве рыба сазан, ранее не водившаяся в озере. Рыбаки как будто стали замечать, что в Иссык-Куле количество сазана, наоборот, уменьшилось. Кроме того, заметили, что уровень воды в Балхаше поднялся, а в Иссык-Куле стали обнажаться берега. Эти факты, казалось, были настолько очевидны, что за разъяснение вопроса взялась наука.

— Так вот, — продолжал Северов, — мне кажется, надо было бы дать больше научного объяснения причинам, породившим эту легенду.

Рыба сазан, которая раньше не водилась в Балхаше, действительно сейчас имеет там промысловое значение, но не потому, что он попал из Иссык-Куля. Никакого подземного канала, связывающего два эти озера, разумеется, нет. Появление в Балхаше сазана вызвано тем, что во время сильных дождей образовался большой грязекаменный поток в Зайилийском Алатау, достигший реки Или. Ряд прудов, находившихся на пути селевого потока, были затоплены, и сазан, обычная рыба для среднеазиатских водоемов, попал вначале в реку Или, а затем с его водами в озеро Балхаш. В

Балхаше для сазана оказались благоприятные условия, и он стал быстро размножаться. Я это говорю к тому, — продолжал Северов, — что, несмотря на обилие легенд, представляющих определенный интерес, Иссык-Куль недостаточно изучен. Возьмем, например, основное предание о затопленных водами Иссык-Куля древних богатых городах Сиккуль, Яр, Барсхон. Эти предания имеют в основе исторические факты.

Стоит только посмотреть на дно озера у берегов Тур-Айгыра или у устья реки Тон, как уже на небольшой глубине можно увидеть обширные подводные развалины каменных строений. А у Кой-Сары во время шторма волны выкидывают даже черепки посуды, древнюю утварь и кости.

Не случайно Иссык-Куль издавна известен народам Востока. Китайцы знали его под названием Жехай — теплое море; монголы именуют его Тумурту-Нур — железное озеро.

Все это говорит о том, что котловина Иссык-Куля имела широкие торговые связи с древними странами Азии и играла большую роль в истории Семиречья.

Мне думается, наши исследователи помогут окончательно узнать историю Иссык-Куля и раскроют его тайну... Почему я говорю «тайну»?... Нам уже теперь кажется, что мы должны найти неизвестные еще науке факты, которые увяжут все загадки Иссык-Куля, волнующие ученых.

Сангар Бакиров слегка толкнул меня локтем и перебил профессора:

— Скажите, пожалуйста, Владимир Петрович, вам не приходилось сталкиваться с одним необычным явлением на Иссык-Куле?..

— А именно?..

— С загадочным светом иссык-кульских глубин.

Не успел профессор ответить, как журналист вынул розовый конверт с письмом отдыхающих Кой-Сары и подал Северову. Северов извлек из конверта письмо. Взгляд его серых глаз быстро пробежал по строчкам. На высоком лбу

слегка собрались морщинки. Он нахмурился, затем улыбнулся.

— Я сам был свидетелем этого явления, — сказал то-ропливо журналист, думая, что профессор не особенно верит письму.

В это время дверь кабинета открылась, и вошел черно-волосый молодой человек. Левая рука его была забинтована гипсовым бинтом и в полусогнутом положении висела на марлевой повязке.

У молодого человека было бледное продолговатое лицо и прищуренные карие глаза.

— Инженер Рубинин, — представил нам его профессор.

— Виктор Николаевич, прочтите, — сказал профессор, передавая инженеру письмо. Инженер внимательно прочитал и пожал плечами.

В это время Северов медленно поднялся и, привлекая наше внимание жестом, указал на середину стола, где стояла продолговатая металлическая модель какого-то плавательного аппарата.

Модель напоминала подводную лодку несколько необычных очертаний. Корпус был укорочен, в центральной части резко утолщен, вместо боевой рубки возвышался сферический купол. В носовой части виднелись какие-то специальные приспособления. Вся конструкция аппарата была массивной и производила впечатление большой прочности. Я вспомнил, что видел подобный аппарат в техническом журнале.

— Это батискаф! — воскликнул я.

— Да... Самоходный батискаф, — подтвердил Северов, — созданный советскими конструкторами. Мы назвали его глубоководом.

С этими словами Северов нажал кнопку в подставке модели, и впереди купола на палубе глубоководника засиял луч.

Так вот отчего светились воды Иссык-Куля!

— Луч прожектора!? — воскликнули мы одновременно с Сангаром Бакировым, несколько разочарованные. — Так это и было причиной сияния в воде?

— Не огорчайтесь, — улыбнулся профессор — это чудесный аппарат, с помощью которого мы исследуем геологическое строение дна Иссык-Куля.

Северов указал на носовые выступы глубоногохода.

— Здесь имеется буровая установка, которой можно бурить любую породу на любой глубине озера. Но должен вам сказать, что луч батискафа никакого отношения к наблюдаемому свечению вод Иссык-Куля, видимо, не имеет. Свечение воды замечено ночью, а мы пока работали со своим батискафом только днем.

Профессор подошел к большой карте Иссык-Куля, висевшей на стене. Синяя поверхность озера была исчерчена линиями маршрутов, во многих точках были приколоты красные флажки. Свободным от флажков было пространство иссык-кульской впадины, обозначенной глубиной более 400 метров.

— Флажками отмечены точки, где глубоногоход проводил исследования, — сказал Северов, — работа была напряженной, но нигде мы не обнаружили светящейся глубины.

— Сделали ли вы какие-нибудь новые открытия? — задал вопрос Бакиров, глаза которого загорелись любопытством профессионала-журналиста.

— Да. У нас много интересных данных.

— Как бы я хотел с ними познакомиться, — воскликнул Бакиров.

— Инженер Рубинин может вам дать исчерпывающее интервью.

— Пройдемте в нашу лабораторию, — пригласил Рубинин.

Инженер и Сангар Бакиров вышли из кабинета.

Северов молча прошелся по комнате и остановился возле застекленных стеллажей, двумя рядами тянувшихся вдоль стены.

— Вот здесь геологическая летопись Иссык-Куля, — начал профессор, обдумывая предстоящий разговор, ради которого, видимо, меня и пригласил.

Я подошел ближе.

На стеллажах, как в минералогическом музее, в аккуратных ящичках лежали круглые столбики минералов, в четыре-пять сантиметров величиной, вырезанные буровой трубкой в различных породах и поднятые со дна Иссык-Куля. Здесь были граниты, шпаты, диориты и другие минералы.

— Мы закончили основную работу по изучению геологической структуры Иссык-Кульской впадины, — сообщил Северов. — И среди прочих фактов мы столкнулись с одним явлением, которое прямо касается ваших исследований... Вот здесь, — профессор указал точку на карте, — мы обнаружили слой воды толщиной приблизительно в сто метров, температура которого на десятки градусов выше обычных температур воды этих глубин озера. Кроме того, взятые пробы показали, что вода слегка радиоактивна и по химическому составу почти аналогична минеральным водам иссык-кульского курортного источника Ак-Су. Это подтверждает вашу гипотезу, которую я вполне разделяю... но нам пока не удалось найти самого выхода источника. — Профессор вздохнул, лицо его помрачнело.

— Вы видели инженера Рубинина, он мой помощник, с ним стряслось несчастье. В прошлое воскресенье во время охоты в горах он упал и сломал себе руку. Второй мой помощник, научный сотрудник Бабаш, выехал по срочному заданию: он переброшен в экспедицию, работающую на озере Байкал. Как видите, я остался без помощников. А он мне необходим. Нам нужен сотрудник, знающий бальнеологию и владеющий хорошо лабораторной работой... Я давно присматриваюсь к вам, доктор Очевидцев, и мы решили в своем коллективе предложить вам совместную работу в нашей экспедиции.

Я задохнулся от неожиданной радости. Работать в экспедиции Северова, оснащенной новейшей аппаратурой, искать интересующий меня иссык-кульский минеральный источник! Я думал всего полминуты. Захватывающая перспектива открылась передо мной. Я без колебаний сказал:

— Владимир Петрович, я согласен принять ваше предложение.

— Я так и думал, — улыбнулся Северов, — я даже в принципе договорился с руководством вашего института о переводе вас к нам. Но, — профессор сделал паузу, — вам предстоит серьезно познакомиться кое с чем неизвестным.

Профессор указал на солидно поблескивающую модель батискафа.

— Я согласен на любые условия, — сказал я и мысленно представил себя уже плывущим в чудесном аппарате в таинственных глубинах Иссык-Куля.

ДРЕВНИЙ ГОРОД

Так я стал работать в экспедиции Северова. Я познакомился с лабораторией, материалами исследования экспедиции, усиленно изучал основы подводного дела и устройство батискафа. Я горел желанием пуститься в подводное плавание. И моя мечта осуществилась даже раньше, чем я предполагал.

Однажды во время исследований, которые проводились гидрологами с буксирного парохода экспедиции подводной телевизионной камерой на глубине 400 метров, на дне Иссык-Куля была обнаружена древняя дорога, вымощенная камнем. Дорога эта в обе стороны убегала на большую глубину, и проследить ее под водой телевизионной камерой не было возможности, так как длина троса на этой глубине была предельной.

Эта находка взволновала наш коллектив и, после обсуждения плана дальнейшего исследования, Северов сказал мне:

— Доктор Очевидцев, готовьтесь... Мы с вами отправимся в подводное плавание...

Это знаменательное плавание состоялось 25 июля 1957 года. Странное волнение охватило меня, когда наш автономно управляемый батискаф вышел из Золотой Бухты на простор Иссык-Куля. Мы плыли пока по спокойной в этот день водной глади. Нас сопровождал буксирный пароход экспедиции.

Кабина батискафа-глубинохода представляла собой герметически завинченный полый шар с толстыми стенками из прочной, как сталь, и прозрачной, как стекло, пластмассы.

Из кабины нам было видно, как светит солнце, кружатся в воздухе чайки и сверкают вдаль снежные горы. Через час мы должны были погрузиться в пучину Иссык-Куля.

Одеты мы были в серые свитера, какие одевают водолазы под скафандр. Я по привычке захватил с собой аптечку и чемоданчик с медицинскими инструментами. Лицо профессора было серьезно и несколько торжественно. Мы сидели на диванчике, касаясь локтями друг друга. Профессор не спускал глаз с пульта управления. Наш батискаф был отлично управляемый аппарат. Наблюдая, как Северов настраивает сложную аппаратуру, я вспомнил кое-что из истории подводного плавания.

Уже в XIX веке, помимо обычных подводных лодок, появились аппараты для глубоководных спусков, однако они были несовершенны и не оправдали надежд.

В 1925 году американская океанографическая экспедиция в Средиземном море пыталась исследовать затопленные древние города Карфаген и Позиллипо. Американские дельцы широко использовали эту экспедицию в целях рекламы, сообщая ежедневно в газетах о подводных поисках и о возможности обнаружения баснословных сокровищ, лежащих на дне моря. Но американцам так и не удалось разыскать остатки Карфагена и Позиллипо.

Их аппарат оказался несовременным, и исследователи не сумели достигнуть намеченной глубины.

В 1934 году у Бермудских островов в Атлантическом океане, океанологи Биб и О'Брайтон спустились в стальном сферическом гидростате «Век прогресса» недалеко от острова Нонсэч на глубину 923 метра. Батисфера, в которой опустились Биб и О'Брайтон, была прикреплена стальным тросом к судну «Реди» и могла осуществить только вертикальный спуск и подъем.

В 1953 году бельгийский ученый, профессор Огюст Пиккар сконструировал из сверхпрочной стали новый глу-

боководный аппарат-батискаф, по форме похожей на дирижабль. В своем батискафе Пиккар опустился в Средиземное море на глубину 3150 метров.

За последние годы в разных странах конструируют автономно управляемые, самовсплывающие батискафы для исследования больших глубин, дна морей и океанов.

Самоходный батискаф, или глубоковод, профессора Северова был сконструирован и построен в Советском Союзе. Он мог в течение многих часов совершать вертикальное и горизонтальное подводное плавание. Батискаф имел укороченный стальной корпус, в котором помещались балластные цистерны, специальный отсек для аккумуляторных батарей, от которых питались электромоторы, вращающие гребные винты. При погружении батискафа забортной водой заполнялись балластные цистерны, устроенные как в подводной лодке, а для быстрого всплытия глубоковод освобождался от специального металлического балласта. В носовой части глубоковод имел вертикальные и горизонтальные бурильные установки и другие приборы. Батискаф был оборудован новейшими электромагнитными, электронными, радиолокационными и геофизическими приборами и установками. В сферической кабине находилась кислородная и регенерационная аппаратура.

Батискаф имел мощный прожектор. Находившиеся в батискафе наблюдатели могли в случае опасности простым нажатием кнопки привести в действие аварийный механизм и мгновенно сбросить балласт или же отделить кабину-шар от общей поплавковой системы батискафа и тотчас всплыть на поверхность.

Все эти данные я изучал накануне, и теперь хорошо понимал действия Северова, готовившего аппарат к подводному погружению.

Мы достигли места погружения; на поверхности озера раскачивался буй.

Северов по радио отдал последние распоряжения сопровождавшему нас буксиру, с капитанского мостика тотчас просигналили флажками.

Северов попросил меня следить за кислородными приборами, а сам нажал на рычаг. Глубиноход слегка дрогнул, балластные цистерны наполнились, и мы очутились под водой.

Мне стало на мгновение не по себе; мы погружались в неведомый мир. Видимость тот час резко уменьшилась, вокруг простирались пронизанные солнечными лучами голубые толщи воды. Сила инерции погружения была невелика, батискаф опускался медленно.

Вдруг мимо нашей прозрачной кабины промелькнула стая серебристых рыб. Это были чебаки — эндемичная на Иссык-Куле рыба. Затем проплыли золотистые маринки, знаменитые ядовитой икрой. Показались группами крупные неповоротливые сазаны. На глубине пятидесяти метров мимо нас пронеслись, как торпеды, темные османы. Их сменила стая быстрых пятнистых рыб, мне незнакомых.

— Что это? — недовольно спросил я.

— Севанская форель, — ответил Северов, — завезенная на Иссык-Куль много лет назад, она стала промысловой рыбой.

На глубине ста метров солнечный свет был едва различим... Фиолетовый сумрак окутал наш батискаф. Через мгновение мы были в царстве вечного мрака. В кабине все приборы оказались покрытыми светящимся составом. Множество цифр, стрелок и указателей засияли, как созвездия в ясную ночь.

Профессор нажал кнопку, и яркий луч прожектора разрезал тьму.

Самыми замечательными приборами у нас были одограф, который должен был записывать на карте наш маршрут, и ультразвуковой гидролокатор, на экране которого отражались очертания подводных предметов и рельеф дна.

Мы склонились над голубоватым экраном гидролокатора. Дно приближалось, и вот в луче прожектора показалась ровная поверхность ложа Иссык-Куля, покрытая илом, изпод которого местами выглядывали острые камни.

Северов включил мотор, глубиноход слегка задрожал и плавно двинулся вперед. Вскоре дно пересекла неширокая, правильной формы лента древней дороги. Несомненно, здесь когда-то была суша, и дорогу соорудили люди. Северов направил глубиноход вдоль дороги. Это была примитивная мостовая, сделанная из больших, грубо отесанных гранитных плит. Дорога вела на северо-запад по незначительно понижавшемуся дну.

На экране ультразвукового локатора справа и слева от нашего пути стали вырисовываться странные очертания, похожие на заросли леса.

Северов повернул батискаф к этим зарослям, и мы вскоре действительно увидели подводный лес. Деревья были безжизненные. Стволы и ветви были гладкие, черного цвета, как будто обугленные или окаменелые. На стволах у самой земли я заметил огромные выпуклые наросты округлой или неправильной формы.

— Странные деревья! — воскликнул я, щелкая кинокамерой.

— Это бывший ореховый лес, а эти выступы — ореховые наплывы, ценный материал для изготовления дорогой мебели, — пояснил профессор.

Обследовав незначительную часть этого необыкновенного леса, мы вернулись на подводную мостовую.

Скользя вдоль обочин древней дороги, словно в густом зеленом тумане, луч батискафа иногда выхватывал из мрака полуразвалившиеся сооружения, похожие на азиатские могильники-мазары или каменные, грубо отесанные статуи людей и животных.

Северов в таких случаях замедлял ход батискафа, а я прицеливался кинокамерой и производил съемку. Глубиноход, как живой, был послушен в руках профессора, он то почти касался поверхности дна, то легко взмывал вверх, минуя каменистые глыбы. Мы довольно быстро продвигались вперед. Любуясь тем, как ловко и уверенно Северов владеет управлением, я взглянул на глубиномер. Мы достигли глубины пятисот метров.

— Ого, на нашу кабину давит сила в пятьдесят атмосфер! — воскликнул я изумленно.

— Наш аппарат свободно выдержит давление и в пятьсот атмосфер, — спокойно заметил Северов и одобряюще дотронулся до моего локтя.

— Доктор, — внезапно встрепенулся он: — обратите внимание на локатор.

Я посмотрел на экран и увидел смутные силуэты каких-то строений, занимавших все пространство впереди.

— Мы приближаемся... — с волнением произнес Северов. — Перед нами древний город.

Любопытство первооткрывателя, жажда исследователя, проникающего в неведомое, охватили меня.

Когда Северов перевел батискаф на тихий ход, в полумраке стала вырисовываться каменная стена, окружавшая древний город.

Глубиноход легко проплыл над башнями городских ворот. Луч прожектора осветил первые дома.

Волнение и трепет охватили меня. Я поднял киноаппарат на уровень глаз и прицелился. Северов тоже повесил себе на грудь портативную кинокамеру и дал освещение на полную мощность.

Глубиноход пробирался по одной из улиц города между древними домами и храмами, украшенными изображением драконов и фантастических животных. Некоторые здания сохранились удивительно хорошо. Сооружения были сделаны из камня, песчаника. Богатые храмы были облицованы цветной мозаикой.

Вокруг было пустынно. Только струи от винта батискафа колебали неподвижные слои воды и поднимали со дна древнюю пыль.

Северов, не останавливая, направлял батискаф дальше, вдоль диковинных улиц этого мертвого города.

Пока в целом трудно было судить о размерах города, так как подводное освещение позволяло видеть лишь небольшие участки древнего городища. В огороженных дворах домов попадались большие каменные катки для молотбы

злаковых растений, гранитные жернова и огромные из обожженной глины сосуда в рост человека. По записи одографа, вычерчивающего наш маршрут, можно было судить, что город имел определенную планировку. Концентрически расположенные улицы пересекались прямыми площадями, сходящимися где-то в центре.

Мы достигли центральной площади города. Здесь возвышались несколько больших храмов. В одном из них часть стены обрушилась и зияла широкая брешь. Северов подвел батискаф к зданию и направил луч прожектора в пролом. Осветилась внутренняя зала здания... Стены были украшены мозаичными узорами, инкрустированными зелеными, красными и синими самоцветами.

На каменном полу валялись копья, мечи, какое-то другое оружие, утварь и кости человеческих скелетов.

После фотосъемки батискаф покинул этот мрачный зал. На одной из площадей внимание наше привлекло длинное здание павильонного типа с плоской крышей. С фасада здание имело множество арок, поддерживаемых колоннами. Все внутреннее устройство здания было хорошо видно через широкие проемы в стене. На каменном полу были устроены неглубокие бассейны с приподнятыми над полом краями, некоторые походили на обычные ванны.

На стенах здания были рисунки, изображавшие целые сцены, приковавшие мое внимание своей многозначительностью. Рисунки изображали одноногих, безруких, горбатых и других искалеченных людей, которые вереницей проходили в здание с колоннами, купались в бассейнах и выходили стройными, с нормальными конечностями. Под рисунками были изображены какие-то письменные знаки.

— Здесь изображены сцены исцеления больных людей, — воскликнул я, — так это исцеление представлялось древним художником.

Наконец, я все понял. Это, вероятно, была лечебница древнего города. В многочисленных бассейнах и ваннах лежали люди. А так как на такое количество больных труд-

но было приготовить какие-либо лекарственные вещества, известные древним врачам, то вернее всего было предположить, что ванны заполнялись целебно-минеральной водой, которую добывали поблизости. Это говорило о наличии в этой местности минерального источника еще в те далекие времена.

Я попросил Северова обследовать здание. Батискаф поднялся над павильоном. Мы увидели потрясающее зрелище. Плоская высокая крыша была усеяна скелетами людей. Батискаф опустился, и мы стали внимательно рассматривать скелеты.

По костным останкам я пытался узнать что-либо о жителях этого города. По строению костей, по костным швам я старался определить возраст. Здесь были старики и молодые, мужчины и женщины. Присматриваясь, я обнаружил одну особенность и сообщил профессору.

— Владимир Петрович, как странно выглядят позвонки у этого скелета. А у другого деформированы левые берцовые кости... Да здесь почти все с анатомическими дефектами. Это, вероятно, бывшие больные... Их постигло какое-то стихийное бедствие, они взобрались на крышу лечебницы и здесь все погибли.

— Да, и в городе произошла какая-то трагедия, — сказал мрачно профессор. — Но это было не землетрясение и не колоссальный провал местности, вследствие которого могло бы образоваться озеро... Видите, как хорошо сохранились здания. Но катастрофа была несомненно, и разразилась она внезапно, люди не успели спастись бегством, и все погибли на месте... Чтобы это могло быть?...

В тягостном молчании мы покинули подводную лечебницу.

На мгновение вокруг нас возникла водная пустота.

Северов направил глубоковод дальше на северо-запад, за черту города. Через некоторое время в свете прожектора появилось странное сооружение. Это была небольшая грубо сложенная пирамида из каменных плит.

На вершине пирамиды высилась из серого камня статуя.

Она поразила нас своим видом. Бесконечно древним и печальным веяло от каменной статуи, изображавшей человека. Скуластое маскообразное лицо с опущенными углами рта выражало скорбь. Левая рука статуи простиралась с мольбой вверх, как бы к солнцу, правая полусогнутая была протянута вперед. Статуя держала в протянутой ладони толстый желтый диск с блюдце величиной, на котором были выбиты какие-то знаки.

Неподалеку виднелась еще пирамида с такой же статуей, дальше чудилась третья.

Глубиноход двинулся вперед, и навстречу лучу прожектора из вечной тьмы стали выплывать все новые и новые статуи. Что обозначали эти реликвии древнего города, для меня было непонятно, тем не менее, невольно охватывала смутная тревога. Статуи были украшены металлическими браслетами и ожерельями из костей и цветных камней. Желтые диски в руках статуй отливали металлом.

— Весь этот металл — золото, — произнес Северов, — обратите внимание, диски не попорчены коррозией и отчетливо сохраняют рисунок древних надписей.

— Но что это значит?... Что вы думаете обо всем? — нетерпеливо спросил я.

— Терпение, дорогой доктор, — возбужденно проговорил Северов, — наблюдайте, сравнивайте, сопоставляйте, запоминайте. Обобщать и делать выводы будем позже.

Северов повернул глубиноход опять к городу. На экране локатора южнее цепи загадочных статуй давно уже маячила какая-то смутная одинокая скала. Профессор направил аппарат к этому месту. Мы в ожидании глядели в освещенное перед батискафом пространство.

Из подводной тьмы вдруг выступило нечто такое, что заставило нас вздрогнуть. Это была чудовищная скульптура, возвышающаяся на скале. На нас глядело огромное каменное страшилище темно-багрового цвета.

Точнее, глядела семиметровая голова, представлявшая фантастическую смесь морды дракона и раскрытой пасти

льва. Все черты каменного чудовища были искажены, словно в немой ярости.

Это гигантское чудовище, выбитое на вершине диоритовой скалы, не было закончено делавшими его мастерами. Одна из передних когтистых и бородавчатых лап угрожающе распростерлась над носовой частью нашего батискафа, другая только вырисовывалась, представляя обтесанный выступ скалы. С правой стороны туловища каменного зверя покрывали тщательно отполированные шипы и пластины первобытного ящера. С левой — камень не был обработан. Казалось, древние мастера, не закончив работу, покинули внезапно свое фантастическое мрачное творение. Эту мысль подтверждал вид каменных и металлических орудий, плит и других материалов, наваленных возле подножья обелиска дракона-льва.

Мне казалось, мифический дух зла выступил из каменного мира, и свирепо стережет мертвый подводный город.

Северов несколько раз провел глубоководный аппарат вокруг чудовища, фотографируя его со всех сторон.

— Вид этого идола действует на меня угнетающе, — сказал я.

— В этом драконе, может быть, таится разгадка истории гибели города, — в ответ загадочно произнес Северов.

Наконец профессор оставил фотокамеру и взялся за управление. Северов повернул батискаф на восток, я облегченно вздохнул.

Километрах в двух северо-восточнее города мы обнаружили насыпь из камня и глины метров тридцать высотой. Насыпь полукругом тянулась на многие километры, как бы охватывая с запада на восток город.

— Это дамба! — сказал профессор.

— И великолепная, — добавил я, — если учесть, что люди ее делали вручную безо всяких машин.

Профессор остановил батискаф у глубокой выемки, пересекавшей дамбу почти до основания.

— Вы заметили, доктор, что здесь дно озера выше, чем в древнем городе? — спросил он.

— Да, город расположен в котловине.

— Мне кажется, я разгадываю... впрочем, — прервал себя профессор, — наша задача сейчас наблюдать, наблюдать и запоминать.

Рельеф дна, представляющий полого спускающуюся равнину, за дамбой резко изменился.

На экране локатора показались своеобразные нагромождения скал, среди которых выделяется резко очерченный гребень.

Острый гребень окаймлял самую глубокую впадину Исык-Куля, равную 702 метрам.

Северов приблизил батискаф к гребню настолько, что казалось, мы вот-вот зацепим за один из остроконечных выступов. Скалы были причудливыми, относительно невысокими, каких я никогда не видел в горах Тянь-Шаня. В одном месте скалы поднимались отвесными зубчатыми стенами. В свете прожектора было видно, как белые жилы кварца зигзагами пересекали зеленоватые склоны.

В кварцевых жилах голубоватыми звездами вспыхивали кристаллы неизвестного мне минерала. Любопытство Северова достигло здесь предела. Он объявил, что необходимо провести бурение для взятия образцов минералов.

Глубина озера здесь была 690 метров. Батискаф подошел вплотную к отвесной скале. Северов приказал следить за кислородными приборами и включил бурильную установку.

Батискаф стал вибрировать и содрогаться. Подводная пыль заволокла поле зрения. Послышался металлический скрежет: буровая труба вгрызалась в камень. Медленно текли минуты.

Внезапно глухой гул потряс безмолвную глубину озера. Страшный удар обрушился на батискаф. В то же время меня подбросило и ударило головой о резервуар с жидким кислородом. Мелькнула мысль — катастрофа... Когда я опомнился, в нашей сферической кабине царили мрак и тишина, слабо светились цифры и стрелки приборов.

— Владимир Петрович, что случилось? — вскричал я.

— Спокойно, доктор, — откликнулся профессор. Раздался щелчок, и вспыхнула лампа аварийного освещения. Я увидел Северова, склонившегося над приборами, он осматривал и ощупывал их.

— Аккумуляторный отсек цел... Главный мотор невредим, — вслух рассуждал он. — Прожектор вышел из строя. — Я взглянул на экран и увидел, что произошло. Часть скалы, то ли от вибрации бура, то ли от колебаний воды, приведенной в движение моторами батискафа, рухнула, завалив носовую часть глубоководного аппарата.

Профессор, не отнимая взора от приборов, повернул рычаги всплытия на себя.

Стрелка показывающая выброс балласта, двинулась и описала дугу по шкале до предела. Балласт был выброшен. Но глубоковод даже не дрогнул. Мы прочно сидели в западне. Мне стало жутко.

Я убеждал себя, что кабина-шар не засыпана породой. Стоит только протянуть руку к небольшому рычажку аварийного всплытия, нажать его, наша кабина отделится от корпуса батискафа и мы будем на поверхности озера.

Но вопреки рассудку, холодный пот выступил на лице и заструился за воротник свитера, ставшего тесным.

Профессор Северов повернул ко мне свое лицо. Его крупная голова была слегка втянута в плечи, он чуть ссутулился. Челюсти сжимаются так, что сильно выступают желваки мышц. Брови сдвинуты, на лбу капли пота. Он пристально посмотрел на меня.

В эту минуту он напоминал боксера перед началом отчаянной схватки с противником в последнем раунде.

— Наш долг — спасти глубоковод, — сказал он твердо. — Но я не могу решать за двоих, нужен риск и необходимо ваше согласие.

— Поступайте, как надо, — сказал я, подавляя малодушие, — я вам доверяю во всем.

— Следите за приборами, — дал команду Северов, — в случае опасности немедленно включайте аварийное всплытие.

Профессор включил мотор и стал поворачивать рычаги. При помощи движения горизонтальных и вертикальных рулей он пытался раскачать корпус батискафа так, чтобы вытащить из-под груды каменных обломков застрявшую носовую часть аппарата.

Это была утомительная работа. Похоже было на то, как шофер пытается сдвинуть с места буксующую машину, давая попеременно то задний, то передний ход.

Прошло много времени, прежде чем корпус батискафа, скрежеща металлом о камни, стал заметно раскачиваться кормой вверх и вниз.

В одном из таких моментов, когда Северов включил задний ход, глубоиноход заскрежетал и вдруг рванулся.

Я потерял равновесие и ухватился за профессора.

— Вырвались! — вскричал Северов. — Глубиноход спасен...

Мотор был включен, глубоиноход стал подниматься вертикально вверх.

На экране локатора быстро уменьшались и исчезали гребни коварных подводных гор.

Вскоре подводные горы, загадочные статуи с золотыми дисками, древний город, охраняемый каменным драконом и сам чудовищный дракон-лев — все осталось внизу, в темной бездне Иссык-Куля.

Дальнейшее происходило как во сне. Подводное путешествие, длившееся шесть часов, сильно нас утомило.

Когда батискаф всплыл на лазурную поверхность Иссык-Куля, мы устало сидели на своем диванчике. Яркие лучи солнца пронизывали прозрачный купол нашей кабины.

Северов дал радиосигналы, и вскоре подплыл буксир.

Толстую герметическую крышку люка нашего шара отвинтили. Я помог профессору взобраться по лестнице на палубу буксира, а затем поднялся на пароход сам.

Сотрудники экспедиции окружили нас плотным кольцом. Сыпались вопросы.

— Здесь на кинолентах все удивительное путешествие, — сказал Северов, передавая кинокамеру, — скорее в фотолабораторию.

Ко мне, радостно улыбаясь, протиснулся Сангар Бакиров. Он тряс за плечо и спрашивал:

— Ну, что ты там видел?

— Удивительные вещи, но рассказывать нет сил, — ответил я, смеясь, — сейчас обедать и отдыхать... Есть ли на этом пароходишке камбуз?

РАЗГАДАННАЯ ТАЙНА

Повреждения на батискафе оказались незначительными. Однако необходимо было заменить прожектор и кое-какие мелкие приборы. Глубиноход был поставлен на некоторое время на ремонт.

Мы с профессором Северовым и инженером Рубининым стали обрабатывать фотопленки и обобщать весь имеющийся материал последней, столь интересной подводной экспедиции.

Однажды утром мы собрались в кабинете Северова. Явился и Сангар Бакиров.

Северов был необычно оживлен.

— Подведем некоторые итоги, — сказал он, приглашая нас к столу.

— Да, материалы очень интересные, — проговорил инженер Рубинин, рассматривая увеличенные снимки, сделанные нами во время плавания.

— При знакомстве с подводным городом, — начал профессор тоном лектора, — у нас сразу возникли вопросы. Самая главная задача — объяснить причину гибели города.

Вторая — раскрыть смысл множества статуй, особенно из них роль дракона-льва, которые, видимо, как-то связаны с трагедией, постигшей древних жителей.

Обо всем этом сейчас можно сказать следующее: вся история города непосредственно связана с образованием Ис-

сык-Кульской долины вообще, а позднее озера Иссык-Куль, которое затопило древние города.

Иссык-Кульская долина в древности представляла своеобразный оазис с богатейшей флорой и фауной. В долине росли прекрасные ореховые и плодовые леса. И когда Тянь-Шаньская геосинклиналь стала подниматься, образуя цепи гор, Иссык-Кульская долина со всей богатейшей растительностью сохранилась нетронутой.

Складки земной поверхности, образовавшие современные снежные хребты, окружили ее, создав еще более благоприятные условия для растительности, так как защищали от северных ветров.

В Иссык-Кульской долине образовался устойчивый умеренно-теплый климат и своеобразная растительность. На юге Киргизии и сейчас имеется похожая местность. Это знаменитая долина Арслан-Боб, где произрастают в наши дни единственные в мире по красоте и богатству дикие заросли ореховых и плодовых лесов.

Когда на заре человечества на просторах Азии появился древний человек, он проник в благодатную Иссык-Кульскую долину и обосновался здесь. Со временем человечество стало развиваться. В долине образовались города. Иссык-Кульская долина стала служить торговым узлом, связывающим древние города Азии. Один из городов долины постепенно разбогател: в нем стали развиваться ремесла и искусство. Были построены храмы.

Но в Тянь-Шаньской геосинклинали горообразование продолжало развиваться, и облик Тянь-Шаня менялся. Горы на западе Иссык-Кульской долины поднимались все выше и выше, смыкая выход из долины.

В Иссык-Куль сейчас впадает восемьдесят горных рек и речек. В тот дальний период многие из них, сливаясь, образовали одну реку, которая по глубокому каньону несла горные воды на просторы Средней Азии.

В результате горообразования западная часть долины поднялась настолько, что каньон реки Чу стал выше уровня Иссык-Кульской долины. Река Чу обособилась, и долина

оказалась географически обособленной. Этот процесс протекал медленно.

Ледниковые речки все так же несли свои воды, но когда сток в реку Чу стал затруднителен, вода стала затоплять котловину Иссык-Куля.

Люди, живя в долине зелени, не замечали постепенных геологических изменений. Но когда вода стала заметно прибывать и медленно затоплять долину, люди стали доискиваться причин.

Как и все древние народы, видя в этом явлении природы недовольство богов, люди решили задобрить их.

Вот тогда-то и появились каменные статуи на пирамидах, созданные древними мастерами по решению жрецов и знати города. Люди считали, что покорный вид статуи с простертой в мольбе рукой и приношением в другой руке в виде золотых дисков с выбитыми на них священными заклинаниями смягчат злых духов и прекратят наступление воды. Когда же увидели после возведения статуи, что вода продолжает неуклонно подниматься, жители города стали принимать практические меры к спасению.

Была построена плотина, защищавшая город. Вместе с тем у людей исчезло раболепие перед богами-духами. Они решили запугать злых богов.

Суеверная фантазия человека изобрела своего идола в образе расвирепевшего дракона-льва, который должен был прекратить затопление.

Но замысел древних не был доведен до конца.

Во время сильного ливня или землетрясения плотина прорвалась, и, город, расположенный в низине, был мгновенно затоплен. Чудовищная скульптура не была доделана мастерами. Гибель города произошла внезапно, и видимо, мало кому удалось спастись.

Так закончилась борьба людей со стихией. В течение тысячелетий запад долины еще больше поднялся, и горные реки образовали современный Иссык-Куль, поверхность которого достигает сейчас 1609 метров над уровнем моря.

Озеро стало обширным настолько, что его подъем прекратился, так как приток воды уравнивается испарением.

Северов замолчал. Все тоже молчали под впечатлением рассказа профессора.

— Ну, а минеральный источник вам не удалось найти? — спросил через некоторое время Сангар Бакиров.

— Доктор Очевидцев высказал предположение, что минеральный источник находится поблизости древнего города, — сказал Северов. — Но его поиски на такой глубине будут трудными. Да и практически он не представит никакого интереса, источник на такой глубине использовать немыслимо.

Я был обескуражен. Все мои исследования зашли в тупик.

Наступило неловкое молчание.

— У меня есть предложение, — сказал инженер Рубинин.

— Я предлагаю после починки батискафа произвести исследования по подводной дороге до противоположного от древнего города конца, ведь она куда-то ведет, а что там?

— Правильно, — сказал Северов, — это дополнит наши наблюдения.

На этом обсуждение закончилось.

* * *

Моя гипотеза о большом минеральном источнике, который мог быть неподалеку от берега и который можно было бы использовать, не подтвердилась.

Это меня угнетало, и я последние дни работал в лаборатории экспедиции без особого энтузиазма.

В один из вечеров ко мне подошел Северов и, положив руку на плечо, сказал.

— Вы что-то очень загрустили, молодой человек?

— Нет, это июльская жара действует, — уклончиво ответил я.

— Значит, настроение бодрое?

— Да, Владимир Петрович, как всегда.

— В таком случае, не согласитесь ли опять отправиться в плавание?

— На батискафе?

— Вот именно... Сегодня глубоковод после ремонта прошел подводные испытания: работает отлично.

— Конечно, согласен, с превеликим удовольствием! — радостно воскликнул я.

— Давайте обдумаем план маршрута...

В этот же вечер мы подробно продумали новое подводное путешествие.

* * *

Подводное плавание началось с того же места, где и в первый раз. Батискаф опустился на древнюю мостовую. Только в этот раз мы поплыли в противоположную сторону, на юго-восток.

Как и тогда, мы с волнением смотрели на освещенное прожектором бурое илистое дно, по которому пролегалла лента дороги из гранитных плит. Но сегодня мы ничего замечательного не встречали. Дно вокруг было пустынно. Постепенно гранитные глыбы на дороге стали малочисленными и кое-где были нагромождены как попало.

Поверхность дна стала резко подниматься в гору.

Гранитный покров на дороге исчез. А вскоре затерялась и сама дорога. Кругом была первобытная глинистая местность, усеянная камнями.

— Это и все? — вырвалось у профессора.

Нас охватило разочарование.

Северов несколько раз возвращал батискаф на древнюю мостовую, и мы отклонялись в сторону в надежде найти какое-либо продолжение мостовой, но ничего интересного не нашли.

Северов повел батискаф в направлении, куда указывал конец исчезнувшей дороги. Она вела к берегу Иссык-Куля.

Тогда Северов стал настраивать гидролокатор на более дальнее расстояние, чем обычно. Дно озера было пустынно,

только впереди возвышались отвесные подводные скалы южного берега, от которых мы были совсем близко.

Северов направил батискаф к берегу. Мы не ожидали увидеть ничего нового. И вдруг! Вдалеке заметили слабое сияние. Чем ближе мы к нему подвигались, тем ярче становился его мерцающий свет.

Северов толкнул меня и указал на шкалу прибора, показывавшую температуру воды вокруг нас.

— Двадцать градусов по Цельсию! — воскликнул Северов.

— Не может быть! — возразил я, так как на такой глубине температура не превышает пяти-шести градусов тепла.

— Мы в потоках горячего источника! — прокричал профессор, увеличивая скорость движения батискафа.

— Так это же минеральный источник, тот самый, который мы ищем! — воскликнул я, лихорадочно следя за приборами.

— Температура повышается! — повторял Северов.

— Двадцать пять... двадцать семь градусов... тридцать!.. Нам навстречу льется сильный поток!

— Да это гигантский источник! — кричал я вне себя от восторга.

Мы быстро приближались к отвесным скалам... Затем что-то случилось: батискаф замедлил ход. Дно было каменистое, и по каменным выступам, освещенным прожектором, было видно, что мы стали продвигаться еле-еле. Затем батискаф совсем остановился.

— Что случилось? — спросил я растерянно.

— Ого, — воскликнул профессор восторженно. — Поток настолько силен, что наш неуклюжий батискаф не может преодолеть встречного течения.

Северов изменил углы вертикальных рулей, и нас стало сносить вправо. Впереди, в свете прожектора, стали вырисовываться скалы.

— Что это? — изумился я и прильнул к прозрачной стенке кабины...

Сквозь сильно струившиеся встречные воды виднелась высеченная в скале скульптура метров десяти, изображающая бюст человека.

Когда батискаф приблизился к скале, оказалось, что рядом с первым высечены еще два огромных бюста.

В скале были выбиты головы людей, у них были широкие лица с толстыми надменными губами, у всех троих были хищные горбатые носы. На голове изображались подоби́я тюбанов.

Сами по себе бюсты не представляли ничего необычного, но сильные струи воды искажали черты гигантских статуй, множество бликов от луча прожектора играло на широких лицах, и казалось, чудовищные головы, высунувшиеся из-под скал, зловеще гримасничают и усмеваются над нами.

Батискаф подошел вплотную к статуям и миновал крайнюю.

— Смотрите!.. — закричат Северов.

Среди скал, на дне, я увидел темную расселину. В то же мгновение батискаф подбросило метров на двадцать вверх и как щепку отнесло далеко от скал.

— Это выход гигантского источника! — быстро сказал Северов. — Приготовьте кинокамеру.

Я выполнил приказание.

Северов проделал с батискафом тот же маневр, что и в первый раз, и подвел его к скалам. Наш аппарат проскочил мимо гримасничающих зловещих каменных идолов, и я, увидев опять темную расселину, навел объектив. Миг — и наш батискаф опять взлетел и был унесен сильным потоком.

— Повторим съемку! — сказал профессор.

Он устало дышал, мне было почему-то очень жарко. Мы третий раз подошли к расселине.

Но тут я прислонился рукой к стенке кабины и отдернул руку: она была раскаленной.

— Что мы наделали!? — страшно вскричал профессор. Лицо его выражало страдание. Он указал на прибор.

— Температура шестьдесят градусов! — ужаснулся я. — На аппарате нет приспособления для охлаждения, и мы пе-

регрели глубоковод... Поглотитель углекислоты от нагревания вышел из строя...

Действительно, в кабине было нестерпимо жарко. Стрелки прибора поглощения углекислого газа стояли на нуле.

— Немедленно вверх! — прокричал профессор и повернул рычаг всплытия. Стало невероятно жарко. Мы стали задыхаться. Пластмассовый шар нашей кабины, как и всякая пластмасса, нагревался медленно, но, нагревшись, он медленно должен был и остывать.

Теперь только до нас дошла шестидесятиградусная жара перегретого батискафа.

Казалось, мы поднимались на поверхность озера целую вечность. Но даже вид солнечных лучей не принес облегчения. Крышку люка мы сами не могли отвинтить, а скопившаяся углекислота не давала дышать. Профессору стало плохо. Лицо его стало багроветь. Он положил руку на сердце и тихо произнес:

— Сигнал...

И Северов упал на дно кабины в обмороке.

У меня в ушах стучали тысячи паровых молотков, в глазах стояло оранжевое пламя. Я нащупал радиоаппарат и стал повторять:

— На помощь!.. На помощь!..

Последней мыслью было: неужели буксир запоздает?

* * *

Очнулся я в полутемной каюте. Надо мной склонился Сангар Бакиров.

— Что с тобой? — тихо спросил журналист.

Я вскочил, несмотря на тяжесть в голове.

— Мы открыли... — сказал я. Но тут же замолчал, увидев Северова, который лежал на койке рядом, а Рубинин клал ему на голову мокрое полотенце.

— Северов будет жить! — сказал я.

Вот тут мне пригодились знания врача. Я молниеносно

разыскал свою аптечку и инструменты. Ввел Северову средства, возбуждающие дыхание, дал кислород, проделал искусственное дыхание. Через несколько минут Северов застонал, а потом открыл глаза.

— Ш-ш-ш! — вытеснил я любопытных из каюты.

Северов привстал, и первые слова его были:

— Глубиноход необходимо усовершенствовать. Надо сконструировать аварийное охлаждение... А горячий источник великолепен!..

Так был открыт и исследован замечательный минеральный источник, о существовании которого смутно упоминали легенды.

Гигантский источник находился в пяти километрах от южного берега Иссык-Куля на глубине трехсот метров. Этот участок берега выглядит пустынным. Его не посещают ни рыбаки, ни туристы. Но этот берег может ожить в недалеком будущем. Наука и техника быстро движутся вперед и, наверняка, будут изысканы технические средства для постройки трубопровода, по которому горячая минеральная вода из глубины озера будет выведена на берег.

Источник же великолепен. Он выбрасывает из недр земли миллионы кубометров очень горячей целебной воды.

Через несколько недель после нашего открытия, профессор Северов и Сангар Бакиров проводили меня до города Пржевальска, откуда я должен был вылететь на самолете. Я увозил материал и подробную докладную об открытии в научно-исследовательский институт.

Мы прощались у памятника великого путешественника Пржевальского, где бронзовый орел на скале держал в клюве оливковую ветвь — символ мирных завоеваний науки.

Лазурный Иссык-Куль в это утро был тих и спокоен.

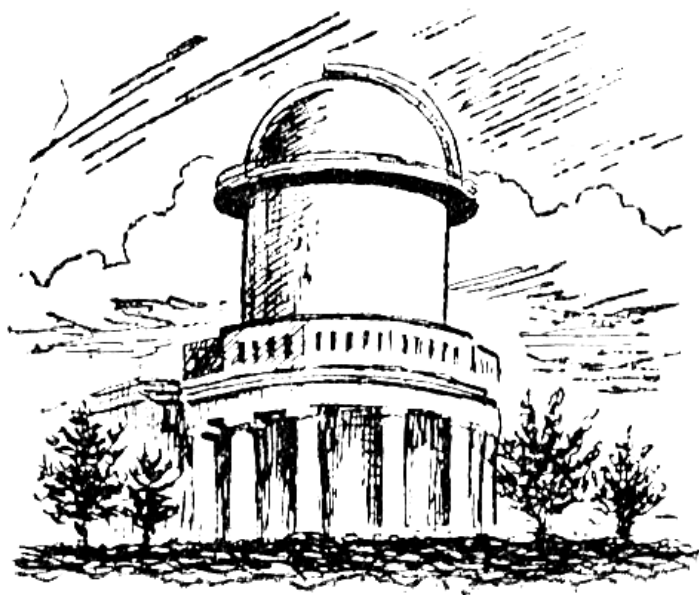
— Вот мы и расстаемся, — сказал я.

— А все-таки последняя тайна Иссык-Куля не раскрыта, — промолвил Сангар Бакиров. — Мы так и не знаем причины ночного свечения вод этого великолепного озера.

— Не беда, — сказал с улыбкой профессор Северов, —
впереди еще много встретится тайн и загадок. Наука их бу-
дет знать.

Через час серебристый самолет, покачивая крыльями,
словно, прощаясь, летел над изумрудным Иссык-Кулем.

А. МОРОЗОВ

ЧУДЕСНАЯ ЭЛЕКТРОСТАНЦИЯ

Научно-фантастический рассказ

ЧУДЕСНАЯ ЭЛЕКТРОСТАНЦИЯ

— Хотите, Сергей Александрович, посмотреть «электростанцию на замке»?

Сергей Александрович Болтин, механик электростанции, приехал из небольшого города в Москву на совещание в министерство. Десятки лет, сдавая дежурство, Болтин неизменно пишет в рапортчике одну и ту же фразу: «никаких происшествий во время дежурства не было». Но представить свою электростанцию запертой на замок он не мог.

И вот он в помещении диспетчера. На прозрачных панелях вспыхивали и гасли разноцветные огоньки — сигналы работы далёких машин. Некоторые из них мигали, словно требуя к себе особого внимания. Светящиеся линии, квадраты и кружки образовывали сложный узор.

— Знаете ли вы, Сергей Александрович, на каком расстоянии мы находимся от гидроэлектростанции, которую отсюда вы можете пустить в ход или остановить? — спросил диспетчер.

— Несколько километров, должно быть!

— Сто пятьдесят!

— Сколько же нужно возиться, чтобы на таком расстоянии пустить в ход станцию? Ведь надо подготовить многочисленные вспомогательные механизмы, проверить готовность агрегата к пуску, перевести турбину в рабочее положение, пустить агрегат, добиться синхронизации генератора, включить его в сеть. Да мало ли еще дел! Я-то знаю...

Диспетчер улыбнулся:

— Я должен только нажать эту кнопку — и всё. На станции все процессы, о которых вы говорите, осуществляются автоматически, а о том, что происходит на ней, доносят эти светящиеся сигналы на панелях. Наши автоматы, подчиняясь «импульсу пуска», посланному мною, выполняют всё в пять — шесть раз быстрее, чем делает это человек вручную. Также легко осуществляется и остановка машин. «Импульс остановки» отключает генератор, тормозит агрегат, останавливает его, переводит механизм в нерабочее положение.

— Ну, а если вдруг... авария? — с некоторой опаской произнёс Сергей Александрович. — Ведь там, на станции, так много механизмов!

— Где бы ни произошла авария, машины на станции автоматически остановятся. Впрочем, при автоматической работе станции, когда возможность ошибки устранена, всё оборудование работает гораздо надёжнее. А сокращение времени пуска позволяет увеличить количество вырабатываемой электроэнергии: ведь тогда меньше воды расходуеться впустую. Это имеет особенно большое значение там, где станции приходится часто пускать и останавливать.

Сергей Александрович смотрел на панели, расцвеченные разнообразными сигналами, характеризовавшими работу далёкой станции. И ему все казалось, что диспетчер чего-то не заметит, пропустит какое-то важное указание приборов.

Болтин быстро устал.

— Знаете, — сказал он откровенно, — я словно полностью отдежурил на станции.

— Это у вас от непривычки находиться здесь и потому, что вам, как старому работнику электростанции, всё хочется сделать своими руками, хотя машины находятся от нас на огромном расстоянии. Вообще же автоматические электростанции совершенно по-новому решают вопрос рабочего места. В одном человеке совмещаются и машинист и электрик. Работая на большом расстоянии от всех своих агрега-

тов, квалифицированный работник получает возможность совершенно спокойно из одного центра обслуживать сразу несколько объектов, до которых на автомашине надо ехать несколько часов.

— Хотелось бы мне ещё взглянуть, как всё это происходит на самой станции, — сказал Болтин своему спутнику.

— Пожалуйста, мы покажем вам одну из наших «станций на замке», если вас не утомит маленькое путешествие...

... На станции машины работали, наполняя зал монотонным гулом. Приборы на щитах, сверкая стеклом, показывали, как идёт весь сложный процесс получения электрического тока. Болтин осмотрел каждый агрегат, каждый аппарат и прибор. Он даже ощупал всё, до чего можно было добраться рукой. Нет, самый придирчивый механик не мог бы тут сделать выговор бессловесным механизмам, наблюдающим за работой «электростанции на замке».

— У нас здесь есть устройства, следящие за температурой подшипников и обмоток. Автоматы поддерживают строго постоянным электрическое напряжение при колебаниях нагрузки. Автоматически сохраняется неизменной и частота тока, подаваемого потребителям. Словом, нет ни одного процесса, который не был бы автоматизирован.

— Всё это чудесно. Но, наверно, строительство таких станций обходится очень дорого?

— Совсем нет! Ведь самая дорогая часть электростанции остаётся неизменной, добавляются только, так сказать, карлики, управляющие великанами. Поэтому оборудование чудесной станции стоит не намного дороже обыкновенной, а экономия на содержании штата огромная. Сюда люди приходят только раз в неделю. Конечно, гидроэлектростанции особенно удобно автоматизировать. Но будут, безусловно, автоматизированы и наши тепловые электростанции...

Уходя, когда дверь чудесной станции уже готовилась снова захлопнуться на замок, Сергей Александрович помедлил на пороге. Как хорошо, думал Болтин, что он живёт в стране, где труд человека всемерно облегчается на самых

ответственных участках! И хотя на этой станции повсюду действуют автоматы, Созданные замечательными конструкторами, разве он сам стоит в стороне от развития новой техники на электростанциях?

— А всё-таки, пожалуй, и мы, показывающие, как нужно экономить каждый грамм горючего и масла, боровшиеся с аварийностью на больших и малых электростанциях, разбросанных по всему Советскому Союзу, кое-чем помогли создать эту замечательную электростанцию!

— Безусловно! — воскликнул спутник Болтина. — И люди, подобные вам, помогли не кое-чем, а это именно они подчинили себе технику.

ЛЕВ УСПЕНСКИЙ

ПЛАВАНИЕ «ЗЭТЫ»

Научно-фантастический рассказ
Художники В. Таубер и Л. Катаев

*Журнал «Вокруг Света», №№ 5-6, 1946 г.
С небольшими изменениями: публикация в журнале «Иска-
тель» № 3, 1970 г. с иллюстрациями Л. Катаева.*

— Запишите то, что я вам сейчас расскажу, кэптин! Запишите все от слова до слова и, если это принято делать в вашей стране, приведите меня к присяге! Я знаю: на слово поверить человеку, повествующему о таких вещах, нельзя, а я требую, чтобы мне верили.

Я также настаиваю на том, чтобы вы немедленно послали свои записи вашим ученым. Спешно! Экспрессе! Они найдут объяснение написанному, ибо все, что случается в действительности, может и должно быть объяснено. А ведь это же было!

Вы хорошо знаете: я не имею представления о том, что стряслось с «Зетой» и с ее экипажем. Все скрыто от меня с того момента, как мы внезапно всплыли, и меня оглушил взрыв. Я и не прошу у вас откровенности: я — солдат и слишком хорошо понимаю вас. Вы правы, да, да вы правы!

В самом деле! В разгар жестокого боя на берегах Дуная, когда ваши молодцы, охваченные боевой яростью, видят, что малейшая доверчивость может стоить многих тысяч жизней, — что происходит в разгар этой страшной битвы?

Из дунайских вод в самый разгар жестокого боя в этом страшном месте вдруг всплывает из глубины вод маленькая подводная лодка, фашистская лодка-малютка, черт побери этих дьяволов!

Как слепая, она тычется в фарватере то туда, то сюда под огненным шквалом. Явно потеряв ориентацию, она не знает, куда ей метнуться!

Ваши сигнальщики передают ей приказ: немедленно остановить моторы и сдать в плен! Ваши артиллеристы с обоих берегов наводят на нее свои орудия...

Лодка, несмотря ни на что, рвется на юго-восток, к вам. Но ведь к вам — значит от них; разве это не подозрительно?

Внезапный грохот: суденышко нарвалось на мину. Вот оно тонет. В сумерках, в дыму, ваши катерники (доблестные парни!) спешат к ней. В воде барахтаются люди... Может быть, там был только один человек; я ничего не выпытываю у вас, кэптин! Русские моряки подбирают этого человека или этих людей (мне неизвестно, нашли ли вы кого-либо, кроме меня). Лодка тонет. Сколько же времени пройдет теперь до той поры, пока водолазы поднимут или хотя бы осмотрят ее? О, я все понимаю!

Следовательно, если остается одно лишь существо (будем думать, что спасен только я!), знающее тайну ее появления тут, между борющимися армиями в среднем течении Дуная (вы не сказали мне, где я нахожусь сейчас, кэптин, но «Старик» там, в глубине, несколько раз говорил о «среднем плесе реки». У него был сильный русский акцент, у «Старика», но говорил он правильно, как книга; я понимал его. Я все знаю!), — если это так, то что же вам делать?

Естественно, вы ожидаете момента, когда существо это очнется после контузии, чтобы его допросить. Вы убеждены, что перед вами один из неудачливых фашистских диверсантов, севший на свой кораблик где-либо выше Белграда (как, кстати, Белград? Не взят ли еще, кэптин?). Вы допускаете, что он будет отрицать это, постарается выдать себя за хорвата, за серба или за беженца от наци... Почему знаю я, за кого? И вдруг...

Я никогда не забуду выражения вашего лица, каким оно стало после того, как я вам сказал, откуда мы прибыли и как.

Секунду или две вы не знали, как быть: рассердиться вам или рассмеяться? Наглость, не имеющая себе равных,

перед вами или глупость, никогда еще не виданная на свете? А перед вами была только истина — простая, голая истина, хотя и неправдоподобная.

Да, лодка — та, что лежит сейчас на дунайском дне в полумиле отсюда (мне виден из окна этот лысый береговой холм), — это «Зета», бывшее судно бывшего Адриатического флота Югославии, «Зета», записанная в «Джейн». Неделю назад, если только я не потерял счет дням (что, впрочем, вполне понятно), она пробиралась по голубому (слишком голубому, дорогой сэр! Слишком голубому для нашего трудного времени!) проливу между островами Корчула и Лагоста. Маленький в этом ракурсе остров Млет рисовался, помнится, справа по носу... А вот теперь она, с пробоиной в передней части, лежит, как вы говорите, здесь, между Доброй на правом берегу реки и Берзаской — на левом, — точно посередине. И за все эти дни она (что мне за смысл лгать под прицелом ваших автоматов?) не прошла и четырехсот миль. Да, четырехсот... Смотрите в любую из лоций мира, кэптин, листайте какие угодно справочники, вспоминайте школьные уроки географии (как было, кстати, имя вашего географа? Моего звали Чарльз Кристофер Бутс; забавный маленький человечек откуда-то с запада). Думайте, словом, что угодно — вы не поймете ничего.

Адриатика — и среднее течение Дуная! Остров Коргула — и Железные Ворота! Если огибать Балканский полуостров с юга, путь протянется на тысячи миль.

«Если огибать?!» — негодуете вы. — Что значит это «если»? Да ведь другого пути нет!»

Другой путь есть, кэптин! Клянусь вересковыми полянами Йорка, моей милой родины, он есть! Его указал нам, нас провел по нему высокий преждевременно поседевший русский инженер, беглец из немецкого лагеря.

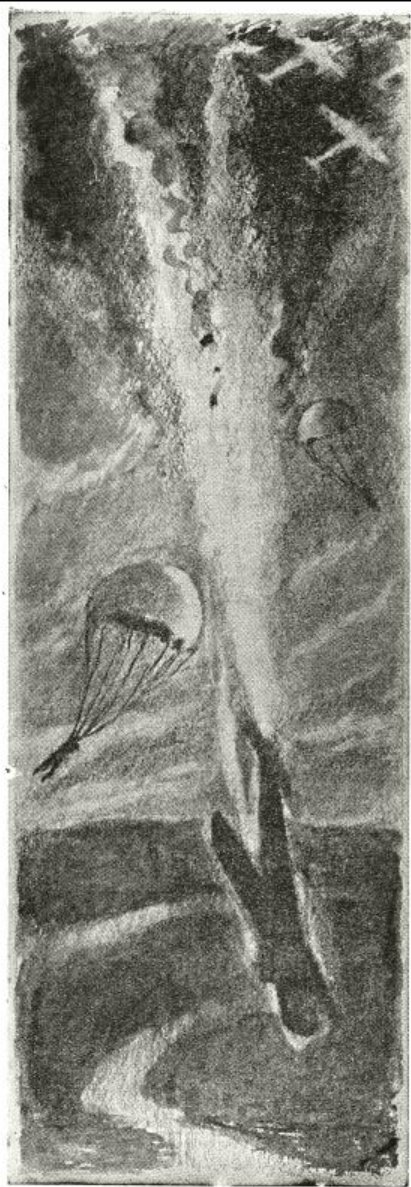
Я не помню его фамилии: она слишком трудна для английских губ. Но если вы хотите понять, как это случилось, — не перебивайте моего рассказа! Я сообщу вам все, что помню. И лучше бы все же привели меня к присяге, потому что мне нужно, чтобы мне верили! Слушайте.

Меня зовут Баллард, сэр. Тэдди Баллард к вашим услугам. Вряд ли вы слышали это имя (хотя у нас в роду был даже вице-адмирал): я из обнищавшей боковой ветви.

Мне двадцать один от рождения. До прошлой недели я был стрелком на «Ланкастере», входящем в 71-5 эскадрилью воздушной армии, в ту, которая базируется на Массафру, неподалеку от Таранто. Хорошая долина была этот «Ланкастер», сэр, и парни, летавшие на нем, были славными ребятами, особенно Гриффин, второй пилот. Жаль его, но что поделаешь — война!

Во вторник, тринадцатого числа, был получен приказ идти в воздух. Задание было секретное, но мы привыкли все понимать. Предстояло снова пересечь Адриатику по линии Бари — Сплит, углубиться на территорию Югославии и где-то над горами сбросить двух парашютистов и кое-какой багаж.

Мы вылетели в 23.01. За Тарантским заливом садилась луна. Вахту у заднего пулемета держал Финней, канадский индеец, а я пока что присоседился в фюзеля-

Когда «Ланкастер» перешел в штопор, я сначала выбросил в люк се, а потом прыгнул сам.

же к парашютистке... Она была молода и недурна. Я — человек веселый: земля или шестая тысяча футов — не все ли равно? Мы сидели рядом и болтали. Ее звали Вайолт, так сказала она. Славная девушка, не хуже любого парня. Она англичанка, родилась тут, в Сербии, и знала сербский язык.

Мы болтали о том, что у итальянцев все еще не пропадает страх перед чертовым дуче, что в замке Помфрет, у меня дома, вам показывают место, где были убиты Риверс Грей и Воган, мы говорили также о вас. Мисс Вайолт опасалась, что опаздывает в Сербию: ваши армии дошли уже до Калафата и Виддина, взяли Турну-Северин, пробились сквозь Железные Ворота... Вот так и надо действовать!..

Так мы рассуждали обо всем, прислонясь спинами к алюминиевым бимсам. Она мне понравилась, эта леди в комбинезоне с парашютом за плечами и с маленьким носиком девочки с рождественской открытки. Боюсь, что я тоже понравился ей немного... Что же? Это не новость для йоркширца.

Когда «Фокке-Вульф» вовсе неожиданно сбили нас и «Ланкастер» перешел в штопор, я сначала выбросил в люк ее, а потом прыгнул сам. Луна села, было темно.

Чистая случайность, кэптин, что мы плюхнулись в воду близко один от другого, что капковые жилеты выдержали нас, что утром она увидела меня, а потом мы заметили и болтавшуюся на волне пустую резиновую лодку с нашего самолета.

Мы захватили эту лодку. Теперь нас снабжают отлично: наши НЗ не размокли; у меня был забавный маленький прибор, превращающий человеческое дыхание в воду. Можно было жить. Высунув из воды носы, мы осмотрелись.

Хорошего — ни на шиллинг.

Далеко на горизонте виднелась, правда, полоса какой-то земли, но это нас не вдохновляло: там, несомненно, были нацисты. Мы решили выждать ночи.

К вечеру над нами трижды прошли три немца, взад и вперед. Мисс Вайолт держала себя, как мужчина: должно быть, у нас, англичан, в крови уменье терпеть бедствие на

море. Единственно, что ее сердило, — это необходимость в буквальном смысле «пить мое дыхание», превращаемое в воду карманным конденсатором. «Чересчур поэтично для меня!» — сказала она.

В сумерках мы стали грести к востоку. Но час спустя до нас донеслось фыркание дизеля, и из легкого тумана прямо на нас всплыла «Зета». Вы знаете, что значит это имя, кэптин? Говорят, так у вас, славян, называлась некогда нынешняя Черногория.

Странно устроен мир, кэптин! Я простой сержант его величества, обыкновенный томми, все руки в масле. Я мало чего читал, кроме газет; но, мне кажется, философы плохо разобрались в том, что такое случайность. Надо же было, чтобы все эти события совпали; чтобы за трое суток до того, как мой «Ланс» стартовал из Массифры, семеро сербских партизан — пять рыбаков и два профессионала-подводника — сумели ночью в маленькой бухточке возле Бибине (это где-то в Далмации, не так ли?) напасть на поврежденную глубинной бомбой лодчонку, бывшую до того, само собой, в руках у наци, перебить ее экипаж, вывести ее в море и направиться к югу в надежде прорваться.

Надо было, чтобы истребители и бомбардировщики нацистов в течение пятидесяти часов гонялись за ней, не давая ей уйти в открытое море, чтобы механизмы цистерн погружения оказались испорченными, чтобы рули то заклинивало, то отпускало, а скорость привела ее как раз в точку нашего непредусмотренного randevu и точно в тот миг, когда там оказались мы с мисс Вайолт.

Нужно же, чтобы случилось и еще более удивительное происшествие: за семь часов до нашей встречи с нею «Зета» наткнулась в море на обыкновенную далматинскую рыбацью лодку. Истощенный, полуседой человек — о! я вспомнил его фамилию: Саосерски! — с трудом, но неустанно греб тяжелыми длинными веслами, направляя свой путь на запад. В лодке было немного сушеной рыбы, с полдюжины черствых лепешек и жестяной бидончик с пресной водой. Пять-шесть галлонов мутной воды, но тысячи тонн мужества! Ей-богу, кэптин! Этот русский инженер Питер Саосерски бежал из концентрационного лагеря в Банье Лука, добрался до берега и, поставив на карту жизнь, отплыл в Италию.

Подчеркните дважды эту фамилию, дорогой кэптин! Подчеркните ее красным карандашом!

Когда нас подняли на борт «Зеты», меня и мисс Вайолт, лодка находилась в бедственном состоянии. Механизм погружения отказал, впереди — сотни километров враждебного моря; радиостанции нет, а над головой с утра повиснут снова немецкие самолеты.

Сербы были смелыми моряками, но плохими механиками. Мистер Саосерски, — вы говорите, что нужно произносить Заозерский, — пусть так, но это слишком трудно для английских губ; я с вашего позволения буду лучше называть его «Старик», — один возился над исправлением цистерн. У него, очевидно, был какой-то план в голове, но сербы плохо понимали его речь. Они хлопали его по плечу, восклицали: «Друже! Брат!» — но не знали, чего он хочет от них. А он хотел удивительных вещей. Он радовался, как дитя, попав на эту лодку. Это было невероятной удачей: он и подводная лодка! Это взятое вместе было спасением!

Когда мы тоже попали туда, положение резко изменилось. Старик говорил по-английски. Не знаю, откуда родом были его учителя, но все же я понимал его довольно свободно. А сербы понимали все, что им говорила Вайолт. Все сразу же пришло в норму.

Мы поставили двух человек на помощь инженеру. Дело закипело. Часа два или три я был совершенно уверен в том, что произойдет. Мы, полагал я, починим цистерны, уйдем на глубину и сутки спустя под сербским флагом войдем в Бриндизи. Я уже мерил этот срок числом крепко закрученных гаек на фланцах помпы.

Но на исходе нашей работы Старик, распрямившись, внезапно обратил ко мне свое испачканное мазутом худое лицо.

— Все было бы очень просто, Баллард, — сказал он мне так, точно речь шла о вещах самых обыденных, — если бы эта скорлупа могла погрузиться хотя бы на тридцать метров! О, тогда мы пошли бы прямо в Италию... Но беда в том, что для нее в ее теперешнем состоянии даже десять метров — предел. Сто сорок футов. Ни дюйма больше! Малейший избыток давления — и все ее швы разойдутся. Идти же по этому морю в штиль на пятиметровой глубине... Каждый «юнкерс» увидит нас, точно бы воды вовсе и не было. Нет! — и он прищурил глаза. — Нет! Пускаться так в море было бы сейчас чистейшим безумием...»

Я сел на аккумуляторную батарею, кэптин, — потому на нее, что других сидений рядом не нашлось. Не будь батареи, я сел бы на пол... Но юмор никогда не покидает меня; в этом моя сила.

— Не хотите ли вы сказать, сэр, — проговорил я, — что разумнее нам пуститься в этой лодке на сушу?

Тогда он открыл глаза (у него, кэптин, тонкие, сухие веки больного. Объясните же мне, откуда такая сила воли в столь слабом теле, у этого измученного, пожилого страдальца?). Он открыл глаза и с минуту пристально смотрел на меня.

— Хотел бы я знать, Баллард, — произнес он наконец, — достаточно ли вы разумный человек, чтобы поверить невероятному? Да, я действительно хочу «покинуть море». Но я собираюсь достигнуть не англичан, а русских. И пройти к ним я намерен не пешком и не по суше. Мы пойдем к ним под сушей, Баллард. Пойдем на подводной

лодке. — Он странно улынулся. — Не думаю, чтобы вы уже поняли меня...

Я и действительно его не понял. Но холод пробежал у меня по икрам, и волосы стали как наэлектризованные. «Сумасшедший! — подумалось мне. — Он свихнулся там, в немецком лагере... Что же нам делать?..»

— Нет, я не умалишенный, мой друг! — мягко сказал он, словно отвечая на мои мысли, и, сняв свою маленькую шапочку, провел рукой по волосам. — Не обижайтесь на меня, друг, но я знаю несколько больше вас... Потому что вы очень мало знаете... Пойдите, мой милый, позовите сюда вашу девушку и того, кого они зовут капитаном. Может быть, втроем вы поймете меня скорее.

День клонился к вечеру. Лодка, поравнявшись с крошечным островком, круто торчащим из воды (там их тысячи!), задержалась в его тени, чтобы не быть видной с воздуха. Солнце проникало только сверху в открытый люк. Мисс Вайолт присела на трапе, я — на аккумуляторах. Вук Хризич, капитан, человек шести футов и двух дюймов роста, с одним глазом и с лицом, перечеркнутым осколочным шрамом пятнадцатого года, оперся плечом о крашенную маслом переборку. А Старик, прикрыв глаза руками, говорил.

— Слушай, капитан, — сказал он Хризичу, и Вайолт быстро переводила его слова с английского на сербский. — Около твоего дома... нет там у вас какой-нибудь реки, которая, пройдя добрую часть пути своего по земле, вдруг исчезает в подземных пустотах?

Вук задумался, потом сказал что-то в ответ.

— Возле Дедова провала, у Верхней Паланки, — передала сказанное им Вайолт, — есть как раз такое место. Река уходит там в расселину, а появляется из-под земли куда полней и многоводней, чем была, за отрогами Дурмитара, в Волчьей долине.

— Я знаю оба эти места, — кивнул головой русский. — А не случилось ли старому Вуку видеть, что иной раз подземные реки прорывают себе русло прямо в море?

Серб своим внимательным глазом посмотрел на инженера.

— Я — старый рыбак, — немногословно ответил он, — и родился на побережье. В Сланском заливе мы насчитываем пять или шесть таких рек. За мысом Святого Николая постоянно видна с кораблей ложная отмель, и вода в этом месте почти пресная... Могучий поток втекает тут в Ядран не с берега, а из-под дна, далеко в море. Случалось, на глазах людей он выбрасывал снизу целые дубовые стволы, принесенные с далеких нагорий.

Два старых человека смотрели друг другу в глаза, а мы глядели, на них. Что нам было делать? Они говорили о таких далеких вещах. Несколько секунд длилось молчание.

— Все это — истинная правда, — проговорил наконец русский. — Подземные воды! Кто измерил их пути, кто изучил их русла, кто учел их мощь? Никто! Знаете ли вы, друзья мои, что науке известны реки, текущие на глубине, в сотнях метров под землей, в вечной тьме, в гробовом молчании? Их русла тянутся на нескладанные километры. Некоторые из них многоводны, как крупные потоки поверхности, глубоки, как норвежские фиорды, широки, как каналы, построенные людьми. В Германии река Лайбах из восьмидесяти километров своего пути два проходит под землей. Есть в Средиземном море, в заливе Аргос, место, называемое Анаволо; там со дна бьет на поверхность моря струя воды почти пятидесяти футов в поперечнике. Есть еще более удивительная вещь: в Индийском океане — там, в тропиках, — могучий пресный ключ выбивается из соленых волн в ста милях от ближайшего берега, против города Читагонт. Какой же силы, какой мощи должен достигнуть поток, идущий под океанским дном, чтобы выбросить свою струю вверх сквозь такую толщину морских вод? Что вы думаете, мои друзья, обо всем этом? Что думаешь ты об этом, Хризиш?

Мы молчали, потому что никто из нас не знал, к чему он клонит.

Помедлив несколько мгновений, инженер отер лоб рукой.

Глаза его смотрели мимо меня, куда-то вдаль. Что он там видел? Что он хотел сказать нам этой своей лекцией?

— Да, все это так! — еще раз произнес он торжественно, как на митинге, прерывая молчание. — Веришь ты в то, что такие подземные потоки существуют, серб? Можете допустить это вы, англичане?

Серб сказал:

— Я слышал об этом уже тогда, когда еще не ходил с отцом в море за осьминогами. Это вещи, известные каждому.

Мы, англичане, пожали плечами: возможно, все это было верно. Но какое отношение имело это к нам?

— Под землей, — снова заговорил тогда инженер, — есть не только реки, сравнимые с реками поверхности. Там есть огромные озера не измеренной еще никем глубины. Там шумят водопады, грохота которых никогда не слыхало человеческое ухо. Там, возможно, лижут темными волнами темные берега целые моря, принимающие в себя десятки потоков, изобилующие островами, окруженные тут обрывистыми утесами, там — пляжами шелковистого песка. Под землей есть своя водяная жизнь. О ней подозревают многие. О ней знает один человек на свете. И этот человек — я.

Вы поймете меня, кэптин! Я не в силах припомнить и передать вам все, что он говорил, передать его же словами: он был чересчур учен для меня. Но суть дела ясна и так.

— Везде, где под поверхностью земли лежат растворимые породы, вода просачивается сквозь них в глубь. Неверно думать, однако, что вода там, под землей, сочится ничтожными струйками, как нас учили в школе. Под землей, на разной глубине, под высочайшими горами, как и под обширными равнинами, под песками страшных пустынь так же, как под дном великих океанов, имеются воды второго этажа: могучие реки, глубокие озера, заливы морей, проливы, соединяющие все это между собою.

Самой первой на всей земле страной растворимых каменных пород ученые считают Балканский полуостров. Тут, — и Вук Хризич подтверждал нам его слова важными кивками седой головы, — тут таких то исчезающих, то появляющихся рек тысячи. Тут земля на километры в глубину подобна губке.

И тут-то, — голос его зазвучал как набат, так что Вайолт даже придвинулась ко мне, — тут, немного южнее острова Млет, в одном из небольших заливчиков моря открывается в Адриатику русло самой большой подземной реки этой страны. Отверстие лежит на пятнадцать метров ниже самого низкого уровня отлива (он не очень силен здесь, отлив). Оно обширно, как морские ворота порта. Из него изливается в Ядран поток, берущий начало в огромном подземном озере, лежащем на много метров выше уровня моря, но все же на триста метров под поверхностью земли, — это там, на востоке, примерно между Косьериче, Байина-Башта и Ужице. Озеро велико и обширно. Оно принимает в себя десятки подземных рек, а источает только две, расходящиеся в разные стороны. Одна, о которой уже была речь, впадает в море у Млета. Другая, текущая в противоположную сторону, пройдя сотню миль, вливается в Дунай.

— Вы слышите, товарищи! — крикнул Старик. — Она вливается в Дунай километров на пятьдесят выше Желез-

ных Ворот. Я назвал первую «Новой Волгой», а вторую — «Русской рекой».

Это было пять лет тому назад. Я имел право окрестить их, потому что я был первым и единственным человеком, прошедшим из конца в конец по этому страшному пути. Я был первым, прошедшим его до конца! Был и второй человек, но она осталась лежать в могиле на берегу озера Далеких Надежд, глубоко под землей. Я похоронил ее там. Подземные воды погубили ее. Но они теперь спасут нас, потому что на всем их протяжении обе реки этого царства судоходны... Теперь вы понимаете, чего я хочу, товарищи? Я хочу провести «Зету» подземным путем, под Балканским полуостровом, в Дунай. Русские взяли Калифат. Братья мои стоят над устьем моей реки. Что скажешь на это ты, Вук Хризич, серб? Что скажете вы, молодые англосаксы? Или вы отступите там, где прошел я?

Вот как он повернул все это, кэптин! Объясните мне, что он за человек?

Позднее, в глубокой тьме его подземелья, я долгие часы стоял рядом с ним у штурвала «Зеты». Бледный луч прожектора вырывал из мрака то колоссальную гранитную завесу, складками ниспадавшую в черную воду, то гладкие белые стены, облизанные быстро текущей водой, то тускло мерцающие дали каких-то неоглядных пространств.

Один только раз он осветил совсем другое.

Один только раз он осветил совсем другое: могучий красно-золотой утес на берегу чернильного озера и лунообразную подковку белого, как серебро, песка у его подножия, и маленький, грубо сколоченный намогильный крест над этим песком. И у меня похолодело сердце: страшно было видеть это единственное человеческое тут, среди неживой мощи земли, во многих сутках и бесконечных милях безмолвия, молчания, неподвижности, смерти...

Но я остался стоять, не отходя от него: рядом с ним мне было легче. И он рассказал мне свою жизнь. Я знаю ее теперь, как свою собственную.

До 1908 года она была ничем не удивительна. Он родился у вас в России, на реке Волге, в городе, который зовут Саратов. Родители его были люди обеспеченные, и он учился в Петербурге (теперь этот город носит великое имя — Ленинград) в горном училище над Невой. Ни о чем особенном он не мечтал: он просто хотел стать минералогом; ему, говорил он, нравились драгоценные камни...

В 1908 году он решил попутешествовать. Какой-то профессор посоветовал ему, между прочим, посетить Крайну и Далмацию, эти обетованные земли Геологов, страну таинственных пещер и рек, внезапно исчезающих под землею. Он послушался — и с этих пор жизнь его, подобно этим рекам, нырнула в иной, удивительный мир.

Через год он поселился в Италии, где-то около Тремоли. Он перевел в итальянские банки большую часть средств, доставшихся ему после смерти родителей, и в течение тридцати лет не думал, не слышал, не хотел знать ни о чем другом, как о своих подземных реках.

Станный он все же был человек (я не знаю, жив ли он, кэптин! С ума можно сойти, если он погиб!). Он не только изучал эти реки, как изучают их другие, он задался безумной целью — плавать по ним. Он забыл обо всем другом. Его родина ждала его, он это знал, но не хотел возвращаться к ней с пустыми руками.

В 1926 году была построена в Италии, в Турине, по его чертежам и в великой тайне крошечная подводная лодка,

рассчитанная на двух человек. А год спустя, в 1927-м, он женился. Ей было девятнадцать лет. Она была шведкой или латышкой, случайно приехавшей с родителями на модный курорт в эти места. Не знаю, как и что соединило их; только она отдала свою жизнь и свою душу ему и его рекам.

Год спустя его лодочка (он назвал ее «Протей»; есть, оказывается, такое животное, обитающее в подземных водах) впервые вышла в плавание. Это было двенадцатого августа. А еще через шесть дней она нырнула в огромное отверстие Млетского устья, и тьма подземного мира надолго сомкнулась над ней.

Десять долгих лет шаг за шагом этот человек, не делясь ни с кем ни словом, не публикуя ни единой строчки о том, что он видел, обследовал свою заветную реку, «Новую Волгу», свои владения.

Сначала это были короткие, робкие вылазки, опасливые нырки в глубины земли. Потом они становились все смелее и шире.

Шесть месяцев в году он плавал, шесть — обрабатывал добытый материал дома. Все один, всегда и во всем один, с единственной верной помощницей...

В 1938 году пришел наконец тот успех, о котором он мечтал. Войдя в июне в то же Млетское устье, он в июле всплыл рано поутру посреди Дуная. Всплыл на один-

единственный миг, только чтобы испустить в рассвет крик торжества и тотчас снова уйти под землю.

— Я не хотел, Баллард, — говорил он мне, — я не имел права выдавать себя на половине пути. Я мечтал о том, чтобы подарить человечеству и моей родине новый мир изученным и описанным до конца, до предела. Да, я был гордецом, и судьба жестоко покарала меня за эту гордыню. Ну что же? Так было нужно, Баллард!

Кара и верно была не легкой, кэптин! Жена Старика в те дни торжества была беременна. Рождение ребенка ожидалось через два или два с небольшим месяца, по возвращении домой. Но еще на пути туда она почувствовала себя нехорошо: казалось утомление или случилось что-нибудь другое — русский не коснулся причин.

В момент появления лодки среди Дуная молодой женщине сделалось совсем плохо. Нужна была, по-видимому, помощь врача и притом немедленная. Но эти двое безумцев, двое фанатиков решили плыть обратно. Еще бы: высадка на берег разоблачила бы их тайну, раскрыла бы ее преждевременно! Разве на это можно было пойти? И вот лодка ушла в глубину. А результат? Я видел этот результат: маленький темный крест на белой полоске песка, под трехсотметровой толщей камня, за сотни миль от малейшего звука, от самого слабого лучика света, от ничтожнейших проявлений жизни.

Вечно пустой, вечно прохладный серебристый полумесяц берега, вечное дуновение легкого ветра, дующего всегда в одну сторону, с востока на запад... Ничего более торжественного, страшного и скорбного не мог бы вообразить себе никакой романист, ни один художник! И посреди этого — высокий пожилой человек, без слез опускающий в неглубокую яму два безжизненных тела — молодой женщины и недоношенного ребенка! Ах, дорогой кэптин! Я простой солдат моей родины, грубый томми-йоркширец. Вайолт — девушка, прошедшая суровую жизненную школу. Хризич и его молодцы — нужно ли говорить о них? Что они видели и пережили за последние годы! Но я не стыжусь: там, в этой бездне, гнетомые стремлением скорее вырваться из нее, гонимые борьбою за жизнь, мы не удерживали своих чувств. Да, я плакал, кэптин, а Вук Хризич приказал своим сербам дать три залпа в воздух, пока темный крест еще виднелся за нами в бледном луче кормового прожектора. Он никому не смотрел в глаза, старый вояка. Русский же — он и тут был как каменный.

— Я не хотел, Баллард, — сквозь зубы сказал он мне полчаса спустя, — я не хотел раскрывать людям своей тайны, прежде чем сам не овладею ею. Я хотел принести ее моей родине — России. Может быть, вы скажете, что я был плохим русским: я много лет жил на чужбине, обуреваемый своею страстью. Но я делал это для России. Ну что ж? Если позволит судьба, теперь моя страна получит этот дар — мое открытие...

Похоронив жену, он вернулся домой одинокий, но не сломленный. Год он обрабатывал свои материалы. А потом... А потом все пошло вверх дном: война неистовствовала. Крик Муссолини по радио. Адриатика в огне. Немцы на Балканах!..

В сорок первом году инженер Саосерски понял, что не разглашение, которого он боялся, а другая, худшая опасность грозит его тайне: что, если ее захватят немцы?

Он думал недолго. Двадцать восьмого июня вилла Плу-tonия, его обитель, сгорела. Местные газеты писали: «Море

огня уничтожило коллекции и документы русского геолога...»

Да, но его рукописи не сгорели. Он спрятал их — я не знаю где! Пожар виллы был лишь необходимой жертвой.

Но враги, очевидно, о чем-то знали или догадывались. Неделю спустя в его номер в гостинице постучали. Вошедшие не были итальянцами; они говорили по-немецки... Они предъявили ордер на арест, составленный на двух языках. Русский инженер исчез из Италии... И только через три года маленькая «Зета» среди далматинских островов наткнулась на рыбацью лодку, в которой истощенный Старик греб на запад... Остальное вы знаете...

Что же мне еще рассказывать вам, кэптин? Вы или верите мне, или уже нет; слова могут прибавить немного!

Да, на рассвете следующего дня «Зета» у самого берега погрузилась в воду. Сербы доверились недрам своей страны.

Никогда не забуду животного страха, охватившего меня, когда электромоторы были включены, и мы двинулись вперед. Великий бог, куда?..

Мне трудно рассказывать дальше, кэптин... Мы следили время по часам, но у нас не было ни дня, ни ночи, — и разве я могу сказать, сколько суток прошло? Сегодня двадцатое? Ну, значит, мы плыли неделю.

Лодка почти все время двигалась на поверхности воды, но если бы вы видели этот мрак! Он был страшным, подавляющим... Один раз, когда мы отдыхали, я вышел наверх, и мне пришла в голову шальная мысль: погасить прожектор, освещавший недвижные скалы и скользкую безмолвную воду. Погасить — и посмотреть, как это выглядит. Тотчас же я вскрикнул и снова включил свет: мне показалось, что я умер, — какая тьма, какая страшная тьма! Сербы все семь дней говорили между собой шепотом. Вайолт держалась молодцом, но во сне и она бредила солнцем и жалобно звала: «Мэмми! Мэмми!» Только Старик был спокоен и счастлив, как у себя на родине. Без карт, без записей он вел нас все дальше и дальше в глубь своего страшного царства; и

каждый раз, как в этой первозданной пустоте, при разветвлении двух потоков: на черном утесе — белый, на белом — черный, возникал в прожекторном свете его условный знак — круг с точкой в центре и цифра, я испытывал стремление опять опуститься перед ним на колени. Ведь он уже был здесь! Вам случалось когда-либо стоять так, часами, касаясь локтем гения и героя? Нет? Пойдите попробуйте, кэптин! Тогда вы поймете меня...

День проходил за днем, а мы плыли... Он (мы все стали его звать так: «он», как бога), он чувствовал нашу слабость: ведь мы боялись.

— Час спустя, Баллард, — говорил он мне то и дело, — мы дойдем до знака «731». Я нарисовал его на зеленоватой колонке, справа по ходу.

Или:

— Сегодня к полдню мы выберемся к месту, где справа, не так далеко, ревет водопад, низвергающийся в бездонную пучину. Скажите девочке — пусть она вслушивается в его шум.

И когда до нас в глубоком молчании бездны вдруг начинал доноситься издалека странный, медленно нарастающий звук, нас охватывало благоговейное преклонение и перед наукой, и перед этим спокойным, некрасивым человеком, и перед той страной, из которой он вышел и в которую он нас теперь вел. Мы переглядывались. Мы улыбались. Да, русскому можно верить! Он — русский, он приведет к цели!

Было многое, очень многое, кэптин, чего я не могу еще вспомнить сейчас, может быть, потом, позднее... У меня в голове обрывки, пестрая смесь из чудовищной темноты, долгих, долгих разговоров вполголоса, легких и робких прикосновений Вайолт, призрачных картин, выхваченных из тьмы (о, эта невыразимая тьма! Я теперь до дня смерти моей буду спать, не гася лампы!) бледной рукой прожектора.

Я сказал уже: лодка почти все время плыла над водой. Были только два случая, когда понадобилось погружение:

при выходе из озера Далеких Надежд, и — самое опасное — где-то ниже этого озера, когда мы огибали Шумящую Стремнину. Здесь нам пришлось, минуя скалистый порог, уйти минут на двадцать пять почти на двадцать два метра в глубину. В отсеки «Зеты» тотчас стала просачиваться вода, но мы теперь были уже близки к цели.

Было там странное место, где у нас отказали все электроприборы. Он дремал в это время у руля, но вскочил как уколотый.

— Внимание! Все механизмы выключить! — крикнул он.

Я и не предполагал, что у него может быть такой могучий, звучный голос.

Потом он разъяснил мне: там поблизости залегает целое сокровище урановой руды. Она радиоактивна. Она создает электрическое поле. Все приборы выходят из строя тотчас же.

Часа три мы отдавались течению реки, и нас мягко дрейфовало вниз, вниз — к свету, к свободе.

После этого, кажется, я и спросил его вскользь:

— А золото? Нет ли тут золота, мистер Саосерски?

Он посмотрел на меня сверху вниз, как на ребенка, как на лилипута, как на растение, черт возьми!

— Золото? — переспросил он. — Смешной человечек! Тут есть вещи подороже золота, Баллард!.. Я знаю выход угля — не здесь, ближе к западу: там обнажается пласт в сто метров толщиной. Железо, редкие металлы... Человечеству будет открыта дверь в сокровищницу, какой оно еще не видело доньше...

Так сказал он... Но, кэптин, я устал немного... Я бы хотел закурить, если позволите... Не скрывайте от меня правды — я хочу знать: что с ними? Где он? Где Хризич?.. Где Вайолт? Вы знаете, теперь я уж не смогу жить без нее... Эта тьма обручила нас навеки. Так что будь что будет!..

Я буду краток. Да и что может еще рассказать вам Тэдди Баллард, сын стюарда, простой солдат старой Англии? Ничего...

Наступил последний день. Он предупредил нас, что мы у цели. Невозможно забыть, как радовались этому сербы...

А потом была дана команда: «К погружению!» И заработали моторы. Был миг, когда мне почудилось, что я сплю, что все это неправда...

Потом, кэптин, — мне жаль, что вы этого не испытали, — потом мы увидели первый луч света — дневного света!.. Он проник не прямо в лодку — он прошел сквозь стекла перископа. Но ведь это был все же свет, свет, свет!..

Хризич уже отдраивал герметический люк. Старик... Мне кажется, он хотел нас призвать к осторожности, но не успел: а может быть, он и не захотел этого... Он сам, думаю я, не выдержал такого счастья.

Прямо перед собой увидел я черно-белый фонтан воды и дыма.

Мы все вдруг высыпали на палубу лодки. На миг, на несколько минут мы увидели крутые берега реки, дым от пожара на ее правом берегу, низкие серые облака впереди, голубой просвет слева. Я хотел крикнуть «ура!»... Я судорожно сжал руку Вайолт... Я успел еще обернуться к нему. Он стоял без шапки на палубе, сильно дыша. Ветер играл его седыми волосами. Его некрасивое лицо было прекрасно, незабываемо прекрасно. Перед ним сразу открылась родина, свобода, великая честь и слава. Он поднял руку, чтобы сказать что-то нам. Но в эту секунду громыхнул взрыв.

Я увидел черно-белый фонтан воды и дыма прямо перед собою.

Берег точно перекувырнулся надо мной. Черная тьма, тьма подземелий, плеснула на меня опять. В нестерпимом ужасе я заметался перед ней, вскрикнул и очнулся.

Надо мной наклонилась сестра в белой косынке. Ваша сестра. Врач держал мою руку и считал пульс.

«Ах вот что! Значит, все это бред? — подумалось мне. — Значит, меня просто сбили над Адриатикой и спасли там, в море. Значит, ничего этого не было?..»

Ну вот! Я все вам сказал, кэптин. Теперь, умоляю вас, скажите мне: что с ним? Где он? Где Вайолт? Где сербы? Или это был только бред, только сумасшедшие видения в мозгу авиационного стрелка, сбитого врагами в бою над Адриатикой?

ВЛАДИМИР ОБРУЧЕВ

ВИДЕНИЕ В ГОБИ

Научно-фантастический рассказ

Художник Н. Витинг

Видение в Гоби

Акад. В. А. ОБРУЧЕВ

Рис. Н. Виткина

Геологическая экспедиция уже две недели находилась в Монголии, в Долине озер.

Эта долина отделяет обширное лесисто-степное нагорье Хангай, занимающее север Монголии, от цепей Гобийского Алтая, расположенных южнее. Долина имеет несколько сотен километров в длину с запада на восток и от 40 до 60 км в ширину. С нагорья Хангай в долину сбегает речки. Менее крупные из них по выходе из гор быстро теряют воду, и их сухие русла теряются в степи. Более крупные реки впадают в соленые озера, расположенные ближе к подножию Алтая. По этим озерам долина и получила свое название. В промежутках между речками предгорья Хангай в виде мягких увалов и цепей холмов часто вдаются довольно далеко в глубь долины, поверхность которой представляет собой сухую степь, местами переходящую в полупустыню. Долина озер, в сущности, является западным рукавом степи Гоби, занимающей значительную и самую низкую в отношении абсолютной высоты часть Восточной Монголии.

Гобийский, или Монгольский, Алтай, окаймляющий с юга Долину озер, состоит из двух, местами из трех-четырех параллельных горных цепей, между которыми расположены более или менее широкие продольные долины, кое-где с речками и озерами. Цепи эти нередко скалисты, достигают абсолютной высоты в 3000–4000 м, а в отдельных местах вершины их поднимаются выше снеговой линии и покрыты снегом и небольшими ледниками, которые видны издали и служат хорошими ориентирами. Монголы вообще любят обозначать термином «богдо» (великий) чем-либо замеча-

тельные горы, и эти высокие вершины Алтая носят имена Ихэ-Богдо, Бага-Богдо и Цасату-Богдо.

По Долине озер и между цепями Алтая пролегают большие караванные дороги, по которым в прежнее время ходили торговые караваны из городов Кобдо и Улясутай в китайский город Кукухото (или Гуй-хуа-чен) на северной окраине Китая, в нынешней провинции Суй-юань.

Реки, выбегающие из Хангая в Долину озер, врезают свое русло в дно долины и поэтому окаймлены террасами. Вдоль речек растут разные кусты, местами рощицы тополей и тала, а по берегам озер зеленеют заросли камышей, желтеют сыпучие барханные пески, которые встречаются и в других частях долины. На террасах вдоль рек, где грунтовая вода залегает глубоко, поверхность иногда представляет собой черную пустыню, усыпанную мелкой галькой и щебенкой, совершенно черного цвета от пустынного загара – «лака пустыни», который покрывает тоненькой пленкой породы любого цвета и состава и блестит под лучами солнца подобно маленьким зеркалам. Эти участки долины почти лишены растительности: жалкие кустики полыни, колючки или перекаати-поля отстоят один от другого на десятки шагов.

Дно долины вокруг озер, а также в промежутках между ними большею частью представляет более или менее обширные впадины, ограниченные одним, двумя или тремя уступами, подобными ступеням гигантской лестницы. Уступы эти обычно разрезаны ложбинами и оврагами, иногда отрезающими от края уступа отдельный скалистый или округленный холм, который геологи называют «свидетелем». В обрывах уступов часто вскрыты пласты горных пород, слагающих дно Долины озер. Это грубые конгломераты с галькой и щебнем разных пород, песчаники, глины, редко мергели различных цветов – белого, желтого, зеленого, серого, шоколадно-бурого, кирпично-красного. Иногда красные цвета господствуют, и уступы под лучами восходящего или заходящего солнца кажутся раскаленными или пылающими.

В слоях этих пород нередко включены кости и даже целые скелеты позвоночных животных, которые некогда населяли обширные степи Центральной Азии. В верхних уступах находят кости лошадей, двукопытных, носорогов, хищников, грызунов, изредка птиц и черепах, вообще животных, характерных для третичного периода. В нижних уступах попадают кости и даже яйца земноводных и пресмыкающихся, особенно разных ящеров верхнемелового периода, а в самых нижних слоях залегают черные горючие сланцы, называемые «бумажными», потому что они делятся на тонкие слои, похожие на листы грубой бумаги. В них находят целые скелеты небольших рыб, остатки ракообразных, мелкие пресноводные ракушки, отпечатки растений: возраст этих слоев определяют как нижнемеловой, даже переходный к юрскому.

На дне впадин встречаются кое-где площади кучевых песков, похожие на старые заброшенные кладбища. Они состоят из холмиков высотой до метра, чаще до полуметра, расположенных довольно тесно один подле другого. Каждый холмик неплотно покрыт длинными, тонкими и гибкими ветвями куста нитрария с мелкими листочками и красными, солено-сладкими ягодами, которые любят верблюды, козы и бараны. Под защитой каждого куста песок, переносимый ветрами, мало-помалу накапливается и удерживается, пока куст живой. А если его уничтожить, например на топливо, песок холмика опять будет развеян ветром и разнесен по соседним холмам.

***

Геологическая экспедиция прибыла в Долину озер, чтобы вести раскопки остатков вымерших животных третичного и мелового времени, схороненных в слоях уступов, окаймляющих впадины на дне долины.

Экспедиция состояла из трех ученых – геолога и двух палеонтологов – и двух препараторов, умеющих откапывать хрупкие кости, укреплять их на месте жидким клеем или гипсовыми оболочками, чтобы затем вынуть из слоев без

повреждений и укладывать в ящики для вывоза этих ценных редкостей домой. Несколько рабочих для раскопок, шофер автомашины, пастух для верблюдов и лошадей также входили в состав экспедиции, которая уже обследовала несколько впадин и выбрала одну из них, в уступах которой нашлось особенно много богатых костеносных слоев мелового возраста. Эти слои выходили в обрыве, который с утра до вечера освещался и накалялся летним солнцем.

Чтобы облегчить работу на солнцепеке, был установлен такой распорядок: вставали с восхода солнца, и уже с 6 часов утра начинали раскопки, пользуясь утренней прохладой, до 11 часов. Затем делали перерыв для обеда и отдыха в течение самых жарких часов, а с 4 часов до заката опять работали. Палатки экспедиции стояли на нижней террасе, недалеко от русла небольшой речки и в километре с лишком от места раскопок, на дне большой впадины.

В половине августа один день был особенно труден для работы. В Центральной Азии тихая погода бывает редко. Обычно с восходом солнца просыпается и ветер. Он дует сначала слабо, к полудню усиливается и продолжается до заката, мало-помалу ослабевая. Ночью большею частью тихо. Но в этот день ветер не проснулся с восходом, стояла полная тишина, солнце светило сквозь какую-то дымку и представлялось красным кругом без лучей. По мере поднятия его над горизонтом духота усиливалась; пыль, которую вздымали кайлы и заступы, не уносилась ветром, как в другие дни, а висела густой пеленой в воздухе и затрудняла дыхание. Все обливались потом, хотя и сбросили рубашки.

А в этот день раскопки обнаружили особенно интересные окаменелости: не кости, а целое гнездо из 12 яиц ящеров, лежавших в буро-красном песчанике одно возле другого. Они отличались от птичьих яиц более удлиненной формой и имели 20 см в длину и 6–7 в поперечнике. Некоторые были разбиты поперечными трещинами на куски, и внутри них можно было рассмотреть косточки неродившихся ящеров. Следовательно, гнездо, согревавшееся солнцем 75 миллионов лет назад, было уже близко к созреванию, когда ка-

кая-то катастрофа, может быть, песчаная буря, разлив реки или озера, на пляже которого самка ящера отложила свои яйца, занесла их толстым слоем песка и задушила пробуждающуюся жизнь.

Некоторые яйца были разбиты поперечными трещинами на куски, и внутри них можно было рассмотреть косточки неродившихся ящеров.

Когда вскрыли все гнездо и освободили яйца от песчанника, в котором они покоились, было уже почти 11 часов, и все изнемогали от духоты и пыли. Поэтому решили отложить окончание раскопки до вечера. Но, уходя на стан, ученые распорядились, чтобы гнездо покрыли брезентом, придавленным по краям камнями.

— Большой песчаный буран будет, — заметил монгол-рабочий, взглянув на небо.

«И эти драгоценности могут пострадать — их занесет песком или даже разбросает и разобьет», — подумал геолог Попов.

Вернувшись на стан и пообедав, все разошлись по палаткам на отдых. Днем полы палаток всегда немного поднимали, чтобы продувал ветерок; без этого в палатках, нагретых солнцем, было бы слишком душно. Начальник экспедиции – геолог Попов – занимал отдельную маленькую палатку. Он улегся на складную кровать и задумался.

Уже несколько дней участники экспедиции горячо обсуждали вопрос, какой вид Центральная Азия имела в то время, когда ее населяли различные семейства, роды и виды древних ящеров. Каков был климат этой обширной страны, какова растительность? Кости, находимые в изобилии, давали хорошее представление о животном мире, а состав меловых слоев указывал на условия их образования. Это были континентальные отложения, образовавшиеся на суше, в озерах, реках или на подножиях гор – в виде силевых наносов из материала, вынесенного дождевыми потоками из ущелий гор. Здесь было довольно много конгломератов и грубых песчаников – значит, местность не представляла собой равнины, а была гористая: в озера сносился материал размыва окрестных холмов и гор.

Но почему же в меловых слоях совсем не попадались остатки растений?

По мнению палеонтолога Петрова, отсутствие пластов угля среди этих отложений доказывало, что на дне впадин вокруг озер не было болотистых лесов, которые могли бы превратиться в пласты каменного угля. Другой палеонтолог, Панов, говорил, что огромные, неуклюжие бронтозавры и другие крупные ящеры не могли бы жить в болотистых дремучих лесах и пробираться между стволами деревьев. Обилие костей ящеров, найденных учеными, показывало, что когда-то здесь были обширные пышные луга с отдельными купами кустов и деревьев или леса, похожие на нынешние «галерейные» леса в Южной Африке, где свободно гуляют слоны и носороги.

«Окаменелые стволы деревьев, похожих на кипарисы, уже найдены нашими исследователями в Монголии, –

вспомнил геолог замечание, сделанное недавно Петровым. – Значит, деревья здесь были».

«Но почему же в костеносных слоях нет отпечатков листьев или стеблей растений? – продолжал размышлять Попов. – Ведь эти огромные и многочисленные травоядные ящеры нуждались в большом количестве растительной пищи, чтобы существовать самим и доставлять пищу хищным ящерам, столь же многочисленным и разнообразным».

Остается предположить, что эти прожорливые громадные травоядные съедали дочи́ста всю растительность, конечно, за исключением древесных стволов. Вот почему в отложениях совсем не попадали листья и стебли вместе с костями. Все было съедено и переварено! А в этой обжорливости, может быть, и кроется главная причина вымирания ящеров. Они вырождались и вымирали от недостатка пищи, уступая место мелким и менее прожорливым млекопитающим.

Попов лежал на кровати, и мысли его возвращались к этому интересовавшему его вопросу: почему так обильны и разнообразны были семейства, роды и виды ящеров, вообще именуемых динозаврами, в меловом периоде, и почему так быстро и загадочно исчезли они к началу третичного времени? Он вспомнил и о летающих ящерах, также разнообразных и обильных, и об отсутствии переходных форм от них к настоящим птицам, за исключением странного археоптерикса, жившего, впрочем, гораздо раньше. В противоположность голым птеродактилям археоптерикс уже был покрыт перьями, но он имел еще зубы в клюве и когти на крыльях...

***

В палатке было очень душно, и не спалось.

«Пойду лучше на воздух, пройду к раскопкам, проверю, хорошо ли укрепили брезент», – подумал Попов. Он надел шляпу и вышел из палатки. И сразу же ему бросилось в глаза изменение всего облика местности. Вместо сухой степи с пожелтевшими от летнего зноя кустиками и мелкой

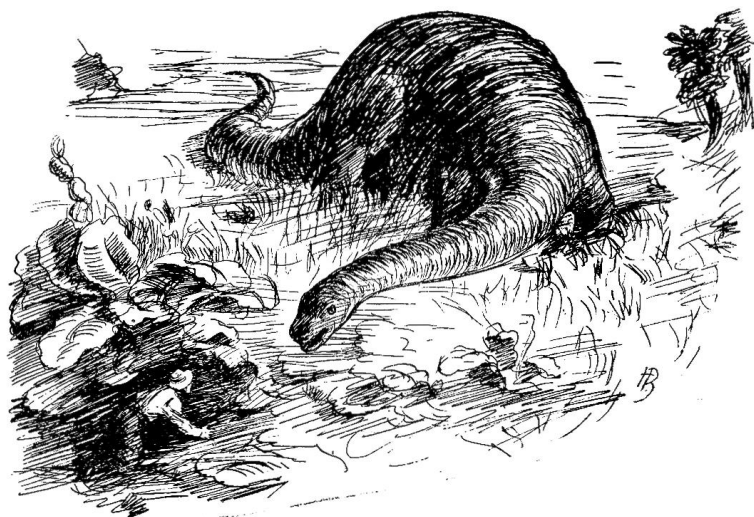
травкой перед ним расстился ярко-зеленый луг. Трава выше колен с обильными, но какими-то странными цветами волновалась под легкими порывами ветра. Кое-где среди луга виднелись кусты в рост человека и выше; одни были похожи на огромные кочаны капусты с отвисавшими сочными листьями, каждый из которых был величиной побольше дождевого зонтика. Другие кусты походили на кактусы, но без шипов, и с алыми цветами. На третьих, более мелколистных, гроздьями висели пунцовые ягоды, похожие на крупные сливы.

Геолог шел по лугу, раздвигая траву. В воздухе реяли крупные синие, зеленые и красные стрекозы, проносились с громким жужжанием черные и бронзовые жуки с детский кулак.

Вдали на юге луг доходил до подножия цепи Монгольского Алтая, которая поднималась зеленой стеной, увенчанной рядом скалистых пиков, на которых белели пятна и полосы снега.

Несколько раз геолог оглядывался на ходу и замечал, что Хангай, ограничивавший горизонт на севере, также делался выше, круче и зеленее. Немного дальше, среди луга, справа, открылся вид на русло довольно широкой и полноводной речки, которая струилась между невысокими берегами. Эта речка совсем не походила на жалкий ручей, журчавший по гальке среди широкого сухого русла, которое пролегало недалеко от стана экспедиции.

Еще сотни три шагов – и открылось устье речки у большого озера, гладь которого расстилалась почти до западного горизонта. На воде кое-где плавали какие-то крупные черные птицы с большими головами на тонкой шее и длинными клювами. Время от времени они погружали всю переднюю часть тела, выставляя заднюю, как делают утки. Попов повернул по хорошо протоптанной дорожке вдоль берега озера налево, где в стороне виднелась группа пальм и каких-то остро-пирамидальных деревьев, похожих на кипарисы. Большая стрекоза, неожиданно с налету ударившая геолога по щеке, заставила его поморщиться.

Голова ящера протянулась к ученому.

Немного дальше его внимание привлёк возвышавшийся среди зелени луга голый и гладкий зелено-серый холм с темно-зелеными полосами и пятнами.

***

«Какая-то странная порода. Не змеевик ли? Нужно посмотреть», — подумал Попов и направился к холму. И вдруг от холма отделилось нечто длинное, похожее на гигантскую змею с блестящими глазками, смотревшими на человека. Геолог инстинктивно прижался к кусту, похожему на огромный кочан капусты, и закрылся его листом. Змея изогнулась, голова направилась к тому же кусту, раскрылась пасть, схватила плоскими резцами лист «капусты», дернула и оторвала его, подняла вверх, подбросила и, подхватив за мясистый черенок, начала пожирать зелень, размахивая листом, словно веером, вверх и вниз.

Попов с интересом наблюдал эту сцену. Он догадался, что холм был туловищем этого чудовищного животного, а змея представляла его шею и голову, совершенно непропорциональные телу.

– Это, конечно, бронтозавр, – прошептал он. – Этакая громадина! Но нужно ретироваться – он может нечаянно толкнуть, опрокинуть, растоптать, хотя по существу это совершенно безобидный великан.

Скрываясь за листом «капусты», геолог начал было осторожно подвигаться назад. Ящер заметил это движение. Голова человека в светло-зеленой шляпе среди темной зелени кустов привлекла внимание чудовища. Оно приняло ее, очевидно, за сочный бутон или даже плод растения. Выплюнув остатки листа, голова ящера потянулась к ученому, который увидел возле своего лица розоватые мясистые губы и желтые резцы. Из чуть приоткрытой пасти вырывалось мощное кислое дыхание; с губ стекала зеленая струйка «капустного» сока. И вот губы схватили шляпу, сдернули ее с головы человека, подбросили вверх, подхватили и затянули в пасть. Но фетр пришелся не по вкусу ящеру. Мотнув головой, он выплюнул шляпу и потянулся за новым листом «капусты».

Попов, невольно присевший, когда с него срывали шляпу, продвинулся под защитой куста на несколько шагов в сторону и, нагнувшись, побежал между кустами прочь от обжорливого великана. Местность в этом направлении немного повышалась. Остановившись через несколько минут и оглянувшись, геолог увидел, что бронтозавр продолжал обедать тот же куст. Его массивное туловище поднималось плоским бугром над всеми кустами, но темные полосы и пятна делали его малозаметным на фоне луга. Длинная шея с маленькой головой то поднималась высоко вверх, подбирая оторванный лист, то почти скрывалась в зелени кустов. Немного левее виден был второй бронтозавр, также пасшийся на лугу.

Попов поднялся еще немного выше по косоугру и очутился на поверхности плоского увала. С него видна была другая обширная впадина с таким же лугом, кустами и рощами пальм и кипарисов. Вдали сверкала гладь большого озера. Одно место на его берегу сразу привлекло внимание. Там то и дело взлетали и кружились мелкие и крупные тем-

ные птицы, слышались пронзительный писк и громкое кваканье. Полет птиц напоминал неровный полет летучих мышей с частыми, мелкими взмахами крыльев. Вероятно, на берегу озера лежала какая-то крупная падаль, и птицы (это были крылатые ящеры) – взлетали, кружились, садились на нее, дрались друг с другом, пищали и квакали.

***

Один из ящеров, кружившихся над падалью, повернул и полетел в сторону наблюдавшего за ним Попова, спланировал невысоко над его головой и сейчас же полетел обратно, издавая резкий свист. Можно было рассмотреть его голое, зелено-серое туловище, поджатые к нему снизу короткие ноги с длинными когтями, широкие голые крылья в виде перепонки между боками тела и длинными пальцами передних конечностей, короткую шею и большую голову с длинным зубастым клювом. Величина тела достигала примерно роста десятилетнего ребенка.

«Высмотрел меня и, должно быть, хочет мной поживиться, – подумал Попов. – А теперь полетел за подмогой. Если парочка таких тварей нападет с двух сторон, – защититься от их когтей и зубов будет трудно. Нужно бежать».

Он повернул назад и пошел по увалу, спускаясь к первому озеру. Неожиданно перед ним открылась небольшая котловина, на дне среди кустов журчал ручеек. Дно котловины представляло собой площадку, усыпанную мелкой галькой. На площадке резвился десяток маленьких ящеров, величиной с кошку. Они подбегали друг к другу, тыкались носами, припадали к земле, кувыркались. В общем, это напоминало игру резвых щенят. Но вид их был довольно странный. Голое, желто-зеленое с пятнами туловище оканчивалось с одной стороны недлинным хвостом, а с другой – рогатой головой, окруженной высоким щитообразным воротником с зубчиками. Голова как будто была прилеплена к этому воротнику. Морда была клювообразной, над глазами выдвигался довольно длинный рог. В общем, голова похо-

дила на нечто вроде шляпки странного гриба, приклеенного к туловищу. Ноги были довольно длинные, с когтями. Попов с интересом наблюдал повадки этих ящеров.

«Как будто это трицератопсы, – подумал он. – Неужели они успели уже вылупиться из яиц, которые мы сегодня откопали?»

И вдруг широкая тень промелькнула по котловине. Ящерки тотчас же разбежались: одни укрылись под кустами, другие припали к поверхности земли, и можно было заметить, что темные пятна на их желтых телах делали их трудно различимыми на площадке, усыпанной галькой.

Крылатый ящер, пролетевший над котловиной, быстро замахал крыльями и сел на гальку шагах в десяти от геолога, притаившегося между кустами на краю котловины. При первом взгляде на это животное Попов подумал с удивлением: «Но это же не ящер, а, скорее, настоящая птица». Действительно, сразу можно было заметить, что животное это было покрыто чем-то, очень похожим на перья. Оно было высотой больше метра, считая от головы до конца хвоста, то есть крупнее орла. Шея была длиннее орлиной, клюв похож на клюв аиста и усажен мелкими зубами. Ноги высокие, пальцы снабжены большими когтями. Это был, очевидно, крупный хищник, преследовавший мелких ящеров. Медленно поворачивая голову, он высматривал притаившихся в котловине ящерков. Один из прижавшихся к гальке пошевелился, и хищник быстро скакнул к нему и ударил клювом по спине; при этом он расправил крылья, и легко было заметить, что это не перепонка, как у ящеров, а длинные крылья зелено-серого цвета из настоящих перьев. Пойманный ящерок пронзительно пищал.

«Неужели это гесперорнис? – подумал Попов. – Тогда это одна из первых настоящих птиц, живших в конце мелового периода».

***

– Эй, Иван Петрович! Вставайте скорее! Ураган налетает, нужно крепить палатки, – послышался чей-то громкий голос.

Буря быстро приближалась...

Попов вздрогнул. Окрик товарища прервал увлекательную игру воображения и вернул ученого мечтателя к действительности. Полотнища палатки надувались и хлопали; шляпа геолога валялась на полу. Попов вспомнил, что эту шляпу недавно жевал бронтозавр, поднял ее, нахлобучил и вышел из палатки.

Буря быстро приближалась. Вся западная половина неба была закрыта тяжелой буро-желтой тучей, край ее уже скрыл солнце. Низ тучи все время клубился в виде восходящих, круто наклоненных, крутящихся столбов. Гравий и песчинки дробью били по палаткам. По земле извивались змейками струи песка, проносились сухие веточки, листья, прыжками передвигались желтые кустики перекати-поля.

Рабочие пригнали трех лошадей и двух верблюдов, которые паслись в степи недалеко от стана. На этих животных перевозили ящики с добытыми костями с места раскопок на стан, и в бочонках привозили воду из чистого бочага в русле речки, найденного довольно далеко от стана. Лошадей привязали к грузовику с подветренной стороны, а верблюдов уложили на землю спиной к ветру.

Еще немного – и буря надвинулась на лагерь. Стало темно. Полотнища палаток вгибались от ветра глубоко внутрь и трепетали, песчинки сыпались на них градом и струйками стекали вниз. Казалось, что холст не выдержит давления воздуха, лопнет по швам, и палатка, разодранная на куски, улетит, подобно стае белых птиц, вместе с волнами бури на восток. Люди, стоя, подпирали руками вертикальные шесты, дрожавшие под напором ветра.

При одном из порывов бури Петров заметил своему товарищу Панову:

– Помните, как один географ утверждал, будто пыльные бури бывают только там, где имеются пахотные поля, с которых ветер и поднимает мелкую пыль? По его словам, в пустыне такие бури невозможны. Что сказал бы он сегодня здесь, в Гоби, где на сотни километров нет никаких пахотных полей, и нет даже колесных дорог, всегда пылящих при ветре. Откуда же тогда здесь столько песка и пыли?

– Бывают такие упрямые ученые, – ответил Панов. – Они упорно защищают свои слишком скоропалительно надуманные гипотезы, не считаясь с фактическими данными, которые их опровергают. Ему следовало бы посетить также пустыни – bad lands – в центральных штатах Северной Америки, где никто не пашет землю, а пыльные бури нередки, и уносят пыль до Нью-Йорка, за тысячи миль на восток.

***

Буря продолжалась часа полтора и закончилась коротким, но сильным ливнем с грозой – вообще довольно редким явлением в Гоби. Ливень встревожил ученых. С уступов впадины, на одном из которых были вскрыты костеносные слои, вода могла литься потоками и водопадами, снести брезент, разбросать и повредить только что вскрытые яйца ящеров. Следовало проверить место раскопок. Палеонтологи направились туда. По пути, проходя вдоль берега речки, которая утром представляла еще жалкий ручеек, они увиде-

ли целый поток, шириной в десяток метров. С шумом катил он свои волны, буро-желтые от грязи, перекатывая по руслу гальку и даже валуны. Очевидно, ливень захватил и склоны Хангая, откуда дождевая вода только теперь успела добежать до дна Долины озер.

На месте раскопок также видны были следы работы ливня. У подножия уступов во многих местах лежали смытые со ступеней конусы желто-красной грязи с галькой и обломками. В глубокой ложбине на дне впадины стояло озерко грязной воды. В озерке плавал брезент, снесенный бурей со ступени, на которой утром было вскрыто гнездо яиц. Само гнездо было покрыто слоем красной грязи в два-три пальца толщиной, нанесенной водой.

Осмотрев место, ученые решили не счищать сейчас грязь с яиц. Это могло повредить намокшую скорлупу. До утра грязь должна была застыть, и тогда ее будет легче снимать кусками, осторожно и не торопясь. Брезент вынули из воды и разостлали сушиться.

Тем временем Попов прошел на восток от стана, где он накануне нашел в барханных песках несколько палеолитических орудий и оставил их на песке, чтобы легче найти это место и начать правильную раскопку.

Орудия – грубые наконечники стрел, большое острие копья и несколько скребков – лежали, чуть выдаваясь из песка, на самой нижней части наветренного склона одного из барханов. Геолог скоро нашел это место и сначала не поверил своим глазам: вместо семи-восьми предметов, оставленных накануне, он увидел целые десятки их. Повидимому, в этом месте когда-то была целая мастерская первобытного человека. В свое время мастерскую засыпал надвинувшийся большой бархан. Много веков песок, переваемый ветрами, медленно перемещался по их направлению. Накануне, когда здесь были геологи, наветренный склон бархана начал сходиться с места, где была скрыта под песком первобытная мастерская. Прошедший ураган почти очистил от песка древние орудия и камни, частью уже расколотые, когда-то принесенные сюда первобытными масте-

рами. На всех орудиях на гранях, созданных человеком при обивке породы, были следы полировки их песком.

Попов захватил несколько образцов орудий, чтобы показать их товарищам и начать раскопки. Это было первое открытие остатков палеолитического человека в Гоби, и оно очень обрадовало ученого. Теперь и он привезет из экспедиции хорошую добычу...

ВЛАДИМИР ОБРУЧЕВ

ПОЛЕТ ПО ПЛАНЕТАМ

Научно-фантастический рассказ

Художник В. Таубер

ПОЛЕТ ПО ПЛАНЕТАМ

Академик В. А. ОБРУЧЕВ

Рис. В. Таубера

НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

НЕДАВНО у меня был интересный гость — один из летчиков Главного управления Северного морского пути. В своих полетах над Ледовитым океаном они изучают состояние и перемещение ледяных полей, находят удобные пути для судов, направляемых с запада и востока в гавани побережья Сибири для доставки товаров в устья больших сибирских рек, для снабжения работников полярных станций и местного населения и для вывоза разных грузов, прибывающих по сибирским рекам.

Этот летчик бывал у меня перед Отечественной войной, когда он участвовал в ледовых разведках при изучении «полюса недоступности» и в поисках неизвестных земель среди льдов — земель Андреева и Санникова. Теперь, спустя столько лет, он снова навестил меня.

— Я недавно вернулся из очень интересного, даже чрезвычайного полета, — сообщил он, поздоровавшись со мной.

— Неужели нашли, наконец, загадочную Землю Санникова? — обрадовался я. — В каком месте? В виде погасшего вулкана, так, как я описал в своем романе?

— К сожалению, Земли Санникова еще не нашли, — улыбнулся мой гость. — И я боюсь, что этой земли вообще уже нет, что она, как уверяют наши гидрологи, растаяла в связи с потеплением Арктики.

— Да, они думают, что эта земля состояла из ископаемого льда, как некоторые другие острова Ледовитого океана, которые тают на наших глазах и исчезают. Но в отношении Земли Санникова это еще нужно доказать.

— Мы были гораздо дальше, чем вы думаете. Я участвовал в испытательном полете по внутренним планетам нашей солнечной системы.

— Что вы говорите?.. На какого рода снаряде?

— Ракетном, реактивного действия. И полет был удачный. Вак видите, я вернулся жив и невредим.

— На какой же планете вы побывали? Вероятно, в первую очередь на нашем спутнике — Луне?

— Луна интересна только для геологов. На ней нет ни воздуха, ни воды, никакой жизни. Мы были гораздо дальше, — мы посетили Венеру и Марс.

— Вот так полет! Расскажите, какова скорость движения, способы посадки и старта снаряда, его защиты от космических лучей? Какая аппаратура?

— Об этом рано говорить, Ракета со всеми особенностями ее устройства — наше советское достижение последнего времени. Вот все, что можно сказать вам о снаряде.

— А наблюдения на планетах? О них можно поведать?

— Это можно. Скоро будет опубликован научный отчет, который составляют наши ученые, участники полета. Я могу сообщить только свои впечатления — не ученого, а только помощника штурмана, который видел все своими глазами и слышал некоторые объяснения ученых — астронома, геолога, палеонтолога.

— Расскажите! Буду слушать с величайшим вниманием.

***

— ПРЕЖДЕ всего, — начал свой рассказ летчик, — мы взяли направление на Венеру. Не буду описывать всего нашего пути, да и вас, я знаю, больше интересует, что мы увидели на самой планете.

Когда мы приближались к Венере, я сменился с вахты и, признаться, так крепко уснул, что не видел, как выглядит эта планета с близкого расстояния. Проснулся я, когда мы уже пробивались через пелену густых туч, которые ее окутывали. А когда пробились, — увидели под собой ландшафт, очень напоминавший нам земной, где-нибудь в Индийском море: большие зеленые гористые острова между широкими проливами, как будто мы летели на большой высоте над Явой, Суматрой, Целебесом и Борнео. Snаряд опустился на воду вблизи берега большого острова. Мы не могли, естественно, рассчитывать на то, что встретим на планетах подготовленные для нас ракетодомы. Наш снаряд был приспособлен, поэтому, для посадки и взлета с воды. Берег, около которого мы сели, оказался плоским, и причалить к нему было удобно.

На воде сразу обратили на себя наше внимание крупные плавающие животные, похожие на больших черных лебедей с длинной шеей и маленькой головой на широком туловище. Но, подплыв к одному из них поближе, мы рассмотрели, что шея и туловище этого лебедя покрыты не перьями, а гладкой блестящей кожей, и что вместо длинного и плоского клюва он раскрывает зубастую пасть. Это были огромные ящеры, похожие на плезиозавров нашей Земли, как объяснил наш палеонтолог.

Пока наш снаряд медленно плыл к берегу, мы заметили, что в воде мелькают рыбы разных величин и пород, плавают прозрачные бахромчатые медузы, головоногие моллюски с большими щупальцами, маленькие черепахи. Над спокойной поверхностью воды непрерывно проносились мелкие и крупные крылатые ящеры, похожие на наших летучих

мышей и по общему облику, и по своему полету. Только головы у них были покрупнее, и в разинутых клювах видны были острые зубы. Когда один из них подхватывал на лету с поверхности воды зазевавшуюся рыбу, другой ящер начинал преследовать его, стараясь отнять добычу, третий присоединялся к погоне. В воздухе все время мелькали их проворные тела.

Причалив к берегу, мы вышли на обширный луг, покрытый густой травой и небольшими кустами. В разных направлениях шли протоптанные тропинки, то узкие, то широкие. Мы направились по одной из них; конечно, с винтовками наготове. Проверив еще раз состав атмосферы, мы сняли кислородные маски: можно было обойтись и без них. Воздух на Венере теплый и влажный, но не захватывает дыхания. Вдали на лугу паслись какие-то животные, к которым мы и направились. По пути заметили, что в траве шмыгают небольшие четвероногие величиной с кошку, желто-бурые, полосатые и очень проворные — рассмотреть их не удавалось.

— Вероятно, млекопитающие ранней стадии развития. Непременно нужно раздобыть их! — сказал наш палеонтолог.

Пасущиеся звери поднялись из травы и рассматривали нас с удивлением. Они были выше человеческого роста. «Игуанодоны юрского периода», — определил их тот же ученый. Общей формой тела игуанодоны похожи на австралийских кенгуру, но крупнее их, и покрыты блестящей кожей серо-зеленого цвета. Голова большая, похожа на лошадиную, шея длинная, довольно тонкая, передние лапы маленькие. Глядя на нас, они пережевывали траву, захваченную толстыми губами, и кивали головами. А потом, чего-то испугавшись, бросились бежать, неуклюже, но быстро переваливаясь на массивных задних ногах. Палеонтолог успел сфотографировать их, как только они поднялись. Игуанодоны рвали траву, согнувшись и помогая себе передними лапами. Отбежав недалеко, они остановились, повернувшись к нам, и продолжали жевать толстые стебли.

В воздухе над лугом изредка проносились, разинув зубастые пасти, летучие ящеры величиной с гуся. Я заметил, как один из них, упав камнем в траву, потом поднялся, держа в зубах какого-то буро-желтого зверька.

Ящер унес свою добычу на дерево соседней рощицы, к которой мы подходили, и уселся на сук, собираясь пообедать. Наш палеонтолог поднял электрическую винтовку и выстрелил. Ящер выронил свою жертву, и сам упал вместе с ней. Когда мы подошли, оба зверя уже не двигались, и мы подобрали их, чтобы рассмотреть подробнее уже в ракете.

Роща состояла из больших папоротников, хвощей, цикадовых, похожих на пальмы, с густым подлеском из кустов разного облика. Наш ботаник, конечно, наломал веток растений разных пород с цветами. На листьях ползали голые и мохнатые гусеницы, бегали мелкие и крупные жуки, в воздухе реяли стрекозы и другие крылатые насекомые разных форм и цветов. Их было так много, что иные то и дело налетали на нас и падали на землю или садились на платье, с которого приходилось их стряхивать. Их преследовали небольшие крылатые ящеры, проворнее крупных, хватали и садились с добычей на ветки деревьев и кустов, чтобы проглотить ее без помехи. Рощи, особенно с теневой стороны, изобиловали этими насекомыми и их преследователями.

Миновав рощу, мы спустились к пляжу большого озера, усыпанному мелкой галькой ярко-красного цвета, — представьте себе этот удивительный пейзаж! Здесь мы сразу наткнулись на больших черепах, занятых кладкой яиц. Своими толстыми когтистыми лапами они разбрасывали гальку в стороны, вырывали длинную впадину вроде желоба, и затем самка, двигаясь вдоль нее, укладывала одно за другим десяток белых яиц, а самец, ползший немного левее, забрасывал их галькой. Черепахи были все темно-желтые внутри щитков и темно-бурые по их окаймлению.

Какие-то продолговатые холмы невдалеке обратили на себя наше внимание тем, что они как будто вздрагивали. Эти движения выдавали, что это живые существа, а не валы гальки, набросанные прибоем. Мы приблизились, и дей-

ствительно увидели огромных зверей, вытянувшихся на пляже. После обильной еды они, вероятно, отдыхали. Туловища их поднимались плоским горбом, от которого в одну сторону тянулся, понижаясь, огромный хвост, а в противоположную — нетолстая шея, оканчивавшаяся головой, совершенно крошечной по сравнению с массой тела. Окраска животных — буро-зеленая, с продольными, более темными полосками — усиливала их сходство с валиками прибоя. Над зверями вились роями крупные мухи и пытались садиться им на спину. Вздрагивая, животные отгоняли докучливых кровопийц.

Мы остановились шагах в сорока от зверей. Наш палеонтолог, посмотрев в бинокль, объявил нам: это, вероятно, бронтозавры, безобидные пожиратели водорослей. Они пугаются только массой своего тела.

Нам захотелось узнать, как будут выглядеть эти земноводные чудовища, когда они встанут во весь рост. Подходя ближе, палеонтолог выстрелил в воздух. Бронтозавры векочили — довольно-таки проворно, учитывая размеры их тела. Вытянув хвосты и подняв головы, они побежали, пока-

чиваясь на ходу, к воде. Их было четверо. Тяжело ступая массивными ногами, похожими на ноги бегемота, и разбрызгивая воду во все стороны, они зашли в озеро до половины брюха, остановились и, повернув головки в нашу сторону, рассматривали нарушителей их обеденного отдыха. Теперь было видно, что спина их поднималась выше поднятой руки человека среднего роста; длиной же, от головы до конца хвоста, они были метров в двадцать.

— Сколько же такая машина должна ежедневно поглощать растительности для своего существования? — воскликнул ботаник.

Но тут наше внимание было отвлечено другим зверем, который, очевидно, заметив бронтозавров, выскочил из рощи и, делая крупные прыжки, скакал по пляжу в нашу сторону.

— Хищник и, наверное, опасный! — заметил палеонтолог.

Наш пилот, опытный стрелок, поднял винтовку, выждал приближения зверя и выстрелил разрывной пулей. Хищник свалился на скаку. Из осторожности мы подошли к нему, когда он уже перестал шевелиться.

По форме тела зверь этот походил на игуанодонов, но был стройнее их, что и способствовало быстроте его движений. У него была более крупная голова с большой пастью, снабженной острыми зубами, с большим рогом на переносице и несколькими поменьше на шее. Передние ноги — небольшие, с когтистыми лапами, задние — массивнее, но не такие огромные, как у игуанодонов. Тело было покрыто мелкой чешуей, не стеснявшей его движений. Этот хищник, также похожий на кенгуру, как игуанодоны, был гораздо проворнее их. Судя по быстроте его бега и величине скачков, он был опасным врагом игуанодонов. Но он мог, очевидно, овладеть и неуклюжим, громадным бронтозавром, вскочив ему на нижнюю часть шеи и перекусив артерии.

Едва мы успели рассмотреть этого ящера, как из надвигнувшихся густых туч полил дождь, заставивший нас поспешно направиться к своему снаряду и укрыться в нем.

Пока мы добрались до ракеты, дождь превратился в проливной, и через сеть ливня почти ничего нельзя было рассмотреть.

Мы прождали несколько часов, но улучшения погоды не было заметно. Так, во время дождя мы и покинули эту мокрую планету, красивый блеск которой, при взгляде на нее издали, очевидно, обусловлен густой пеленой туч, окутывающих ее поверхность и отражающих солнечный свет.

Пока мы сидели в ракете в ожидании прекращения ливня, мы могли обменяться впечатлениями относительно воздуха этой планеты. Воздух Венеры очень теплый и влажный. Мы чувствовали себя, словно в паровой бане, и по нашим лицам струился пот. Солнце пробивалось через тучи только на несколько мгновений, и диск его казался нам вдвое больше, чем с нашей Земли.

Проведя сутки по нашему времени на поверхности Венеры, мы находились вне снаряда только в течение примерно шести часов. Но для первого знакомства с планетой и этой небольшой экскурсии было достаточно. Дальние вылазки в этот первый прилет мы совершить не могли, так как средств передвижения по планете у нас, кроме собственных ног, никаких не было. В ракете не было места не только для автомобиля или самохода, но даже для велосипеда. Впрочем, последний мало пригодился бы нам в здешних условиях.

Поднявшись, мы пробились опять через густую пелену туч и взяли направление к нашей Земле, которая с Венеры виднелась в виде крупной звезды на небосклоне. Было интересно видеть, как она постепенно увеличивалась, а Венера уменьшалась. Скоро мы смогли уже различать на Земле очертания морей в виде больших ровных темных площадей, тогда как материки представлялись неровными пятнами со светлыми цепями гор, покрытыми снегом, зелеными пространствами лесов, крапинками озер и линиями рек. Мы видели, как менялось освещение, как перемещались очертания материков и морей в связи с вращением планеты.

Когда мы пролетали на наименьшем расстоянии от нашей планеты, перед нами среди похожих на клочки ваты облаков открылось ее западное полушарие. Так как время было около весеннего равноденствия, можно было хорошо различить зимний белый покров Канады, пестрые пятна на территории пустыни в центре материка, переходящие на юге в желтый пвет прерий Техаса, а южнее — темные извилистые цепи Кордильер среди равнин Мексики, уже одевшихся в яркий весенний наряд. Дальше на юге, суживаясь между двумя океанами, пестрела Центральная Америка с извилинами горных цепей.

Мы смотрели на развернутую перед нами карту материка, который не так давно привлекал к себе эмигрантов Старого Света, искавших на нем свободы для приложения своих сил и способностей и бежавших от власти богачей, царей и церкви. Увы, люди были обмануты в своих надеждах! В наши дни это царство Желтого дьявола хочет управлять всей планетой, угрожая ей своими отвратительными щупальцами. Тщетные потуги!

Надежды всего мира обращены сейчас к другой части планеты, которая показалась перед нами, освещенная лучами Солнца. Медленно поворачивался земной шар, и перед нами, как на чудесной панораме, проходили большие просторы нашей Советской Родины, окаймленной с запада и с востока целым созвездием демократических стран. С волнением и гордостью смотрели мы на огромную часть планеты, где восторжествовали лучшие чаяния человечества. Мы были представителями страны, показывающей путь всему миру.

Но наш снаряд удалялся от Земли.

***

Мы увидели диск Луны со знакомыми всем морями и кольцами вулканов. Он скоро остался позади. Ракета держала курс в Марсу — второй и последней станции нашего полета.

Все приборы управления ракеты действовали безукоризненно, и мы могли отмечать приближение к планете «шаг за шагом», хотя, конечно, «шаги» эти были поистине гигантскими.

Красноватая точка на небе все увеличивалась, и вот планета уже видна в виде большого диска на черно-фиолетовом фоне неба. Сразу бросилось в глаза большое белое пятно на верхней части Марса вокруг его северного полюса, темные и светлые пятна разных очертаний и густоты на остальной части диска. Некоторые из них — темные — тянулись узкими прямыми линиями в разных направлениях, напоминая нам о каналах, будто бы созданных разумными обитателями этой планеты, по мнению некоторых астрономов, высказанному более полувека назад. По временам эти линии застигались словно легкой дымкой, которую можно было истолковать, как присутствие облаков, то есть влаги, в атмосфере, и надеяться, что на Марсе найдется также и вода. А последняя в виде моря или хотя бы порядочного озера была нам необходима для посадки. Ведь если на планете нет этих условий, нам пришлось бы только облететь вокруг нее и полюбоваться на ее лик с высоты нескольких тысяч метров — на сушу наш снаряд не мог садиться.

Марс постепенно приближался. Все яснее и разнообразнее становились контуры пятен разных оттенков — зеленого, синего, фиолетового, а граница белой площади на Северном полюсе распалась на бахромчатые фестоны — это были, несомненно, края зимнего снежного покрова. Более отчетливо стали выступать и очертания светлых красноватых площадей разной густоты окраски. Выяснилось, что одни площади, светло-красные, имели ровную поверхность и, вероятно, представляли моря и озера, а другие, более темные, были морщинистыми, и скорее всего, являлись горными возвышенностями.

Еще несколько часов полета, и уже нельзя было сомневаться в том, что на Марсе имеется растительность, занимающая большие площади, самых темных цветов — от зеленого до фиолетового, встречается суша красного цвета,

вероятно, представляющая собой пустыни, и довольно много крупных и мелких площадей воды, по-видимому, неглубоких морей и озер, через воду которых просвечивало их красное дно.

Высмотрев большую площадь воды, от которой отделялись два расходившихся под острым углом узких канала, мы удачно опустились на поверхность моря.

— Итак, на Марсе вы обнаружили сушу и воду, а на суше растительность? — воскликнул я. — Значит, выводы советских ученых о том, что на Марсе есть растительность, подтверждаются.

— Немного терпения! — улыбнулся летчик. — Все узнаете. Продолжаю по порядку.

Нужно сказать, что избытком тепла Марс похвастаться не может. Диск Солнца, если его наблюдать с Марса, представляется вдвое меньшим по своему диаметру, чем с Земли. Солнце греет далеко не так сильно, как на Земле, но зато греет ровно, так как облачность на Марсе очень слабая.

— А воздух какой? — поинтересовался я. — Свободно ли дышали?

— Воздух разреженный, как у нас на высоте трех-четырех тысяч метров высоты. Но он богаче кислородом, чем на Земле, так что дыхание не затруднено. Каких-либо пахучих или вредных газов в составе атмосферы Марса нет, и кислородные маски мы сняли.

— Итак, вы сели без приключений?

— Совершенно свободно — на спокойную воду.

После посадки мы подрулили к берегу, не причалить не могли — везде вдоль берегов вода мелкая. Пришлось спустить нашу маленькую складную лодку, рассчитанную на двоих людей, и по очереди перевезти всех. Берег был плоский, из красного песка с мелкой галькой. И почва на Марсе везде красная. Из-за этого даже издали планета кажется красной, почему ее и называли именем бога войны.

По широкому пологому пляжу мы поднялись вверх. Ширина пляжа доказывала, что здесь бывают сильные волнения, когда вода заливает большие площади плоских бере-

гов, то есть указывала на наличие сильных ветров. Едва ли ширина пляжа может свидетельствовать о наличии приливов — ведь у Марса спутники очень маленькие.

— Широкий пляж можно объяснить и тем, что моря на этой планете очень неглубокие и частью усохли, — заметил я.

— Совершенно верно! Пройдя десятка три шагов по пляжу, мы встретили опять полосу воды, тянувшуюся далеко в обе стороны, — быть может, остаток последней бури. Идти вброд нам не хотелось. Самый молодой из нас захотел перепрыгнуть через это препятствие, шириной метра в два или полтора. Он прыгнул и — перенесся сразу метров на десять вперед и на два вверх.

Наш астроном крикнул ему:

— Вы забыли, что притяжение на Марсе в два с половиной раза слабее, чем у вас на Земле! Поэтому всякое мускульное усилие дает здесь эффект в шесть с половиной раз больше!

Мы все, конечно, повторили этот прыжок через водную преграду и стали подвигаться вверх по пляжу большими скачками, состязаясь друг с другом в их высоте и длине. Таким способом мы легко преодолевали плоские, но широкие валы, которые покрывали этот пляж на протяжении нескольких сот метров.

Так мы добрались до опушки леса. Мне показалось, что я опять очутился на Камчатке, на окраине ее знаменитых зарослей ольховника, через которые только медведи и собаки умеют беспрепятственно ходить по всем направлениям. Эти заросли состояли из толстых, в руку человека, стволов, высотой в полтора-два метра, искривленных в разные стороны, и на этой высоте превращавшихся в целую сеть горизонтальных ветвей и веточек, покрытых довольно широкими листьями и цветами.

Листва создавала сплошной и с поверхности почти ровный покров, похожий на толстый ковер, раскинутый во все стороны на некоторой высоте от почвы. Нагнувшись, можно было смотреть между стволами, стоявшими не густо, от по-

луметра до метра один от другого, пока на некотором расстоянии вдаль взгляд не упирался в решетку этих стволов. Между стволами везде видна была красная почва, поросшая мелкой и негустой травкой. Нагнувшись, человек мог ходить во всех направлениях между стволами, огибая их то справа, то слева, и имел над головой сплошную листву.

Очень удивил нас цвет этой листвы — от темно-зеленого до синего и фиолетового. Круглые мелкозубчатые листья были темно-зеленые, крупные лапчатые — фиолетовые, а мелкоигльчатые, вроде наших елок, — синие. Пройдя десятка три шагов под этим сине-зелено-лиловым сводом, мы остановились: идя дальше, можно было заблудиться. Мрак под сводом листвы сгущался, а в окружающей нас чаще, кроме стволов и толстых ветвей, на уровне зрения ничего не было видно. Чувствовались духота и тепло, как будто исходившие из красной почвы зарослей.

Мы повернули назад, вышли на окраину этого странного леса и прошли вдоль нее на восток километра два. Пейзаж не менялся; можно было думать, что вся растительность Марса имела такой же характер ольховника камчатского типа. Нигде не видно было сколько-нибудь выдающихся вершин деревьев над этим ковром — остро-пирамидальных или округло-куполообразных, как в земных лесах.

Мы прошли еще немного дальше, и неожиданно наткнулись на обитателей этих зарослей. Это были четвероногие, ростом с собаку средней величины, с довольно густой шерстью. Она была неровной окраски — с чередованием более светлых и более темных бурых вертикальных полос. Светлые полосы по цвету не отличались от стволов зарослей, и если животное стояло неподвижно, оно становилось совершенно незаметным среди стволов. Мы успели рассмотреть, что животные паслись на ковре жидкой травы по окраине зарослей, срывали ее губами и, очевидно, являлись травоядными. Ни рогов какой-либо формы, ни острых клыков в пасти у них не было видно. Когда мы приблизились к ним, чтобы разглядеть их получше, они подняли головы, осмотрели нас, растопырив большие треугольные уши, и с хрю-

каньем бросились в чашу, которая великоленно укрывала их.

Немного дальше мы увидели и пернатых обитателей зарослей. Они были величиной с нашего рябчика и перепархивали по поверхности зарослей, что-то хватая большими клювами — ягоды или насекомых. Они были черные со спины и светло-бурые снизу и, вероятно, гнездились на ветвях. А когда над зарослями появилась более крупная птица облика коршуна, медленно планировавшая кругами на некоторой высоте, «рябчики», громко щебетавшие ранее, замолкли и попрятались от этого, очевидно, хищника.

Мы прошли еще минут десять вдоль окраины зарослей и попробовали снова проникнуть в их глубину.

Построившись цепочкой, чтобы не потеряться, и согнувшись немного, мы углубились в чашу. И сразу почувствовали, что под сенью этой густой листвы, образующей сплошной покров, гораздо теплее, чем на открытом воздухе. Приходилось думать, что тепло на самом деле исходило из почвы. Очевидно, теплота передавалась из глубин планеты, а густой покров листьев на деревьях сберегал это тепло, не позволяя ему быстро рассеяться в прохладном воздухе атмосферы Марса. У нашего астронома имелись походные термометры, и мы определили, что в воздухе температура была +20 градусов С, а в самой почве, на глубине нескольких сантиметров, даже +22 градуса С. Нам стало понятно, чем вызвано своеобразие маренанской растительности. Она приспособилась к слабому источнику тепла в лице Солнца, и к более равномерному нагреву, исходящему из недр планеты, очевидно, хранивших еще большие запасы тепла.

Нас, конечно, заинтересовала и температура моря Марса.

Вернувшись из зарослей на берег, мы произвели измерения и убедились, что морская вода также была теплая и имела +20 градусов С, тогда как температура воздуха в тени в ясный солнечный день достигала только +10 градусов С.

С пляжа мы увидели недалеко красные холмы и направились к ним, так как заросли камчатского типа, населенные хрюкающими четвероногими, не представляли уже большо-

го интереса. По мере приближения к пескам заросли становились все реже и ниже. Затем начались сплошные пески. Это были барханные гряды из светло-красного мелкого песка, обращенные пологими наветренными склонами в сторону морского берега и поднимавшиеся в противоположном направлении постепенно все выше. Мы поднялись по наветренному склону барханной гряды на ее гребень и увидели впереди такие же дюны или барханы, одну гряду за другой. Очевидно, ветры упорно дуют здесь от берега моря в глубь страны. Можно было представить себе, какие здесь бывают пыльные бури в ненастные дни зимнего полугодия!

Так как день клонился уже к вечеру, мы повернули назад. Растительность на барханах отсутствовала, только вдали кое-где виднелись отдельные пучки трав и мелкие колючие кустики.

Вернувшись к месту высадки, мы переправились по воде к ракете, поужинали, обменялись впечатлениями, записали их, каждый со своими комментариями, и легли спать.

Сутки на Марсе на полчаса длиннее земных. За ночь мы успели хорошо отдохнуть. А с утра, подкрепившись, стали готовиться к дальнейшему путешествию.

Мы поплыли в ракете по морю. Пейзаж сначала имел тот же характер — вдоль берега тянулись заросли камчатского типа. Мы изучали их из окон нашего снаряда, который плыл вдоль берега на некотором отдалении, там, где была достаточная глубина.

Но вот в зарослях появился разрыв; отсюда, по направлению на север, тянулся широкий канал, окаймленный с обеих сторон теми же деревьями.

Мы повернули и поплыли медленно по каналу, следя за глубиной воды, чтобы не наткнуться на отмель. В воде видны были рыбы разной величины и окраски, небольшие черепахи, а по поверхности плавали черные птицы. Последние при нашем приближении торопливо взлетали, но наш зоолог успел определить, что они более похожи на птеродактилей, то есть летающих пресмыкающихся мелового периода. Бросались в глаза их большие головы, зубастые клювы и

тяжелый порхающий полет, как у летучих мышей; тело их было покрыто скорее мелкой чешуей, чем перьями. Они плавали быстро и, ныряя в погоне за рыбой, уходили почти совсем под воду. Но накануне мы видели в зарослях настоящих птиц, так что можно было заключить, что на Марсе орнифауна разнообразна.

Канал то сильно суживался и мелел, то расширялся и углублялся. Мы не заметили следов, которые говорили бы об искусственном его происхождении. Предположение о том, что каналы на Марсе созданы разумными существами, пока не подтверждалось. Оба берега канала были покрыты зарослями, листва которых спускалась к поверхности воды. В бинокль мы рассмотрели, что эти кустарники покрыты крупными ягодами.

Канал вскоре сузился и так обмелел, что было слишком рискованно двигаться дальше. Мы повернули назад и выплыли снова на простор моря. Здесь мы поплыли по старому направлению. Час или полтора спустя заросли на берегу стали редеть. Среди них появились красные песчаные холмы, а затем начались сплошные пески, подобные виденным накануне, с барханными грядами, повышавшимися все более с удалением от морского берега, и представлявшими полную пустыню. Мы плыли вдоль берега этой пустыни часа два и, не видя признаков перемены ландшафта, решили закончить этим нашу рекогносцировку поверхности планеты.

Можно было заключить, что последняя представляет ландшафт только трех отмеченных нами родов: неглубокие моря, населенные рыбами, черепахами и птеродактилями; заросли деревьев камчатского типа, населенные четвероногими нескольких видов и птицами: совершенно пустынные сыпучие холмистые пески. Возле обоих полюсов можно было предполагать еще снеговые поля, почти исчезающие летом.

Крупных неровностей рельефа в виде горных цепей и нагорий мы не встретили. При облете планеты они также не попались нам на глаза. Можно думать, что поверхность

Марса давно уже сnivelирована процессами эрозии. Единственные неровности представляют барханные гряды песков, наметенные ветрами.

Нужно заметить, что вода в морях Марса повсюду, где мы ее пробовали, была почти пресная, так что ее свободно можно было пить; в канале она была совершенно пресная. Каналы, вероятно, получают воду из тающих полярных снеговых полей. В зарослях же собирается влага, которая конденсируется из воздуха в барханных площадях благодаря резкому понижению температуры ночью даже в летнее время. Это последнее мы заметили в течение ночи, которую провели на море Марса. Была середина лета, а после захода солнца температура воздуха упала до 2-4 градусов С.

Приходится думать, что жизнь на планете в виде малообразных форм животных и растений ограничена площадями зарослей, согреваемыми поднимающимся из глубин подземным жаром, который распространяется также на прилежащие мелкие моря. Охладившиеся же участки поверхности планеты превращены процессами выветривания в бесплодные песчаные пустыни. Сильные колебания температуры на этих площадях способствовали этим процессам.

Упомяну еще, что из двух спутников Марса, — Фобоса и Деймоса, очень маленьких и близких к планете, мы видели только одного — в виде довольно яркой небольшой луны, которая быстро перемещалась по небу и восходила на западе. Наш астроном сообщил нам, что плотность Марса всего 3,8, то есть меньше земной (5,5), и поэтому можно думать, что металлического сплошного ядра эта планета совсем не имеет или же оно очень маленькое. Огромное развитие песчаных площадей соответствует этим особенностям внутреннего строения планеты.

Вечером второго дня, видя нашу Землю перед собой на небосклоне, мы поднялись в обратный перелет, который закончился вполне благополучно.

Это было первое посещение планет. За ним последуют более продолжительные экспедиции, которые откроют, вероятно, еще много нового. Советские исследователи первы-

ми ступили на эти планеты. Можно не сомневаться, что они раскроют до конца все загадки этих «подруг» Земли по солнечной системе.

Ф. ВЕЙТКОВ

ЭЛЕКТРОСТАНЦИЯ 195... ГОДА

Научно-фантастический очерк

Художник В. Буравлев

*Полуфантастический очерк
инженера Ф. ВЕПТКОВА*

Рис. В. БУРАВЛЕВА

СОВЕТСКИЕ люди делают чудеса: они сказочно преобразуют свою родину, — так пишут нередко о нас и нашей стране за рубежом.

Однако наши «чудеса» построены на достижениях науки, они покоятся на точных расчетах, вытекают из самой жизни. Эти «чудеса» планируются заранее.

Вот они, контуры ближайшего будущего; — тепловая районная электростанция, которая войдет в строй действующих предприятий через пять-шесть лет.

...Земли, где будет стоять электростанция, лежат к юго-западу от Москвы. Как и протекающая здесь река — приток Оки, — земли эти зовутся Черепеть.

Здесь продолжение Подмосковного угольного бассейна, границы: которого кажутся нескончаемыми.

Подмосковный уголь уступает по многим качествам донецкому, но современная советская техника позволяет использовать и его с большим успехом. Об использовании этих природных богатств нашей страны заботился еще Ленин. В апреле 1918 года великий вождь обратился в Академию наук с письмом — «наброском плана важнейших научно-технических работ», в котором считал важнейшей задачей — использование непервоклассных сортов топлива (уголь худших сортов) для получения электрической энергии.

Здесь, в Черепетье, в 195... году мы увидим настоящего гиганта советской энергетики. Самая совершенная техника

будет собрана здесь для того, чтобы извлекать энергию из подмосковного угля. Попробуем же совершить экскурсию в ближайшее будущее.

ЧЕРЕПЕТЬЕВСКАЯ ГРЭС

МЫ ПРИБЛИЖАЕМСЯ к станции. Красавица ГРЭС видна уже за несколько километров. Над трубами — светло-серое облако едва заметного дыма. Иные подумают: «Электростанция не работает или «везет» очень малую нагрузку». Нет! Электростанция работает с полной нагрузкой. Слабый дым из труб — доказательство хорошего сжигания топлива.

Мы на самой станции, Вот на путях к ней показался состав с углем из близлежащих черепетьевских шахт. Состав стал под выгрузку. Никакой суеты. Собственно, некому и суетиться: прошла пора грузчиков. Человек в застекленной кабине, находящейся на возвышении, нажимает кнопку. Могучие железные рычаги, освободив сцепку, подхватывают вагон с углем и легко опрокидывают его над отверстием в земле. Уголь высыпается в подземные сараи — бункеры.

Отсюда — начало путешествия угля по электростанции. Последуем за углем. Из бункеров он захватывается вращающимся «пауком» и сыпается на движущуюся ленту транспортера. Уголь по наклонным галереям «едет» в верхний этаж дробильного завода, откуда падает по вертикали в прожорливые пасти дробилок. Сырой уголь, даже раздробленный, горит плохо. Его надо высушить и превратить в легко воспламеняющуюся пыль.

С этой целью уголь направляют в мельницу, где он размалывается и одновременно подсушивается.

Приготовленное топливо — угольная пыль — вдувается в топку котлов. Здесь оно сгорает, создавая температуру до 1500 градусов.

Всем этим сложным хозяйством командует начальник смены котельного цеха. Он сидит за пультом управления. В его подчинении мало людей.

Вместо рабочих, занятых прежде у каждого из агрегатов, введены обходчики — по одному на этаж. «Умная» автоматика освободила людей от тяжелого труда кочегаров, обеспечив правильное горение топлива, питание котлов и нормальное ведение всех других процессов.

Но подойдем к котлу — этому большому и сложному агрегату новой электростанции... По размерам он не меньше пятиэтажного дома. Правильнее было бы назвать этот мощный агрегат не котлом, а генератором пара. Здесь чистая, освобожденная от солей и газов вода превращается в пар. Температура и давление этого пара необычны... Впервые в мире котлами Черепетьевской ГРЭС производится пар давлением до 200 атмосфер и температурой 550 градусов Цельсия!

СКАЗОЧНЫЙ ВЕЛИКАН

В ЧИСЛЕ заданий послевоенной сталинской пятилетки были указаны работы по освоению пара высокого давления. Почему этой проблеме уделяется столь большое внимание?

Применение пара высокого давления (а значит, и высокой температуры, так как иначе не получишь большого давления) дает стране огромную экономию топлива.

Вот простой расчет: на получение одного килограмма пара среднего давления (30 атмосфер) расходуется 110 граммов угля. На каждый килограмм пара давления 170 атмосфер расходуется только 90 граммов угля. Экономия топлива значительная.

Из этих граммов создается общегосударственная экономия в размере многих миллионов тонн угля.

Но что же такое пар высокого давления и температуры?

Выпустим из котла наружу немного такого пара. Он окажется совершенно невидимым и прозрачным, как воздух. Если струя этого невидимого пара встретит металлический лист толщиной в несколько миллиметров, она медленно просверлит его, как раскаленный гвоздь прожигает фанеру.

Пар высокого давления, выпущенный наружу, увеличивает свой объем в 100 раз; скорость его расширения в 5 раз превышает скорость звука. Отчаянный свист вырывающейся струйки пара высокого давления способен оглушить надолго.

Такой пар — словно сказочный великан, упрятанный в котел. Выпущенный в турбины, он производит огромную работу.

И вот мы входим в светлую комнату — «тепловой щит электростанции». Здесь — хозяин всего теплового хозяйства станции: дежурный теплотехник. Перед ним — приборы и кнопки командного пульта.

Приборы показывают, что происходит в каждом котле и турбине. Теплотехник видит: достаточно ли воздуха для полного сгорания топлива; сколько пара производит котел; нормально ли питается котел водой и нет ли в воде вредных примесей, способных разрушить внутреннюю поверхность котла; какую нагрузку имеет турбина...

Каждое нарушение режима работы агрегатов тотчас же автоматически устраняется. Дежурный теплотехник следит лишь за безотказной работой автоматики. Изредка звонит предупредительный звонок, басит сигнальная сирена, зажигается зеленая или красная лампочка:

«В топке избыток воздуха!»

«Понижилась температура пара!»

И тотчас же слышится легкий стрекот работы механизмов автоматики, посылающих электрические импульсы.

Мы не встретили нигде перепачканных, изнывающих от жары котельщиков и кочегаров — людей, выполняющих тяжелую физическую работу. Мы видим человека в белом костюме и догадываемся, что это машинист котла. Его работа — работа квалифицированного теплотехника. Это еще один яркий пример устранения противоположности между умственным и физическим трудом в стране социализма. И об этом писал еще тридцать пять лет назад великий Ленин, указывая, что при социализме высокая техника «избавит миллионы рабочих от дыма, пыли и грязи, ускорит прев-

ращение грязных отвратительных мастерских в чистые, светлые, достойные человека лаборатории...»

Вся эта техника, с которой мы ознакомили читателя, создается советскими людьми.

ЧУДО-ТУРБИНА

В МАШИННОМ зале Черепетьевской электростанции много света и воздуха и почти полная тишина.

Нужно подойти совсем близко к турбине, чтобы заметить, что она работает. Ее едва слышно.

Этой машине, совершающей 3 тысячи оборотов в минуту, соответствует по мощности одновременное физическое усилие более двух миллионов человек — 150 тысяч киловатт! Одна такая машина по выработке электроэнергии соответствует работе почти двух тысяч местных электростанций, обслуживающих сельские районы.

По размерам машина невелика. Ведь пар высокого давления имеет значительно меньший объем, и в этом одна из выгод турбостроения высокого давления.

На фасаде кожуха турбины, словно орден на груди знатного человека, красуется заводская, известная во всем мире, славная советская марка: «Ленинградский завод имени Сталина».

А рядом на кожухе генератора, составляющего как бы продолжение турбины, — другая знаменитая марка советской электропромышленности: завод «Электросила» имени Кирова.

Это первые и пока единственные в мире турбины и генераторы таких высоких параметров (то есть главных показателей работы).

В турбине тепловая энергия пара переходит в механическую энергию вращения нескольких дисков с лопатками и связанного с ней ротора генератора. Пройдя турбину, пар направляется в конденсатор и здесь, охлаждаясь, превращается в воду, которую теплотехники называют конденсатом. Специальными насосами вода направляется в подогреватели

низкого давления, очистительные установки, затем в подогреватели высокого давления и, наконец, повысив свою температуру примерно до 360 градусов, попадает снова в котел. Затем весь цикл повторяется: котел вырабатывает пар высокого давления и температуры для вращения турбины и связанного с ним генератора — источника электрического тока.

400 ТЫСЯЧ ВОЛЬТ!

В ГЕНЕРАТОРАХ Черепетьевской ГРЭС рождается электрический ток напряжением 30 тысяч вольт.

Удобно и дешево передать энергию на значительные расстояния можно только токами высокого напряжения. Это было блестяще доказано впервые в мире трудами выдающихся русских инженеров Ф. А. Пироцкого, Д. А. Лачинова, М. О. Доливо-Добровольского и Р.Э. Классона еще в последней четверти прошлого века.

Электрический ток генераторов Черепетьевской электростанции подводится к первичным обмоткам повысительных трансформаторов. От вторичных обмоток отходит уже преобразованный ток: он стал значительно меньшим по силе, но зато его напряжение огромно — 400 тысяч вольт! Такого высокого напряжения переменного тока еще не знает в промышленной практике ни одна страна в мире.

Следуя за электрическим током, мы из машинного зала попадаем на высоковольтную подстанцию Черепетьевской ГРЭС.

Мы видим под открытым небом группу массивных баков с коническими фарфоровыми втулками: это и есть повысительные трансформаторы.

Впереди трансформаторов стройными звеньями по три единицы вытянулись в шеренгу ребристые фарфоровые колонки, покоящиеся, словно памятники, на постаментах. Это — воздушные выключатели тока.

Когда в случае какой-либо аварии на линии электропередачи выключатель отключает неимоверно возросший ток

(это происходит автоматически), в месте разрыва тока — на контактах выключателя — образуется мощная электрическая дуга. Маленькую искру видел каждый в обыкновенном выключателе электрической лампы. Через выключатель Черепетьевской ГРЭС проходит ток, почти в 3 миллиона раз превышающий по мощности тот ток, который подведен в наши квартиры. В месте разрыва тока образуется уже не искорка, а мощная дуга, бушующее пламя которой нужно погасить в малые доли секунды. Прежде для подобной цели применялись масляные выключатели. Минеральное масло, как хороший изолятор, препятствует возникновению опасной дуги. Но устанавливать масляные выключатели на напряжение 400 тысяч вольт — значит сооружать баки размером... с элеваторные башни. Внутрь камеры такого бака нужно было бы налить более 100 тонн масла. А на Черепетьевской ГРЭС количество высоковольтных выключателей доходит до десятка. Выход был найден. Наши отечественные заводы освоили производство воздушных высоковольтных выключателей, рассчитанных на самые высокие напряжения. В момент отключения тока в пространство между расходящимися контактами направляется струя воздуха под давлением до 30 атмосфер и гасит дугу.

ЦЕМЕНТ ИЗ ЗОЛЫ

МОЖЕТ показаться, что вы в парке. Вокруг аллеи газоны с зеленью и клумбы с красивыми, хорошо пахнущими цветами.

И все это мы видим вблизи тепловой электростанции, работающей на подмосковном, очень сернистом угле...

Хорошо известно, что выделяющийся при сжигании угля сернистый газ, растворяясь в дождевой воде, образует разрушительную для растений кислоту. В подмосковном угле содержится три процента серы и почти треть по весу золы.

Но советский человек разумно использует природные богатства земных недр.

Дымовые газы перед выбросом в трубу очищаются от ядовитого сернистого газа, который затем идет для изготовления серной кислоты. Прежде строителям электростанции и в голову не приходило, что, сооружая котельную электростанции, они тем самым создают основной цех завода стройматериалов. Советские ученые давно уже научились готовить из золы подмосковных углей высокого качества цемент.

Цементный завод Черепетьевской ГРЭС делает не только цемент, но и легкие шлаковые камни для заполнения ими стен строящихся домов.

Такие подсобные предприятия стали возникать около многих наших электростанций еще в годы Отечественной войны.

Вот виднеется еще один необычный завод. Рядом с электростанцией, менее чем в километре, несколько невысоких, сплошь застекленных зданий. Это теплицы и оранжереи.

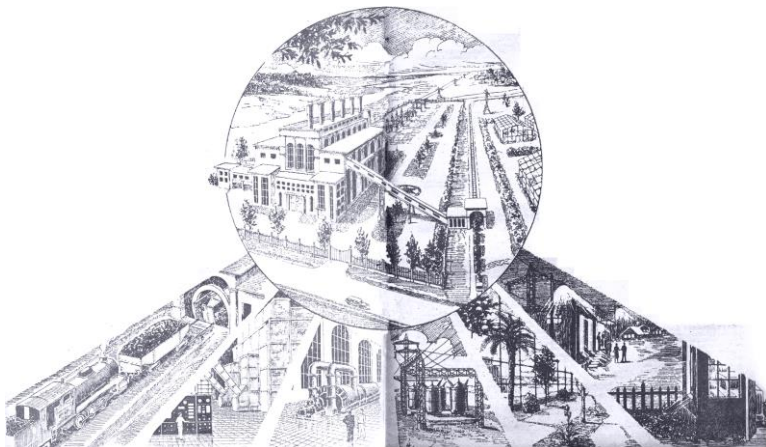
Круглый год здесь произрастают овощи. Хорошо плодоносят лимонные и мандариновые деревья. Рядом виноградники и ягодники закрытого грунта.

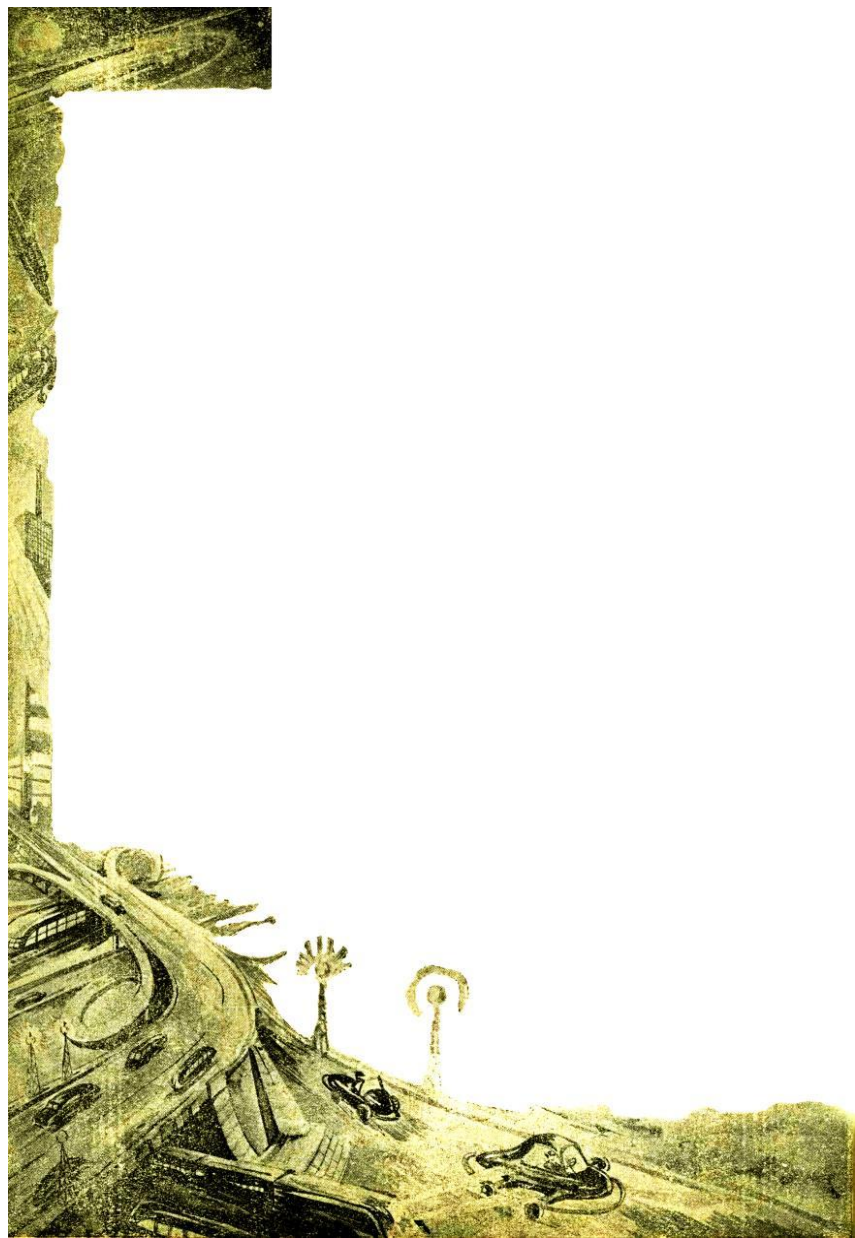
Солнцем для всех этих растений служат свет и тепло электростанции. Лампы дневного света по несколько часов облучают растения в пасмурные осенние и короткие зимние дни.

Подаваемое в «зеленые заводы» тепло — почти даровое. Используется теплота, отнятая у отработанного в турбинах пара при его конденсации.

...С балкона электростанции можно видеть близлежащие угольные шахты. На противоположной стороне горизонта выделяется заново отстроенный после гитлеровского нашествия поселок колхоза «Светлый путь». Все деревни, или, точнее сказать, сельские городки близлежащих районов полностью электрифицированы. На это расходуется лишь небольшая часть энергии мощной станции, а главная ее доля поступает в общую сеть Московской электрической системы.

Когда угасает день, на смену заходящему солнцу разгорается светлый электрический вечер. Сияют огни электростанции — маяки на пути к дальнейшему расцвету нашей Родины, на пути к коммунизму.

С. В. РЕСПОЛОВСКИЙ

144 ЧАСА НА СТАНЦИИ УПРАВЛЕНИЯ ПОГОДОЙ

Научно-фантастический очерк

Художник А. Катковский

Научно-фантастический очерк
инженера С. В. РЕПОВСКОГО

Рис. А. КАТКОВСКОГО

«...БУДЕМ ЖЕ ДВИГАТЬ ВПЕРЕД НАУКУ
НА БАЗЕ УЖЕ СЕГОДНЯШНИХ ДОСТИЖЕНИЙ
ЧЕЛОВЕЧЕСТВА, ПОДЧИНЯЯ СЕБЕ СИЛЫ
ПРИРОДЫ, НО НЕ КУСТАРНО, НЕ В ОДИ-
НОЧКУ, А ОРГАНИЗОВАННО, ВООРУЖЕННЫЕ
ВСЕМИ САМЫМИ СОВЕРШЕННЫМИ СРЕДСТ-
ВАМИ НАУКИ И ТЕХНИКИ.

КАК ЗАМАНЧИВЫ ДЛЯ МОЛОДЕЖИ ПЕР-
СПЕКТИВЫ УЧАСТВОВАТЬ В КОЛЛЕКТИВ-
НОЙ БОРЬБЕ ЗА ВЛАСТЬ ЧЕЛОВЕКА НАД
ПРИРОДОЙ, НАД ВСЕЛЕННОЙ!»

М. КАЛИНИН

«СЛАВНЫЙ ПУТЬ КОМСОМОЛА»

ЗАЛ БОЛЬШОЙ КАРТЫ

В БОЛЬШОМ зале глав-
ной станции управления по-
годой СССР шла напряжен-
ная работа.

Только что получено
важное задание: в течение ближайших дней вызвать обиль-
ные дожди над южными и центральными районами страны.
В этих районах второй месяц удерживалась жаркая сухая
погода; после сева не выпала ни одна капля дождя, и надви-
нулась угроза жесточайшей засухи.

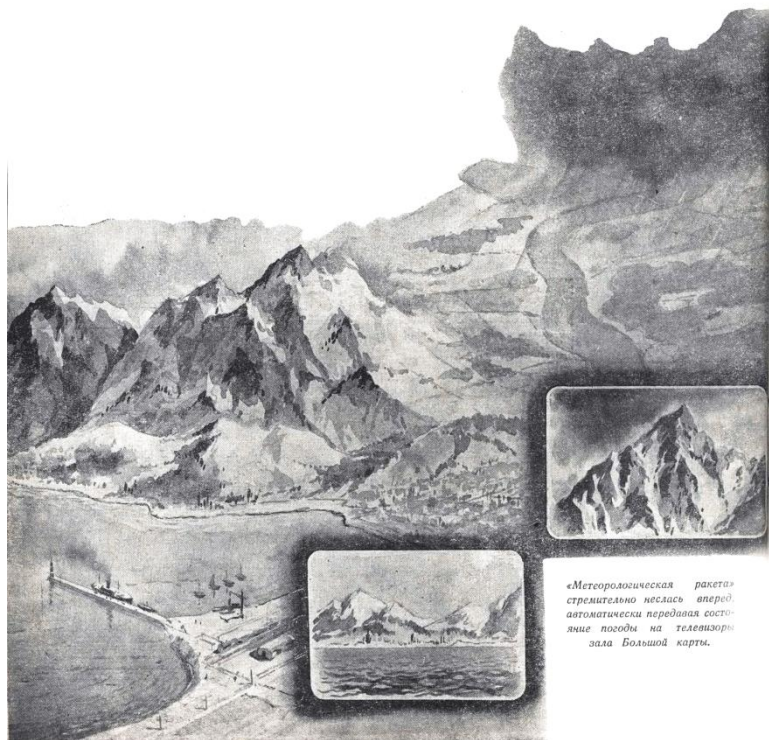
Задание не застало работников главной станции врас-
плох. Засуха была предсказана еще прошлогодним долго-
срочным прогнозом, и станция уже несколько недель гото-
вилась к борьбе с нею.

Перед инженерами стояла задача — до мельчайших де-
талей уточнить состояние погоды, а затем при помощи вы-
веденных советскими учеными математических формул
рассчитать, как погода будет изменяться, если предоставить
ее самой себе. Тогда станет ясно, где, когда и как нужно
вмешаться в дела природы, чтобы изменить погоду в жела-
тельном направлении.

Посреди зала на огромном столе располагалась рельеф-
ная карта Европы и Азии. Карту закрывало толстое стекло,

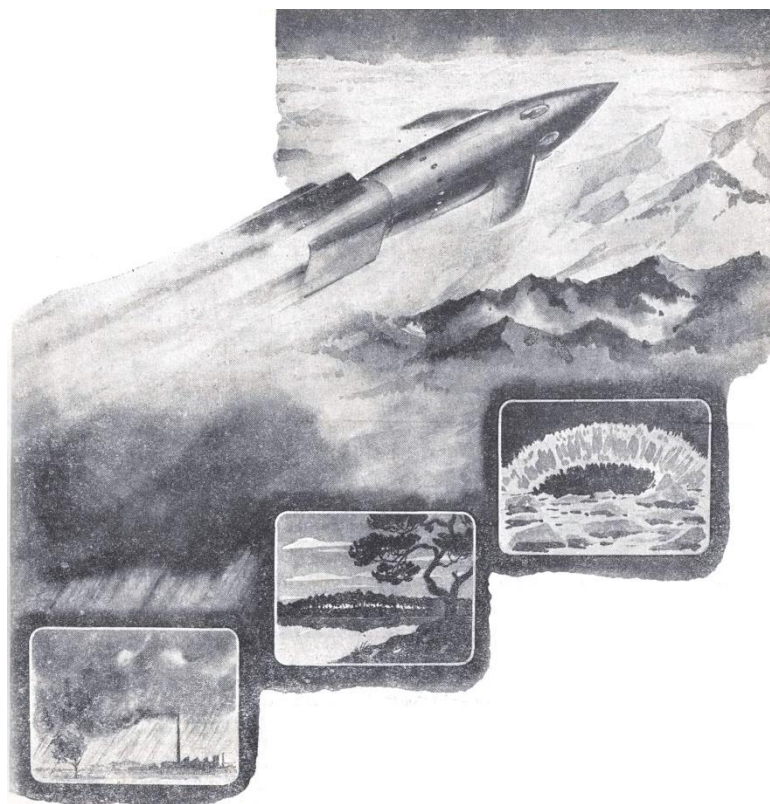
под которым светились красные, зеленые, желтые линии, разделяющие участки земной поверхности с различной погодой. Эти линии не оставались неподвижными. Они очень медленно вытягивались или изгибались, следуя действительным изменениям погоды.

Почти всю карту покрывали маленькие круглые экраны телевизоров, на которых видно было движение облаков, выпадение дождя или снега. Рядом с экраном телевизоров блестя в маленьких окошках разноцветные цифры. Качались стрелки, указывающие направление ветра. Все это отражало результаты наблюдения за погодой на многочисленных радио-метеорологических станциях. Эти станции, как обычные так и автоматические, располагались на поверхности земли, плавали на буях в морях и океанах, дрейфовали во льдах Арктики.

«Метеорологическая ракета» стремительно неслась вперед, автоматически передавая состояние погоды на телевизоры зала Большой карты.

Взглянув на Большую карту, дежурные инженеры метеорологической разведки могли узнать состояние погоды в

данный момент на огромном пространстве. Вдоль стен зала располагалось несколько десятков металлических шкафов. В их верхней части находились большие экраны телевизоров, над которыми виднелись циферблаты приборов. Здесь более подробно воспроизводилось состояние погоды в отдельных районах.

Вот на экране одного из телевизоров возникло голубое небо. Приборы показывали температуру 32 градуса тепла, ветер 5 метров в секунду, влажность воздуха 50 процентов... Это была передача метеостанции, расположенной около Батуми.

Поле другого экрана застилала темные полосы дождя — таковы были показания станции на Северном Урале. Около этого экрана стоял инженер Свиридов и напряженно смотрел на изображение дождя.

— Уточните состояние погоды на высотах, — раздался голос главного инженера-метеоролога зала Большой карты.

Но инженер Свиридов, стоявший возле телевизионного экрана уральской метеостанции, не расслышал приказания. Картина дождя на Урале удивляла и волновала его. Он знал, что по долгосрочному прогнозу там, где в данный момент шел дождь, должна была стоять ясная погода. Неужели совершена грубая ошибка в предсказании погоды? Но как она могла произойти? Ведь теперь иные времена, теперь все долгосрочные прогнозы оказываются точными до мельчайших деталей!

— Уточните погоду на высотах! — еще раз повторил главный инженер.

Свиридов встрепенулся и отошел от экрана. Новое задание отвлекло его от мысли о странном дожде, которого не должно было быть, и он вскоре забыл о нем. Роковые последствия этого факта сказались через несколько часов.

Вот как развернулись события.

МОМЕНТАЛЬНЫЙ СНИМОК ПОГОДЫ

ПОЛУЧИВ приказание, Свиридов приступил к запуску автоматической метеостанции-ракеты. Перед ним был пульт с кнопками, имевшими надписи: «выше», «ниже», «право», «лево», «скорость», «высота». Здесь же находился диск, похожий на вертушку автоматического телефонного аппарата. Инженер набрал номер «032» и нажал кнопку в центре вертушки. Обернувшись к окну, он увидел, как в то же мгновение из ангара на опушке леса с резким свистом вылетела ракета, автоматически управляемая по радио. Вспыхнул новый экран: ракета передавала на телевизор состояние погоды, «увиденное» ею во время полета.

На экране поплыли облака, внизу виднелась Земля. Дрогнули стрелки приборов над телевизором: скорость 2000 километров в час, высота 10 километров, температура 35 градусов холода, влажность воздуха 60 процентов. Стоя перед телевизором, Свиридов читал эти цифры вслух.

Под стеклом на Большой карте двигалась яркая зеленая точка, показывающая путь ракеты номер «032».

Ракета летела над районами Украины, затем над центральными районами страны. Влажность 50—55—40—35 процентов, небо безоблачно, — докладывали приборы ракеты.

— Достаточно, направьте ракету номер «126» из Мурманска в северные районы, — раздался голос главного инженера метеоролога.

Несколько поворотов ручек на другом телевизоре, и вскоре новая зеленая точка заскользила под стеклом Большой карты. На экране телевизора появились цифры: высота 180 километров, скорость 6000 километров в час. Это поступали сведения от ракеты, поднявшейся из Мурманска.

Вскоре зеленая точка мурманской ракеты переместилась ближе к Гренландии. Послушная радиосигналам, она устремилась в нижние слои атмосферы и теперь летела над северными районами Атлантического океана. Там формировались циклоны — воздушные образования, которые несут с собой осадки. На экране телевизора замелькали облака. Потом они сомкнулись в серую пелену, плотный туман закрыл Землю, и на стекле телевизора отчетливо отразились капли дождя.

Снова повороты ручек управления, и вот уже приборы показывают другие цифры: влажность 90—95—100 процентов, температура 2 градуса выше нуля, высота полета 2 километра. Зеленая точка третьей ракеты, выпущенной из бухты Тихой, перемещается над Северным Ледовитым океаном к району полюса...

Так в течение нескольких часов работники главной станции управления погодой узнали состояние атмосферы Земли на различных высотах. Это был как бы моменталь-

ный снимок погоды. Он давал много, но далеко не все, что требовалось ученым. Так же как по фотоснимку нельзя узнать, что происходило до момента фотографии, так и по сведениям о состоянии погоды в данный момент нельзя сказать, какой была погода несколько дней тому назад. А без этого нельзя получить точные цифры для метеорологических расчетов, нельзя воспользоваться формулами, с помощью которых советские ученые научились не только безошибочно предсказывать погоду вперед на значительные сроки, но и вычислять, как изменить состояние погоды по своему желанию.

Поэтому, выяснив состояние погоды на всем земном шаре на 15 часов 00 минут, главный инженер метеоролог перешел с несколькими научными сотрудниками в соседний зал.

СЛОВО ИМЕЕТ МАТЕМАТИКА

ЭТОТ зал походил на обычный зал дневного кино, только в его центре вместо кресел стояло несколько дополнительных проекторов. Щелкнул рубильник, и на экране появилась большая, испещренная условными значками карта Европы и Азии. Это был снимок погоды по состоянию на 15 часов месяц тому назад. Карта на соседнем экране отражала «моментальный снимок» погоды в тот же час сегодняшнего дня. Научные сотрудники проектировали на экраны различные линейки, с помощью которых измерялись расстояния на картах и снимались необходимые сведения для вычислений.

Но вот первая серия расчетов по картам произведена. Нажим кнопки на пульте управления, и на экране можно видеть непрерывное изменение погоды. Скорость проекции регулируется с пульта. Просмотрено изменение погоды за 5 дней. Нажим кнопки — и вновь на экране неподвижная карта.

Вновь производятся вычисления. Опять пускается кинолента. Еще остановка. И так много раз...

Шли вторые сутки напряженной работы. Данные о фактическом изменении погоды за прошедший месяц сравнивались с долгосрочным прогнозом погоды, уточнялись цифры, подстановка которых в метеорологические формулы должна была сказать, что необходимо сделать для ликвидации засухи.

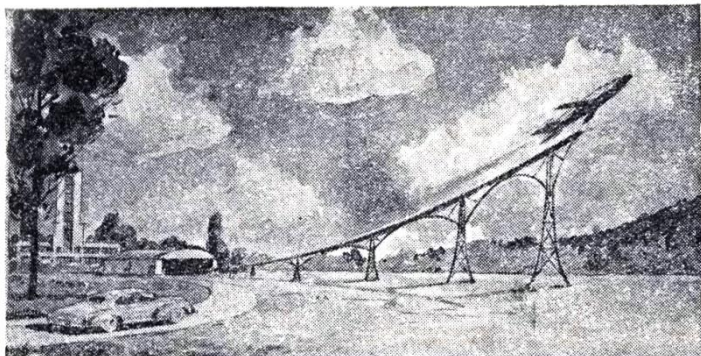
Полученные цифры были переданы в вычислительный зал. Это было царство машинной математики. Сложнейшие счетные машины обрабатывали материал, добытый метеорологами. Ученые в последний раз проверяли свои соображения, формулы, расчеты.

***

Попытки изменять погоду предпринимались давно. На небольших пространствах в несколько квадратных километров путем электризации или охлаждения воздуха пытались создавать искусственный дождь, туман или, наоборот, рассеивать облака.

Но все это требовало энергии в таких огромных количествах, которыми люди не располагали. Кроме того, несовершенство приборов, недостаточно развитая сеть метеорологических станций на крайнем севере страны, плохая изученность верхних слоев атмосферы, очень сильно влияющих на погоду у Земли, не давали возможности установить точные законы; которым подчиняется погода, и только в результате невиданного развития науки и техники социалистической страны в послевоенный период, в результате полного освоения внутриатомной энергии, стало возможным воздействие на процессы, происходящие в атмосфере, изменение погоды над большими участками земной поверхности.

Правда, затраты энергии на управление погодой были огромны. К искусственному изменению погоды прибегали лишь в случае крайней необходимости, для решения задач государственной важности. В данный момент положение было именно таким.

Из ангаров главной станции начали вылетать огромные ракеты с атомными установками для получения тепла.

АТОМНЫЕ РАКЕТЫ ПОКИДАЮТ АНГАРЫ...

НА СТОЛЕ в Оперативном зале помещалась крупная рельефная карта Европейской части СССР. Телевизоры в этом зале имели большее число ручек управления, чем в зале Большой карты.

Сбоку телевизоров помещались пульта (щиты управления). Перед дежурным оператором лежало точное расписание операций, которые ему надлежало выполнить. На особый экран каждые полчаса проектировалась карта предполагаемой, заранее рассчитанной погоды. Сравнивая данные расчетов с действительной погодой, отраженной на рельефной карте, главный инженер метеоролог проверял правильность вычислений.

...С момента получения станцией задания об изменении погоды прошло 38 часов. Согласно расчетам, впереди предстояла еще напряженная работа. Не менее трех с половиной суток нужно было ждать, когда дождь хлынет над высохшими южными землями страны.

В 22 часа 30 минут из ангаров главной станции начали вылетать огромные ракеты, управляемые с пультов оперативного зала. Их было 15, и они уходили в воздух с интер-

валами в 5 минут. Ракеты несли специальные атомные установки для получения тепла.

Того колоссального количества тепла, которое выделяли установки, было достаточно для нагревания на несколько градусов воздуха над пространством в десятки и сотни тысяч квадратных километров. Изменение температуры больших воздушных масс нарушало их равновесие, и заставляло нужную погоду перемещаться в желаемом направлении.

Ракеты летели в район Скандинавского полуострова.

Через 1 час 10 минут зеленые точки над картой показывали, что ракеты на разных высотах летают по кругу радиусом в 100 километров со скоростью 2000 километров в час.

Одновременно в различных точках Земли летало около сотни ракет многочисленных местных метеостанций с автоматическими приборами, сообщавшими по радио данные о состоянии погоды. Часть данных поступала в зал Большой карты, остальные — в Оперативный зал, где отражались одновременно и на телевизорах и на карте.

Через 23 часа 30 минут в центральные районы Европейской части Союза вылетели на высоте 3—5 километров 10 ракет с атомными установками, но эти установки вырабатывали не тепло, а холод. Их задачей было понизить температуру в атмосфере и создать, тем самым, область пониженного давления, по которой должны были пойти воздушные массы, несущие дожди из района Архангельска в район засухи. Одновременно ракеты должны были разрушить в центральном районе участок атмосферы с повышенным давлением, препятствующий прохождению этих воздушных масс.

Дежурным Оперативного зала предстоит строго следить за изменением погоды. Как подогрев, так и охлаждение воздушных масс должны происходить плавно и равномерно по всей площади. Иначе резко нагретый воздух в каком-либо одном месте, как более легкий, быстро поднимется вверх, а на его место устремится еще не успевший нагреться холодный воздух с соседних участков. При этом могут возникнуть ветры ураганной силы, разрушающие все на своем пути

НЕОЖИДАННОЕ ОСЛОЖНЕНИЕ

ПЕРВЫЕ часы все шло нормально. Погода менялась точно по расписанию. Но совершенно неожиданно после третьей смены оперативных дежурных старший научный сотрудник заметил, что в районе Сыктывкара (юго-восточнее Архангельска) началось понижение давления.

Это событие не было предусмотрено планом.

— Направить еще две ракеты в район Сыктывкара для уточнения обстановки! — скомандовал главный диспетчер.

Человек около одного из телевизоров щелкнул ручками управления. Зеленые точки на карте показали, что ракеты «048» и «049» резко свернули с прежнего пути и устремились в районы Сыктывкара.

Передаваемые ими с различных высот показания вызвали волнение присутствующих в зале. Становилось все яснее, что метеорологические события пошли не совсем так, как было рассчитано и согласовано с долгосрочным прогнозом. В дела людей вмешалась какая-то неучтенная сила. Вмешалась и спутала расчеты. В районе Сыктывкара неожиданно-негаданно возникал новый циклон, грозивший изменить погоду в нежелательном направлении. Требовалось пересчитать все цифры и по-новому распределить ракеты с атомными установками. Но для этого надо было знать: что же происходит?

— Резкое усиление ветра в районе Кирова и Вологды, — доложил дежурный инженер, стоявший у карты.

— Скорость ветра в районе Сыктывкара дошла до 20 — 25 метров в секунду, — доложил другой дежурный.

По-видимому, возникал ураган.

ВОЗДУШНАЯ МЕХАНИКА

В ЗАВИСИМОСТИ от состояния атмосферы и времени года разные районы земного шара получают неодинаковое количество тепла от Солнца. Вследствие этого большие массы воздуха имеют различную температуру.

На границе двух масс воздуха с различной температурой, а, следовательно, и неодинаковой плотностью, возникают огромные воздушные вихри протяжением в сотни километров. Воздушные массы выбрасываются из центра вихря вверх. Давление воздуха в этом районе начинает падать. Так образуется циклон.

В районе циклона теплый воздух, содержащий водяные пары, поднимаясь вверх, начинает охлаждаться. Увеличивается его относительная влажность, зарождаются облака, из которых потом выпадает дождь или снег.

Циклон и сопутствующая ему дождливая и пасмурная погода перемещаются обычно со скоростью 40—50 километров в час. Летом в засушливый год циклоны, образуясь в северных районах Атлантического океана, двигаются по северным морям Советского Союза. В это время над территорией Казахской ССР и Нижнего Поволжья преобладает повышенное давление воздуха, так называемый антициклон. Этот антициклон направляет горячий сухой воздух с юга Каспийского моря на Украину и в центральные области, и преграждает циклонам путь на юг. Чтобы изменить погоду на юге, надо изменить путь циклонов.

Тепло, разносимое ракетами над Скандинавией, должно будет создать на больших высотах район повышенного давления, своеобразный хребет из теплого воздуха, направленный с севера на юг. Тогда идущие с запада циклоны будут вынуждены огибать «хребет» с севера и направляться вдоль его восточного склона на юг.

Этому должны способствовать и ракеты, рассеивающие холод в центральных районах на высоте 3—5 километров. Понижая там температуру, они тем самым усиливали циклоны и заставляли их изменять путь еще больше на юг. Одновременно они разрушали антициклон над юго-восточными районами Европейской части страны. Теперь уже ничто не должно было мешать холодному потоку воздуха из районов Арктики двигаться к югу и образовать там новый циклон. А в области циклона, как мы уже знаем, возникают долгожданные облака и дожди.

Знание
- сила

... СТАЛО ВОЗМОЖНЫМ ИЗМЕНЯТЬ КЛИМАТ ...
НА НЕКОГДА СУРОВЫХ ЗЕМЛЯХ СЕВЕРА ВЫРОСЛИ
СУБТРОПИЧЕСКИЕ РАСТЕНИЯ.

Худож. А. ПОБЕДИНСКИЙ.

БОРЬБА СО СТИХИЕЙ

НО ТРЕВОГА в Оперативном зале не уменьшалась. Начальник главной станции, ознакомившись с обстановкой, приказал выпустить в район Северного полюса еще 3 ракеты с тепловыми установками, чтобы ускорить образование гребня повышенного давления воздуха на севере. И все-таки это не изменило положения. Какая-то очень мощная сила нарушала все планы.

В этот момент в зал вбежал инженер Свиридов.

— Надвигается катастрофа, — торопливо сказал он начальнику станции, — и я догадываюсь о ее причине.

Он рассказал, что два года назад работал в районах Крайнего Севера. Незадолго до того было решено изменить климат в бассейне реки Индигирки, сделать его теплее, чтобы облегчить условия жизни трудящихся горных предприятий.

Непрерывно нагревать воздух теплом атомных установок было дорого и сложно, и один молодой ученый, работавший на атомной электростанции, предложил смелый план: использовать тепло, заключенное в самой Земле.

Проект был рассмотрен и одобрен. Начал работать атомный бур, и вскоре тепло недр Земли стало нагревать верхние слои почвы, воду рек, ручьев. Не прошло и двух лет, как исчезла вечная мерзлота, сковывавшая прежде почву.

От теплой земли и незамерзающих рек нагревался воздух. Начало зимы в этих районах севера передвинулось на конец декабря, постепенно стали меняться растительность и животный мир.

Вяз и липа, привезенные из волжских питомников, начали разрастаться в крае полярной ночи, где образовался климат Северного Кавказа. То, что когда-то казалось людям

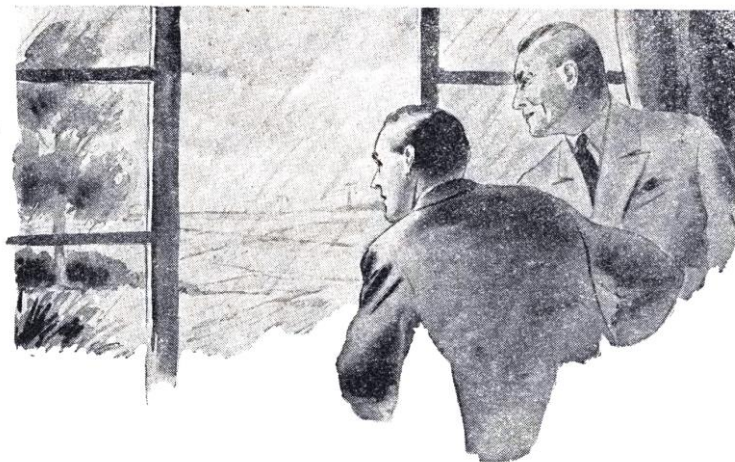
фантастикой, несбыточной мечтой, советские люди превратили в быль.

— Только сейчас я начал понимать, в чем дело, — говорил инженер. — Мы не учитывали постепенного изме-

нения климата севера Сибири. А оно таково, что теперь мы обязаны с ним считаться. Вот это потепление и спутало расчет долгосрочного прогноза и наши расчеты. Потому-то на Урале и пошел дождь, когда наши прогнозы обещали ясную погоду, оттого-то и возник ураган в районе Сыктывкара.

Новые расчеты отняли более 6 часов. Они показали, что надо еще больше понизить температуру в районе центра Европейской части Союза на высотах в 3—4 километра. Для этого следовало пустить еще 2 ракеты с атомными установками, вырабатывающими холод. Эти ракеты были выпущены из филиала главной станции управления погодой в Сталинграде.

Через несколько минут зеленые точки на карте показали, что ракеты прошли на разных высотах над Москвой.

Прошло еще несколько часов, прежде чем окончательно выяснилось, что стихия вновь подчинилась человеку. Начали поступать сообщения о движении целой серии циклонов точно по вычисленному пути. Вскоре пришли сообщения о том, что циклоны уже над Ленинградом и Минском.

— Дождь на станции № 1251! Дождь на станции № 127!
— докладывали наблюдатели у телевизоров.

Напряжение спало, все вздохнули с облегчением.

— Приближение дождя к Киеву, — сообщал экран телевизора спустя несколько часов.

Ракеты с атомными установками выполнили свою работу.

— Возвращайте ракеты домой, — скомандовал главный инженер.

В районе метеостанции начал моросить дождь. Все радовались ему. События развивались по плану, оставалось только дежурить у телевизоров и наблюдать за изменением погоды.

Так прошли шесть суток — 144 часа напряженной работы. В течение последних четырех часов погода, наблюдаемая на карте (действительная), и контрольная (на экране) полностью совпадали. На полях Молдавии, Украины, центральных областей шли сильные дожди, обильно поливавшие бескрайние колхозные поля.

«НЕОБХОДИМО ОБЕСПЕЧИТЬ ШИРОКОЕ РАЗВИТИЕ ПЕРЕДОВОЙ СОВРЕМЕННОЙ ТЕХНИКИ ДЛЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА: ПЕРЕДАЧА ПОСТОЯННОГО ТОКА БОЛЬШОЙ МОЩНОСТИ НА ДАЛЬНИЕ РАССТОЯНИЯ. ВНЕДРЕНИЕ КИСЛОРОДА И ЭЛЕКТРИЧЕСКОГО ТОКА В ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ ПРОИЗВОДСТВА, ИСПОЛЬЗОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ РЕАКТИВНОЙ И АТОМНОЙ ТЕХНИКИ, ВСЕОБЩЕЕ РАЗВИТИЕ РАДИОЛОКАЦИИ И ТЕЛЕВИДЕНИЯ, ИСПОЛЬЗОВАНИЕ И ПРИМЕНЕНИЕ ИНФРАКРАСНОЙ ТЕХНИКИ, РАЗВИТИЕ СИНТЕТИЧЕСКИХ ВИДОВ ПРОИЗВОДСТВА».

Н. ВОЗНЕСЕНСКИЙ

атмосферострой

Верно
А. Антунис

Из блокнота корреспондента «Костра»

27 марта 1975 года. Ракетодром восточной части Памира. Прибыл только что. Высота 5500 метров над уровнем моря. Дышится с трудом, очень хо-

Отсюда срываются в небо великанские грузовые ракеты. Каждый раз они уносят на «Заатмосферстрой» по два-три тонны строительных материалов. Инженеры рассказывают, что сами корпуса ракет тоже используют, как балки для будущего металлического «острова». А ракетодром устроили так высоко неспроста: воздух здесь разрежен, и летающим «поездам» легче пробивать себе дорогу в атмосфере.

На главной площадке как раз готовят к очередному полету автоматическую грузовую ракету с двадцатитонным домом. Вернее, это три ракеты, поставленные исполнским краном одна на другую. Представляет, — трехступенчатая ракета весом в семь тысяч тонн!

Последние приготовления закончены. По радио объявляют о старте.

Заревела сирена, и площадка пустеет на глазах. Люди спешат укрыться подальше от урагана раскаленных газов, которые вот-вот вырвутся из двигателя чудо-корабля. Эти двигатели по силе своей могут поспорить с самой мощной турбинной гидростанцией.

Ослепительная молния! Туча дыма! Громовой раскат! Сибирская машина исчезает в небе. Спешу к «теленаблюдательной».

Вовремя поспел! На экране как раз видно, как нижняя ступень ракетного «поезда», управляемая сигналами с Земли, опускается на дальний китайский аэродром. Сначала она отделилась от второй ракеты и стала падать, потом падение перешло в планирующий полет. Эта ракета выполнила самую тяжелую работу — оторвала семитысячетонный «поезд» от площадки и бросила его на высоту в пятьдесят километров.

Внимание! Приборы докладывают: на высоте в семьсот километров начал работать двигатель третьей ракеты. Значит, уже отделилась вторая ракета-толчок. Она, как и первая, крылатая и тоже приземлится, но уже не за пятьсот, а за полторы тысячи километров от Памира. Основная, третья ракета, разгруженная, на Землю не вернется: она, как и многие ее сестры, пойдет на нужды «Заатмосферстроя».

3 апреля. Борт ракеты «СССР — Л27VI 30». Наконец-то удалось добиться разрешения побывать на небесной стройке. С высокогорной площадки отправлялась в очередной рейс пассажирская ракета. Она тоже огромная, трехступенчатая, как грузовая, однако весит на старте раза в два меньше

Взлетать она должна медленнее грузовой, потому что человеческий организм не выдерживает очень большого ускорения.

Как только пассажиры вошли в кабину корабля, двери герметически закрылись. Командир предупредил: «Всем немедленно лечь в матрацы». Хватаясь за скобки на стенке, я вскарабкался наверх и залез в алюминиевую бочку, подвешенную на пружинах, — в межпланетный матрац.

Началось томительное ожидание. Мертвая тишина в кабине нарушалась только радиометром, размеренно отбивавшим секунды. Вдруг кто-то невидимый жестоко ударил по моему телу. Взлет!

Пока работали двигатели, казалось, что тела наши весят тонны. Но вот ускорение прекратилось и болезненное чувство перегрузки прошло. Более того, — исчезло и привычное, земное ощущение веса собственного тела. Невесомость! Очень странное состояние: словно погрузился в необычайно плотную, но ничуть не мешающую движениям воду...

Корабль, сильно укоротившийся (отпали две подсобные ракетные ступени), летит по инерции, как артиллерийский снаряд. По заданному курсу его ведут точнейшие автоматические аппараты. Ведь ни один пилот не смог бы вручную управлять ракетой при столь чудовищной скорости — семь километров в секунду. 25 200 километров в час!

4 апреля. «Заатмосферстрой». Незабываемые часы!

Наш ракетоплан пришвартовался к остоу строящегося спутника-великана так же легко, как морское судно — к причальной стенке, хотя «стройплощадка» летит в пространстве во много раз быстрее пули! Ничего странного в этой легкости нет: вспомните, если два автомобиля мчатся в одном направлении борт о борт, то на любой скорости совсем просто передать книгу из окна в окно.

Вокруг там и тут виднеются корпуса грузовых ракет со стройматериалами. С остова спутника эти корпуса кажутся

как бы застывшими и мeste; только меняющаяся далеко внизу поверхность земного шара доказывает, с какой страшно быстрой мы все несемся в пустоте.

Киль будущего небесного острова вытянулся уже в полную свою длину — на девяносто метров

Монтажники работают в громоздких скафандрах. Такой костюм — как термос. Внутри — терморегулятор и вентилятор для перемешивания воздуха. За спиной у монтажников баллоны кислорода и гелия для дыхания.

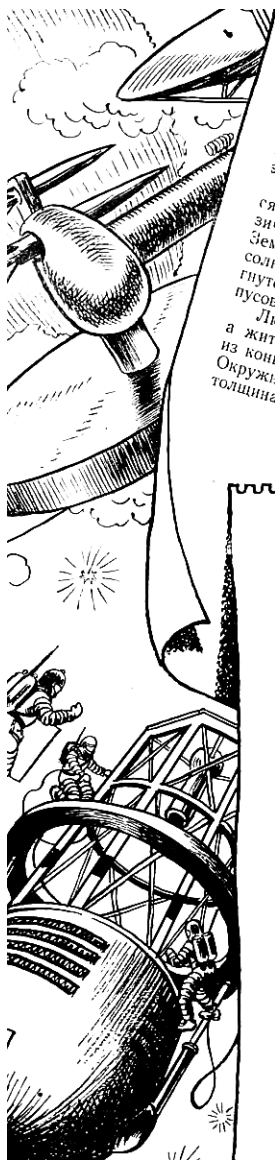
Чтобы не уплыть далеко в сторону от рабочего места строители «Заатмосферстрой» привязываются тросиками. А гредвигаться помогают воздушно-реактивные пистолеты. Встрелил вправо, а тебя понесло влево! Воздух для стрельбы запасать не надо. Это воздух, уже побывавший в легких ставший негодным для дыхания.

На стройке нет никаких машин для подъема или перетаскивания груза, потому что «груза» в нашем земном положении там нет. На моих глазах рабочий одной рукой легко подтолкнул деталь, которая весила на Земле не одну тонну.

Почти все балки и металлические листы обшивки небесного острова скрепляют сварным способом. Вогнутые зеркала собирают солнечные лучи в такой жаркий «зайчик», что в них плавятся любые металлы.

Хотелось поближе рассмотреть сварочную машину-автомат дежурный инженер по радио пригласил меня к себе. Чтобы попасть в жилое помещение, пришлось проплыть через осолонилую. Я забрался в маленькую камеру, и люк за мной хлопнулся. Отвинтил крышку второго люка... Так входя в

камеры обязательно откачивают, чтобы, открывая внешний люк, не потерять ни грамма воздуха.

Тот же день. Дежурный инженер рассказывает (сокращенная запись беседы). Построили из двух ракет, скрепленных носами. Они вычистили пустые топливные баки и поделили эти баки на каютки. Снаружи наварили дополнительные стенки из оболочек других ракет, заполнив простенки газом озоном. Металл и газ — это защита от космических лучей.

Сборка спутника продлится еще полгода. На седьмом месяце уже начнутся наблюдения; будут ставиться такие физические опыты, о каких и помыслить нельзя в условиях Земли. К этому времени заработает на полную мощность и солнечная электростанция, ее главная часть — огромное вогнутое металлическое зеркало, сваренное из разогнутых корпусов ракет, отполированных еще в наземной мастерской.

Люди будут работать внутри цилиндра — кия спутника, из концов кия — которое вертится под одним окружностью колеса двести метров, а толщина — шесть.

Колесо приведут в движение ракетным двигателем. Вращаясь с малой скоростью, оно создаст для жителей спутника искусственную силу тяжести. Только в центре колеса, у втулки, где центробежной силы почти нет, тяжести не возникнет.

А как попасть из вращающегося «дома» в неподвижную обсерваторию или к стоянке космического корабля? Люди сядут в кабинку-лифт. Этот лифт нырнет внутрь втулки «колеса», словно в туннель метро, и в особой подвижной камере, как шпилька, скользнет из одной части спутника в другую. «Пассажиры» попадут в киль-цилиндр и... потеряют вес: ведь киль не вращается! Чтобы не плавать вокруг приборов и инструментов, как перышки в воздухе, ученые предпочтут передвигаться по стенкам, прилипая к стальной обшивке намагниченными подметками.

Обитаемая научная станция за пределами атмосферы... Близится время путешествий на загадочные планеты солнечной системы!

6 апреля. Памир. Я снова на Земле. Вчера мы расстались с гостеприимными строителями.

Как мы летели вниз?

Просто-напросто командир ракетоплана дал тормоз: поставил вспомогательные ракетные двигатели, направленные вперед, выбросить струи газов. Наш корабль тут же чуть потерял скорость и начал падать. Это было очень медленное падение: раньше, чем войти в атмосферу, мы успели сделать около пяти кругосветных путешествий. Планируя, командир постоянно включал ракетные тормоза, чтобы не допустить сильного разгона, иначе от перегрева, от чудовищного трения о воздух расплавилась бы металлическая обшивка ракеты.

Наконец, ракетоплан мягко коснулся колесами твердой бетонной полосы и подкатил к зданию аэропорта...

Экскурсия на небесную стройку кончена.

А. АНТРУШИН

ЗААТМОСФЕРСТРОЙ

Научно-фантастический очерк

Журнал «Костер», № 1, 1958 г.

Из блокнота корреспондента «Костра»:

21 марта 1975 года.

Ракетодром восточной части Памира.

Прибыл только что. Высота 5500 метров над уровнем моря. Дышится с трудом, очень холодно.

Отсюда срываются в небо великанские грузовые ракеты. Каждый раз они уносят на «Заатмосферстрой» по двадцать тонн строительных материалов. Инженеры рассказывают, что сами корпуса ракет тоже используют, как балки для будущего металлического «острова». А ракетодром устроили так высоко неспроста: воздух здесь разрежен, и летающим «поездам» легче пробивать себе дорогу в атмосфере.

На главной площадке как раз готовят к очередному полету автоматическую грузовую ракету с двадцатизэтажный дом. Вернее, это три ракеты, поставленные исполинским краном одна на другую. Представляете, — трехступенчатая ракета весом в семь тысяч тонн!

Последние приготовления закончены. По радио объявляют о старте.

Заревела сирена, и площадка пустеет на глазах. Люди спешат укрыться подальше от урагана раскаленных газов, которые вот-вот вырвутся из двигателей чудо-корабля. Эти двигатели по силе своей могут поспорить с самой мощной сибирской гидроэлектростанцией.

Ослепительная молния! Туча дыма! Громовой раскат! Серебристая махина исчезает в небе. Спешу к «теленаблюдателю».

Вовремя поспел! На экране как раз видно, как нижняя ступень ракетного «поезда», управляемая сигналами с Земли, опускается на дальний китайский аэродром. Сначала она отделилась от второй ракеты и стала падать, потом падение перешло в планирующий полет. Эта ракета выполнила самую тяжелую работу — оторвала семитысячетонный «поезд» от площадки и бросила его на высоту в пятьдесят километров.

Внимание! Приборы докладывают: на высоте в семьсот километров начал работать двигатель третьей ракеты. Значит, уже отцепилась вторая ракета-толкач. Она, как и первая, крылата, и тоже приземлится, но уже не за пятьсот, а за полторы тысячи километров от Памира. Основная, третья ракета, разгруженная, на Землю не вернется: она, как и многие ее сестры, пойдет на нужды «Заатмосферстроя».

3 апреля.
Борт ракеты «СССР — Л27IV 30».

Наконец-то удалось добиться разрешения побывать на небесной стройке. С высокогорней площадки отправлялась в очередной рейс пассажирская ракета. Она тоже огромная, трехступенчатая, как грузовая, однако весит на старте раза в два меньше. Взлетать она должна медленнее грузовой, потому что человеческий организм не выдерживает очень большого ускорения.

Как только пассажиры вошли в кабину корабля, двери герметически закрылись. Командир предупредил: «Всем немедленно лечь в матрацы». Хватаясь за скобки на стенке, я вскарабкался наверх и залез в алюминиевую бочку, подвешенную на пружинах, — в межпланетный матрац.

Началось томительное ожидание. Мертвая тишина в кабине нарушалась только радиометрономом, размеренно отбивавшим секунды. Вдруг кто-то невидимый жестоко ударил по моему телу. Взлет!

Пока работали двигатели, казалось, что тела наши весят тонны. Но вот ускорение прекратилось, и болезненное чувство перегрузки прошло. Более того, — исчезло и привычное, земное ощущение веса собственного тела. Невесомость! Очень странное состояние: словно погрузился в необычайно плотную, но ничуть не мешающую движениям воду...

Корабль, сильно укоротившийся (отпали две подсобные ракетные ступени), летит по инерции, как, артиллерийский снаряд. По заданному курсу его ведут точнейшие автомати-

ческие аппараты. Ведь ни один пилот не смог бы вручную управлять ракетой при столь чудовищной скорости — семь километров в секунду. 25200 километров в час!

4 апреля.
«Заатмосферстрой».

Незабываемые часы!

Наш ракетоплан пришвартовался к остова строящегося спутника-великана так же легко, как морское судно — к причальной стенке, хотя «стройплощадка» летит в пространстве во много раз быстрее пули! Ничего странного в этой легкости нет: вспомните, если два автомобиля мчатся в одном направлении борт о борт, то на любой скорости совсем просто передать книгу из окна в окно.

Вокруг там и тут виднеются корпуса грузовых ракет со стройматериалами. С остова спутника эти корпуса кажутся как бы застывшими на месте; только меняющаяся далеко внизу поверхность земного шара доказывает, с какой страшной быстротой мы все несемся в пустоте.

Киль будущего небесного острова вытянулся уже в полную свою длину — на девяносто метров. Монтажники работают в громоздких скафандрах. Такой костюм — как термос. Внутри — терморегулятор и вентилятор для перемешивания воздуха. За спиной у монтажников баллоны с кислородом и гелием для дыхания.

Чтобы не уплыть далеко в сторону от рабочего места, строители «Заатмосферстроя» привязываются тросиками. А передвигаться помогают воздушно-реактивные пистолеты. Выстрелил вправо, а тебя понесло влево! Воздух для «стрельбы» запасать не надо. Это воздух, уже побывавший в легких, и ставший не годным для дыхания.

На стройке нет никаких машин для подъема или перетаскивания груза, потому что «груза» в нашем земном понимании там нет. На моих глазах рабочий одной рукой легко подтолкнул деталь, которая весила на Земле не одну тонну!

Почти все балки и металлические листы обшивки небесного острова скрепляют сварным способом. Вогнутые зеркала собирают солнечные лучи в такой жаркий «зайчик», что в нем плавятся любые металлы.

Хотелось поближе рассмотреть сварочную машину-автомат, но дежурный инженер по радио пригласил меня к себе. Что бы попасть в жилое помещение, пришлось проплыть через особый шлюз. Я забрался в маленькую камеру, и люк за мной захлопнулся. Отвинтил крышку второго люка... Так входят... <лакуна> ...Перед выходом на «улицу» воздух из камеры обязательно откачивают, чтобы, открывая внешний люк, не потерять ни грамма воздуха.

*Тот же день.
Дежурный инженер рассказывает
(сокращенная запись беседы).*

Первое свое общежитие заатмосферники построили из двух ракет, скрепленных носами. Они вычистили пустые топливные баки и поделили эти баки на каютки. Снаружи наварили дополнительные стенки из оболочек других ракет, заполнив простенки газом озоном. Металл и газ — это защита от космических лучей.

Сборка спутника продлится еще полгода. На седьмом месяце уже начнутся наблюдения; будут ставиться такие физические опыты, о каких и помыслить нельзя в условиях Земли. К этому времени заработает на полную мощность и солнечная электростанция; ее главная часть — огромное вогнутое металлическое зеркало, сваренное из разогнутых корпусов ракет, отполированных еще в наземной мастерской. Люди будут работать внутри цилиндра — кия спутника, а жить в «колесе», которое вертится под одним из концов кия — «под ракетным вокзалом».

Окружность колеса двести метров, а толщина — шесть. Колесо приведут в движение ракетным двигателем. Вращаясь с малой скоростью, оно создаст для жителей спутника искусственную силу тяжести. Только в центре колеса, у

втулки, где центробежной силы почти нет, тяжести не возникнет.

А как попасть из вращающегося «дома» в неподвижную обсерваторию или к стоянке космического корабля? Люди сядут в кабинку-лифт. Этот лифт нырнет внутрь втулки «колеса», словно в туннель метро, и в особой подвижной камере, как шпुлька, скользнет из одной части спутника в другую. «Пассажиры» попадут в киль-цилиндр и... потеряют вес: ведь киль не вращается! Чтобы не плавать вокруг приборов и инструментов, как перышки в воздухе, ученые предпочтут передвигаться по стенкам, прилипая к стальной обшивке намагниченными подметками.

Обитаемая научная станция за пределами атмосферы... Ближится время путешествий на загадочные планеты солнечной системы!

*6 апреля.
Памир.*

Я снова на Земле. Вчера мы расстались с гостеприимными строителями.

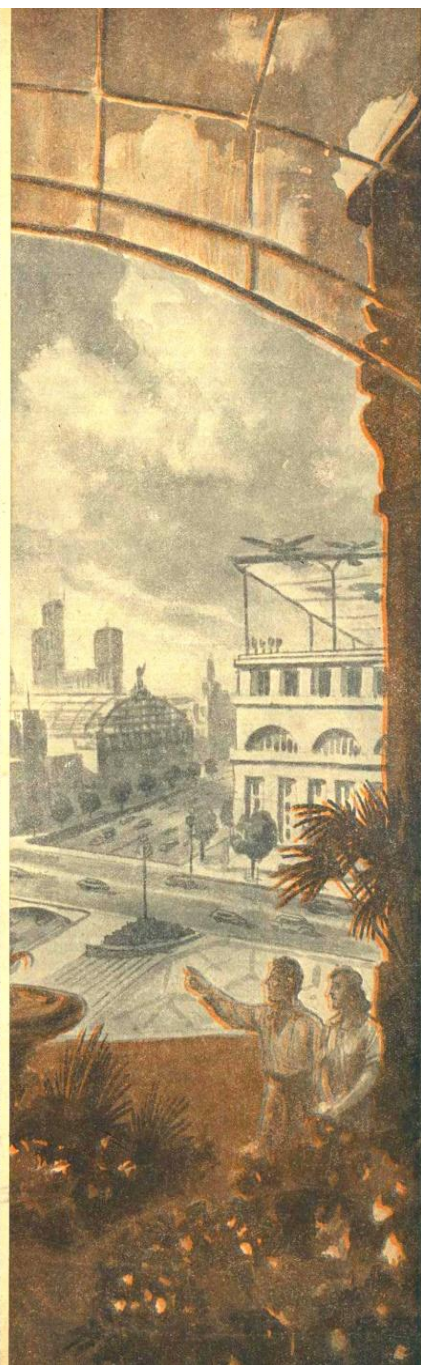
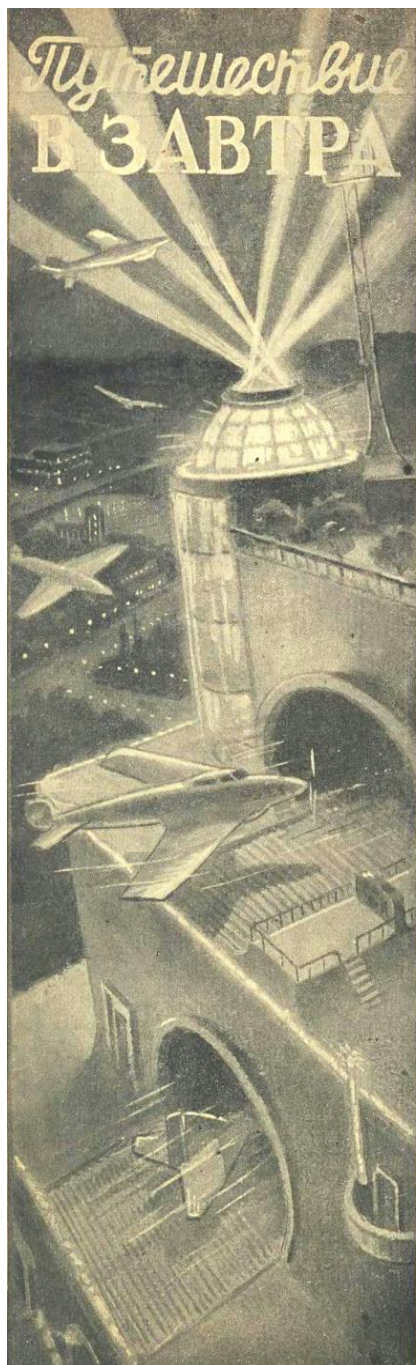
Как мы летели вниз?

Просто-напросто командир ракетоплана дал тормоз: заставил вспомогательные ракетные двигатели, направленные вперед, выбросить струи газов. Наш корабль тут же чуть потерял скорость и начал падать. Это было очень медленное падение; раньше, чем войти в атмосферу, мы успели сделать около пяти кругосветных путешествий. Планируя, командир постоянно включал ракетные тормоза, чтобы не допустить сильного разгона, иначе от перегрева, от чудовищного трения о воздух расплавилась бы металлическая обшивка ракеты.

Наконец, ракетоплан мягко коснулся колесами твердой бетонной полосы и подкатил к зданию аэропорта...

Экскурсия на небесную стройку кончена.

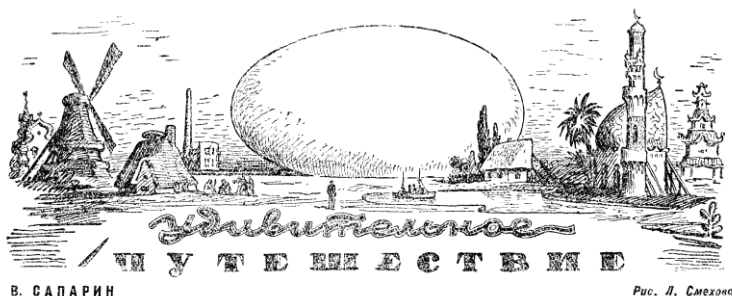
В. САПАРИН

УДИВИТЕЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Научно-фантастический рассказ
Художники Л. Смехов и В. Цельмер

*Журнал «Вокруг света», 1946, №10
Иллюстрации художника В. Цельмера
из авторского сборника: Виктор Сапарин
УДИВИТЕЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ
Научно-фантастические рассказы
Издательство «Молодая Гвардия», 1949 г.
Цветные рисунки — худ. К. Арцеулов, С. Каплан, В. Викторов*

Было очень жарко, и я с удовольствием укрылся в голубой тени минарета, ажурный силуэт которого четко вырисовывался на фоне безоблачного неба.

Шагах в пятидесяти от меня группа людей в спортивных костюмах стояла около какой-то покосившейся избушки с соломенной крышей. На крыше избушки виднелось колесо — должно быть, гнездо для аиста.

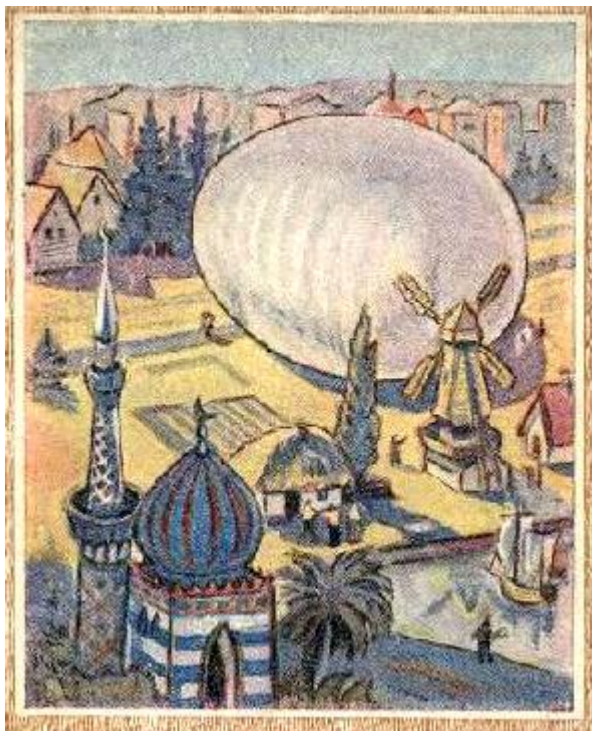
Немного поодаль усиленно махала крыльями, хотя не было никакого ветра, типичная голландская мельница. Женщина в большом белом чепце и туфлях с крутыми носками сидела у порога за прялкой. Эта мирная идиллия не нравилась толстому человеку в белой рубашке с засученными рукавами. Он размахивал блестящим рупором, что-то горячо говорил, требовал, чтобы мельница вертелась то медленнее, то быстрее, и два раза пересадил старушку с прялкой.

Я первый раз был на кинофабрике, и с понятным любопытством оглядывался вокруг. На большом участке под открытым небом расположились постройки, относящиеся к всевозможным эпохам и к различным местностям земного шара.

Но меня интересовало не это.

Я искал своего друга Анатолия, которого не видел уже пять лет. Мы подружились на фронте, но вскоре после

окончания войны Анатолий был демобилизован, и все эти годы работал в исследовательском институте, где-то здесь, по соседству с киностудией.

Мне указали на странный павильон яйцевидной формы, расположенный в стороне. Исполинское яйцо серебристого цвета лежало на дороге; серая лента асфальта как бы входила в него с одного конца и выходила из другого.

Я стоял на дороге у этого яйца и не знал, что делать дальше.

Огромные створки ворот выпуклой формы были закрыты так плотно, что шов их едва угадывался на алюминиевой поверхности. Внезапно открылась маленькая боковая дверка, и из павильона вышел Анатолий.

— Вот и отлично, — сказал он, узнав меня. — А я тебя жду с утра. Собираюсь совершить небольшую поездку. Буду рад взять тебя с собой.

Я стал возражать, доказывая, что не для того же тащился я по жаре, чтобы еще куда-то ехать. Если моему другу так уж хотелось покататься, он мог заехать за мной на дом. Я же хочу видеть изобретенье, которое он сам обещал мне показать,

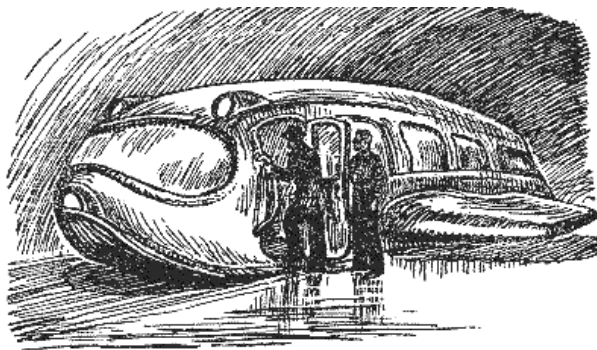
— Ну да, — согласился он благодушно. — Мое изобретенье и предназначено для поездки. Мы говорим об одном и том же... Да ты входи!

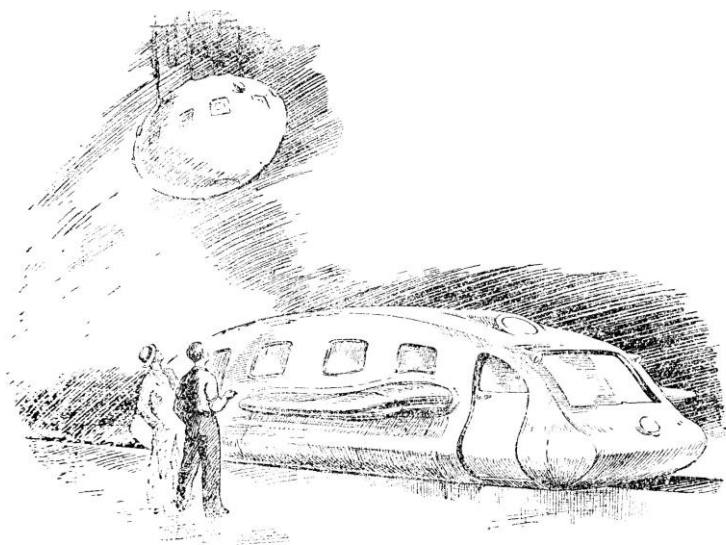
И он посторонился, пропуская меня внутрь.

Переступив порог, я очутился в огромном ангаре, если его можно было так назвать. Первое чувство, которое охватило меня, было приятное ощущение прохлады. Она создавалась, должно быть, благодаря краске, отражавшей солнечные лучи, которой выкрашен был снаружи павильон.

Внутренние стенки огромного яйца были жемчужно-белого цвета. Однотонная окраска, отсутствие углов и ровное, без теней, освещение создавали странный зрительный эффект. Стены то казались близкими, то как бы раздвигались, незаметно переходили в потолок, и временами даже словно совсем исчезали, таяли в общем жемчужном тоне, окружавшем нас со всех сторон.

Темная асфальтовая лента тянулась через ангар — дорога на самом деле проходила сквозь яйцо.

Посредине ангара, на асфальтовой дорожке, стояло нечто среднее между автобусом, пассажирским самолетом и моторной лодкой.

Посредине ангара, на асфальтовой дорожке, стояло нечто среднее между автобусом, пассажирским самолетом и моторной лодкой. В низком кузове обтекаемой формы не было и следов мотора. Машина лежала прямо «на брюхе», напоминавшем днище плоскодонной лодки. С обеих сторон кузова были широкие, но короткие выступы — зачатки недоразвившихся крыльев.

В общем, вся эта штука напоминала серебристую гусеницу гигантской бабочки.

Оглядев внутренность ангара, я не заметил там больше ничего, кроме еще одного яйца, подвешенного на системе блоков под потолком, прямо над машиной. Это яйцо было сравнительно небольшого размера — примерно с киоск для продажи мороженого. В яйце было несколько мелких квадратных окошек с разных сторон; как весь павильон, оно тоже было выкрашено в жемчужно-белый цвет.

Бросалась в глаза несоразмерность просторного ангара с единственной машиной, которая стояла внутри, занимая

сравнительно мало места. Но я не успел высказать своего удивления — Анатолий предложил мне занять место в странном экипаже.

Внутри сухопутной лодки (не знаю, как назвать эту машину) находились удобные мягкие сидения. Одно из них — впереди и сбоку — предназначалось для водителя. Перед ним помещался небольшой пульт с полудюжиной кнопок и обычными приборами — спидометром, часами, панелью радиоприемника. Ни рулевого колеса, ни чего-либо похожего на него не было. У сидения водителя была отлогая спинка, и помещалось оно значительно ниже пассажирских мест. Когда Анатолий уселся, он точно утонул в своем кресле. Такое устройство кузова было сделано явно для удобства пассажиров: водитель не мешал им смотреть в большое переднее окно.

Около каждого пассажирского места находилось боковое окошко. Наконец, в задней части кузова было еще окно — почти такое же большое, как переднее. Бесспорно, это была туристская машина, предназначенная для экскурсий. Но как же она передвигается?

Я уселся на одном из мест, поближе к водителю.

Анатолий оглянулся и поднес к губам переносный микрофон.

— Все готово?

— Готово, — ответил голос из радиоприемника.

— Поехали!

И Анатолий нажал какую-то кнопку.

Раздалось едва слышное стрекотание, — я даже не понял, откуда оно идет. Никаких других звуков мотора я не слышал за все время этой удивительной поездки. Впрочем, и этот слабый шум был заглушен музыкой, которая полилась из радиоприемника.

Передняя стена ангара раскололась и стала расходиться в стороны. Асфальтовая дорожка, на которой стояла наша машина, выбегала теперь из него и бежала куда-то вдаль.

Анатолий нажал вторую кнопку.

Машина, не вздрогнув, тронулась с места. Она двинулась плавно, как бывает во сне. Я не чувствовал тряски, не слышал шороха колес.

Все быстрее неслась навстречу гладкая дорожка. Слева показались и стали убегать назад знакомые строения студии. Справа замелькали дачи в березовой роще.

Мы выехали на шоссе. Машина тенью скользила по асфальту. Анатолий сидел, откинувшись в своем кресле, и, не обремененный заботой о руле, только изредка касался рукой какой-нибудь кнопки на пульте. Машина, казалось, управлялась сама. Но как же мы ни на кого не налетали? Правда, встречные машины проносились по другой стороне шоссе. Но мы обогнали несколько грузовиков. Грузчики, сидевшие на каких-то бочках, не сводили глаз с нашего экипажа, видимо, пораженные его диковинным видом.

Но чудеса только еще начинались. Когда мы выехали на ровный и пустынный участок шоссе, машина ускорила свой бег. Анатолий нажал какие-то кнопки, и у машины начали вырастать крылья. Они выдвигались из коротких боковых отростков. Еще несколько мгновений — и я почувствовал, что мы летим. Шоссе быстро уходило вниз, сворачиваясь жгутиком.

— Послушай, но каким же образом... — начал было я.

— После! — отмахнулся Анатолий. — После все расскажу. Запасись терпением.

Я решил не мешать ему.

Машина стала разворачиваться, делая вираж, и в боковое окошко я увидел весь город.

Широкие улицы с высокими зданиями, прямые, как лучи прожекторов, прорезали древние переулки с хаотическим нагромождением низких крыш. Строгие линии набережных удивительно гармонировали с тронутыми мхом старинными башнями. Эти башни стояли у подножья большого зеленого холма и соединялись зубчатыми стенами. На холме высились белые стены дворца с плоским куполом, виднелись и другие исторические здания. Характерный изгиб реки, омывающей Кремль, и ее гранитные берега, застроенные дома-

микварталами с массой балконов, делали эту панораму близко знакомой и трогающей сердце.

-- Москва! — произнес вдруг чей-то знакомый голос.

— Москва! — произнес вдруг чей-то знакомый голос. — Город, к которому стремятся думы и помыслы миллионов людей.

Я оглянулся. Кроме нас с Анатолием, внутри машины никого не было. Голос раздавался из радиоприемника.

— Радиогид, — коротко пояснил Анатолий. — Записано на пленку. Читает... (Он назвал фамилию известного диктора.)

Голос в динамике между тем продолжал:

«Куда ни обратим мы отсюда свой взгляд, во все стороны расстилается необъятная Советская страна. Сегодня мы отправимся на восток, увидим Урал, посетим Магнитогорский комбинат, пересечем равнины Сибири, тайгу Дальнего Востока, дойдем до Тихого океана...»

«Однако, — невольно подумал я, — сколько же времени будет продолжаться наша «прогулка»?»

А машина уже шла на восток. Внизу тянулась Ока с заливыми лугами, большими селами и маленькими городами в зелени и яблоневых садах.

Вдруг без всякого толчка наша машина, как снаряд, устремилась вперед. Ландшафт, расстилавшийся внизу, помчался с такой быстротой, что на миг все слилось в сплошное пятно. Казалось, что мы висим неподвижно в пространстве, а земной шар вращается под нами. К тому же Земля

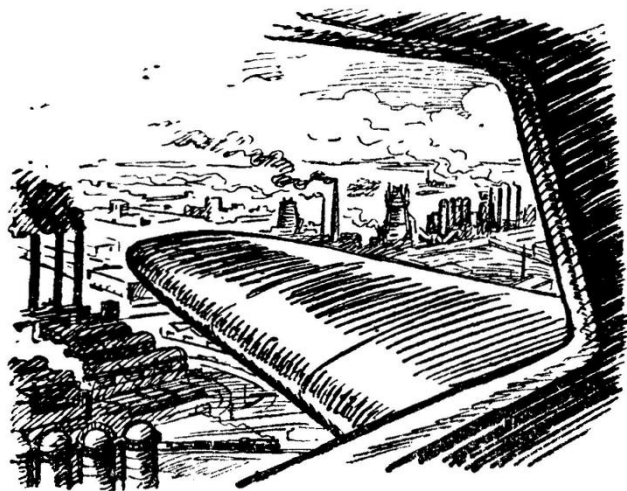
как-то сразу отдалилась, словно мы очутились на большой высоте. На выпуклой щеке земного шара, вращавшегося под нами, промелькнула Рязань, блеснула полоса Волги, проплыла желто-бурая степь, и вот показались зеленые холмы и первые возвышенности отрогов Южного Урала.

Я успел бросить взгляд на стрелку спидометра. Описав на циферблате три четверти круга, она остановилась около дикого числа: 5 000 километров.

— В час! — воскликнул я крайне удивленный. — Известно, что скорость вращения любой точки Земли на параллели Москвы составляет 938,66 километра в час. Значит, мы двигались впятеро быстрее!

— В минуту, — спокойно поправил меня Анатолий.

Я не успел больше ничего сказать. Стрелка устремилась в обратную сторону. Наша скорость замедлилась. Вместе с тем машина пошла круто вниз. Я невольно схватился за поручни сиденья.

Я узнавал знакомую по фотографиям панораму Магнитогорского комбината.

Анатолий улыбнулся.

Мы падали, или, вернее, неслись. прямо на невысокую, но раскидистую гору, у подножья которой расположился огромный комбинат.

— Магнитка!

Возникло ли это слово у меня в сознании, или его произнес диктор, — я не помню. Я узнавал знакомую по фотографиям панораму Магнитогорского комбината.

Мы снижались все больше, и вот уже колеса нашей машины коснулись... Впрочем, никаких колес у нашей машины не было, и ничего она не касалась, — мы просто скользили по шоссе, как в начале путешествия.

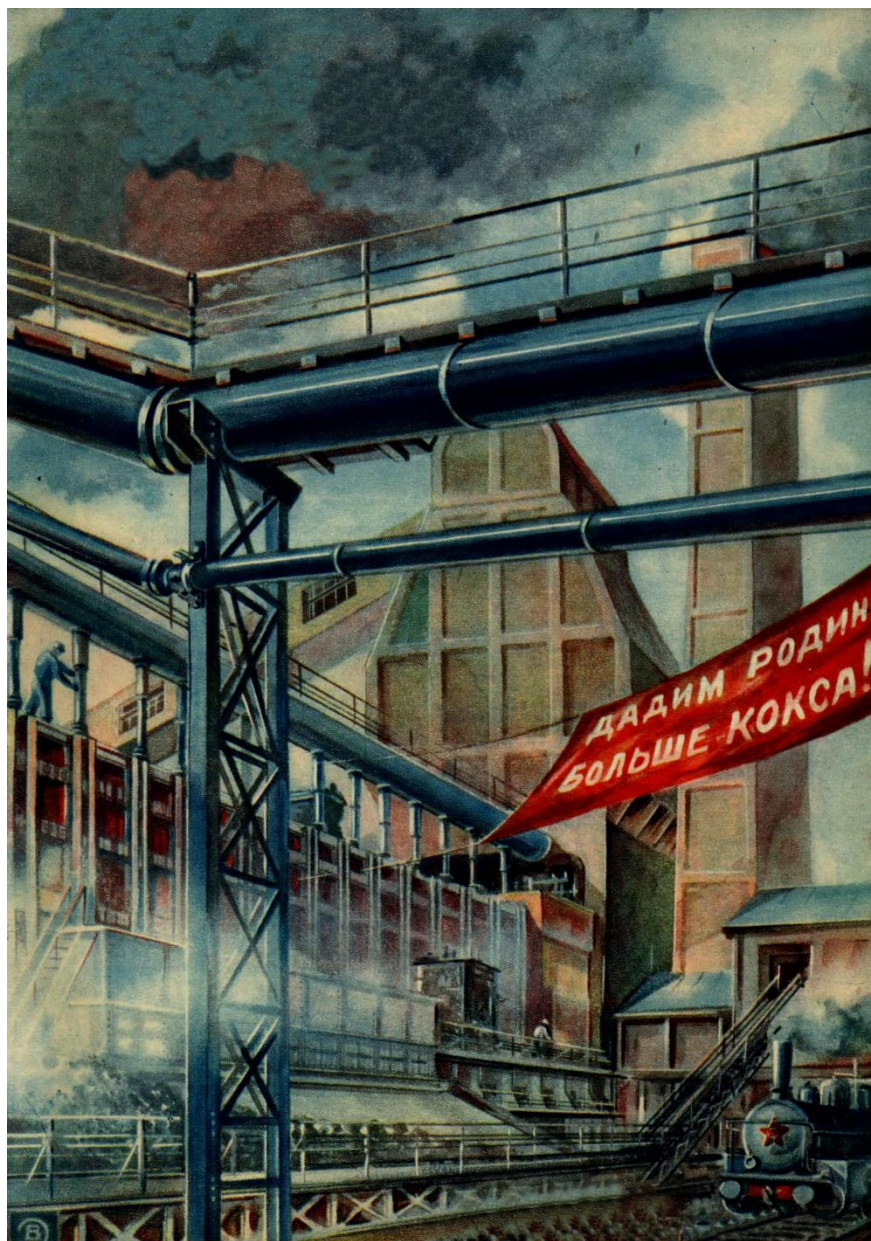
Новешенькое шоссе вело на вершину горы. Здесь был асфальтированный «пятачок» с гранитными бортами. Наш экипаж медленно объезжал по окружности эту обсервационную площадку.

Дивный вид открывался отсюда. Всюду, куда достигал глаз, виднелись величественные сооружения металлургического гиганта. Как фигуры, расставленные на грандиозной шахматной доске, высились башни-домны и окутанные желто-сизым дымом металлические тела кауперов. Блестели на солнце стеклянные крыши мартеновских и прокатных цехов. Чернели ребристые стены коксовых батарей.

Все это было насыщено движением. Одна за другой поднимались к вершинам доменных печей тележки с коксом или рудой. Целые вереницы вагонов с таким же грузом тянулись в различных направлениях. Вот откинулась стенка коксовой печи, и высокий штабель раскаленного кокса обрушился вниз...

Люди, построившие эти циклопические сооружения и управляющие ими, казались отсюда маленькими, едва различимыми фигурками. Но они были здесь полновластными хозяевами. Вряд ли можно найти более наглядное и убедительное доказательство могущества человеческого разума.

— Нет границ созидательной мощи советского народа, — сказал диктор, словно подслушав мои мысли. — Вот эти две огромные новые домны, и те две коксовые батареи, что

стоят направо, построены в первой послевоенной пятилетке. Только одни они дают миллион тонн чугуна и миллион тонн кокса в год. Он приводил цифры, факты...

Описав круг на «пяточке», наша машина не стала совершать обратного спуска, а как-то вдруг перепорхнула через лежавшую внизу местность, и мы очутились у въезда в город, на берегу реки.

Я уже ничему не удивлялся. Мы ехали по широким улицам с красивыми многоэтажными домами. Мне понравилось, что вдоль тротуаров стояли обнесенные чугунными решетками деревья, и вообще в городе было обилие парков и скверов.

— Этот новый город построен на берегу Урала для металлургов Магнитки в послевоенной пятилетке, — сообщил наш радиогид.

Чудесный город промелькнул, как сон.

Мы снова в воздухе. Внизу Барабинская степь. Темнеющий на горизонте лес, словно отара овец, разбегается при нашем приближении, распадается на отдельные березовые лески или «колки», как их здесь называют. И тогда сверху ясно видно, что эти лески разбросаны на обширной и плоской равнине.

Но что это внизу? Море. Желто-зеленые волны ходят на просторе, переходя вдаль в мелкую золотистую рябь.

Это пшеница!

И когда на горизонте появляется вереница голубых теней, медленно плывущих по этому морю спелой пшеницы, невольно вспоминается сравнение комбайна со степным кораблем. Сходство усиливается тем, что «корабли равнины» не влекутся тракторами, — они движутся самостоятельно. Это усовершенствованные самоходные комбайны. Целая эскадра их вышла в пшеничное море.

Мы не соблюдаем ровной линии маршрута. Берем то к югу, то к северу, а иногда, как фантастический кузнечик, перепрыгиваем через обширные пространства, пролетаем через них в несколько секунд. Это секунды замирания сердца и легкого головокружения.

Мои познания в географии оказываются в некоторых случаях несколько отсталыми. Мы долго летим вдоль бесконечной железной дороги, прорезающей поля и леса. Мы уходим в сторону, возвращаемся, совершаем скачки через пространство, а рельсы все тянутся и тянутся...

«Так вот она, знаменитая Транссибирская магистраль», думаю я.

Но диктор сообщает, что это Южно-сибирская магистраль, новая дорога, построенная в послевоенной пятилетке.

Когда мы пролетаем над станцией Тайшет, я вижу, как обе магистрали сливаются воедино.

Тайга покоряет меня своим диким, нетронутым видом. Впрочем, что это? Ровная просека тянется от берега реки в самую глубь тайги. Вот и еще прямая дорога в кудрявой, взлохмаченной зеленой массе. Дальше — аккуратные штабеля бревен, целая лесная биржа на берегу какого-то протока.

Тысячи лет ничто не менялось в жизни тайги, и никто не трогал ее, пока не пришли сюда советские люди. И в этом глухом краю природа начала служить человеку.

...Первое приключение происходит с нами в Восточной Сибири. Мы идем над горными хребтами, покрытыми лесом. Железная дорога — та самая Транссибирская магистраль, которую я все время искал, — осталась на юге.

Неожиданно хребты расступаются. Между ними лежит темносиняя, отблескивающая сталью и прозрачная, как аметист, масса воды.

— Байкал! — торжественно говорит диктор.

— Байкал! — торжественно — говорит диктор.

В тот же миг наша машина делает крен, затем проваливается вниз носом и начинает падать. В страшном, стремительном пике мы мчимся прямо к середине озера.

Я сижу, судорожно ухватившись за поручни. Берега по мере нашего падения разбегаются в стороны. Масса воды возрастает, ширится... Недаром Байкал зовут морем. Вот уже всюду вода, вода, вода...

Деловой тон нашего гида-автомата, сообщающего, что Байкал — самое глубокое озеро в мире, меня ничуть не успокаивает.

Вода уже, кажется, обступает нас — и в носовое, и в боковые окна видна прозрачная синь, но тут Анатолий (я вижу, впрочем, только рыжеватую макушку) каким-то чудом вырывает машину из пике. Это странно, но я не испытываю в этот момент ощущения, будто мой вес увеличился в несколько раз, как это должно было бы произойти, судя по тому, что я читал и слышал от пилотов, летающих на самолетах-пикировщиках.

Мы просто переходим на горизонтальный полет. Но... мы летим все ниже. Вода опять приближается, и мы, наконец, касаемся ее освещенной солнцем и покрытой мелкими волнами поверхности.

Однако ничего страшного не происходит. Наш экипаж — теперь уже не самолет и не автомобиль, как раньше, — он лодка. И эта лодка, втянув крылья, плывет по морю.

Я начинаю догадываться, что никакой аварии вообще не было. И стремительный спуск, и посадка на воду — все эти потрясения, по-видимому, входили в программу путешествия.

Мы мчимся, как на хорошем катере. Слегка покачивает. Теперь я с удовольствием слушаю голос гида, который не скупится на краски, описывая Байкал.

На самом деле, необычайно красиво! Высокие гористые берега, поросшие лиственницами, изобилующие гранитными скалами, окаймляют темно-синее море.

Вода удивительно прозрачна. В ней видны стаи рыб и силуэты каких-то незнакомых животных. В этих чистых и глубоких водах протекает жизнь — своеобразная и неповторимая. Многие из живых организмов, обитающих в Байкале, встречаются только здесь и больше нигде на всем земном шаре.

Хотя Байкал существует весьма длительный геологический период, образование впадины, в которой лжит это замечательное озеро, еще не закончилось. Поэтому здесь так нередки землетрясения.

Мы проплываем как раз мимо огромной скалы, рухнувшей в воду. Каменная поверхность хребта покрыта трещинами. Из одной расщелины поднимается облачко пара. Это выбивается из недр земли горячий источник.

Но вот наша «лодка» с разгона отрывается от воды. Байкал сужается, вытягивается в длину и вдруг начинает вращаться. Нет, это мы делаем разворот и берем курс далее на восток.

Не буду описывать всех подробностей дальнейшего нашего путешествия. Мы дошли до берегов Тихого океана и повернули на север.

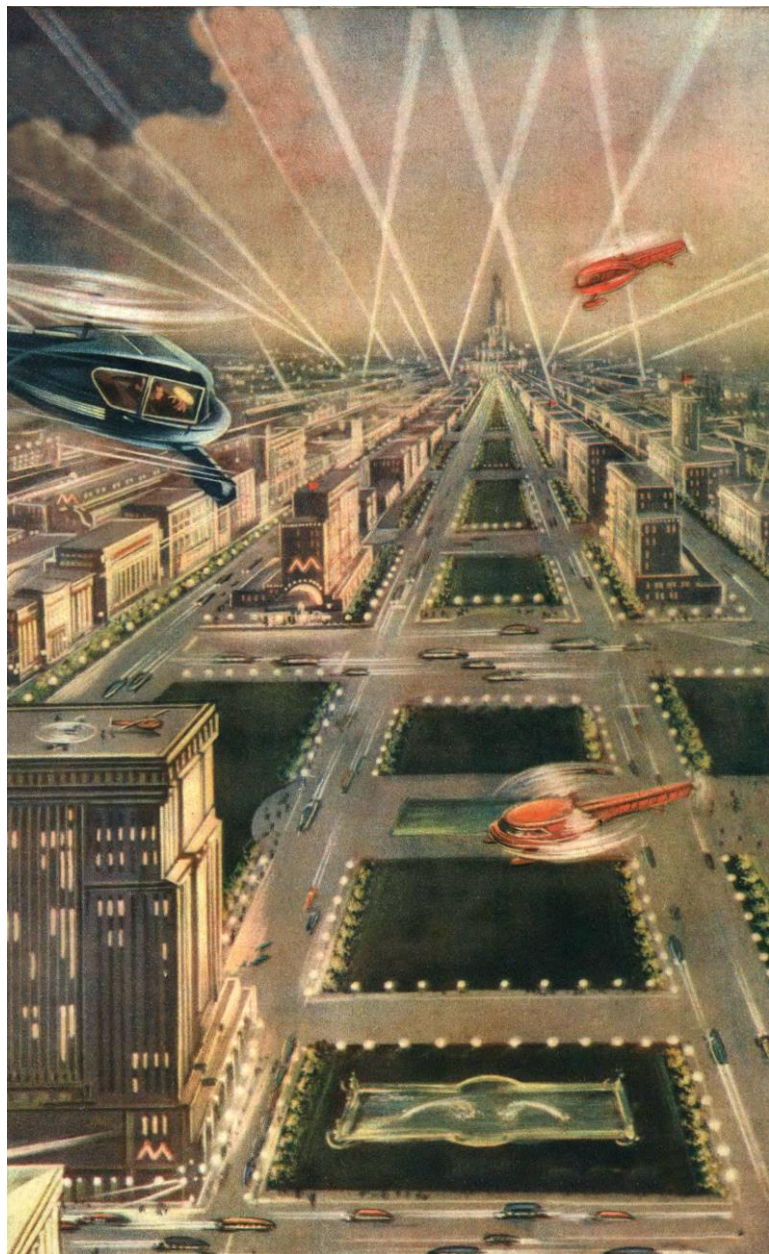
На море был штиль. Необъятная водная гладь в районах Сахалина, Курильских островов и Камчатки была усеяна пятнышками больших и малых рыболовных судов. А на берегу материка в легкой дымке тумана время от времени возникали молы и причальные линии больших морских портов. Как оживился этот край за последние годы!

Еще поворот, на этот раз на запад. Мы возвращались в Москву. Но мы, как я заметил, шли новыми путями.

Убедившись в безопасности нашей «прогулки», я наслаждался чудесными видами, которые открывались на каждом шагу. Осматривал поля и заводы, села и города, внимательно слушал объяснения гида. Я всегда знал, что моя родина богата и велика, но впервые ощутил это так непосредственно и наглядно.

Уральский хребет мы пересекли севернее, чем в начале путешествия.

Горы здесь были ниже и выглядели более пологими.

Внезапно впереди показалась панорама, напомнившая что-то очень знакомое. Высокая и крутая стена перегораживала широкую реку. Вереницы автомашин сновали по берегам. Виднелись большие здания — одни в лесах, другие уже законченные.

Днепрогэс? Но ведь это совсем другой район! И к тому же Днепрогэс давно уже восстановлен после войны, а здесь стройка в самом разгаре.

— Камская гидростанция, — сообщил радиогид. — Первая очередь недавно вступила в строй.

..В окошечке спидометра выскочила цифра «30 000 км», когда в зелени пригородов снова показалась знакомая Москва. 30 000 километров! Это длиннее пути вокруг Земли, если бы мы совершили его вдоль той параллели, на которой стоит наша древняя и вечно юная столица.

Весь этот путь проделан внутри нашего государства, и — я взглянул на часы — за полтора часа! Это было самым загадочным.

Мы прошли над Москва-рекой, над широкими, полными движения мостами и взяли чуть в сторону, к Ленинским горам. Я увидел впереди тень от нашей машины, бежавшую по шоссе. В следующее мгновение мы сели на эту тень — и плавно мчались по шоссе.

Вот показались знакомые сооружения киностудии. Мы свернули на асфальтовую дорожку, поперек которой лежало серебристое яйцо.

Как занавес, раскрылись его створки, мы въехали внутрь и остановились.

Замолкла музыка, доносившаяся из репродуктора в последние минуты. Прекратилось слабое стрекотание таинственных моторов. Все стихло.

Я вскочил на ноги, готовый засыпать свозго друга вопросами.

Анатолий медленно повернул голову.

— Ну как? — спросил он довольно флегматично.

— Потрясающе! — воскликнул я. — Но скажи, пожалуйста, каким образом...

Анатолий усмехнулся.

— Сейчас, — сказал он, — отвечу тебе на все. Дай сначала вылезть, а то у меня ноги затекли. Кресло водителя надо будет переделать.

Он поднялся со своего низкого сиденья и распахнул выходную дверь. Мы вышли. Мы стояли около замечательной машины, окрашенной в голубовато-серебристый цвет. Крылья были снова втянуты внутрь, и сейчас она напоминала обтекаемые сани или лодку.

Анатолий удовлетворенно курил и искоса поглядывал на меня.

Я молчал, подавленный всем виденным и пережитым за этот короткий срок.

— Ну, — сказал, наконец, Анатолий, — что же тебя интересует?

Я очнулся.

— Прежде всего, — воскликнул я, — что это за новый способ передвижения? Эти немислимые скорости! Эта невиданная поездка!

— А мы никуда и не выезжали, — спокойно возразил Анатолий. Он поднял голову, крикнул: «Иван Петрович!» В яйце, висащем под потолком ангара, открылось окошко, из него высунулась голова.

— Ну как? — спросила голова. — Все в порядке?

— Нет полной синхронности, — ответил Анатолий. — На заднем экране было временами отставание на полфазы.

— Ну, это пустяки, — возразил Иван Петрович. — Сейчас подрегулируем.

И он скрылся в окошечке.

Должно быть, у меня был очень растерянный вид, потому что Анатолий, скупой на слова, счел нужным пояснить:

— Мы были с тобой все время в этом ангаре, и вообще, эта штука, — он кивнул на экипаж, в котором мы проделали путешествие, — не может двигаться.

— Так что же это было?

Знание
- сила

СТЕРЕОСКОПИЧЕСКОЕ КИНО ДАЕТ
ОЩУЩЕНИЕ ПОЛНОЙ ОБЪЕМНОСТИ

Рис. С. КАПЛАН

— Кино.

Послышался тихий скрип блоков, и я увидел, что яйцо с Иваном Петровичем спускается из-под крыши. Яйцо остановилось близко у земли, распахнулась дверца, откинулся трап, и, наконец, показался сам Иван Петрович.

Он был в брюках «гольф», в рубашке с короткими рукавами, — все признаки заядлого кинематографиста. Если к этому добавить, что ему было восемнадцать лет, а по профессии он был киномеханик, станет понятным то чувство превосходства над простыми смертными, которое можно было прочесть на его чуть-чуть курносом лице.

— Здорово? — спросил он, снисходительно протягивая мне загорелую руку. — То-то!

И он подмигнул мне. Впрочем, тут же спохватился, напустил на себя значительный вид и принялся говорить что-то о «кадрах», «светосиле» и прочих непонятных для меня вещах.

В общем, он оказался славным малым, и я главным образом от него все и узнал. Анатолий же считал все объяснения законченными, и разговаривал в углу ангара со своими помощниками, появившимися, как черти из-под земли, из трапа, который раскрылся в полу ангара. Там, под землей, как объяснил мне Иван Петрович, помещалось «энергохозяйство». В самом ангаре не должно было находиться ничего лишнего: только сама «машина» и это яйцо под потолком. Так следовало для полноты ощущения.

Так что же это было за изобретение?

Это было объемное кино. Экипаж, в котором мы совершили мнимое путешествие, был зрительным залом, а весь ангар — своего рода экраном.

Картина, которую я видел, была снята исключительно с натуры. Специальная экспедиция в конце первой послевоенной пятилетки выехала для съемок на Урал, в Сибирь, на Дальний Восток. Съемки производились четырьмя аппаратами одновременно: один был направлен вперед, два — в стороны, а четвертый — обращен назад. Так же проекти-

ровались и полученные изображения из кинобудки, которая помещалась в висячем яйце.

В результате, в какое бы окошко «экипажа» ни смотрели его «пассажиры», они видели как бы часть общей движущейся панорамы.

— Важно, конечно, — пояснил Иван Петрович, — добиться полной синхронности, совпадения изображений всех четырех проекционных аппаратов.

Он рассказал, как это было осуществлено, причем подробно описал какой-то «гибкий вал», который предложил для этой цели сам Иван Петрович.

Съемка первой кинокартины производилась с автомобиля, самолета, моторной лодки, гидроплана и еще какого-то сооружения — «портикабля»¹⁾, так, кажется, назвал его Иван Петрович.

Теперь я понял, почему так пристально смотрели люди, мимо которых мы «проезжали» на нашей машине. Я думал, что они удивлялись необычному виду нашего экипажа, а они просто смотрели на операторов, снимавших сразу четырьмя аппаратами с обыкновенного автомобиля.

Для чего же понадобилось сооружать ангар, асфальтовую дорожку и «кабину-вездеход»? Для того, чтобы зритель во время сеанса испытывал полную иллюзию путешествия по земле, воздуху, воде, а если понадобится, и под водой.

За время нормального киносеанса в этой «машине» можно объехать весь мир.

Все это сообщал мне Иван Петрович, чрезвычайно довольный как моей любознательностью, так и своей способностью ее удовлетворить.

Мы шли по неширокой дорожке, окаймленной маленькими голубыми елями, и я думал о том, как много нового, неожиданного и увлекательного создала советская наука и техника за протекшие годы мирного труда.

---

1) Вышка, на которой устанавливается киноаппарат для съемки.

А. МОРОЗОВ

**СТАНЦИЯ
ПРОФЕССОРА
ФЛАНДЕРСА**

Научно-фантастический рассказ

Художник Г. Балашов

СТАНЦИЯ ПРОФЕССОРА ФЛАНДЕРСА

Рис. Г. Балашова

Но больше всего профессора испугали выбитые стекла.

РАССКАЗ

УПРАВЛЯТЬ большой и мощной машиной всегда приятно. Но сейчас профессору Фландерсу казалось почти фантастическим то, что огромный автомобиль подчинялся ему — еще совсем слабому, неспособному пройти даже километр. Радостное чувство власти над машиной усиливалось у Фландерса сознанием неожиданной свободы: ведь он попросту сбежал из дому, воспользовавшись тем, что жена уехала по делу. Врачи только недавно разрешили ему прогулки по саду и неутомительный уход за цветами в тихий час, когда солнце садится за голубые холмы.

Больше года Фландерса тщательно оберегали от всех волнений, не позволяли читать, старались даже мысли его направлять в сторону от всего, относящегося к его специальности. Профессор терпеливо подчинялся, признавая разумность требований медицины. Но теперь, когда он уже почти здоров, он должен съездить в Гломс и посмотреть, что произошло на станции за время его болезни.

Фландерсу с детства была знакома каторжная жизнь людей, прикованных к маленькому клочку земли, от которого зависела их судьба, и еще на школьной скамье он решил посвятить все свои силы борьбе за землю. Его мечтою стало возвращение людям почвы, разрушенной ее страшнейшим врагом — эрозией. Он знал, что ветер и вода только за по-

следние 150 лет унесли в океан около одной трети почвенного покрова Штатов. Он знал, что водная и ветровая эрозия продолжают грызть своими страшными зубами 775 000 000 акров хорошей земли. Мирное завоевание с помощью науки этих обреченных земель Фландерс считал куда более почетной задачей, чем все походы воинственных генералов, чем все хитрые и коварные ходы дипломатов.

Сделавшись известным ученым, Фландерс долго пытался найти поддержку в правительстве и у различных мощных компаний, занимающихся переработкой продуктов сельского хозяйства, но всюду он наталкивался на скрытое или явное противодействие. Наконец, Фландерсу предоставили возможность поставить опыты. Это было сделано с чисто рекламной целью, чтобы в газетах и по радио твердить, будто в Штатах разрабатываются новые научные способы борьбы с эрозией. Когда ученый увидел отведенный ему участок в Гломсе, у него сначала в отчаянии опустились руки. Овраги, рытвины в разных направлениях пересекали голую землю, засоленную, известковистую. Над пухлой и рыхловатой почвой даже и слабым ветре легкими облачками курилась серая едкая пыль. Казалось, только чудо могло воскресить эту землю, давно лишенную самого необходимого, чтобы давать растениям пищу и возможность укорениться. Но Фландерс верил, что такое чудо могут совершить наука и труд. Он согласился именно здесь создать свою опытную станцию по борьбе с ветровой и водной эрозией, потому что рядом тянулись защищенные лесом поля фермеров.

Напряженная борьба с научными противниками и тягчайшими природными условиями сломила профессора в момент, когда уже можно было судить о первых успехах.

Длинный ряд деревьев в нежнозеленой дымке молодых листочков был последним, что Фландерс видел на своей станции, внезапно погрузившись в глубокий, тяжелый обморок.

Очнувшись после припадка спустя значительное время, Фландерс сейчас же спросил, как идут дела на станции.

— Великолепно! — воскликнула миссис Фландерс. И с тех пор почти каждый день она давала ему отчет о том, что творится на участке, когда-то мертвом, как пустыня Сахара.

Но чем лучше становилось профессору, тем заметнее было, что жена устала постоянно справляться о положении на участке, о судьбе растений, с таким трудом посаженных Фландерсом. Иногда, рассказывая профессору о работах его лаборатории или о том, как сотрудники станции засадили кустарником все овраги, а самый большой превратили в прекрасный пруд, миссис Фландерс вдруг умолкала, рассеянно смотря на мужа, и по ее глазам было совершенно ясно, что думает она о чем-то бесконечно далеком от станции...

Несмотря на обед и отдых в Гринч-Хаус, из поселка профессор выехал гораздо медленней, а когда до станции по его расчетам оставалось совсем недалеко, им вдруг овладел страх, что он едет не туда. Уже давно должен был начаться лес Корэй, верхушки которого всегда рисовались справа зубчатой темной линией, похожей на древнюю крепостную стену.

Смущало профессора и другое обстоятельство. Его опытный глаз сейчас повсюду видел не хорошую, плодородную землю, примыкавшую к дороге у леса Корэй, а какую-то совсем другую почву, вызывавшую в памяти мучительный кошмар, часто терзавший его во время болезни: будто оказался он на какой-то планете, давным-давно мертвой, где уже не сохранилось ни одного живого существа, и он должен неведомым путем вернуть эту землю к жизни...

— Я заблудился! — вслух в отчаянии повторял Фландерс. Ему казалось, что машина сама влечет его куда-то, хотя руки его привычно вели автомашину в нужном направлении, пока дорога не уперлась в широкие ворота со знакомой вывеской станции. Профессор остановил машину и пошел к двухэтажному зданию.

Прямо от дороги начинался овраг. Где же кусты, о которых говорила жена, где деревья, охватившие надежным зеленым поясом весь участок?

«Я слишком понадеялся на свои силы, у меня бред», думал профессор, едва волоча ноги. Он наткнулся на какие-то сухие прутья, ровной линией тянувшиеся к северо-востоку. Фландерс попытался вырвать один, но у него не хватило сил.

В здании станции было темно, полуоткрытая дверь на террасу пронзительно скрипела, раскачиваемая ветром. Но больше всего профессора испугали выбитые стекла: темные провалы окон, скалясь острыми зубами осколков, смотрели на него таинственно и недоброжелательно.

Фландерс опустил на нижнюю ступеньку лестницы и горячим лбом прижался к мрамору перил.

Немного придя в себя, профессор встал. Он понял, что не бред, вызванный внезапным приступом болезни, искажает действительность, но что станция Фландерса действительно погибла, и он с мужеством человека, привыкшего к постоянной борьбе, должен узнать все до конца, понять причины крушения мечты всей его жизни. Он выпрямился и, словно капитан тонущего корабля, в последний раз поднимающийся на свой командирский мостик, пошел по ступеням, усыпанным битым стеклом, хрустевшим под его ногами.

В темном зале Фландерс почти наткнулся на кого-то, внезапно зажегшего электрический фонарик.

— Кто тут? — спросил неизвестный сердито. — Профессор Фландерс! Как вы сюда попали? Один, вечером...

Профессор протянул руку Стивену Гольду, одному из своих лучших, надежнейших учеников.

— Это я должен спросить вас, что здесь происходит, Стивен. Почему всюду такое запустение? Неужели так ужасно сказалось мое отсутствие?

Гольд бережно взял профессора под руку и молча провел его по нескольким пустым большим комнатам в кабинет, очевидно служивший здесь единственным жильем.

— Даусон! — крикнул Гольд, входя, — приехал профессор Фландерс.

В дверях появилась высокая, темная фигура.

— Вот уж кого я не рассчитывал найти здесь сейчас! — сказал Фландерс, протягивая руку. — Вы, Даусон, всегда так увлекались политикой, так сомневались в успехе моего дела — почему вы тут?

— Я уже давно не работаю на станции. Просто зашел проведать Гольда. Но я страшно рад видеть вас здоровым.

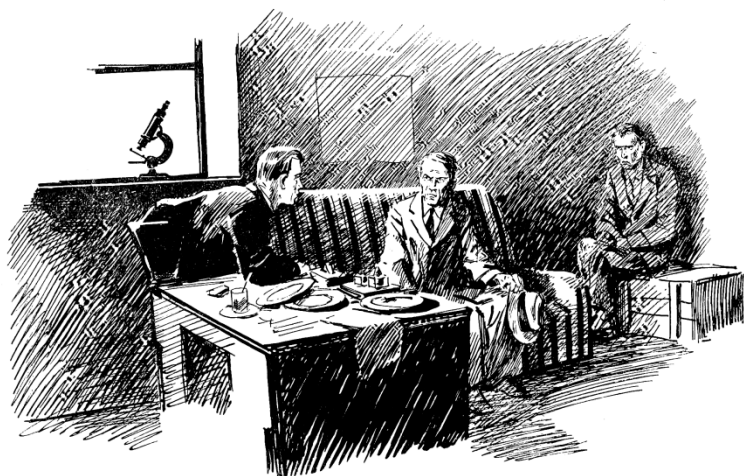
У окна кабинета, на котором четко вырисовывался силуэт микроскопа, стоял письменный стол с тарелками и другой посудой. Гольд усадил профессора на диван, а сам сел за стол, локтем небрежно отодвинув зазвеневшую посуду. Даусон опустил на какой-то ящик в самом темном углу комнаты.

— Вы больны, профессор, — мягко сказал Гольд, — зачем же вы приехали сюда, да еще один? Боюсь, что все это вы проделали тайком от врача и миссис Фландерс.

— Я совершенно здоров, — резко ответил Фландерс, — но я вижу, что доверил свое дело не тем людям, на которых можно было положиться.

— Мы боролись изо всех сил, — сказал Гольд, — Пальмер умер здесь прошлой зимой в нетопленном пустом помещении.

— Вы больны, профессор.

— Бедняга! А я ничего и не знал... Но где же все насаждения? Где кустарники и новые деревья, достигшие уже моего плеча, пруды, о которых мне говорила миссис Фландерс?

Гольд схватился руками за голову.

— Деревья высотой до вашего плеча? Пруды?.. Вскоре после того как вы упали в обморок у террасы станции, лес Корэй стали вырубать, потому что началась бешеная спекуляция древесиной. Никому не известно, зачем понадобилось такое огромное количество высококачественной целлюлозы.

— Никому не известно? — перебил Даусон, — я скажу вам точно — для военных целей!

— Лес Корэй защищал и наш участок и всю территорию, занятую фермами, от самых опасных ветров, — продолжал Гольд. — Мы доказали, что если лес будет вырублен, не только погибнет станция, но и огромная часть фермерских полей окажется под угрозой чрезвычайно ускоренной ветровой эрозии. Мы доказали, что без леса Корэй быстро занесется пылью вся оросительная система района, реки, водоемы, погибнут сады и огороды. Все было тщетно! Лес Корэй—частная собственность, и владельцы считали, что наступил долгожданный момент для реализации ее.

В комнате стемнело так сильно, что уже нельзя было разглядеть даже микроскопа, стоявшего на окне. Гольд, у которого пересохло от волнения в горле, искал на столе стакан, но ничего не нашел, и продолжал говорить тихим, осипшим голосом.

— Все решилось молниеносно. Лес исчез, словно его слизнуло пламя. Ветры обрушились на весь район. Тонкая густая пыль тучами поднималась на высоту пяти-шести тысяч метров — вокруг так темнело, что в домах днем зажигали свет. Посевы погибли. Все наши насаждения, сделанные еще при вас, зачахли. Пыль, оседая на слизистых оболочках глаз, носа, уха, горла, вызвала настоящую эпидемию пыльной пневмонии. Особенно пострадали дети. Множество их погибло, профессор, прошлым летом и ранней осенью.

Фландерс молчал.

Гольду хорошо было знакомо это молчание. Когда студент плохо отвечал, когда потоком ненужных, лишних слов он пытался прикрыть свое незнание, Фландерс молчал, и в этом молчании чувствовалось такое осуждение, что его с трудом выносили самые закаленные лентяи.

Даусон встал со своего ящика и подошел поближе к профессору.

— Вы считаете, что мы, ваши ученики и сотрудники, недостаточно боролись за станцию в Гломсе? Нет! Дело не в этом. Борьба за землю должна идти совсем иначе. Там, где капиталисты не могут уродовать прекрасное лицо земли, люди уже давно направляют силы природы в нужную сторону, превращают пустыни в настоящие оазисы, создают леса в безбрежных степях.

— В Китае, по всей территории которого лишь недавно пылало пламя войны, идет такая работа по оживлению «мертвых земель», о которой мы можем только мечтать. Но в нашей стране потоки долларов переплавляются в пули и снаряды, чтобы помешать мирному труду китайского народа, вместо того чтобы израсходовать их на улучшение почвы в Штатах и на другие неотложные нужды населения... Так не горюйте же, профессор, о гибели станции в Гломсе! Она все равно была обречена при существующих у нас условиях. Надо бороться, но не за эту станцию.

— Что я могу сделать? — с горечью воскликнул Фландерс, — вся моя жизнь была отдана только науке!

— О! Работа всегда найдется. Главное знать, где настоящий враг нашего дела.

— Слушайте... — сказал Гольд, стоявший у окна, — ищейки!

— Видимо я совершил какую-то неосторожность, — глухо произнес Даусон, — ищейки идут по моему следу. — Он приоткрыл окно, и в темную комнату ворвался захлебывающийся лай. — Слышите, как воют?

Фландерс не раз видел этих небольших собак с непомерно длинными ушами, болтающимися, как тряпки, и по-

чти касающимися земли, когда ищейка бежит, почуяв преследуемого. Поднимая густую пыль толстыми сильными лапами, они неслись по бесплодной мертвой почве станции Фландерса, чтобы настигнуть человека, хотевшего видеть землю совсем иной и не жалевшего ради этого собственной жизни.

Профессор положил руку на плечо Даусона.

— Я вспомнил один давно забытый рассказ... Дайте мне ваши ботинки и оденьте мои. Гольд, спрячьте Даусона где-нибудь, а я выйду на террасу и приму «гостей».

— Это очень опасно. Для Федерального бюро разведки я слишком желанная добыча, они уже давно гоняются за мною.

— Живо давайте ботинки! — прикрикнул Фландерс.

Через несколько минут он медленно расхаживал по тер-

Руки вверх!

расе вдоль разбитых темных окон. Осколки стекол хрустели под тесными ботинками Даусона, и профессор сомневался, доберется ли он до своего автомобиля, не прихрамывая. Но безнадежность, охватившая Фландерса при виде погибшей станции, исчезла. И когда с торжествующим злобным лаем на террасу взбежали ищейки, профессор смотрел на собак, неистовавших вокруг него, невольно улыбаясь, хотя и не был уверен, что ищейки не вцепятся зубами в его ноги...

— Руки вверх! — воскликнул толстый запыхавшийся человек, направив пистолет на Фландерса. Луч электрического фонаря осветил неподвижно стоявшего профессора, распахнутую дверь станции, ее окна в осколках стекла и заморенных погоней собак, всячески старавшихся выразить — «Вот он! Поймали!»

— Профессор Фландерс! — изумленно произнес человек с пистолетом, опуская оружие и обращаясь к подбежавшему спутнику, который дышал как загнанная лошадь.

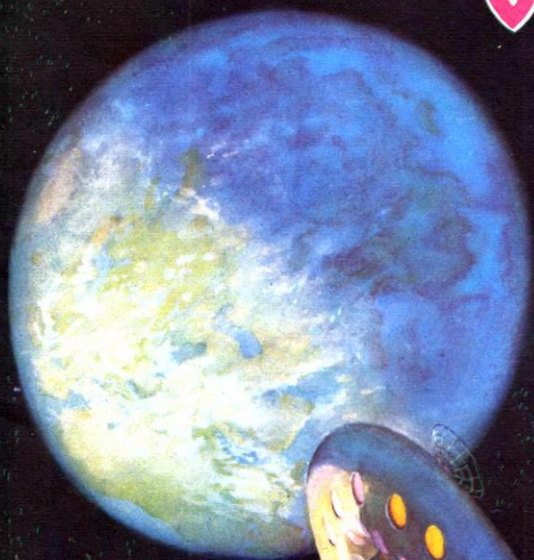
— Мистер Фландерс, сам директор станции. Я говорил тебе, Джек, что Даусон засел на одной из ферм. Тысяча извинений, профессор, но я никак не ожидал, что могу встретить вас здесь. У вас тут все в порядке?

— Да, конечно, я только что окончил осмотр станции.

— На этих проклятых собак иногда находят что-то непонятное: они готовы разорвать вас, мистер Фландерс. Гони их, Джек, к фермам. Пусть наши люди быстро пересекут все дороги. Он от нас не уйдет.

«Уйдет», — думал профессор, прислушиваясь к удаляюще-муся растерянному лаю ищеек, не понимавших, почему их прогнали с террасы, где они нашли беглеца: — «уйдет, даже если мне придется под пулями увезти его на моем автомобиле...»

Знание
- сила

9
1954

Б. ЛЯПУНОВ

СТАНЦИЯ ВНЕ ЗЕМЛИ

Научно-фантастический очерк
Художники А. Орлов и И. Фридман

Рисунки А. Орлова и И. Фридмана

Б. ЛЯПУНОВ

НОВОЕ НЕБЕСНОЕ ТЕЛО

НОВОЕ НЕБЕСНОЕ ТЕЛО

С ЗЕМЛИ кажется, что какая-то небывало яркая звезда загорелась в Солнечной системе. Во Вселенной есть такие удивительные звезды, которые пульсируют, светят то ярче, то слабее. И эта тоже: то вспыхивает, как огонек электро-сварки, то меркнет, словно посылает кому-то таинственные телеграфные сигналы. По яркости она соперничает с Венерой, которая утром и вечером затмевает своим блеском далекие солнца.

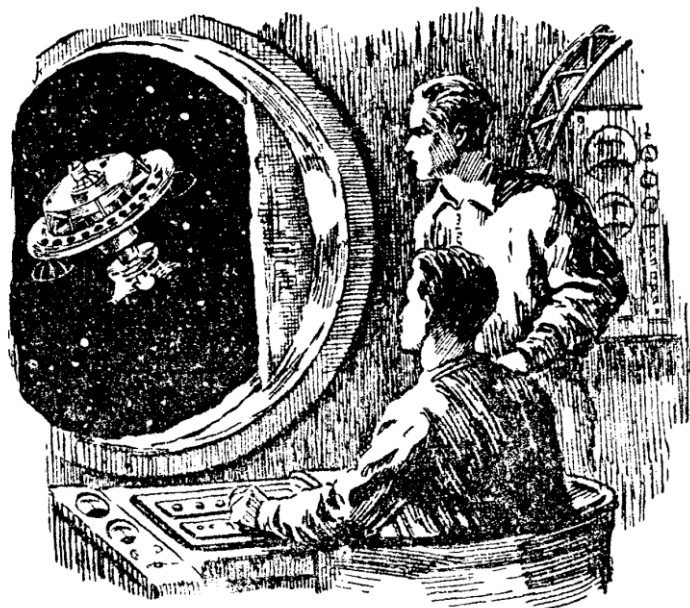
Представим себе, что мы взлетели с Земли на ракетном корабле и держим курс на эту звезду. И вот мигающая звездочка все ближе и ближе, сплошное сияние пропадает, разделяется на несколько огней. Еще ближе, и предстает перед нами невиданное сооружение, витающее в мировом пространстве и поражающее глаз сво-

ей необычайной формой. «Звезда» оказалась в окрестностях Земли, и это новое небесное тело — искусственный спутник нашей планеты, внеземная станция, созданная руками человека.

Она напоминает гигантский волчок. Стержнем его служит огромный цилиндр, опоясанный массивным кольцом и причудливо изогнутым, вроде чашечки диковинного цветка, металлическим зеркалом. Множество других построек, поменьше, как наросты, прилепились к нему со всех сторон. Тут и небольшие цилиндрические выступы с полусферами на концах, и диски, и трубы, и фермы. Все скопление этих геометрических тел, связанных воедино, медленно вращается вокруг продольной оси, и перед нашим взором проплывают, как на карусели, освещенные изнутри кольцо и ци-

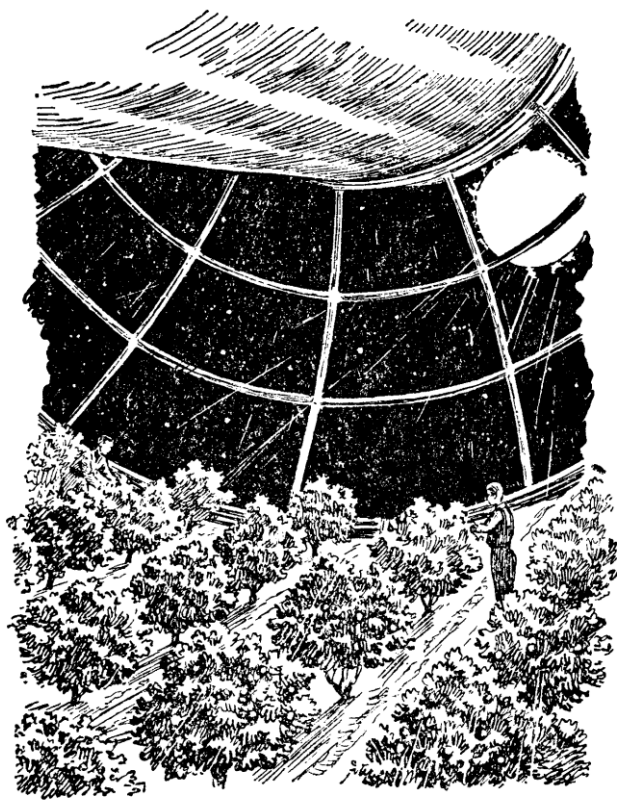
Ракета приближается к станции.

линдр. Около них, по бокам, укреплены решетчатые антенны радиолокаторов и антенна радиотелескопа.

Заглянув через прозрачные полусферы, как бы заканчивающие с обеих сторон ось волчка, можно увидеть приборы, по которым безошибочно узнаешь — здесь работают физики и астрономы.

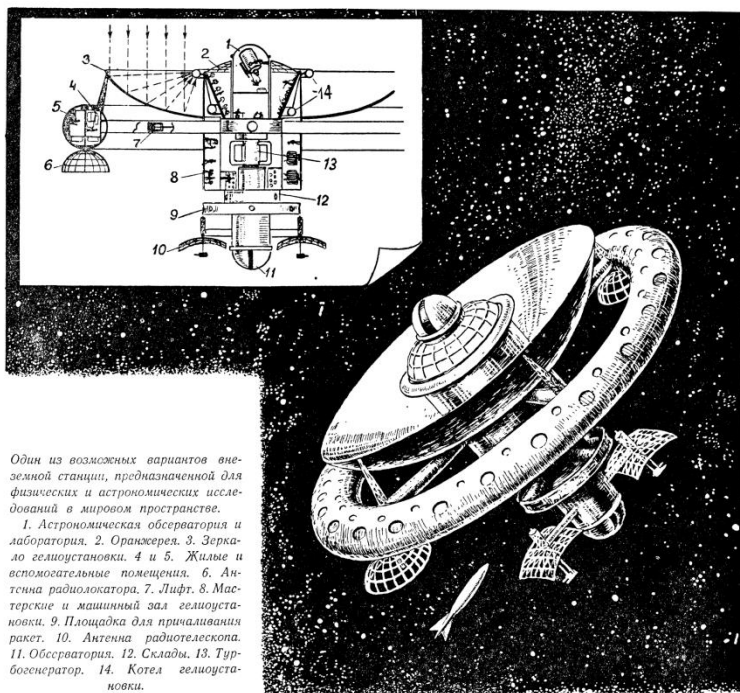
А если посмотреть сквозь прозрачное дно цилиндра, сплошной коридор зелени откроется глазу. Это небесная оранжерея, кусочек Земли, парящий в холодной пустой бездне. На него особенно трогательно смотреть за тысячи километров от родной планеты.

В оранжерее.

Внутри кольца находится небесная гостиница. Через иллюминаторы видна внутренность комнаты, отдаленно напоминающей купе комфортабельного экспресса. Обитые кожей стенки, легкая мебель, плафоны электрических ламп — ничего лишнего, каждый метр площади использован экономно. Вот большое помещение — кают-компания, полностью электрифицированная кухня, ванная, вот библиотека. Из окон этих помещений открывается удивительная картина: ослепительно сияет неземное Солнце, по черному небу рассыпаны многочисленные звезды, виден голубоватый большой земной шар

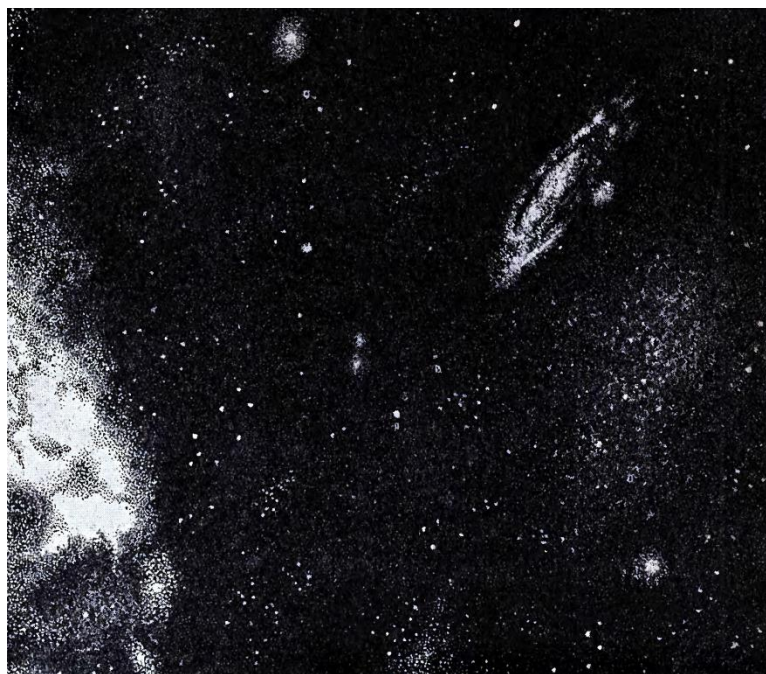
Каюты и другие комнаты разместились внутри кольца по кругу. Вращение создает в них искусственную тяжесть, мало отличающуюся от привычной, земной, и люди чувствуют себя здесь почти так же, как дома — на Земле.

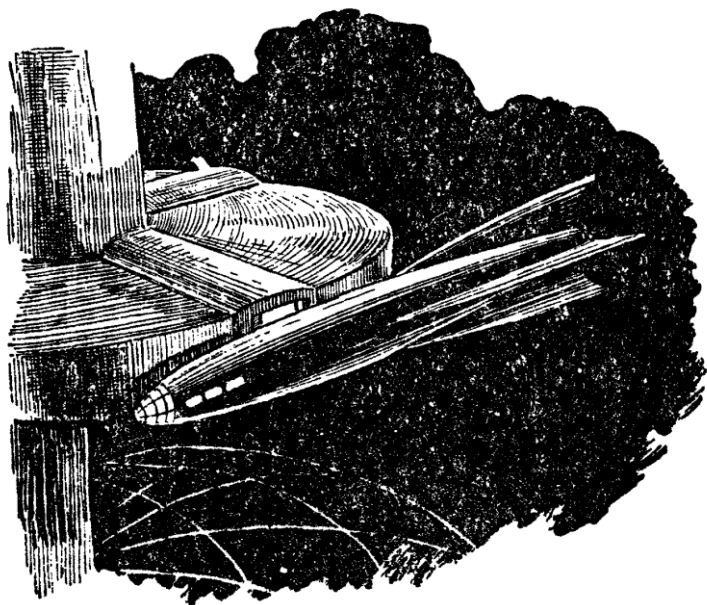

Над жилым кольцом расположилось зеркало, обращенное к Солнцу. В фокусе зеркала — паровой котел; турбина и генератор помещены в машинном зале. Энергетическое сердце внеземной станции дает ток во все ее уголки, а ток — это свет, тепло, сила,двигающая моторы, энергия, питающая радиоприборы. Со временем не только одинокие станции — целые города разрастутся в мировом пространстве, множество зеркал, фотоэлементов и термоэлементов, раскинувшись веерами, станут ловить лучи Солнца, превращая их в ток.

Заглянем теперь в другой конец станции. Там мы обнаружим «причал», к которому пристают ракетные корабли.

Там же — воздушный шлюз, передняя, в которой совершается переход людей из безвоздушного пространства в помещение станции. Сюда прибывают ракеты с грузами и людьми, здесь делают остановку перед далеким космическим рейсом.

Ракета у причала станции.

ЖИЗНЬ В МИРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

То, что описано, — только пример, как может быть устроен искусственный спутник Земли, база науки во Вселенной. И другие конструкции внеземных станций предлагали и предлагают инженеры. Во всех своих проектах они стремятся создать для обитателей будущего небесного острова привычные условия жизни. Мало сделать станцию спутником Земли или Солнца. Обитаемая планета должна иметь атмосферу, на ней должны быть и другие условия жизни: вода, свет, тепло, пища. Маленькая планетка-корабль, путешествующая в небесных просторах, тоже имеет атмосферу, только внутри себя, а не снаружи, и также будет защищена от ультрафиолетовых лучей и метеорной бомбардировки.

Строители будущей внеземной станции подумают о том, как быстро исправлять повреждения, не допуская утечки воздуха, как правильно разделить станцию на отсеки, изолированные друг от друга, подобно тому, как это делается в трюме корабля, словом, предусмотрят службу метеорной защиты. Вероятность встречи с метеором хотя и очень мала, все же существует, и с нею не считаться нельзя. Возможно, что строители используют специальную многослойную броню для бронирования жизненно важных частей космических ракет и станций. Если, кроме того, броню расположить так, что она будет встречать удар под углом, то защитное действие ее значительно усилится. Можно создать и искусственную защиту от губительных ультрафиолетовых солнечных лучей. Так, стекло с примесью редкоземельных элементов, оказывается, совсем не пропускает ультрафиолетовое излучение.

В безвоздушном пространстве человеку надо построить дом, где он чувствовал бы себя, если и не как на Земле, то, во всяком случае, как в удобной каюте теплохода.

Но это не все. Вряд ли вам понравилось бы кувыркаться в воздухе, хотя бы и в самой комфортабельной каюте. А так будет там, в удивительном мире без тяжести, где кажется, что вещи ничего не весят, где не прикрепленные к полу и стенкам предметы плавают по воздуху. Сила тяжести на планете зависит от ее размеров и массы. На планетах-гигантах она огромна, на небольших планетах (астероидах) — мала, на крошечной планетке-ракете — ничтожна.

Поэтому в условиях невесомости вода не льется из стакана, а когда тряхнут им — вылетает водяной шарик. Суп нельзя налить в тарелку, нельзя поджарить котлету на сковороде — она подпрыгнет к потолку. Словом, жизнь, полная неожиданностей и больших неудобств.

Но тяжесть можно создать искусственно. Нет ничего проще: стоит только привести станцию во вращение, тогда появится центробежная сила, которая будет ощущаться как тяжесть.

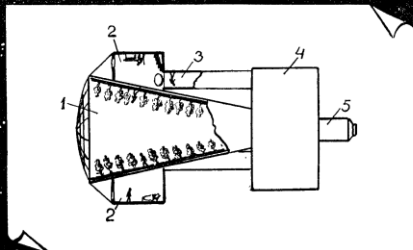
Продолжительность суток на второй Луне, так же как и сила тяжести, в нашей власти. Быстрее или медленнее вращение нашего искусственного небесного тела — тяжесть больше или меньше. Можно сделать ее такой же, как на настоящей Луне, то есть в шесть раз меньше, чем на Земле. Можно почувствовать себя так же, как на астероиде Эрос, имеющем диаметр в двадцать пять километров, где тяжесть меньше в тысячу раз. Можно, наконец, добиться и привычной, земной тяжести.

Один из инженеров предложил устроить станцию в форме колеса. В ободе колеса, разделенном на отсеки-каюты, живут люди. Обсерватория находится вне колеса и не вращается. Она расположена поблизости и связана с ним лишь электропроводкой и воздушными шлангами.

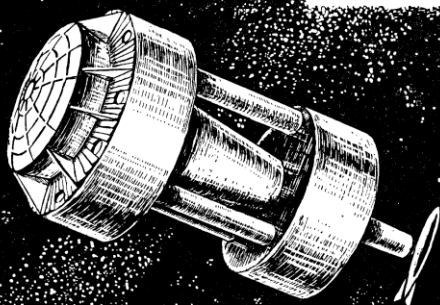
В проектах станций в качестве составных частей конструкции встречаются в различных комбинациях шары, цилиндры, колеса. Как строительные элементы могут быть использованы и сами ракеты, развившие скорость, при которой тело становится спутником Земли.

Основоположник звездоплавания Константин Эдуардович Циолковский считал создание искусственного спутника важнейшим этапом на пути в мировое пространство. Полвека назад он впервые в мире высказал идею устройства на ракете астрономической обсерватории, вращающейся за пределами атмосферы вокруг нашей планеты, подобно маленькой Луне. Впоследствии он не раз возвращался к идее внеземной станции и разрабатывал различные вопросы, относящиеся к проблеме жизни в мировом пространстве.

Внеземная станция по идеям
К. Э. Циолковского.
1. Оранжерея. 2. Жилые помещения
и лаборатория. 3. Переходы. 4. вспомо-
гательные помещения. 5. Воздуш-
ный шлюз.

Перед мысленным взором Циолковского проходили кар-
тины необыкновенного путешествия на ракете, ставшей
спутником Земли.

...Уже успели путешественники привыкнуть к порази-
тельному зрелищу земного шара, похожего на неправдо-
подобно огромную Луну. Они видят, как тень бежит по
нему, быстро уменьшая освещенную часть, затем ракета
погружается в темноту, и края земного диска, его атмо-
сфера вдруг вспыхивают заревом под лучами Солнца. Ка-
жется, будто планета надевает на себя яркое кольцо цвета
кровавокрасного рубина... Словно дождь падающих звезд
осыпает ее: так быстро закрывает собой небо гигантский
темный диск. Он как бы вбирает звезды, чтобы, повернув-

шись, выкинуть их блестящим фейерверком с другой стороны. Но вот краешек Солнца показался снова: заря исчезает, наступает короткий ракетный день...

Как ни красиво то, что видят люди из окон корабля, они заняты другим.

Если заранее не позаботиться о кислороде, воде и пище, длительная жизнь в безвоздушном пространстве была бы невозможна.

Путешественники собирают оранжерею, взятую в разобранном виде с Земли. В оранжерее под щедрыми солнечными лучами зреют плоды. Растения дают нужный для дыхания кислород, поглощая взамен углекислоту и очищая воздух. Можно осуществить и улавливание и использование воды, выделяемой человеческим организмом. Планетка сама прокормит своих обитателей, сама создаст атмосферу. Так возникнет оазис жизни в мертвом межпланетном пространстве.

Ну, а тепло, свет? И они всецело во власти путешественников.

Поверхность корабля покрыта снаружи «чешуйками» — блестящими металлическими пластинками, плохо проводящими тепло. Чешуйки по нашему желанию могут подниматься и опускаться, как иглы у ежа. Став ребром, они открывают Солнцу темную поверхность, которая хорошо поглощает тепло. Вспомним, что снег, покрытый сажей, тает быстрее. Так будут доступны все климаты Земли: от арктического холода до тропической жары. Нужно будет только комбинировать темную и светлую одежду корабля.

Циолковский много занимался проблемой жизни в мировом пространстве, с которой придется столкнуться как будущим межпланетным путешественникам, так и обитателям искусственных спутников Земли, Солнца или других планет. Его очень интересовал вопрос о создании поселения за атмосферой, иначе говоря — внеземной станции.

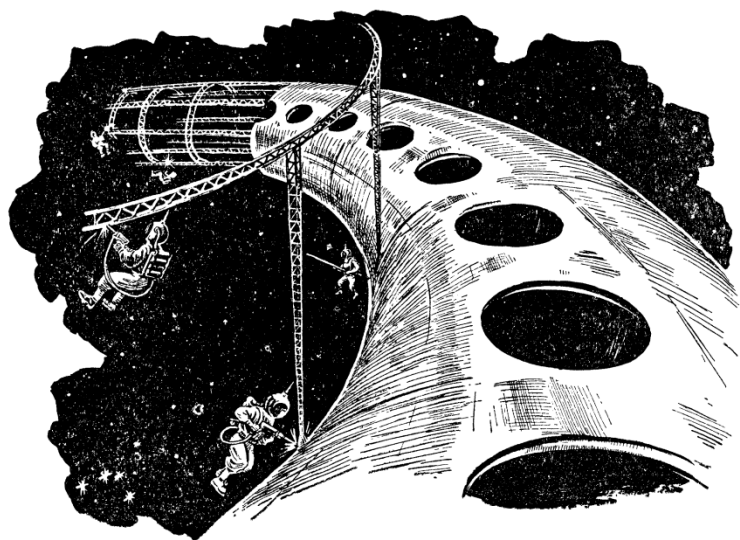
Мысль эта не покидает Циолковского многие годы. То в одном, то в другом сочинении он возвращается к ней. Постепенно в его представлении создавались контуры «эфир-

ного жилища», как можно лучше устроенного для жизни, работы, наблюдений вне Земли.

Ракеты привозят за атмосферу части будущего жилища, которое нетрудно затем собрать людям, одетым в скафандры. Им помогут отсутствие тяжести и солнечные лучи: легко перемещать даже самые большие и громоздкие предметы, а теплотой Солнца, с помощью гелиоустановок, можно сваривать любые металлы.

Любопытной была бы картина этого заатмосферного строительства. Фигурки людей, похожих на водолазов, но защищенных скафандрами не от воды, а от пустоты. То тут, то там вспыхивают огоньки — по привычке хотелось сказать электросварки, — гелиосварки. И вырастает странное на вид сооружение из металла и стекла — маленькое небесное тело, создаваемое руками человека.

Длинный конус с широким выпуклым основанием — оранжея. На стенках конуса помещается слой почвы, и в ней посажены растения. Через прозрачную полусферу льются солнечные лучи. С другой стороны кконусу (оран-

Сборка станции в безвоздушном пространстве.

жерее) примыкает цилиндр, а снаружи, ближе к основанию-полусфере, конус окружен поясом жилых и служебных помещений станции. Когда станция вращается вокруг продольной оси, возникает тяжесть, сравнительно небольшая в оранжерее, которая расположена ближе к оси, и больше — в жилом «поясе» и цилиндре.

Освещением и отоплением здесь «заведует» Солнце. Своеобразная солнечная теплоэлектроцентраль снабжает станцию энергией для бытовых и других нужд. В ее турбинах работает пар, превращаемый в жидкость на холоде и испаряемый снова солнечными лучами. Электричество нужно электроустановкам, многим приборам и механизмам научно-исследовательской лаборатории и базы межпланетных кораблей за атмосферой.

Астрономическая обсерватория, склады топлива, приспособления для связи с землей и ракетами, путешествующими в окрестностях Солнца; радиостанция, «гараж» для небольших ракет, поддерживающих сообщение с родной планетой и другими станциями... Таково устройство станции вне Земли, которое можно себе представить по идеям Циолковского и других ученых.

Президент Академии наук СССР А. Н. Несмеянов сказал недавно, что в настоящее время наука достигла такого состояния, когда реальна посылка ракеты на Луну и создание искусственного спутника Земли.

Создание внеземной станции — одна из проблем науки и техники ближайшего будущего, которая близится к осуществлению.

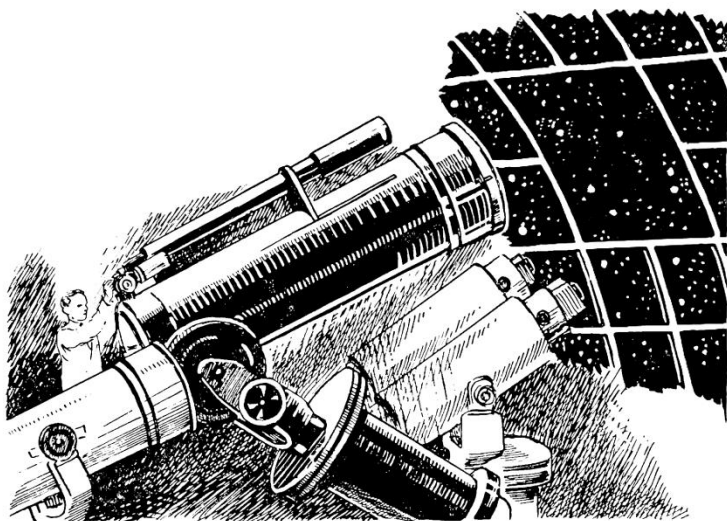
ПОКОРЕНИЕ ВСЕЛЕННОЙ

ПРОБЛЕМА внеземной станции — научной лаборатории и промежуточной базы для межпланетных кораблей — потребует для своего решения соединенных усилий многих отраслей науки и техники: автоматики и телемеханики, металлургии, химии, радиолокации и других. Перед ракетной техникой встанет задача постройки ракет, способных выле-

теть в мировое пространство и достигнуть скорости, достаточной для движения вокруг Земли. В дальнейшем возможно создание внеземных станций,двигающихся вокруг Солнца, подобно планетам. Ракеты должны поднять, помимо людей, также оборудование, необходимое для сборки станции в безвоздушном пространстве.

Создание станций вне Земли будет иметь чрезвычайно важное значение для развития науки.

Физика сможет изучать явления, происходящие при очень низких и очень высоких температурах, которые легко получить в мировом пространстве. Астрофизика получит новые возможности для изучения планет, причем существенную роль в этом изучении сыграют полеты со станции автоматических ракет с измерительной и телепередающей аппаратурой. Служба Солнца, изучение звезд, космических лучей, физических процессов, происходящих в самых верхних слоях атмосферы, — таков далеко не полный перечень систематических наблюдений за пределами атмосферы, в таких условиях, какие не осуществимы на Земле.

На автоматической ракете-спутнике возможно устроить небольшую лабораторию для изучения мирового пространства и установить радиопередатчик.

Трех подобных ракет хватило бы, чтобы вести телевизионные передачи из одного пункта для всей поверхности планеты. Дальность телевидения ретрансляционные промежуточные станции, установленные на этих ракетах, увеличили бы неограниченно. Дальновидение стало бы действительно дальновидением!

На астрономической обсерватории, вынесенной ракетой за атмосферу, могут быть установлены радиолокационные установки такой мощности, какую невозможно представить себе сегодня. Неисчерпаемая энергия, отсутствие атмосферных помех — идеальные условия! Радиолуч нарисует подробную карту Марса, откроет, что находится на Венере и на гигантских планетах, несущихся в отдаленных уголках Солнечной системы и скрытых облаками ядовитых газов.

Наука и техника не стоят на месте. И пусть не скоро, пусть это не ближайшее завтра, а далекий день человечества, — заатмосферная энергетика даст возможность овладеть в невиданных еще масштабах богатствами Солнца.

Богатства Солнца... Именно богатства, и хотя Солнце существует миллионы лет, они не истощились еще сколько-нибудь заметно. Его энергетические ресурсы практически неисчерпаемы.

Известно, что на долю Земли достается чрезвычайно малое количество солнечной энергии, а все планеты, вместе взятые, получают ее только в десять раз больше, чем Земля. Все это совершенно незаметно в сравнении с полной солнечной энергией, которая в 2,2 миллиарда раз больше энергии, получаемой Землей. Неисчерпаемой энергией может завладеть человек, если сумеет устроиться в небесном пространстве! — подчеркивал Циолковский. Наш выдающийся исследователь в области межпланетных полетов Ю. В. Кондратюк также считал это главнейшей целью завоевания мировых просторов.

Начало часто бывает робким, не всегда можно угадать, к чему оно приведет. От короткого взлета первой опытной ракеты на сотни метров — к полету межпланетного корабля, от первых шагов атомной техники — к Межзвездным путешествиям, от маленькой лаборатории в окрестностях Земли — к внеземным станциям и исследовательским институтам в космосе... Так мы представляем себе мечту, воплощенную в конкретные дела грядущих дней.

Однако заглянем еще дальше. Сумеем ли мы вообразить картины, ждущие нас впереди? Бесспорно, нелегкая задача. Нелегкая потому, что прогресс бесконечен, потому,

что меняются формы, методы, способы, имеющиеся в распоряжении науки и техники, и нельзя предвидеть все сдвиги и повороты в их развитии. Возможно, ракеты и звездные корабли будут не такими, какими они мыслятся нами сейчас. Возможно, искусственные планеты-станции когда-нибудь станут совершенно иными, чем те, которые создаются нашим воображением. И, возможно, другие способы использования солнечной энергии придут на смену известным сегодня, чтобы позволить взять от Солнца во много раз больше того, что получает теперь Земля.

Гелиотехники подсчитали, что до земной поверхности доходит менее десятой части солнечной энергии, пришедшей на границу атмосферы; остальное отражается, рассеивается, поглощается воздухом.

Профессор Фредерик Жолио-Кюри, выдающийся физик нашего времени, подчеркивает, что использование всех энергетических источников, основой которых служит Солнце, имеет первостепенное значение для нужд человечества даже в век атомной энергии.

Ядерная энергетика не исключает гелиоэнергетику. И разве мы откажемся от гидростанций, от дешевой энергии падающей воды, если есть урановый котел! Разве стоит пренебрегать даровой энергией Солнца, если есть у нас искусственное Солнце, созданное человеком, который воспроизвел процесс превращения водорода в гелий.

«По моему мнению, — говорит Жолио-Кюри, — наибольшего внимания заслуживает непосредственное использование падающей на Землю солнечной радиации. Если бы при помощи соответствующего оборудования мы смогли использовать только 10% солнечной радиации, падающей на поверхность, равную по площади Египту, то количество полученной таким образом энергии было бы равно тому количеству энергии, которое в настоящее время производится во всех странах. Среди способов, которые уже пробовали применять для улавливания и трансформации солнечной энергии, можно назвать установки с фотоэлементами и большие зеркала.

Но мне кажется, что наиболее эффективным методом использования солнечной радиации был бы массовый фотосинтез материалов, содержащих углерод, с помощью веществ, аналогичных хлорофиллу растений».

Сначала, вероятно, Солнце будет давать энергию только для собственных нужд ракеты, идущей в далекий рейс, или внеземной станции, ставшей самостоятельным небесным телом. Когда энергетическая техника создаст совершенные солнечные машины и, что очень важно, построят, наконец, давно искомый сверхмощный аккумулятор или решат проблему передачи энергии без проводов, — гелиостанции в мировом пространстве пошлют океаны энергии на Землю. Новый, неслыханный рост производительных сил, новое изобилие материальных благ, новый шаг вперед не только в открытии, но и переделке мира, бездну могущества — вот что сулит нам развитие техники вне атмосферы, о которой мечтали наши отечественные ученые — основоположники звездоплавания.

В. САВЧЕНКО

ПУТЕШЕСТВИЕ ВИТИ ВИТЬКИНА

Научно-фантастический рассказ-загадка

Художник Г. Бедарев

В. САВЧЕНКО

Научно-фантастический
рассказ-загадка

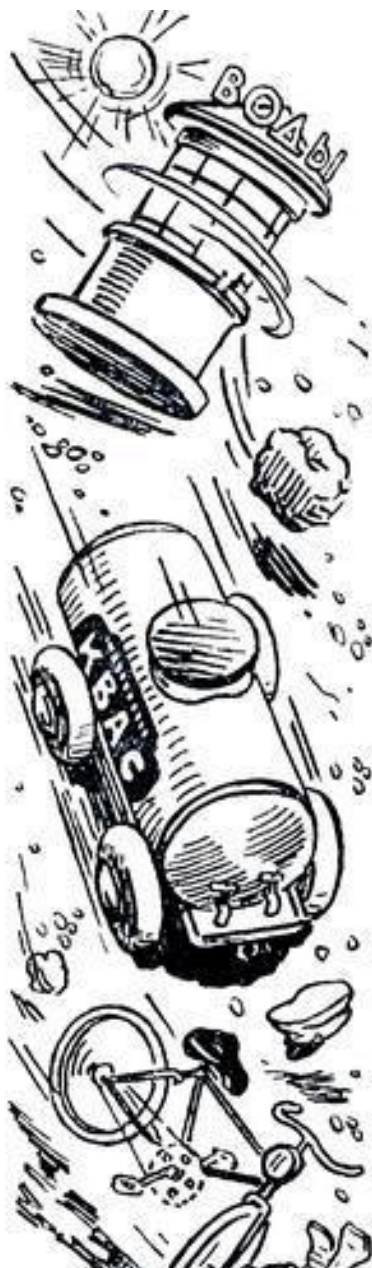
Рисунки Г. Бедарева

УЧЕНИК 8-го класса Витя Витькин вернулся из школы расстроенный: учитель физики Иван Иванович поставил ему двойку. И за что? За какую-то нерешенную задачу по механике! Подумаешь — ускорение, вращение, колебание... Это и без механики всякий понимает.

Витя съел оставленный мамой обед и прилег на койку. По телу разливалась приятная послеобеденная истома, и Витя стал было уже дремать, как вдруг вспомнил, что обещал Ивану Ивановичу приехать к нему решать задачи. С досадой он встал, взял велосипед и вывел его на дорогу.

На дороге Витя вскочил в седло и покатил. Сильный северный ветер — ровный и без порывов — дул ему в спину, подгоняя вперед. «Вот хорошо-то! — подумал Витя. — Даже крутить не нужно — и так быстро доеду».

Но вскоре он почувствовал что-то неладное: казалось, не ветер, а какая-то другая, непонятная сила тащила его вперед. Велосипед все увеличивал скорость, и через несколько минут мчался так быстро, что на незаметных пологих вмятинах асфальта Витю трясло, как на булыжной мостовой. Он начал притормаживать, но напрасно — велосипед сопротивлялся и тянул вперед, будто в него вставили автомобильный мотор. Витя едва успевал править — его почему-то все время сносило к правому кювету. Он с огорче-

нием заметил, как слева промелькнул дачный поселок, в котором жил Иван Иванович, но свернуть на своей огромной скорости он не смог, и мчался дальше.

Теперь ветер дул уже в лицо, так как велосипед, невзирая на тормоза, несся с самолетной скоростью; с мелких пригорков шоссе он перепархивал впадины, не касаясь асфальта. Как Витя ни был поглощен управлением взбесившейся машины, он все же обратил внимание на то, что Солнце перемещалось по небу с непонятной быстротой: когда он выехал из дому, оно стояло еще высоко, а сейчас уже приближалось к горизонту, хотя с тех пор прошло не более 15 минут. Что же случилось? У Вити было такое чувство, будто он стремительно летит с крутой и бесконечно большой горы; сердце замирало, как при падении, во всем теле чувствовалась необыкновенная легкость...

Могучая сила тащила на юг не только его. По

шоссе и сбоку от него катились самые невероятные вещи: стремительно подпрыгивал на кочках круглый фанерный киоск, за ним гналась стрекотавшая на ходу пароконная косилка; пронеслась, как снаряд, обгоняя Витю, желтая бочка «Московский квас хлебный»... Витя попытался все это осмыслить, но не смог. Он понимал лишь, что тормозить не нужно, потому что, если налетит сзади какая-нибудь «реактивная» тумба, будет плохо...

Впереди на шоссе показалась длинная человеческая фигура. Человек бежал, как будто упираясь, и, тем не менее, каждый шаг уносил его на несколько метров вперед. Любопытство пересилило осторожность, и Витя стал изо всех сил тормозить.

— Эй! — крикнул он, догоняя человека. — Что случилось? Почему все мчится?

Прохожий обернулся: это был Иван Иванович.

— А-а, Витькин! Видишь, что творится!

— А... что творится? — пробормотал Витя, поравнявшись с учителем.

— Ты не знаешь? Этой ночью вращение Земли почему-то ускорилося раз в двадцать!

Через минуту Солнце исчезло за горизонтом, появились созвездия и быстро плывущая по небу половинка Луны. Во внезапно наступившей ночи Иван Иванович и Витя не заметили, как шоссе сделало поворот; не удержавшись на большой скорости, они с криком полетели под откос. Витя в воздухе отделился от велосипеда, шлепнулся в придорожную траву, и та же

неведомая сила покатила его по равнине, как перекасти-поле. Наконец, на пути попался большой куст.

Он был колючий, но Витя вцепился в него с радостью утопающего. Через секунду к кусту припал и учитель.

— Вы сказали, Земля стала быстрее вращаться, — заговорил, задыхаясь, Витя. — А почему нас тащит на юг? Ведь центробежная сила должна тянуть все вверх!

— Потому что...

— Иван Иванович! Я не могу стоять прямо!..

Витя выкопал в почве ямки и встал в них, но стоял он не перпендикулярно к земной поверхности, а наклонившись к ней градусов на 60.

— Иван Иванович! Я чувствую себя в этом положении в равновесии! Почему?

— Потому что...

Витя снова перебил учителя. Вытащив из кармана ключи от дома, которые повисли на цепочке под тем же углом к горизонту, что Витя, он воскликнул:

— Отвес направлен не к центру Земли! Или же центр теперь явно не в центре! Почему он переместился?

— Потому что... — силился учитель перекричать Витю, вскочив на ноги, но в тот же момент его подхватила сила, тянувшая все в сторону. Потеряв равновесие, учитель ухва-

тился за Витю, и оба покатились по равнине. Их несло, как под гору, пока на пути не оказался телеграфный столб. Витя притормозил локтями и коленями, благодаря чему, налетев вместе с вцепившимся в него учителем на столб, он не очень ушибся.

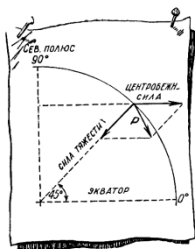
Небо быстро светлело. Когда Витя и учитель пришли в себя после нового путешествия, из-под горизонта птицей взлетело Солнце. Крепко обни-

мая столб, Иван Иванович медленно встал на ноги и повернул голову к Вите.

— Потому что, — пытался он договорить, наконец, трижды начатую фразу, — ты не знаешь механики, Витькин! Вот что!

— Но почему центробежная сила гонит все тела именно на юг?

— Почему, почему! Потому, что соображать надо! Ведь сила тяжести направлена всюду к центру Земного шара, то есть по радиусам. А центробежная сила? Она всюду перпендикулярна оси вращения Земли! И получается, что под действием этой силы только на экваторе тела должны лететь прямо вверх. А по мере удаления от экватора на север и юг обе эти силы располагаются под все большим углом друг к другу. Поэтому, чтобы определить направление, по которому нас сносит с земной поверхности, надо найти равнодействующую обеих сил...

Если бы на широте, например, в 45° центробежная сила сравнялась с силой тяжести, то равнодействующая этих двух сил была бы направлена по линии, показанной стрелкой P .

— По правилу параллелограмма! — подхватил Витя.

— Вот именно! Для нашего местонахождения угол между силой тяжести и центробежной составляет 125 градусов, а их равнодействующая направлена именно туда, куда показывали твои ключи. Она и тащит нас к экватору. Но ты понимаешь, Витькин, что это все значит?!

Держась за столб, Иван Иванович привстал и осмотрелся. С севера нависал вздыбившийся горизонт, с него катились черные тучи. Мимо с шумом проносились потоки воды и разные предметы: бревна, стулья, автомашины без водителей.... Ветер усилился и нагонял мелкие брызги с туманом.

— Ведь это же мировая катастрофа! Моря выйдут из берегов, хлынут на юг и затопят сушу... Да и без наводнения все погибнет: машины, камни, атмосфера, дома, люди, — словом, все, что плохо закреплено на поверхности планеты, что плохо лежит, — эта проклятая равнодействующая потащит к югу... А там, в южных широтах, вертикальная составляющая совсем исчезнет, и тела перестанут притягиваться к Земле... Наша планета уподобится гигантской центрифуге, которая выбросит в космос всю цивилизацию!

Вид учителя, обнимающего одной рукой столб, жестикулирующего — другой, и предрекающего конец миру, был одновременно и комичен и грозен. У Вити пробежал мороз по спине.

— На какой же широте, — продолжал Иван Иванович, — тела начнут отрываться от Земли? Это должно быть не так уж далеко... Быть может, примерно на широте Южного Крыма уже не будет тяжести...

— Иван Иванович! А что, если... посмотреть? — неожиданно для самого себя выпалил Витя. — Как это бывает, когда совсем нет тяжести?..

— Посмотреть?!

— Ну да! — и Витя вскочил, ухватив учителя за руку. — Вперед!

...Равнодействующая снова помчала их на юг. Потеряв большую часть своего веса, они легко взлетали на пятимет-

ровую высоту и совершали пятидесятиметровые прыжки. Захватывало дыхание, один за другим мелькали километры... Вспыхнувшее внезапно любопытство ученого, толкнувшее некогда Плиния Старшего взглянуть вблизи на извержение Везувия, заглушило у Вити и Ивана Ивановича чувство страха; забыв о своем отчаянии, они стремительно неслись все вперед...

А кругом творилось нечто невообразимое: разливались реки, страшный ветер и «равнодействующая» гнули и выворачивали из почвы деревья. Вверху быстро вращалось небо;

утра и вечера не было, день и ночь сменялись, как кадры кинофильма.

Учитель и Витя пронесли мимо какого-то города; кажется, это был Харьков.

Как домики из кубиков, составленные рукой ребенка, рушились многоэтажные здания, валились мачты, заводские трубы, летели обломки... В сплошном урагане разрушения все катилось к югу. Внезапно мчавшийся по совершенно прямому пути товарный состав свалился с рельсов под правый откос.

— Иван Иванович! А это почему?..

— Механика, Витькин! — прокричал учитель. — Это эффект так называемой «кориолисовой силы» — той самой, благодаря которой на северном полушарии у рек, текущих по меридиану, подмываются правые берега и больше изнашиваются правые рельсы у железнодорожных путей. Только теперь эта сила настолько увеличилась, что переворачивает поезда...

С каждой новой сотней километров Иван Иванович и Витя все легче касались ногами почвы, и скорость их все увеличивалась. Возле Перекопа они совершили громадный полукилометровый прыжок — плавный, и в то же время стремительный — и очутились в Крыму.

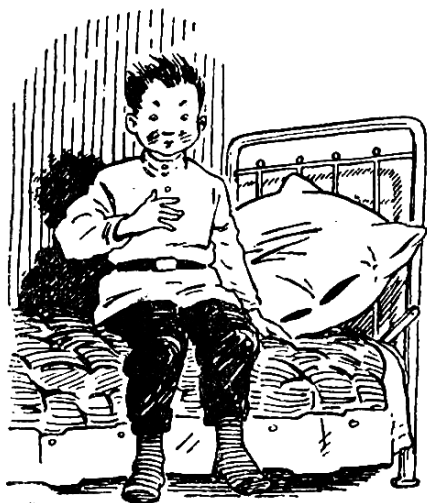
Теперь их несло с такой скоростью, что остановиться было невозможно — они разбились бы о любое препятствие. За полчаса они «добежали» до Южного берега Крыма и увидели картину страшной катастрофы — разваливались горы. Но их обломки не падали на Землю, а неслись в сторону к Черному морю. Моря, однако, не было видно — на его месте поднимался густой бурлящий туман...

Внезапно Иван Иванович оторвался от Вити, его силуэт промелькнул ввысь. Еще один стремительный шаг, и центробежная сила подхватила и Витю. Он взлетел над туманом, его стало неудержимо заносить вверх. Судорожно хватался он за воздух, и по-лягушечьи заболтал ногами. Но Земля внизу неумолимо уменьшалась. Тогда он понял, что падает, но не вниз, а вверх. И в этом было самое ужасное. В

тоске он закричал... И проснулся в холодном поту и с бешено колотящимся сердцем.

...За окном в голубом небе неподвижно висело Солнце, удостоверяя, что Земля вращается нормально.

— М-да-да... — промычал Витя, протирая глаза. — Вот это — механика... Теперь я понимаю...

В. ПРИВАЛЬСКИЙ

КАК ВЫГЛЯДИТ НАША ПЛАНЕТА

Научно-фантастический очерк

Журнал «Вокруг Света», № 11-12, 1946 г.

В. ПРИВАЛЬСКИЙ

«...Мы уже летели со скоростью, превышающей 12 километров в секунду: земная атмосфера была пройдена, и наш ракетоплан несясь в безвоздушном пространстве, направляясь к Луне.

Придя в себя, я первым делом бросился к иллюминатору и взглянул на покинутую нами Землю. Картина, открывшаяся моему взору, заставила меня невольно вскрикнуть. Передо мной был знакомый с детства глобус, только огромной величины. С одной стороны видны очертания Европы, сливающейся на востоке с Азией; с другой — американский материк, отделенный от Европы голубым пространством Атлантики. Ярко блестят в лучах солнца белые полярные шапки.

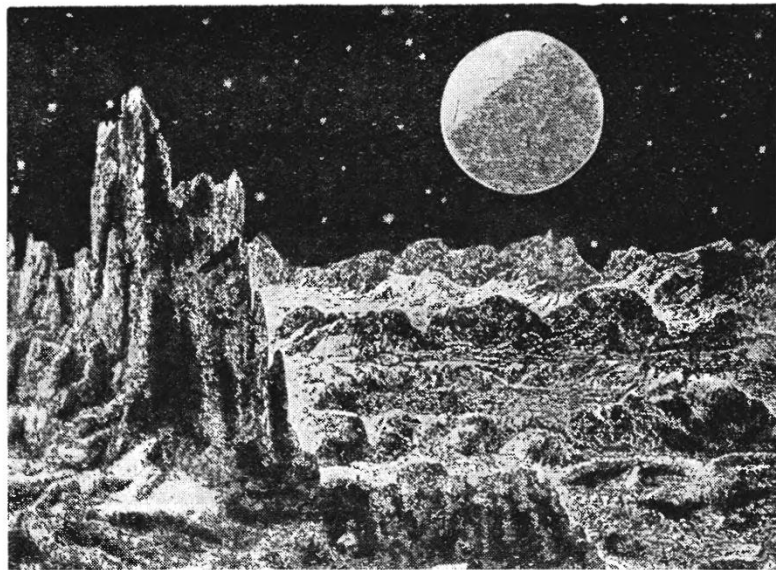
Я видел земной шар со всеми его подробностями, такими привычными с детства. Я был первым человеком, взглянувшим на родную планету из просторов вселенной...»

То, что вы сейчас прочли, конечно, не более как отрывок из научно-фантастического романа. Немало таких романов о межпланетном полете было написано со времен Жюль Верна и до наших дней. Автор такого романа редко задумывался над осуществимостью своих фантазий. Теперь, когда человечество вплотную подошло к разрешению этой задачи, ею занимаются тысячи ученых самых различных специаль-

ностей, в том числе интересуются ею и географы. Ведь если бы географ мог взглянуть на нашу планету со стороны, из межпланетного пространства, какие это дало бы ему возможности для составления точной карты Земли!

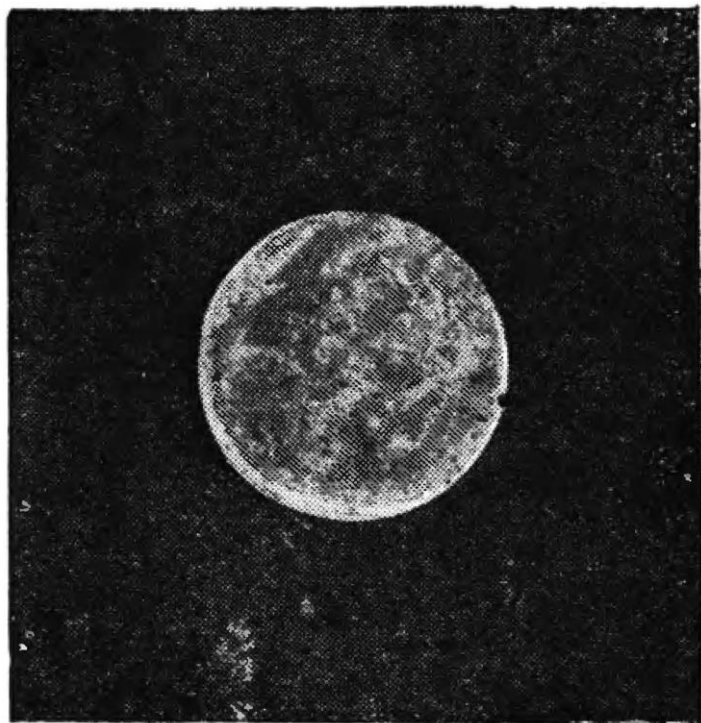
Ни одному географу никогда еще не доводилось окинуть одним взглядом все то пространство, которое он, кусочек за кусочком, так тщательно изучает. А тут перед ним открывается заманчивая перспектива занести на карту все, что увидит он на Земле простым глазом или в телескоп. Вполне понятно поэтому, что в будущем космическом полете географ интересуется прежде всего, какой увидит он Землю из мировых пространств, что различит на ее поверхности.

Но что же, в самом деле, увидит этот первый межпланетный путник? Конечно, лучше всего об этом расскажет сам он, когда вернется обратно. Пока же мы можем сделать ряд предположений, основанных на опыте, наблюдении и расчетах.

Вид с поверхности лунного мира. На черном небе ярко светит Земля (полноземле) и видно много звезд.

Ближайшие к нам планеты изучены достаточно хорошо. В особенности это относится к Луне, поверхность которой астрономы изучили лучше, чем географы поверхность Земли: во всяком случае, на карте Луны нет «белых пятен», какие встречаются на географической карте и еще ожидают своих исследователей.

Снимок «пепельного света» Луны.

7 «Вокруг света» № 11--12

На поверхности Марса мы различаем немало различных особенностей рельефа. Все они нанесены на карты, подобные географическим, и носят названия «морей», «озер»,

«заливов», «островов», хотя в действительности навряд ли это моря, озера или острова.

Следовательно, опыт в изучении поверхности удаленных планет у нас имеется. С этим опытом мы можем подойти и к изучению земной поверхности.

Каким же представится нам диск Земли, видимый на огромном расстоянии из межпланетного корабля?

Прежде всего напомним, что Земля окружена воздушной оболочкой, и внешний вид нашей планеты зависит от прозрачности этой оболочки. А она далеко не так прозрачна, как это может показаться на первый взгляд.

Больше того, можно сказать, что наша атмосфера представляет собою мутную среду. Сможем ли мы на дне этой мутной среды, глубиной в 600—700 километров, увидеть леса, поля и горы? Для того чтобы ответить на этот вопрос, нужно также учесть, что земная атмосфера отражает обратно в мировое пространство значительную часть падающих на нее солнечных лучей.

Отражательная способность тел, или их коэффициент отражения, в науке носит название «альбедо». Идеально-белая поверхность имеет альбедо 1 (или 100 процентов), то есть отражает все падающие на нее лучи, а идеально черная не отражает их совсем. Альбедо Земли составляет примерно 0,5. Это значит, что земная атмосфера отражает обратно в мировое пространство половину падающего на нее света. При таких условиях все детали поверхности Земли будут, конечно, теряться в этом отраженном свете. Такой же особенностью отличается и планета Венера. В телескоп она представляется шаром с ровной белой поверхностью, почти без всяких пятен. Итак, земная атмосфера отражает половину падающего на Землю солнечного света. Куда же девается остальная половина? Часть ее поглощается самой атмосферой, остальная доходит до поверхности Земли, и здесь тоже поглощается и отражается.

Поверхность Земли — это луга, поля, леса, моря, пустыни. Их отражательная способность изучена довольно точно с помощью аэрофотометрии. Наибольшее альбедо у снега

— 77 процентов, наименьшее у открытого океана — 4 процента. Леса отражают 4.5 процента лучей, пашни — 8 процентов, а зрелые поля—12 процентов. Известна даже средняя отражательная способность городов — она составляет около 8 процентов. Конечно, все приведенные цифры являются средними. Так, отражательная способность растительных покровов зависит от времен года, а водных пространств — от чистоты воды, и у берегов она больше, чем в центре.

Но свет, отраженный земной поверхностью, снова проходит через атмосферу. Этот свет сливается с лучами, отраженными поверхностью самой атмосферы. Светлый фон атмосферы накладывается на фон земной поверхности, находящейся на дне воздушного океана, и, конечно, мешает ясно различать отдельные детали.

Немалую роль в видимости поверхности Земли извне играет контрастность между сушей и морем, лесом и пустыней и т. д. Как показали вычисления и данные аэрофотосъемки, границы моря и суши с большой высоты видны очень плохо. Наиболее резкий контраст составляют границы, отделяющие, например, снег и море или снег и лес. И, наконец, вспомним, что в воздушном океане, на высоте до 10 километров плавают громадные массы облаков. Почти половина земного шара закрыта облаками, особенно много их в экваториальной полосе, зоне тропических дождей.

Итак, внешний вид Земли целиком зависит от состояния окружающей ее воздушной оболочки. Что же увидит, в конце концов путешественник, улетевший с Земли в просторы вселенной, на поверхности родной планеты?

Его взгляду откроется такая картина.

На огромном и очень ярком диске Земли он увидит белые и грязновато-серые пятна, медленно перемещающиеся с запада на восток, согласно суточному вращению Земли, и одновременно ползущие по диску. Они меняют свою форму, окраску, густоту. Это — массы облаков, плавающих в атмосфере. Иногда в разрывы между пятнами облаков видна земная поверхность. Границы воды и материков видны

чрезвычайно неясно, они «размыты», и колеблются в мутной дымке воздушной оболочки. Более отчетливо видны на темном фоне морей светлые участки суши — пески, степи и т. п. Полюсы Земли покрыты белыми «шапками» — полярными снегами, которые с наступлением весны опоясываются черной каймой свободного ото льдов моря. Порой на фоне темных лесов и долин вспыхнет ярко-белая искра покрытой вечным снегом горной вершины. А иногда, в центре диска, как зайчик в зеркале, блеснет ослепительная звезда — это отражение солнца в океане.

При таких условиях составить карту земной поверхности, конечно, нелегко.

Интересно сопоставить видимость поверхности Земли с видимостью ее соседей по солнечной системе — планет Венеры и Марса. Астрономы установили, что Венера окутана сплошной плотной массой облаков. Поэтому мы не знаем, как выглядит под облачным слоем наша соседка Венера. Зато поверхность Марса совершенно открыта, и астрономы изучили ее довольно подробно. Атмосфера Марса вообще очень разреженная, абсолютно прозрачна: на нем мало влаги и, следовательно, мало водяных паров в атмосфере.

Можно ли увидеть с расстояния Луны какие-нибудь следы человеческой деятельности на поверхности Земли? Ответ будет малоутешительным. Наши города не будут видны даже в самые сильные телескопы: размеры их относительно невелики, а по окраске они мало выделяются на окружающем фоне. Кроме того, над ними постоянно висит дымовая и пылевая завеса. Дороги и каналы на таком расстоянии нельзя различить даже в виде тоненькой ниточки. Быть может, только желтые пески пустынь, когда они в результате орошения покроются растительностью, заметно изменят свою окраску, но и тогда нелегко будет догадаться, что это дело человеческих рук.

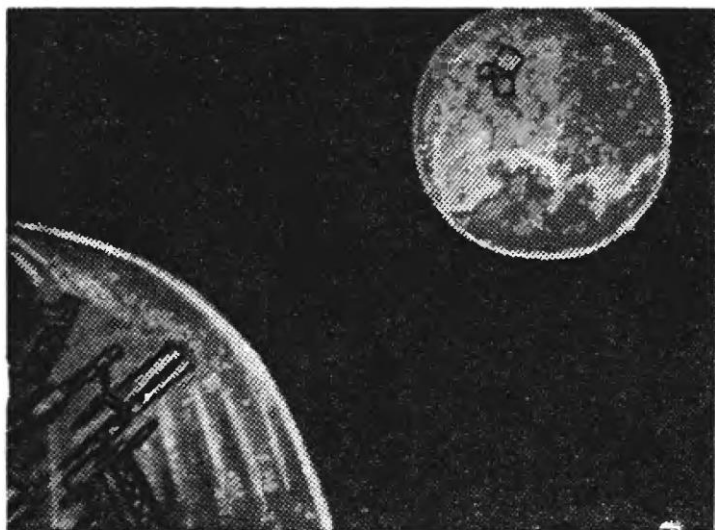
Возникает вопрос: если путешественник в мировом пространстве почти ничего не увидит на поверхности земли, сможет ли он уловить какие-нибудь сигналы, переданные ему жителями Земли?

Марс 6 октября 1909 года (рис. Антониади).

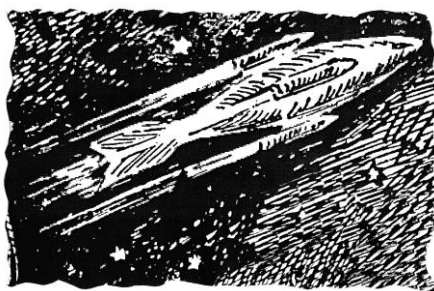
Интересно вспомнить в связи с этим, что еще в 1820 году знаменитый математик Гаусс предложил насадить искусственный лес в форме «Пифагоровых штанов», чтобы наши предполагаемые собратья по солнечной системе, живущие на соседних планетах, догадались о высокой цивилизации земных жителей. Конечно, для этого нужно было иметь уверенность в том, что другие планеты солнечной системы населены разумными существами, знакомыми с теоремой Пифагора. Проект этот, конечно, осуществлен не был...

Предложенный Гауссом световой способ сношения с нашими «собратьями по вселенной»: насадить лес с очертанием теоремы Пифагора на фоне хлебных полей.

С Луны без труда можно было бы заметить световую сигнализацию с Земли, если бы мы пожелали ее применить. Современные прожекторы, дающие свет силой до двух миллиардов свечей, можно увидеть с этого расстояния даже невооруженным глазом. Следовательно, при помощи прожекторов возможно передавать в космическое пространство световые сигналы. Обратные сигналы с космического корабля можно было бы передавать с помощью зеркала (диаметром всего в 60 сантиметров), отражающего солнечные лучи. Получающейся при этом силы света было бы вполне достаточно, чтобы увидеть такой сигнал в сильный телескоп.

Однако в последние годы вопрос о связи с космическим кораблем заранее решило радио. С тех пор, как было изобретено направленное излучение коротких радиоволн, стало возможным посылать радиолучи даже за пределы нашей атмосферы. Очевидно, именно этим способом и можно будет сообщаться с первым кораблем, который отправится с нашей Земли в первый космический рейс...

НИКОЛАЙ ТОМАН

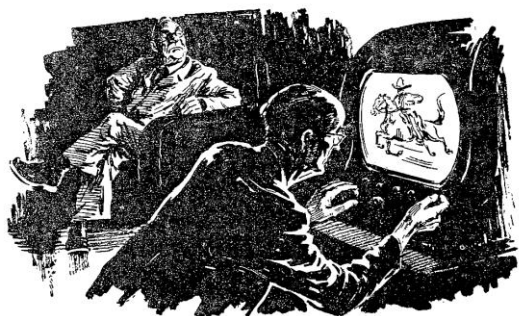

ИСТОРИЯ ОДНОЙ СЕНСАЦИИ

Научно-фантастический рассказ

Художник А. Орлов

История одной сенсации

Николай ТОМАН

Рисунки А. Орлова

Рассказ

1. ВИДЕНИЕ ИЗ КОСМОСА

ПРОФЕССОР Писфул вот уже добрых четверть часа настраивал сконструированный им телевизионный приемник, которому дал название «Вселенная». Мягко щелкали переключатели диапазонов и конвертора, автоматически преобразовывавшего стандарты строк телевизионного изображения. На мозаике экрана возникали то кадры бешеной ковбойской скачки, то колеса и фары рекламируемых автомобилей, а то и вовсе все исчезало вдруг и тогда на поверхности экрана отмечалось лишь слабое мерцание люминофоров. А из динамиков телевизора попеременно раздавались то конский топот, то джазовая музыка, то хаотическое потрескивание электрических разрядов...

Похоже было, что сегодня Писфулу не удастся принять той необычайной передачи, которая вчера так неожиданно возникла на экране его «Вселенной». Профессору было тем более досадно, что сегодня он пригласил генерала Хазарда посмотреть таинственную передачу. Генерал сидел сейчас

на диване в глубине профессорского кабинета и, конечно же, иронически улыбался. Писфул не решался даже взглянуть в его сторону, но раза два совершенно отчетливо услышал демонстративный зевок своего гостя.

Когда-то Писфул и Хазард учились вместе в школе и даже дружили, но от прежней их близости теперь не осталось и следа, если не считать, конечно, дружеских улыбок да крепких рукопожатий.

После войны генерал Хазард стал важной персоной в военном министерстве, а Писфул оставался все тем же скромным ученым, специалистом по радиотехнике и телевидению, каким был и в довоенные годы. Генерал, не раз предлагавший Писфулу хорошо оплачиваемую работу в военном ведомстве, махнул в конце концов на него рукой, как на человека не только чудаковатого, но и недалекого.

Писфул же считал Хазарда типичным карьеристом и солдафоном, однако знакомство с ним не только не порывал, но в последнее время даже сам стал побаиваться, как бы Хазард не перестал его узнавать.

А генерал Хазард, между тем, уже не только позевывал, но и покашливал. Экая все-таки досада, что не удастся поймать вчерашнюю таинственную передачу! Не избежать теперь насмешек генерала. А ведь он мог бы и поздравить Писфула с великим открытием — открытием нового мира и при том, может быть, более совершенного, чем наш.

— Так-так, — проговорил, наконец, Хазард, шумно поднимаясь с дивана. — Твой гость из космоса, видно, чертовски застенчивый парень и предпочитает являться тебе одному. Признайся-ка лучше, старина, не хватил ли ты лишнего вчера вечером?

— Ну, знаешь ли! — обиженно воскликнул Писфул, и с раздражением выключил телевизор.

— Экий ты обидчивый, дружище, — рассмеялся генерал. — Ты, значит, совершенно уверен, что принял вчера передачу из иного мира, из космоса, так сказать?

— Вне всяких сомнений, — холодно отозвался профессор Писфул, задетый за живое грубой шуткой Хазарда.

— А чем же ты докажешь это? — хитро прищурился генерал.

— Да хотя бы числом строк в кадре. Их было 1200! Это вообще предельная четкость, какую только способен воспринять человеческий глаз. В нашем же, отечественном телевидении всего 595 строк. В Англии и того меньше — 405. Только в Советском Союзе, Германии, Бельгии и Голландии по 625 строк в кадре. Наибольшее количество строк имеет пока только Франция — 819. Есть, правда, сведения, будто русские успешно осуществили лабораторные опыты по передаче изображения с разбивкой его на 1050 строк. Но ведь это всего лишь опыты. Да и потом Советский Союз слишком далеко от нас, а ультракороткие волны, на которых осуществляются современные телевизионные передачи, могут хорошо распространяться только по прямой линии до горизонта, то есть практически на расстоянии всего 30—40 километров. И лишь при особо благоприятных условиях, слегка изгибаясь вдоль поверхности земли, они достигают дальности в 100—200 километров.

Профессор зажег полный свет в кабинете, а генерал снова уселся на диван и закурил сигарету.

— Ты, я вижу, все еще не веришь? — пристально посмотрев на Хазардла, спросил Писфул.

В полуприщуренных серых глазах генерала светилась насмешка. А ведь Писфул специально пригласил его сегодня для того, чтобы Хазард своим авторитетом засвидетельствовал его открытие. Теперь он только пожалел об этом.

— Откровенно говоря, не особенно верю, — усмехнулся Хазарл. — Что-то уж очень похоже на фантастику, которой мы так зачитывались в детстве и которой так остерегаемся теперь, став взрослыми людьми. Да и доказательства твои не очень-то убедительные. Ты только не обижайся, пожалуйста...

— Хорошо, — упрямо проговорил Писфул, — я подтверждаю свои выводы еще некоторыми фактами, хотя такого сверхреалиста, как ты, ничем, пожалуй, не проймешь, — добавил он, впервые в этот вечер улыбнувшись.

— Да, — самодовольно признался Хазард, — я действительно привык верить только бесспорным фактам. Даже в атомную бомбу поверил только после того, как увидел собственными глазами ее великолепную «работу».

— Так, может быть, ни к чему тогда и дополнительные доказательства? — снова насупился Писфул.

— Напротив, выкладывай их возможно подробнее.

— Изволь.

Профессор Писфул, усевшись рядом с генералом, прикурил предложенную им сигарету и без особого вдохновения продолжал:

— Ты знаешь, наверно, что при приеме обычных наземных телевизионных станций нельзя избежать искажений даже с помощью самых усовершенствованных антенн. Их можно лишь уменьшить в какой-то степени. Возникают же они от многократного или неправильного отражения, собственного горизонтально распространяющимся волнам. Особенно заметно это в городах, где высокие здания и крыши домов отражают сигналы телевизионных станций в разные стороны. Ну-с, а я вот принял вчера телепередачу без малейших искажений. А это возможно только в том случае, если она велась сверху.

— А почему бы не допустить, что ее вели с самолета? — заметил на это генерал,

— Но кто? Я запросил все наши экспериментальные телестанции — никто из них не проводил вчера подобных опытов.

Генерал, однако, все еще не сдавался, но говорил теперь уже не шутливым тоном, а вполне серьезно:

— Ну, хорошо, допустим на мгновение, что ты действительно принял сигнал с другой планеты, но почему же принял его только ты?

— Да по той простой причине, что ни у кого другого нет столь чувствительного приемника.

— Допустим и это. Но откуда могли прийти эти сигналы? С Марса, с Венеры? Ученые, если и не отрицают полностью возможность жизни на этих планетах, то сомнева-

ются ведь, что она могла достичь там столь совершенного развития, как у нас на земле. Что ты на это скажешь?

Профессор Писфул ожидал этого вопроса и, не задумываясь, ответил:

— Во-первых, сомневаются в существовании разумных существ на Марсе и Венере не все. А, во-вторых, кроме Венеры и Марса, есть же и другие планетные системы.

— Ну, старина, это уж ты хватил, кажется, лишку! — рассмеялся генерал. — Мой тебе совет — не рассказывай никому о твоём «видении», а то тобой не только университетская газета, но и вся наша пресса займётся, и уж мне тогда труднее будет выручать тебя из беды.

Долго не ложился в постель профессор Писфул в этот вечер. Он досадовал на все; на себя, на свой телевизор и даже на капризы ультракоротких волн, но более всего на генерала Хазарда, напомнившего ему один из неприятнейших дней его жизни, когда его скромной персоной заинтересовалась вдруг университетская газета. Случилось это полтора года назад, когда на одной из лекций по радиотехнике профессор Писфул случайно обронил фразу, что не далеко, видимо, то время, когда прямая радиосвязь окажется возможной не только с самыми отдалёнными точками земного шара, но и с другими планетами.

Одно это заявление не наделало бы, пожалуй, большого шума в университете. За Писфулом давно уже укрепилась слава неисправимого фантазера и над его верой в обитаемость иных миров могли бы только добродушно посмеяться. Однако профессор Писфул, доказывая свою веру в обитаемость Вселенной, пытался критиковать теорию Джемса Джинса об исключительности происхождения нашей Солнечной системы. Джинс же был весьма почитаем в Уайтхаусском университете, так как ректор его считал себя самым ревностным учеником и последователем английского астрофизика.

Масла в огонь подлила университетская газета, упрекнувшая Писфула не только в материализме, но и в цитировании на студенческих лекциях марксистских произ-

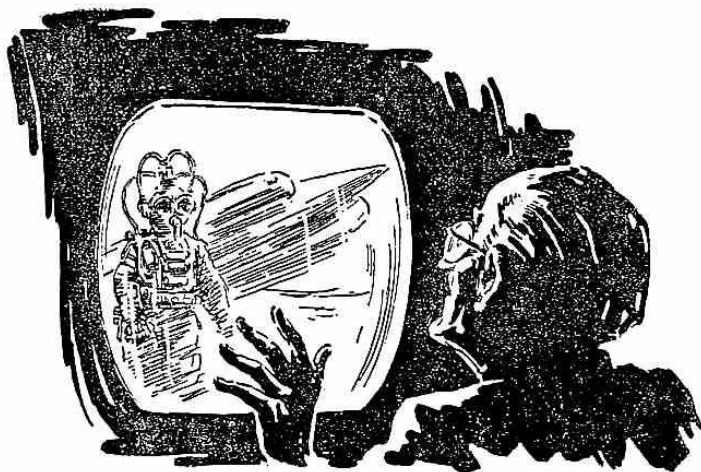
ведений. Дело тогда могло бы кончиться для Писфула весьма плачевно, не обратись он за помощью к генералу Хазарду.

Вспоминая теперь всю эту очень неприятную историю, профессор Писфул невольно призадумался и над возможными последствиями своего теперешнего открытия. Найдутся, конечно, люди, которые припомнят ему его вольнодумство. И сделает это не только недруг Писфула преподаватель богословия Пристлинг, но и декан философского факультета Мэдмэн.

— Да, не безопасно в наше время делать научные открытия!.. — тяжело вздохнул профессор Писфул, тщетно пытаясь вызвать в памяти таинственный кадр, возникший на экране его телевизора.

Да и что, собственно, он видел такое? Какое-то странное существо, отдаленно напоминающее человека, да сигарообразное сооружение, могущее быть как аппаратом для

Он видел на экране странное существо, отдаленно напоминавшее человека, да сигарообразное сооружение, могущее быть снарядом для полета, гоночной машиной...

полета, так и гоночной машиной или вездеходом. А может быть, даже это была передвижная электростанция.

Но вовсе не сооружение это привлекло внимание Писфула. Он не мог отвести глаз от человекоподобного существа, стоявшего на переднем плане телевизионного изображения. Жаль только, что изображение это помутнело и померкло вскоре, так что Писфул не мог разглядеть этого существа, энергично жестикулировавшего и говорившего что-то.

Досадно было также, что не удалось принять звука, так как неизвестно было, на какой волне он передавался, а настроиться на нее не удалось. Да и вообще все это телевизионное изображение было похоже на какое-то фантастическое видение — оно длилось короткое мгновение и исчезло так же неожиданно, как и появилось. Профессору даже стало казаться теперь, что он вовсе не видел ничего. Может быть, ему только померещилось это видение или даже приснилось? Он ведь почти всю ночь напролет просидел у экрана своего телевизора. Но что бы там, однако, ни было, а он никому уже больше не будет рассказывать об этом, пока окончательно не убедится, что действительно принял телевизионную передачу из космоса.

С этим решением профессор Писфул только под утро заснул, наконец, тревожным сном. А утром его разбудил телефонный звонок. Он недовольно поднялся с постели и нехотя снял трубку с телефонного аппарата.

— Это ты, старина? — услышал он веселый голос генерала Хазарла. — Ну, как поживают твои марсиане?

— Прошу тебя, оставь, пожалуйста, меня в покое с этими марсианами! — раздраженно проговорил Писфул.

— Вот и напрасно, — все тем же веселым тоном продолжал генерал. — Об этом сегодня есть уже экстренное сообщение в утренних газетах.

— Как?! — не то простонал, не то выкрикнул профессор.

2. СЕНСАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ ГЕНЕРАЛА ХАЗАРДА

Писфул торопливо набросил на плечи теплый халат, выбежал в коридор и с лихорадочной поспешностью выхватил торчащую из щели почтового ящика утреннюю газету.

На первой полосе ее было крупно напечатано:

«Профессор Уайтхаусского колледжа доктор технических наук Писфул принял своим телевизором передачу из космоса!»

«Генерал Хазард свидетельствует достоверность сообщения профессора Писфула, но то, что он увидел на экране телевизора Писфула, встревожило его. По словам генерала Хазарда, космическая передача носила военный характер».

— Боже мой! — воскликнул изумленный профессор. — Что за бред! Какой военный характер имеют они в виду? И потом Хазард вообще ведь ничего не видел...

Но в этот момент генерал Хазард нажал кнопку электрического звонка у дверей квартиры Писфула.

— Слушай, что же это такое?! — набросился на него профессор, нервно теребя газету. — Не понимаешь разве, в какое положение ты меня ставишь? Это ведь страшнее цитаты из Энгельса. Это пахнет шарлатанством и грандиозным скандалом. Я уверен...

Не договорив, профессор торопливо взглянул на часы и бросился к радиоприемнику. Настроившись на волну местной станции, он сразу же схватился за голову. Из динамика раздавался взволнованный голос диктора:

— Генерал Хазард уверяет, что видел на экране сверхчувствительного телевизора профессора Писфула ракетный снаряд, предназначенный для космического полета. По его словам, внешне космический снаряд этот имел много общего с нашими управляемыми снарядами типа «Атлас», предназначенными для обстрела стратегических объектов...

— Как?! — не то простонал, не то выкрикнул профессор.

Профессор с сердцем выключил радиоприемник и совершенно обессиленный упал в кресло. А генерал Хазард, как ни в чем не бывало, закурил сигарету и уселся на диван, заложив ногу за ногу.

— Я сошел с ума или уже началось светопреставление? — прохрипел Писфул.

— Нет, ты не сошел с ума, старина, — совершенно спокойно ответил Хазард. — Светопреставление тоже пока еще не произошло.

— Но позволь, что же тогда такое они печатают и передают по радио?

— Только то, что я сообщил их корреспондентам, ни слова больше.

— Так выходит, что ты поверил мне? — удивился и даже, кажется, почти обрадовался профессор Писфул.

— Ничуть не бывало, — усмехнулся генерал.

— К чему же тогда вся эта комедия?! — взвизгнул окончательно выведенный из себя профессор. — Понимаешь ли ты, в какое положение я теперь поставлен?

— А ты что же, и сам уже не веришь, что принял телевизионную передачу из космоса? — улыбаясь, спросил Хазард.

— Перестаю верить... Почти не верю! И уже, конечно, никаких космических снарядов типа «Атлас», «Регюлес» или «Навахо» я не видел, если только все еще нахожусь в здравом уме.

Сказав это, профессор пощупал свой лоб и поспешно направился к письменному столу. Достав термометр, он сунул его себе подмышку.

А генерал Хазард по-прежнему сохранял не только спокойствие, но и веселое настроение. Улыбаясь, посмотрел он на покрывшееся испариной лицо профессора и укоризненно покачал головой.

— Возьми себя в руки, старина, — наставительно проговорил он. — К чему вся эта истерика? Ничего страшного не произошло. Напротив даже, все идет как нельзя лучше. И если только у тебя осталась хоть крупинка здравого смысла, ты должен понять, что никогда еще не было у тебя большей возможности прославиться.

— Черт с ней, со славой, — безнадежно махнул рукой Писфул. — Мне бы только благополучно выпутаться теперь из этой кутерьмы.

— А я тебе говорю, ты прославишься, — убежденно повторил генерал Хазард. — Делай только то, что я тебе буду рекомендовать. Согласен?

Положение Писфулу казалось таким безнадежным, что терять уже вроде было нечего, и он вяло кивнул головой в знак согласия.

А вечерние газеты и последние известия по радио уже трубили не только по всей стране, но и по всему свету:

«Профессор Писфул предлагает всем владельцам телевизоров лично убедиться в достоверности его сообщения с помощью конверторов, которые преобразуют 525 строк отечественного телевизионного стандарта в 1200 строк космической станции. Конверторы со следующей недели можно будет приобрести в магазинах акционерного общества

«Эфир» не только в Уайтхаусе, но и во всех других городах нашей страны».

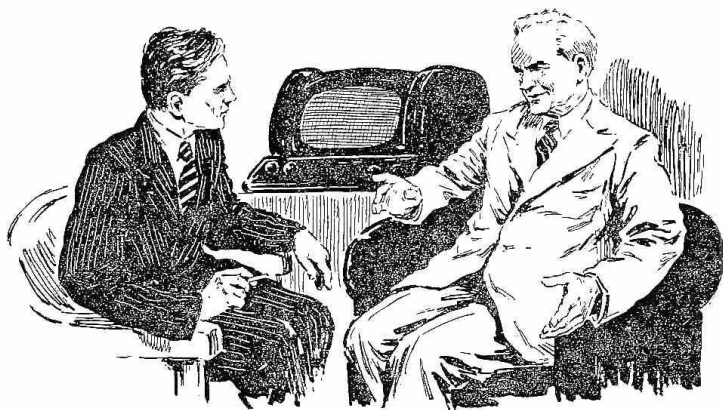
Газеты и радио умалчивали при этом, что генерал Хазард скупил почти все акции «Эфира» до того, как стремительно поднялся их курс в связи с сенсационным сообщением о космических телепередачах.

3. ЗАГАДКА КОСМИЧЕСКИХ ТЕЛЕПЕРЕДАЧ

СТАРШИЙ сотрудник научно-исследовательского института телевидения Андрей Иванович Кузьмин, настроив радиоприемник на волну одной из западноевропейских станций, посмотрел на часы и поспешно набрал номер телефона директора института.

— Передача начнется через пять минут, Геннадий Петрович, — торопливо произнес он в трубку.

Едва профессор Нечаев успел устроиться поудобнее возле радиоприемника Кузьмина, как диктор объявил, что сейчас будет передано интервью корреспондента «Бродкастинг Компани» с генералом Хазардом. А спустя несколько секунд уже другой диктор слегка взволнованным тоном начал читать интервью:

Профессор Нестеров и Кузьмин внимательно слушали интервью с генералом Хазардом.

«Наш корреспондент мистер Прэссмэн посетил сегодня генерала Хазарда — крупнейшего специалиста по стратегическим управляемым снарядам и ракетным двигателям. На вопрос мистера Прэссмэна, что думает Хазард о космических телепередачах, которые принимают некоторые наши телезрители, генерал ответил:

— Возникающее на телевизионных экранах изображение летящего снаряда не что иное, конечно, как космический ракетный корабль.

Прэссмэн — Каковы курс и цель этого космического корабля?

Хазард — Курс, видимо, — Земля, а цель — разведка.

Прэссмэн — Значит, вы полагаете, что за кораблем-разведчиком последуют и другие, основные, так сказать, силы?

Хазард — Вне всяких сомнений.

Прэссмэн — Ну, а каковы могут быть намерения экипажа этих кораблей?

Хазард — Полагаю, что не мирные, хотя первый разведывательный корабль вообще едва ли имеет экипаж. Это, скорее всего, управляемый ракетный снаряд, передающий все необходимые сведения на пульт управления с помощью радиосигналов и телевизионного изображения.

Прэссмэн — Вы полагаете, значит, что «визит» к нам космонавтов может носить агрессивный” характер?

Хазард — Во всяком случае, мы должны иметь в виду и такую возможность. Опасение это тем более вероятно, что форма космического снаряда очень напоминает ракеты, предназначенные для стрельбы по стратегическим объектам. На эту мысль наводят и показания некоторых приборов космического снаряда.

Прэссмэн — Что вы считаете необходимым предпринять в связи с возможной агрессией из космоса?

Хазард — Я считаю в связи с этим детской игрой в солдатики всю нашу нынешнюю систему обороны, а опасность со стороны русских — ничтожной в сравнении с этой новой страшной угрозой, нависшей над всей нашей планетой. Дай

бог, чтобы поняли это наши конгрессмены именно сейчас, накануне обсуждения в Конгрессе федерального бюджета на текущий год.

Прэссмэн — Как скоро космические снаряды могут достигнуть нашей Земли?

Хазард — Учитывая колоссальность космических пространств, видимо, не раньше как через год-полтора. За это время можно будет, конечно, основательно подготовиться к их встрече. Нужно только отказаться от черепаших темпов вооружения периода «холодной войны» и начать готовиться к более грозному периоду «космической войны».

Прэссмэн — И еще один, последний вопрос: чем вы объясняете тот факт, что наши земные телевизионные приемники принимают передачу с космического снаряда только один раз в сутки?

Хазард — По той причине, конечно, что для контроля за полетом этого снаряда в космическом пространстве нет нужды в непрерывном приеме его сигналов. Когда же снаряд или снаряды-разведчики приблизятся к земле, они, видимо, будут чаще и продолжительнее передавать и показания своих приборов и обстановку на нашей планете.

Прэссмэн — Вы не оговорились, сказав: «или снаряды»?

Хазард — Нет, не оговорился. Ибо почти не сомневаюсь, что их действительно несколько. Не видим же мы других снарядов по той причине, что их телевизионные передатчики работают на неизвестных нам волнах, принять которые пока не удается.

Прэссмэн — Благодарю вас, генерал. Вы дали совершенно исчерпывающие ответы на все вопросы, которые так волнуют наших читателей»,

— Да, черт возьми, — возбужденно воскликнул Кузьмин, — не думал я, что решатся они на такой трюк!

— Вы думаете, что это трюк? — поднял на Кузьмина усталые глаза профессор Нестеров.

— Не сомневаюсь, — убежденно заявил Кузьмин.

Профессор Нестеров тоже не сомневался, что дело тут нечисто. Но для того чтобы убедиться в основательности

своих подозрений, он ведь имел весьма обстоятельный разговор с астрономами и руководителями научно-технического общества космонавтики. На чем же, однако, зиждится уверенность Кузьмина в том, что космические телепередачи — всего лишь ловкий трюк?

Несмотря на молодость, Кузьмин талантлив и, видимо, далеко пойдет, но профессору не нравилась торопливость его суждений. Для ученого это было серьезным недостатком. Вот и сейчас ему кажется уже, что он все разгадал, тогда как до окончательной разгадки не добрались еще и более опытные люди.

— Любопытно, как же вы все это объясняете? — с деланным равнодушием спросил профессор Кузьмина. — Ведь, судя по сообщениям почти всех газет и радиокompаний Западного полушария, телевизоры с конверторами действительно принимают одну и ту же передачу на колоссальном пространстве почти всего американского материка. А это значит, что передача в самом деле идет из-за пределов земной атмосферы. Выходит, что трюк-то этот похитрее «летающих блюд», наделавших в свое время много шума за океаном. Нужно, значит, разобраться во всем посерьезнее.

— Но ведь ясно же, что вся эта шумиха не случайно поднята накануне утверждения нового бюджета в Конгрессе, — не сдавался Кузьмин. — Можно не сомневаться даже, что в обстановке нового атомно-космического психоза ассигнования на военные расходы возрастут до небывалых размеров.

— Политический-то смысл тут ясен, конечно, — согласился с Кузьминым профессор Нестеров. — Но, ведь наша с вами задача состоит не в том, чтобы высмеивать заокеанских атомных генералов, заменивших переставшую быть популярной «холодную войну» на «войну космическую», этим займутся наши фельетонисты, а в том, чтобы попытаться разгадать трюк, с помощью которого пытаются они одурачить свой народ.

— Скажите, Геннадий Петрович, а вы совершенно уверены, что заокеанские газеты пишут правду о «космических

телепередачах»? Не есть ли это результат массового гипноза или, вернее, массового психоза?

— К сожалению, — ответил на это профессор Нестеров, — передачи эти существуют совершенно реально. Их видели сотрудники наших посольств, а также наши представители в Организации Объединенных Наций. Кроме того, вчера вернулось из дальнего плавания наше судно. Начальник его радиолокационной станции, находясь у берегов Америки, лично принял корабельным телевизором «космическую» передачу.

Профессор Нестеров походил в задумчивости по комнате и, приняв какое-то решение, остановился перед Кузьминым, все еще «прощупывавшим» эфир на разных волнах.

— Вот что, Андрей Иванович, — проговорил он, — придется вам срочно вылететь на Дальний Восток, в район Камчатки или даже Командорских островов. Думается мне, что там должны приниматься эти таинственные телепередачи из космоса.

В тот же день кандидат технических наук Кузьмин со сверхчувствительной телевизионной аппаратурой специальным самолетом вылетел на Дальний Восток. Всю дорогу, рассеянно поглядывая в окно, ломал он голову над загадкой таинственных телепередач. То, что представлялось таким нехитрым вначале, оказывалось весьма замысловатым, когда попытался он разобраться во всем обстоятельной.

Положив на колени блокнот, Кузьмин написал на чистом листе его большой вопросительный знак.

— Попробуем, однако, рассуждать последовательно, — проговорил он, так как имел привычку размышлять вслух, когда хотел сосредоточиться. — Прежде всего, поскольку таинственная телевизионная передача принимается на очень большом пространстве, нужно, конечно, объяснить, чем это достигается.

Кузьмин написал на блокноте жирную единицу и крупными буквами слово «кабель».

— Во-первых, — продолжал он развивать свою мысль, — достичь этого можно с помощью концентрического или

коаксильного кабеля. Но он очень дорог, и его не протянешь
ведь вдоль всей Северной и Южной Америки. Следовательно
но, практически это явно неосуществимо.

*Сидя в самолете, летящем на Дальний Восток,
Кузьмин положил на колени блокнот и написал
на его чистом листе вопросительный знак.*

Кузьмин энергично зачеркнул единицу и слово «кабель». Чуть ниже написал двойку и другое слово — «ре-трансляция», продолжая разговор с самим собой:

— Во-вторых, можно было бы использовать для этой цели дециметровые или сантиметровые волны, которые можно собрать в узкий пучок, и при помощи рефлектора направить на другой приемный рефлектор, установленный на расстоянии 30—50 километров, а на возвышенностях и до ста километров. Но ведь сколько же потребуется таких рефлекторов? И потом разве это не бросилось бы в глаза, если бы их действительно установили по всему американскому матерiku?

Кузьмин зачеркнул и этот вариант. На блокноте теперь появилась цифра три.

— Третий способ — это передача сигналов телевидения с самолета, — размышлял майор. — Какой, однако, наивысший потолок у современных заокеанских самолетов? Конечно же, он не очень велик, если даже самолеты-снаряды типа «Навахо» имеют максимальную высоту около 30 километров. С такой высоты не перекроешь телевизионной передачей расстояния в 15000 километров. Отпадает; значит, и этот вариант.

Кузьмин перечеркнул цифру «три» и нарисовал две окружности — одну большую, вторую поменьше. Внутри маленькой написал слово «Луна».

— Только Луна теперь и остается, — проговорил он, вспоминая, как в 1946 году был послан на Луну мощный сигнал радиолокационной станции, который спустя две с половиной секунды, отразившись от ее поверхности, вернулся на Землю. Многие ученые после этого эксперимента стали допускать возможность дальних телепередач с помощью Луны. Можно, следовательно, предположить, что в данном случае дальность передачи телевидения осуществлена за счет использования поверхности Луны в качестве своеобразного зеркала.

— Ну, а что же говорят объективные факты? — снова вслух произнес Кузьмин. — Нам известно, что вчера и по-

завчера, в десять часов вечера, все телевизоры Северной и Южной Америки принимали космические передачи. А Луна в это время освещала противоположную сторону земного шара и, следовательно, никак не могла быть использована заокеанскими мистификаторами. Но в чем же тогда разгадка тайны космических телепередач?

Облака под самолетом стали теперь редеть, и сквозь их просветы далеко внизу виднелись зеленые массивы лугов и полей. Кузьмин долго всматривался в них, потом перевел взгляд на блокнот, вырвал из него исписанную страницу, и с раздражением скомкал ее.

4. НОВЫЙ ВИД ПСИХОЗА

СЕГОДНЯШНИЕ утренние газеты Уайтхауса очень беспокоили работников военного министерства. Помощник министра вызвал по этому поводу одного из своих офицеров, ведавшего вопросами печати.

— Очень прошу вас, — обратился он к майору Райту, — разберитесь лично, о каких это рыбаках, заболевших лучевой болезнью, сообщают «Гуд морнинг» и другие газеты. Не только ведь наше министерство, но и весь город говорит сегодня об этом. А представляете, что творится в провинции, если только «Бродкастинг Компани» успела уже пустить эту новость в эфир?

— Можете в этом не сомневаться, сэр, — с иронической улыбкой заметил майор Райт. — «Бродкастинг Компани» успевает всколыхнуть эфир не только в момент совершения каких-либо событий, но частенько и до этих событий.

Майор Райт знал своего шефа как человека умного, понимающего толк в юморе, но сегодня на худощавом, продолговатом лице помощника министра не было ни тени улыбки, ибо он считал положение настолько серьезным, что ему было просто не до шуток. Райт тотчас же понял это, и заявил уже совершенно серьезно;

— Все будет сделано, сэр.

Он действительно сразу же выехал в предместье Уайт-хауса, где, по наведенным им справкам, находилась одна из больниц благотворительной — организации Красного Креста. Больница эта расположилась почти на самом побережье Атлантического океана, и лечились в ней главным образом рыбаки, матросы и портовые рабочие. С первого же взгляда на мрачное, давно не отремонтированное здание больницы майор Райт заключил, что дела ее обстоят не блестяще, и не рассчитывал в связи с этим встретить здесь опытных врачей.

Главный врач больницы действительно оказался совсем еще молодым человеком с очень подвижным, нервным лицом и взволнованной речью. Узнав, по какому делу пожаловал к ним майор, он заметно побледнел и начал даже слегка заикаться.

— Прошу вас, майор Райт, пройти со мной в палату, и собственными глазами посмотреть на этих больных, — торопливо проговорил он. Заметив, однако, что майор довольно обстоятельно устроился в кресле и, видимо, не собирался никуда уходить из кабинета, главный врач поспешно выдвинул один из ящиков письменного стола, извлек из него какую-то папку и протянул ее Райту.

— Или вот, познакомьтесь хотя бы с историей их болезни.

— Как, — удивленно поднял брови майор Райт. — Их болезнь уже имеет историю?

— Ну, если хотите, так это начало ее истории, — смущенно улыбнулся молодой врач.

Райт полистал содержимое папки, но так как многие записи в ней были сделаны по-латыни, мало что понял и спросил:

— Откуда к вам попали эти рыбаки? По документам я вижу, что их у вас двое.

— Да, их двое. Они сегодня на рассвете вернулись с ночного лова и сразу же почувствовали себя плохо. Одного из них привела к нам его жена, второй кое-как дотащился сам.

В графе «диагноз» Райт прочел «радиационное поражение» и спросил:

— Это ведь лучевая болезнь, доктор?

— Да, лучевое поражение или лучевая болезнь. То есть патологические изменения, возникшие под влиянием воздействия на организм значительных доз ионизирующих излучений.

Молодой врач говорил все это с очень серьезным видом, стараясь блеснуть ученостью и особенно познаниями в области такой модной, как ему казалось, болезни, как лучевая.

— Ну, а конкретнее, — с чувством некоторой досады перебил Райт словоохотливого врача. — Из чего же вы заключили, что ваши пациенты больны лучевой болезнью?

— Так вы, значит, сторонник версии, выдвинутой утренними газетами? — удивился майор, заметив на столе измятый номер «Гуд морнингга».

— Убедили меня в этом характерные симптомы лучевого поражения, — несколько обиженно ответил врач. — Доставленные к нам больные находятся в настоящее время в фазе первичной радиации. Она выражается в общем ослаблении организма, и главным образом, в желудочно-кишечных расстройствах.

— И сколько же длится это состояние?

— Один-два дня, после чего начинается фаза мнимого благополучия, продолжающаяся до двух-трех недель. И лишь только после третьей, токсической фазы, наступает фаза разрешения болезни, то есть выздоровление или смерть.

— Ну, а чем же вы все-таки объясняете это необычное заболевание? — помолчав: немного, спросил майор. — Ведь не только атомной войны не происходит поблизости, но и атомных бомб никто не испытывает в этом районе.

— А космические телепередачи, — не задумываясь, проговорил врач, и голос его снова дрогнул при этом.

— Так вы, значит, сторонник версии, выдвинутой утренними газетами? — удивился майор, заметив на столе главного врача измятый номер «Гуд морнинга».

— Чем же иным можно объяснить это? — пожал врач плечами. — Тем более, что во вчерашней вечерней передаче на экранах телевизоров совершенно отчетливо были видны залпы космического корабля из каких-то диковинных оружий. В газетах пишут сегодня, что этими залпами он расчищал себе путь среди встречной лавины метеоров. Стрелял же он, конечно, атомным или термоядерным оружием. Разве, в результате этих залпов, потоки радиоактивных частиц не могли достигнуть нашей Земли?

— Ну, едва ли, — возразил майор Райт. — Наша Земля непрерывно обстреливается ведь потоком космических лучей куда более мощных, чем гамма-лучи и нейтроны, возникающие в результате атомных взрывов. Панцырь атмосферы однако же прекрасно защищает нас от их губительного действия. Сейчас, к сожалению, слишком много распространено самых нелепых и невежественных слухов о

чрезмерной вредоносности радиоактивных излучений, но вы-то ведь образованный человек, доктор?

— Да, я достаточно образован, чтобы прямо смотреть опасности в глаза и не нуждаться в успокоении, — почти раздраженно произнес врач, и мускулы лица его стали нервно подергиваться. — Вы что, думаете, я не знаю, что нам пришлось отказаться от некоторых боевых радиоактивных веществ по той причине, что зараженная ими местность становится радиоактивной в течение почти пятилетия? А кто же не знает, что один из наших военных кораблей, принимавших участие в испытании атомной бомбы в атолле Бикини, спустя пять лет после этого испытания был отбуксирован в Тихий океан и там затоплен? Выходит, морское министерство решило, что даже спустя пять лет некоторые суда, принимавшие участие в испытаниях атомных бомб, слишком опасны в обращении.

Майор Райт хотя и сам был еще молодым человеком, однако обладал достаточной проницательностью для того, чтобы почувствовать всю бесполезность дальнейшего спора с врачом. По его возбужденному виду, по нервной торопливости речи нетрудно было сообразить, что и он жертва если не радиационного поражения, то атомного психоза.

Райт хорошо помнил, о каких ужасах писали в свое время газеты. Даже в самых солидных из них можно было прочесть такие, например, предсказания: «Взрыв ста атомных бомб в любом месте нашей планеты сделает жизнь на земле невозможной». Ну, а теперь, когда обыватели узнали, что для ведения современной войны нужны тысячи атомных бомб, разве легко разубедить их в том, что мир не стоит еще на краю самоубийства?

Майор и не пытался более разуверить врача. Он лишь вздохнул и, вспомнив чье-то скептическое выражение, сказал на прощание:

— Рассеять слухи и разоблачить дутые сенсации — дело нелегкое. Людей всегда больше привлекают броские газетные заголовки, чем спокойные опровержения.

Дорогой он, правда, пожалел, что не объяснил молодому и слишком уже нервному врачу, почему был затоплен корабль, участвовавший в испытании атомной бомбы в атолле Бикини. Морское министерство заботилось при этом всего лишь о том, чтобы корабль, сохранивший незначительную долю радиоактивности, не пошел на слом в обычном порядке. Сталь его после переливки могла бы ведь оказаться использованной для изготовления инструментов или иного оборудования, и помешать точным измерениям радиоактивности в научно-исследовательских лабораториях. Затопленный корабль был, следовательно, не угрозой для жизни, а всего лишь возможной помехой в работе ученых.

В скверном настроении вернулся майор Райт к своему шефу.

— Ну, что удалось вам разведать? — озабоченно спросил его помощник военного министра.

— Похоже, что повторяется история с «летающими дисками», — мрачно ответил майор Райт. — Боюсь даже, что эти космические телевизионные передачи вызовут еще больший психоз, чем «летающие диски». А ведь и тогда чуть ли не весь континент был охвачен массовой галлюцинацией. Даже весьма почтенные телеграфные агентства писали, что «летающие диски» не что иное, как новейшей конструкции ракетные самолеты русских, направленные к нам для разведки и устрашения. Совестно даже вспомнить теперь все это.

— Ну, да это дело давнее, — недовольно поморщившись, проговорил помощник министра.

— Не такое уж и давнее, — возразил Райт. — Во всяком случае, общего тут довольно много, и газеты ведут себя почти так же. Всяческих «теорий» и «пророчеств» и сейчас хоть отбавляй.

— Ну, а вы-то сами чем объясняете эти космические телевизионные передачи, дорогой Райт, — спросил помощник военного министра. — С «летающими дисками» или «блюдцами» действительно была галлюцинация и мисти-

фикация, и даже, если хотите, элементарное шарлатанство. Но ведь тут другое.

Вы же сами видели эти телепередачи. И ученые подтверждают, что ведутся они не с наземных станций, а откуда-то из-за пределов атмосферы. Не могли же вы не задумываться над этим?

— Мне нелегко на это ответить, так же, видимо, как и людям, которые поумнее меня, — задумчиво проговорил Райт. — Пока я ничего не могу утверждать, но зато во многом могу сомневаться.

— Например?

— Откуда летит этот космический снаряд? С Марса? Но ведь в существовании разумной жизни на нем сомневаются многие ученые. Венеру тоже давайте оставим в покое. Ближайшая же к нам звезда Центавр с ее еще только предполагаемой планетной системой находится от нас на расстоянии четырех световых лет. Сколько же потребуется времени, чтобы долететь до нашей Земли, если даже свет оттуда идет четыре года, а ведь он движется со скоростью трехсот тысяч километров в секунду. За каким чертом им такое путешествие?

— Э, да вы, я вижу, невнимательно читаете газеты, — рассмеялся помощник министра. — Этот вопрос обсуждался на страницах какой-то из наших столичных газет, и кто-то из астрономов уже давал по этому поводу объяснения. По его словам, космонавты могли покинуть свою планету в результате предвидения катастрофы ее, вернее же всего, из-за перенаселения.

— Нечто вроде космического варианта геополитики, значит, — усмехнулся Райт.

— Да, что-то в этом роде. И вот, будто бы, летят теперь космонавты по вселенной в поисках подходящей для них территории, делая остановки на попутных планетах.

— Я не люблю астрономов за то, что они не только занимаются изучением туманностей, но и говорят весьма туманно. Ну, да ладно, допустим, что все это действительно так, — довольно равнодушным тоном проговорил Райт. —

Но почему же обязательно предполагать, что космонавты займут нашу Землю непременно силой?

— А кто же потеснится для них по доброй воле? Они же не станут ведь селиться ни в Арктике, ни в Антарктике, а захотят местечка потеплее. Что вы на это скажете?

— Космические гости пожалуют к нам, однако, не сегодня, видимо, и не завтра, — помолчав немного, заметил Райт. — К тому времени обстановка будет яснее, а пока не мешало бы нам принять меры против начинающегося «космического» психоза.

— Что же вы предлагаете сделать для этого?

— А хотя бы уточнить, действительно ли рыбаки, попавшие в больницу Красного Креста, больны лучевой болезнью. Не очень-то я уверен, что местный врач поставил им правильный диагноз.

Адъютант принес помощнику военного министра сообщение.

— Хорошо, я позвоню в федеральное управление здравоохранения и пусть они сами разбираются в этом, — согласился помощник министра.

— А что будем делать мы? Я имею в виду наше министерство, — спросил майор Райт.

— Готовиться к бою.

— С кем?

— Пока с конгрессменами за увеличение ассигнований на военные нужды. А уж потом, может быть, и с космонавтами.

Но еще до того, как помощник военного министра позвонил в федеральное управление здравоохранения, адъютант принес ему новое сообщение о лучевой болезни. Заболели ею два военных летчика, летавших на реактивных самолетах на большой высоте. И на этот раз диагноз радиационного поражения был поставлен опытным врачом военного госпиталя.

5. В ПОИСКАХ РАЗГАДКИ ТАЙНЫ КОСМИЧЕСКИХ ПЕРЕДАЧ

СПУСТЯ три дня после того, как Кузьмин улетел на Дальний Восток, профессор Нестеров получил от него зашифрованную радиотелеграмму:

«25 июля в 13.00 по поясному времени принял довольно четкую «космическую» телепередачу, соответствующую описаниям и фотографиям, публиковавшимся в заокеанской прессе.

Кузьмин.

Командорские острова, борт парохода «Шелехов».

— Теперь, значит, не остается уже никаких сомнений о «космическом», так сказать, происхождении этих передач, — заметил заместитель Нестерова Воронов, прочитав радиogramму. — В том смысле, конечно, что передача ее ведется не с наземной станции, ибо мы еще не знаем случая столь дальнего распространения ультракоротких волн.

— Случаи-то как раз известны, — заметил на это Нестеров. — В 1935 году, например, была отмечена хорошая радиосвязь между Европой и Америкой на волне в семь с половиной метров. В 1937 году в Москве принимались японские передачи на волне в девять метров.

— Но ведь это только радиосвязь... — начал было Воронов, но профессор перебил его.

— Не только. В феврале 1938 года в Америке принимали передачи лондонского телевизионного центра на волне около семи метров. А в 1947 году смотрели наши телевизионные передачи голландцы. Летом 1953 года наблюдался прием какой-то дальней телевизионной станции во Владимире. Московские передачи в течение целого месяца 1952 года принимались в Германии. А летом 1954 года пражские передачи смотрели у нас в Угличе, Рязани и Степино.

— Позвольте, позвольте, — воскликнул вдруг Воронов. — А французского инженера Ги Бонкура вы помните? О нем ведь тоже много писали в 1954 году.

— Как же, отлично помню статью о нем Франсиса Крамье, опубликованную в 32 номере журнала «В защиту мира», — подтвердил профессор Нестеров. — В статье этой сообщалось, что французский инженер Ги Бонкур, проживающий в Швейцарии, сконструировал телевизионный приемник, дающий возможность принимать изображение с любым стандартом строк, используемым в настоящее время европейскими странами. То есть, следовательно, от 405 до 819. К тому же телевизор его принимал волны, излучаемые на расстоянии в 350 километров, а в некоторых случаях даже 700—1100 километров.

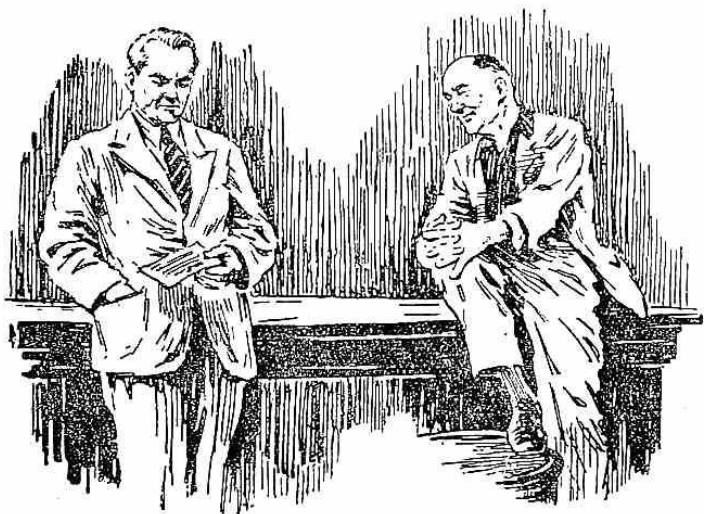
— Статья та кончалась, кажется, тем, что патент Ги Бонкура «заморожен» его хозяевами, — заметил Воронов. — Но ведь с тех пор прошло уже несколько лет. Что-то мы, однако, не слышали ничего больше об этом изобретении...

— Да ведь не в этом же дело, — перебил Воронова профессор Нестеров. — Опытами нашего института и работами других исследователей доказано теперь, что столь дальний

прием — случайность. До сих пор никто еще не смог осуществить его регулярно.

— Это знают сейчас даже телезрители, — усмехнулся Воронов. — Короткие волны, как теперь всем хорошо известно, могут распространяться на значительные расстояния только путем последовательного отражения от ионосферы и от земли. Но для того чтобы проделали то же самое ультракороткие волны, нужно ведь, чтобы отражающий слой ионосферы имел достаточную концентрацию, то есть достаточное количество свободных электронов в одном кубическом сантиметре. Возникает же такая концентрация только в годы максимума солнечной деятельности, то есть в периоды появления на нем наибольшего количества солнечных пятен. Лишь тогда метровые волны могут отражаться от ионизированного слоя, находящегося на высоте 250—400 километров.

— Отсюда и вывод напрашивается сам собой, — заключил профессор: — почти все сверхдальние передачи осуще-

— Это знают сейчас даже телезрители, — усмехнулся
Воронов...

ствимы только в годы максимума солнечной деятельности. К тому же, преимущественно в зимние месяцы. Сейчас же не только лето, но и минимум солнечной деятельности. На всякий случай мы сейчас уточним это.

С этими словами профессор Нестеров снял телефонную трубку и набрал номер радиообсерватории.

— Добрый день, Виктор Петрович, — поздоровался он с директором обсерватории, старым своим приятелем. — Нестеров тебя беспокоит. Скажи ты мне, пожалуйста, как там у вас солнце поживает? Каково его самочувствие?

— А тебя какое солнце интересует? — спросил, в свою очередь, директор радиообсерватории. — «Спокойное» или «возмущенное»?

— Меня интересует такое солнце, которое более всего влияет на состояние нашей земной ионосферы, — ответил Нестеров.

— Сейчас солнце «спокойное», и на ионосферу оказывает малозначительное влияние. «Возмущается» же оно в период появления на нем активной группы пятен, а также связанных с этим отдельных «выбросов» и «всплесков», возникающих при ярких солнечных вспышках. Потоки радиоизлучений солнца увеличиваются при этом в миллионы раз.

— А давно длится затишье на солнце? — спросил Нестеров.

— Второй год.

— Ну, а, кроме солнца, что же еще влияет на электронную концентрацию нашей ионосферы? Сказываются ли тут в какой-то мере радиоизлучения Галактики и метagalактики?

— Очень незначительно. Некоторая интенсивность радиоизлучений отмечается только в области галактического центра. Так, например, радиоизлучения в созвездии Лебедя в среднем дают такой же поток излучений, как и «спокойное солнце». Несколько большие радиоизлучения обнаружены в созвездии Кассиопеи. Но, повторяю, на ионизации атмосферы это почти не сказывается.

— Луну, конечно, вовсе нельзя принимать в расчет?

— Да, на Луне обнаружено пока только тепловое радиои兹лучение на волне в один и двадцать пять сотых сантиметра. Но зато некоторую роль в образовании ионов и свободных электронов в верхних слоях атмосферы играют метеоры. Я как раз сегодня только просматривал последние данные наших радиоблокационных наблюдений за метеорами, но и тут наблюдается некоторое затишье.

— Выходит, в общем, что со стороны таких космических объектов, как звезды, планеты и метеоры, никакого активного влияния на нашу ионосферу в настоящее время нет, — заключил профессор Нестеров. — Ну, спасибо тебе за справку, Виктор Петрович. Извини за беспокойство.

Профессор Нестеров положил трубку на рычажки телефонного аппарата и помолчал некоторое время, рассеянно постукивая кончиками пальцев по настольному стеклу. Потом достал какую-то бумагу из папки и, положив ее перед собой, произнес:

— Но вот что, однако ж, удивительно, — электронная концентрация ионосферы, несмотря на минимум солнечной деятельности и некоторую пассивность остальных космических объектов, все же выше, нормы. Сведения эти сообщили мне сегодня из Комиссии по межпланетным сообщениям при Академии наук СССР. Они запускали недавно многоступенчатую ракету в ионосферный слой F_2 , то есть на высоту четырехсот с лишним километров. И вот приборы этой ракеты показали не только повышенную электронную концентрацию ионосферы, но и наличие в слое F_2 радиоактивных частиц. Что вы на это скажете, товарищ Воронов?

Профессор Нестеров, прищурясь, пристально посмотрел на своего заместителя и, так как Воронов не знал, видимо, что ответить, добавил многозначительно:

— А вы сопоставьте-ка это с сообщениями заокеанских газет о случаях лучевой болезни рыбаков и летчиков военной авиации.

6. ПОСЛЕДНЯЯ СЕНСАЦИЯ

Помощник военного министра изо всех сил старался казаться спокойным, но это ему не очень удавалось. Поддерживало его лишь сознание того, что вряд ли когда-либо еще представится ему такой случай не только испытать свое мужество, но и прослыть храбрым человеком. Ведь по сути дела все министерство оставлено было (если не сказать — брошено) на него, так как министр под благовидным предлогом срочно уехал инспектировать воинские части, расположенные на юге страны. Уехали в различные воинские округа и другие его помощники. Даже генерал Хазард, заваривший всю эту кашу, исчез куда-то. Но ничего, он еще доберется до этого Хазарда!

А в городе между тем происходила паника. Настоящая паника! Почти все, у кого были машины, уезжали из Уайтхауса, а на поезда, идущие на юг, нельзя было достать билетов. А почему? Да все из-за этой идиотской погони некоторых газет за сенсациями. Черт дернул редактора «Сирены»

А в городе между тем происходила паника.

напечатать сообщение русских с будто бы разоблаченной ими мистификацией генерала Хазарда! И потом еще идиотский прогноз этого психопата метеоролога Форекаста. А может быть, и не такой уж идиотский?..

Помощник военного министра невольно вздрогнул, представив себе, что предсказание Форекаста может сбыться. За себя лично он, впрочем, почти не беспокоился — ему есть где укрыться в случае, если стрелка счетчика Гейгера минует границу «предельно допустимой радиоактивности». Страшно было другое — паника, которая станет еще ужаснее, если только сбудется прогноз метеоролога.

Нажав кнопку электрического звонка, помощник министра вызвал майора Райта. Майор явился тотчас же. Он был, как всегда, подтянут, отлично выбрит и совершенно спокоен.

«Вот кому я искренне завидую, — невольно подумал помощник министра. — Кажется, это самый хладнокровный человек в нашем министерстве»...

— Ну, как дела, Райт? — очень бодро спросил он майора и, стараясь ничем не выдавать своего беспокойства, приветливо улыбнулся.

— Все нормально, сэр, — спокойно ответил майор.

— А бегство из города?

— Бегут ведь не все. И потом — это не впервые. Помните, перед войной тоже было нечто подобное. Тогда передавали по радио инсценировку по роману Уэллса «Борьба миров», но по техническим причинам в эфир не попало начало этого спектакля. Передача сразу же началась с воплей актеров, сообщавших о приближении к Земле воинственной флотилии Марса. Ну, тут и началось...

— Да, да, я помню этот печальный случай, — недовольно прервал майора помощник министра. — Однако повод для паники теперь куда существенней. Кто же все-таки бежит из города?

— В основном, народ состоятельный.

— Ну, а народ в буквальном смысле?

— Если вы имеете в виду рабочих, то они работают, как

обычно. Нервничают, конечно, но стоят у своих станков. И знаете, кто» подает пример мужества? Коммунисты.

— Этого только не хватало! — нахмурился помощник военного министра. — Ну, а что они говорят по поводу всей этой истории?

— Считают ее гигантским спектаклем для устрашения слабонервных. Новым трюком для разжигания атомного психоза.

— А насчет военного бюджета?

— Говорят, конечно, и об этом. Но теперь что говорить — конгресс утвердил уже необходимые ассигнования. И хотя официально не делалось при этом ссылки на «угрозу из космоса», «угроза» эта сыграла, конечно, свою роль.

— Так вы, значит, полагаете, — сурово спросил помощник военного министра, — что кое-кто знал и одобрял мистификацию генерала Хазарда?

— Вы, кажется, собираетесь привлечь к какой-то ответственности генерала Хазарда, — спросил военный министр своего помощника с небывалой строгостью.

— Я не имею права делать таких, предположений, сэр, — смиренно проговорил Райт.

— Однако вы явно намекаете на это, майор Райт! Или вы тоже поддались коммунистической пропаганде? Это они, кажется, писали, что как только будет утверждено увеличение ассигнований на военные расходы, космические корабли, устрасаясь мощной суммы этих ассигнований, сами собой растворятся в космосе. Если не желаете иметь неприятности, рекомендую вам помалкивать об этом. Ну а с генералом Хазардом я еще буду иметь серьезный разговор.

Помощник министра был явно раздосадован, и майор Райт начал уже жалеть, что завел с ним столь откровенный разговор.

— Спасибо за совет, сэр, — сказал он смущенно, и хотел было попросить разрешения выйти из кабинета, но помощник министра, будучи человеком отходчивым, протянул ему коробку с сигарами и спросил:

— Вы должны были сделать мне полный перевод статьи русских о «Марсианах» генерала Хазарда. Где же он?

— Пожалуйста, сэр, — протянул Райт помощнику министра лист бумаги с отпечатанным на машинке текстом перевода статьи из советской газеты.

— Так-так, — проговорил помощник министра, пробежав текст глазами. — Они, значит, полагают, что Хазард запускал в ионосферу сверхвысотную ракету, и там с помощью атомного взрыва распылял порошок, усиливающий электронную концентрацию ионосферы на значительном пространстве? А лучевая болезнь, по их мнению, значит, результат оседания этого порошка на Землю? Вы консультировались по этому поводу со специалистами, Райт?

— Да, сэр. Они не оспаривают этого предположения. Порошок хотя и был, видимо, чрезвычайно мелким и каждая частица его могла обладать совершенно ничтожной радиоактивностью, но отдельные крупинки под влиянием электрических сил или атмосферных условий могли ведь и соединиться друг с другом, увеличив, тем самым, свою радиоактивность. По наведенным мною справкам, в ту ночь,

когда заболели рыбаки, находящиеся на излечении в больнице Красного Креста, над океаном шел дождь. А это способствовало, конечно, слипанию частиц порошка и усилению его радиоактивности. Вот рыбаки, попавшие под такой радиоактивный дождь, и заболели лучевой болезнью.

— Ну, хорошо, допустим, что все это действительно так, — снова нахмурился помощник министра. — Но как же, однако, решились опубликовать подобное разоблачение наши газеты?

— Не газеты, сэр, а всего лишь одна газета. И не какая-нибудь коммунистическая, а вполне лойяльная. Редактор ее Хэйт просто не поверил советской гипотезе происхождения «космических телепередач» и, перепечатав ее, попытался даже иронизировать над нею. Наш министр в связи с этим очень удачно выразился по адресу незадачливого редактора: «О, санкта симплицитас!»¹⁾

— Ну, если это Хэйт, то не такая уж это «простота», — усмехнулся помощник министра. — Я-то ведь этого «простака» хорошо знаю. У него, кажется, свои счета с генералом Хазардом.

— Может быть, он и опытный политический деятель, — ответил на это майор Райт, делая вид, что не понял намек своего шефа, — но ему однакож, видимо, неизвестно было, что с усилением электронной концентрации ионосфера начинает отражать ультракороткие волны. Следовательно, все, что по заданию генерала Хазарда было заснято на пленку, а затем направленной антенной послано в ионосферу, вернулось оттуда уже как «космическое явление». С научной точки зрения все это весьма правдоподобно.

— А какими же мотивами руководствовался метеоролог Форекаст?

— Он, оказывается, человек религиозный, вот и решил спасти если не все человечество, то хотя бы Уайтхаус. По его данным, на наш город должен обрушиться сегодня чуть ли не тропический ливень. И если гипотеза русских верна, то в каждой капле его должна содержаться какая-то степень

---

1) «О, святая простота!»

радиоактивности. Дождь, следовательно, будет радиоактивным...

..В два часа дня действительно пошел сильный дождь.

Но он задел лишь северо-западную окраину Уайтхауса и ушел дальше на северо-восток. Ученые, выехавшие в районы, омытые дождем, чувствительными счетчиками Гейгера обнаружили в этих местах некоторую радиоактивность всех предметов, попавших под дождь. Степень радиоактивности была, однако, не равномерна. Но даже на участках с наибольшей радиоактивностью концентрация ее не превышала ста рентгенов, и могла вызвать заболевание лучевой болезнью лишь в самой легкой форме. Участки эти оказались, к счастью, пустынными. К тому же, их тотчас же оградил специальные подразделения радиационной разведки.

В газетах же на следующий день появилось сообщение, из которого следовало, что даже при самом тщательном обследовании местности, по которой прошел дождь, дозиметрическими приборами не было зарегистрировано ни одного рентгена радиации и что будто бы в связи с этим разоблачение русскими «механики» космических телепередач — сплошная пропаганда.

Однако никто, кажется, не поверил этому опровержению, ибо достоверность разоблачения русских, так же как и достоверность предсказаний местных коммунистов, подтвердились полным прекращением этих передач вскоре после утверждения конгрессом военного бюджета на текущий год.

...Военный министр возвратился в Уайтхаус вскоре после того, как были установлены точные данные радиоактивного заражения местности, по которой прошел радиоактивный дождь. Вернувшись в свой штаб, он первым делом вызвал к себе своего помощника.

— Вы, кажется, собираетесь привлечь к какой-то ответственности генерала Хазарда? — спросил он так строго, как никогда еще не разговаривал со своими помощниками. — Я категорически запрещаю вам это. Никогда не думал, что вы

окажетесь столь близоруким и не поймете его патриотического поступка.

— А жертвы? — робко спросил помощник министра.

— Что значат эти жертвы в сравнении с выигранным сражением за наш военный бюджет! — воскликнул министр. — И потом не настолько уж вы наивны, чтобы не понимать, что не на собственный же только страх и риск решился генерал Хазард на эту мистификацию.

Помощник военного министра теперь прекрасно понимал все это, не понимал он только одного — достаточно ли серьезно представляют в военном министерстве всю сложность будущей атомной войны? Не только ведь атомные бомбы решат ее исход, но и солдаты и даже главным образом солдаты. А разве граждане его страны, живущие в обстановке непрерывного психоза, смогут, став солдатами, успешно выдержать испытания атомной войны? Разве брошишь этих неврастеников в стремительную атаку через эпицентры атомных взрывов? А без этой атаки любая атомная бомбардировка будет бесполезна. Следовательно, в будущей войне, как и во всех прошлых, главной силой по-прежнему остается солдат.

Все эти трезвые мысли помощника военного министра постепенно переключились, однако, на собственную персону, и он не без тревоги подумал, что может, пожалуй, иметь неприятности из-за своего недоброжелательного отношения к генералу Хазарду, ставшему теперь в глазах некоторых высокопоставленных лиц чуть ли не национальным героем. А что, если поправить дело предложением наградить Хазарда?

И, вздохнув еще тяжелее, помощник военного министра принялся сочинять проект представления генерала Хазарда к правительственной награде.

Г. ГРАДОВ

ПО ГОРОДУ ЭНСКУ

(Через 40 лет)

Научно-фантастический очерк

Перевод В. Тимошенко-Пастраки

Журнал «Знання та праця», № 11, 1957 г.

Экскурсию проводит директор
Института проектирования
общественных зданий и
сооружений Г. О. ГРАДОВ

ГОРОД Энск — не очень большой, но и не очень малый город нашей страны. Это обычный, так сказать, средний город будущего.

...Небольшие двух — и трехэтажные жилые дома тонут в зелени цветущих садов. По тоннелям, образованным кронами деревьев, несутся вечавтобусы и вечавтомобили. То тут, то там выглядывают фасады общественных сооружений — театры, клубы, библиотеки, школы. А вдали, отделенные зеленым барьером насаждений от жилых кварталов, высятся корпуса заводов и фабрик.

В городе царит непривычная для наших времен тишина. Все напоминает о том, что отдых человека, его здоровье и спокойствие является предметом особой заботы и тех, кто строил город, и тех, кто живет в нем. В воздухе нет пыли, не слышно неприятных запахов выхлопных газов. Из этого города-сада не хочется выезжать даже во время отпуска. Тем более, что дома отдыха и санатории расположены вблизи, среди зеленых кварталов.

На углу улицы мы видим круглый купол здания кинотеатра на 2000 мест. Фасад его отделан полированным алюминием, бронзой, разноцветными пластмассовыми украшениями. Рядом с театром — гигантское фойе. Оно представляет собой стеклянный колпак,

опирающийся на стеклянные стены. Здесь растут экзотические южные растения—пальмы, лавры, лианы.

Длинными осенними и зимними вечерами в таком саду приятно почитать журнал или газету в удобном кресле, посмотреть телевизионную передачу, послушать радио... Вблизи расположены городская библиотека с несколькими читальными залами, кафе и другие заведения, в которых можно приятно и интересно отдохнуть.

Система отопления стоит того, чтобы сказать о ней несколько слов. В стенах домов заложены полупроводниковые батареи. Они отличаются удивительным свойством. Если электрический ток сквозь них идет в одном направлении, они нагреваются; когда же направление тока меняют обратное, батареи охлаждаются. Включаются батареи автоматически — в зависимости от температуры воздуха в помещении.

Есть в городе Энске больница, хорошая больница со светлыми и просторными палатами, хорошо оборудованными диагностическими и лечебными кабинетами. Недавно таких медицинских учреждений в Энске было несколько, а теперь осталось только одно, и в нем почти никогда нет больных. Это результат хорошо поставленной профилактики. Ведь уберечь себя от заболеваний гораздо легче, чем вылечиться. Эту старую истину жители города хорошо усвоили.

Вас, пожалуй, интересует школа конца XX столетия?

Заглянем во двор, на воротах которого прикреплена вывеска с надписью “Школа-интернат № 7”. На стенде висит расписание занятий для всех классов. В школах будущего не десять, а четырнадцать классов. Начинают учиться в 5 лет, а в 18, получая аттестат зрелости, юноша или девушка Энска имеют не только общеобразовательную подготовку, но и обладают также одной из массовых профессий — наладчика цеха-автомата, диспетчера телеуправляемого нефтепромысла, оператора атомной электростанции и т. д.

Много различных производственных мастерских в школе. И все они напоминают цеха настоящих заводов, разве

что продукцию выпускают здесь совсем юные, небольшого роста рабочие и работницы — это ученики, которые готовятся к большой и интересной трудовой жизни.

Мимо участка, засаженного садами и огородами, где ученики изучают биологию и сельское хозяйство, пройдем в учебный корпус. Там много света и чистого воздуха. Все школьные помещения обслуживаются автоматическими установками искусственного климата. Они обеспечивают в классах, кабинетах, залах нормальную температуру и влажность, независимо от времени года. Каждый ученик имеет отдельную парту особой конструкции, которая позволяет изменять высоту стола. Ежемесячно школьный врач регулирует парту. Ведь растущий организм ребенка легко покалечить мебелью, которая не соответствует его росту.

В каждом классе и кабинете можно увидеть кино- и телевизионную установки. Эта привычная для учителей и учеников конца XX века аппаратура широко используется в учебном процессе. Сколько чудесных тайн природы во всем своем величии раскрывается перед глазами мальчиков и девочек! Немало сделал человек, но впереди еще много интересного и неизведанного!

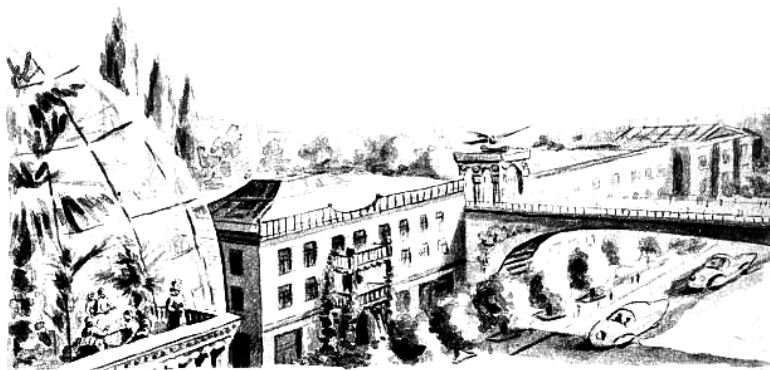
Вы, наверное, обратили внимание на небольшие лампы из полупрозрачного синеватого стекла, вспыхивают каждый раз, когда мы входим в то или иное школьное помещение. Это молчаливые стражи здоровья. Свет этих лампочек несет смерть бактериям. Наша одежда, обувь, наконец, наша кожа в результате действия этих лучей становятся стерильными. Вот одна из причин того, что инфекционные заболевания среди школьников стали такими редкими, что неутомимый врач, которого мы уже неоднократно встречали в разных корпусах школы, хорошо помнит фамилию каждого, кто за последние годы болел. Это и неудивительно: таких неудачников среди нескольких тысяч школьников всего два-три.

Дворец спорта. Настоящий дворец, хоть не видно ни тяжелых колонн, ни излишних башен и шпилей. В огромных залах, которые напоминают оранжереи пятидесятых годов

XX столетия (стены, потолок сделаны из стекла), стоят разнообразные спортивные снаряды. Специальный зал предназначен для игр в хоккей и соревнований на коньках. Пол его, естественно, представляет собой прозрачный лед, хоть на дворе и весна в разгаре. В другом зале в голубом бассейне группа парней и девушек играет в водное поло, а чуть дальше с ажурных вышек прыгают в воду любители этого красивого вида спорта...

Теперь зайдем в общежития. Просторные, высокие комнаты. Удивительная чистота. Удобная красивая мебель. Там, где живут учащиеся младших классов, — много игрушек, детских книг в разноцветных обложках. В помещениях, где живут дети среднего возраста, бросаются в глаза различные самодельные модели — краны, космические корабли, атомные электростанции. У школьников старшего возраста — они живут по двое в комнате — на столах кино- и фотоаппараты, приемники, много книг на полках, мольберты для рисования...

В. БЕЗОРУДЬКО

ПАССАЖИРЫ С «КОМЕТЫ»

Фантастическая юмореска

Перевод В. Тимошенко-Пастраки

Гоморський

Белокрылый самолет-такси «Комета» несется в ночных просторах стратосферы. В одной из комфортабельных кабин за удобным столиком сидят элегантная женщина в голубом платье и мужчина средних лет в сером спортивном костюме.

За прозрачными стенками самолета ясное новогоднее небо. Напротив старой Луны, на которой Каин держит Авеля на старинном сельскохозяйственном инвентаре — вилах, сияет другая — маленькая, чистая, светлая. А неподалеку от нее движется спутник-база. К ней причаливают космические корабли, прежде чем лететь в бесконечные дали Галактики.

Бесшумные атомные турбины несут «Комету» на восток. В кабине тишина. Пассажиры еще не произнесли ни слова.

Сквозь стенки самолета женщина рассматривает фантастической красоты облака, что иногда плывут там, внизу. На ее округлом лице с голубыми глазами отражается едва скрываемая грусть. Она иногда поглядывает на часы и вздыхает.

Мужчина, будто пытаясь что-то вспомнить, внимательно смотрит на женщину. Наконец, он нарушает молчание:

— Смотрю на вас, и мне кажется, что мы с вами где-то встречались. Не помните — где именно?

Женщина взглянула на незнакомца, словно изучая его продолговатое лицо с карими, веселыми глазами, и не без иронии ответила:

— Вы всегда под таким предлогом знакомитесь с женщинами, или это впервые?

— Простите, но действительно мы где-то встречались. В этом я еще больше убедился, когда услышал ваш голос. Давайте вспоминать.

Женщина взглянула на часы и вздохнула. Точно, она опоздает, и ее муж и две дочери без нее встретят Новый год. Снова грусть ложится на ее лоб, и ей совсем не хочется поддерживать разговор с этим случайным попутчиком.

— Скажите, вам не приходилось работать на Ангарстрое? — спрашивает мужчина.

— Да, я там работала, — с интересом подняла брови женщина.

— Вот видите, сразу и установили место встречи. Восемь лет назад я там устанавливал машины на комбинате. Чудесные там края...

— Подождите, но я там была двумя годами позже, — улыбнулась женщина, и теперь уже и ей показалось, что где-то, когда-то она встречалась с этими веселыми глазами и слышала этот голос.

— А на строительстве комбината под Полтавой вам не приходилось работать? Я там пять лет назад монтировал оборудование...

— Была. Только не пять лет назад, а шесть. Я инженер-строитель, и поэтому нахожусь на строительстве как раз до того времени, когда начинается монтаж оборудования, — ответила женщина.

Теперь и она была убеждена, что где-то пересекались их пути.

Муж называет еще несколько новостроек, но из дальнейших разговоров оказывается, что на них никак не могли они встретиться. Или строения не те, или в то время этот человек работал на севере, а женщина на юге.

— Назовите свою фамилию. Если и она мне ничего не напомнит, будем считать, что есть на свете ваш двойник.

Женщина, улыбаясь, называет свою фамилию, но и она ничего не говорит мужчине.

— Увы, вопрос исчерпан, — говорит он, — но я убежден: где-то мы все-таки встречались, и я разговаривал с вами. Вы живете во Владивостоке? Там ваша семья? — спрашивает мужчина.

— Да.

— А я туда лечу впервые и, как видите, при довольно грустных обстоятельствах — в новогоднюю ночь. Хотелось бы сейчас быть среди своих родных и друзей, вспоминать прошедший год. Вам не кажется, что когда человеку за сорок, то каждый Новый год он встречает с грустью?

— Наверное, да.

Стрелки часов, что вмонтированы в стенку кабины, немолимо приближаются к той точке, после которой начинается новый год.

— Если вы не возражаете — встретим Новый год здесь, на высоте десяти километров, — говорит мужчина, вытаскивая из пакета бутылку старого муската, походные бокалы и замороженные фрукты. — По старому обычаю, первую рюмку пьют за прошедший год, за прошедшее время. Я думаю, что за две минуты до Нового года мы тоже успеем это сделать. Итак, — поднимает мужчина бокал, — за прошлое, за далекую молодость. Как это мы когда-то пели:

*«Вьется дорога длинная
Здравствуй, земля целинная».*

Глаза женщины заискрились радостью. Она с восторгом глянула на мужчину, и вдруг всплеснув ладонями, воскликнула:

— Вовка! Честное комсомольское, ты! Вовка Чумаченко, бывший студент Киевского политехнического института!

Чумаченко стоит с приподнятым бокалом и веселыми глазами смотрит на женщину. Кто же она?

Женщина подхватила песню. И сразу радостная улыбка промелькнула на лице Чумаченко. Да, да, это же она. Ведь

никто тогда в их бригаде не умел так весело улыбаться, ни у кого не было такого замечательного голоса.

— Мария! Ведь ты — Мария, правда? В совхозе «Комсомольский» на казахстанских землях ты в первый год была кухаркой. Так?

— Да, Вова, действительно стряпала, и довольно-таки плохо. Помнишь, только Гриша Пуричка, который был влюблен в меня, съедал по две порции. А ты работал в первом году прицепщиком. Чудной был. Играл на гитаре, и...

— И стихи писал. А первый сноп вспомнила?

— Этого не забудешь. Мы тогда его по колосками разбирали, у меня тот колосок до сих пор хранится.

— А на второй год ты, Мария, у меня на комбайне работала.

— А помнишь, как мы целовались? Забыл? Ну вспомни — за пять дней наша бригада положила в валки четыреста гектаров пшеницы и победила всех в совхозе. Тогда мы все перецеловались.

— Точно. Вспомнил. Ты была чумазая, да и я не лучше. Работали мы по двадцать часов, а спали прямо под звездами на снопах по четыре часа в сутки.

Час ночи. «Комета» несется над облаками, а двое в кабине все еще вспоминают счастливые времена молодости, героические дни, когда комсомол покорял целину. И обоим делается немного грустно — ведь никогда не повторятся те прекрасные годы...

Когда самолет пошел на посадку, Владимир Чумаченко сорвал первый лист календаря. Под ним была надпись: «1 января 1979 года».

ВЛ. НЕМЦОВ

СА-1

В. НЕМЦОВ

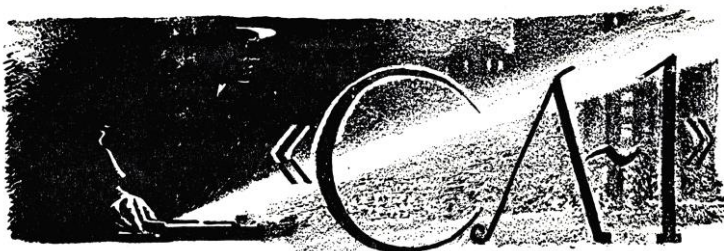
«СЛ – 1»

Научно-фантастическая повесть

(Журнальный вариант)

Художник Г. Балашев

Журнал «Знание-Сила», №№ 1-5, 1947 г.

Вл. НЕМЦОВ

(Научно-фантастическая повесть)

Рисунки Г. БАЛАШЕВА

ПРОЗРАЧНЫЙ хрустальный шар мерцает в полутьме. Если поднести его к глазам, то можно увидеть тонкий синий луч, дрожащий в толще хрусталя. Он движется, как стрелка компаса, и указывает дорогу...

Не помню, где я слышал эту сказку, но в обрывках случайных воспоминаний я вижу человека в расшитом золотом платье: он идет по лесу и смотрит на синий луч, который ведет его в пещеру стоголавого дракона, где томится в плену похищенная красавица.

В этой сказке меня больше всего поразила способность синего луча, запертого в хрустальном шаре, указывать клады, отыскивать живую и мертвую воду, приводить путника к скрытому в темной чаще заколдованному цветку.

Люди со снисходительным интересом слушают старую сказку. Они не верят в действительность, похожую на нее. Поэтому, рассказывая о своих приключениях на Северном Урале, я не удивился, что мои слушатели вначале относились ко мне с недоверием.

И действительно, как поверить в то, что синий луч из старой сказки вдруг очутился на испытательном полигоне Института новых проблем!

* * *

Я стоял, прислонившись к стволу дуба, и наблюдал, как на лесной поляне трое взрослых играли в какую-то странную игру.

На лесной поляне трое взрослых играли в какую-то странную игру.

Заслуженный инженер-изобретатель Андрей Ярцев, давно уже вышедший из детского возраста, стоял лицом к дереву, закрыв глаза рукавом: так дети играли в прятки. Казалось, он ожидал, когда звонкий голос спрятавшегося сверстника крикнет: «Готово!».

Два других инженера, которых он называл просто по именам: Сандро и Валя, — перебегали с места на место по полянке и прятали какую-то вещь в редкой и низкой весенней траве.

— Готово! — звонко крикнула Валя.

Андрей повернулся, щурясь от яркого солнечного света, огляделся кругом, затем взял в руки небольшой чемоданчик и пошел искать спрятанный предмет.

Он медленно брел по лужайке, потом быстро нагнулся и передал найденную вещь Вале. Я подождал еще немного и вышел на поляну с другой стороны.

Первая удача, видимо, ободрила моих друзей. Они были так заняты своими опытами, что почти совсем не обратили внимания на мое появление.

Андрей в голубом комбинезоне, из-под которого вылезали ослепительно белые рукава и отложной воротник шелковой рубашки, походил на фокусника, демонстрирующего какой-то эффектный и сложный номер. Тонкие лучи утреннего солнца, пробивающиеся сквозь листву, расцвечивали его скромный наряд золотыми блестками.

Резким движением он взял аппарат и приподнял его над землей. По бокам чемодана блестели никелированные пластинки с черными дырочками. Андрей откинул крышку, под которой находилось темное стекло, и повернул выключатель. Послышалось тонкое гудение мотора, похожее на шум вентилятора. Зажглась контрольная лампочка, по стеклу забегал яркий синий луч.

— Итак, продолжаем, — сказал Андрей, обращаясь к Вале. — Заказывай, что сейчас искать. Посмотрив свой гросбух.

Валя улыбнулась, легким движением поправила непослушные светлые волосы и спросила:

— На какую букву?

— На любую, — ответил Андрей, отходя с аппаратом в сторону.

Валя закрыла глаза и распахнула алфавитную книгу.

Открылась страница, где в странном порядке были выписаны слова, начинавшиеся на букву «с»: сено, сера, сухарь, судак, слива...

— Какая строка? — еще раз спросила Валя.

— Семнадцатая сверху, — наугад сказал Андрей. — Ну, что там?

— Сосна!

— Прекрасно. Лес здесь лиственный. Пусть-ка наш прибор найдет сосну, — обрадовался Андрей. — Какой у нее индекс?

— ЗД-644, — прочитала Валя.

Андрей повернул два переключателя на аппарате, установил ручку шкалы на деление № 644 и осторожно стал

вращать верньер, как у радиоприемника, следя за лучом на темном экране.

Луч медленно вытягивался на фосфоресцирующем экране, постепенно отклоняясь вправо. Андрей поворачивал чемодан до тех пор, пока луч не перестал расти.

— Вот направление! — воскликнул он.

— Прямо на юг, — пояснил я, вмешиваясь в разговор.

Мне надоела роль безмолвного зрителя.

— Что же вы начали испытание без меня? Ну, посмотрим, что покажет наш своеобразный пеленгатор.

Мы углубились в лес. Деревья только что распустились, и сквозь их бледную зелень просвечивали белые пятна взбитых, как мыльная пена, облаков.

Андрей быстро шел вперед, лавируя между деревьями. Наконец он замедлил шаги, повернул чемодан, не спуская глаз с его экрана, на несколько градусов вправо и остановился.

— Здесь...

Мы одновременно подняли головы и увидели над собой на фоне голубого неба тонкие зеленые иглы, а затем уже мы обнаружили скрытый в кустах орешника лилово-розовый ствол сосны.

— Без ошибки, — рассмеялся Сандро.

— Ну нет, это еще не все, — не соглашался я. — Нам случайно повезло. Найти в лесу дерево — не хитрость. Уж если мы решили провести сегодня первые полевые испытания нашего прибора, то будем испытывать его как следует. Надо искать то, чего в лесу обычно не бывает...

— Хорошо, — согласился Андрей. — Теперь заказывай ты. Где книга индексов?

— У меня, — отозвалась Валя. — Кстати ты знаешь, — в ней уже записано девятьсот сорок названий предметов, которые мы можем искать нашим аппаратом.

— Представим себе, — начал я, оглядываясь по сторонам, — что мы получили задание найти каучуконосное растение...

— Есть такое в нашей книге, — обрадовалась Валя.

— Хондрилла...

— Ну, это частный случай. А есть ли у тебя резина, каучук?

— Индекс ВГ-342, — нашла Валя, посмотрев в книгу.

Я уже предвкушал, как мы сейчас подойдем с аппаратом к моему прорезиненному плащу, который я нарочно спрятал в кустах. Но аппарат повел нас совсем в другую сторону.

— Мне почему-то кажется, что ты неправильно идешь, Андрей, — говорил я. — Посмотри внимательнее на экран: может быть, нужно взять правее?

— Синий луч знает, за него не беспокойтесь! — ответил вместо него Сандро. — Замечательный аппарат! — продолжал он восторженно. — Помните, как экспедиции искали каучуконосные растения всюду, пока не нашли кок-сагыз на отрогах Тянь-Шаня? На это ушли многие годы. Как бы им помог наш аппарат!

— Особенно если бы он стал искать каучук в автомобильных шинах, — сказал Андрей, подходя к грузовому автомобилю, стоявшему на дороге.

Из кабины выглядывал шофер. Он очень обрадовался, увидев группу людей, выходивших из леса.

— Как проехать в Ивановово? — спросил он Андрея, подошедшего к кабине.

Тот подробно рассказал, и «индекс ВГ-342», благодарно прогудев клаксоном, скрылся за поворотом.

— Ну что ж, — сказал я Андрею, — прибор не виноват. Попробуем теперь полезные ископаемые. Скажем, нефть. Включая все ее продукты: керосин, газолин, парафин...

— Опять придем к автомобилю, — проворчал Андрей, включая аппарат.

Загудел моторчик, замигала лампочка.

— «Нефть и ее продукты» — КР-848, — сказал Сандро, смотря в алфавитную книгу через плечо Вали.

Я установил индекс и взглянул на экран прибора.

Вначале синий лучик был еле заметен и стоял на месте; потом понемногу начал расти, одновременно отклоняясь вправо. Сандро взял под руку Валью и сказал:

— Ну вот, сейчас мы откроем «Третье Баку».

Андрей, схватив аппарат, быстро двинулся вперед. Мы, как и в прошлых опытах, следовали за ним. Под ногами лежал мягкий ковер из прошлогодних листьев, сквозь которые пробивались тонкие иглы молодой травы. Никаких признаков нефти или ее продуктов не было.

Когда мы вышли на опушку леса, Андрей остановился около куста, где я спрятал свой плащ. Я был смущен. На этот раз прибор явно ошибся.

Сандро раздвинул ветви и достал злополучный плащ.

— Твой, кажется? — спросил он меня.

Что же я мог ответить? Разочарованно смотрели мы, как синий луч на экране прибора упрямо показывал на плащ, который Сандро держал в руках.

Андрей с озабоченным видом приподнял крышку аппарата и начал в нем что-то ковырять. Сандро опустился на землю, сорвал желтый цветок одуванчика и с еле скрываемой злостью стал грызть его горький стебель.

— Может быть, перепутан индекс? — робко спросила Валя.

— Все правильно, — вздохнул Сандро, доставая портсигар и протягивая его мне и Андрею.

Я машинально полез в карман, все еще не отрывая глаз от экрана аппарата. Зажигалки не было. Где же она?

— Посмотри, нет ли зажигалки в кармане плаща, — мрачно заметил я, думая о досадной неудаче в наших первых испытаниях.

Вдруг синий луч на экране прибора сразу подскочил до края рамки. Я взглянул на Сандро. Тот протягивал мне огонек зажигалки.

— Вот она, нефть. В зажигалке бензин! — торжествующе закричала Валя.

— Возможно, это — совпадение, — осторожно заметил Андрей.

— Проверим, — сказал я и, потушив зажигалку, бросил ее далеко от себя. Она блеснула на солнце и упала в высокую осоку высохшего болота.

*Валя подняла над головой
зажигалку.*

— Однако! — проворчал Сандро. — Это же мой подарок. Ты что, забыл?

— Не беспокойся: она сейчас найдется, — сказала Валя.

Валя взяла чемодан, установила направление по лучу, вошла в заросли осоки, нагнулась и молча подняла над головой зажигалку.

— Это все-таки игра, — сказал я. — Нужны более серьезные испытания аппаратов.

Андрей нагнулся к чемодану и повернул выключатель. Легкое жужжание сразу прекратилось.

— Пожалуйста! — воскликнул Сандро. — Какие хочешь испытания. Я верю в «Синий луч»! — и он любовно взглянул на крышку прибора, где блестили буквы «СЛ-1».

ЗАБЫТОЕ ЧУВСТВО

В окна врывались косые солнечные лучи; они вычерчивали на паркете светящиеся прямоугольники. Я сидел в кресле у окна и думал о своем докладе.

Это было совершенно необычное собрание. В кабинете директора Института новых проблем профессора Чернихова встретились представители различных наук: физики, химики, биологи, инженеры-радисты, инженеры-светотехники, конструкторы и даже врачи.

В углу на диване сидели мои друзья — Андрей, Валя и Сандро — и безуспешно старались сделать вид, что они несколько не волнуются. Ничего особенного. Сегодня совсем обычный день...

Когда я подошел к столу профессора, и внимательно посмотрел на слушателей, то прочел на их лицах только одно выражение — самое главное, заслонявшее все остальное: это нескрываемое любопытство. О «Синем луче» ходило уже много легенд. Сегодня мне предстояло сделать о нем первое сообщение.

— Я не буду говорить о значении геологической разведки для народного хозяйства, — начал я. — В планах наших

пятилеток она играет огромную роль. Есть много способов разведки ископаемых, — продолжал я спокойным и ровным голосом, словно привык каждый день докладывать о своих изобретениях. — Железные руды обнаруживаются по их магнитным свойствам с помощью приборов, в принципе похожих на компас. Другие металлы находят методом электро- и радиоразведки. Пласты каменной соли и озера нефти, залегающие глубоко под землей, исследуют сейсмическим путем, устраивая искусственные землетрясения. Я имею смелость доложить настоящему собранию, что нашим коллективом найден новый универсальный способ разведки, который позволяет обнаруживать многие химические элементы на расстоянии нескольких сот метров.

Среди слушателей возникло легкое движение. Лицо профессора Чернихова ничего не выражало, кроме спокойного внимания. Зато его сосед, с белой квадратной бородой и длинными седыми волосами, беспокойно ерзал на месте, как бы порываясь задать вопрос.

— Наш аппарат обнаруживает не только химические элементы, — продолжал я, — но и многие их соединения, в том числе наиболее сложные, входящие в состав организмов животных...

Снова оживление в аудитории.

— ...растений, насекомых... — продолжал я, но сдержанный шум не умолкал.

Я на минуту замолчал. «Удастся ли мне так убедительно рассказать о сущности нашего изобретения, чтобы все поверили?» — подумал я и, как бы негодуя на себя за минутную слабость, сразу ринулся в атаку:

— Действительно, на первый взгляд мое заявление может показаться абсурдным, но разрешите продолжать. Современная наука настолько близко связала отдельные отрасли знаний, что очень трудно определить, где проходит граница между физикой и химией, химией и биологией. Наш метод лежит как бы на стыке этих наук и суммирует их достижения в определенной области. На чем же основан принцип действия нашего прибора?

Я посмотрел на профессора с квадратной бородой. Он приложил руку к уху и, казалось, боялся пропустить хоть одно слово.

— Пожалуй, я могу несколько разочаровать вас, если сообщу, что в нашем новом приборе мы используем явления, которые известны человеку многие тысячелетия. Я говорю о забытом чувстве, которое человечество не может никак усовершенствовать, потому что оно его слишком мало знает...

Для того чтобы улучшить зрение, люди изобрели очки, микроскопы, телескопы. Они дали возможность глазу видеть сквозь дерево, камень и тело человека.

Чтобы лучше слышать, человек выдумал радио и улавливает теперь голос за тысячи километров. Он изобрел чувствительные микрофоны и усилители. С ними он слышит все... Даже как растет трава. Он создал звукозапись, чтобы услышать то, что сказано вчера.

Человек построил термометры, показывающие сотые доли градусов, пирометры для измерения температур в печах, где плавится сталь; он выдумал специальные индикаторы — аппараты, определяющие шероховатость поверхностей, для того чтобы усовершенствовать чувство осязания.

Мы с каждым годом совершенствуем наши чувства. Зрение становится все острее, слух тоньше, осязание чувствительнее.

Но кто скажет, что мы стали сильнее чувствовать запах или вкус?

Почему такое пренебрежение к этим двум человеческим чувствам?

Правда, человек развивает и свой вкус, хотя здесь на помощь ему не пришли еще никакие приборы. Опытный дегустатор по глотку вина, отпитуемому из бутылки без этикетки, уверенно определяет тип вина, может назвать сорт винограда, из которого оно сделано, и даже указать местность, где этот виноград рос. Это — настоящее искусство.

А что скажете вы о чувстве запаха? Оно в таком пренебрежении! Но разве это чувство не нужно человеку? Зачем

же отказываться от еще одного вида оружия для борьбы человека с природой?

Мы удивительно беспомощны там, где дело касается обоняния. Здесь нас можно уподобить разве только курице.

В зале раздался смех. Я поднял руку.

— Прошу простить мне не совсем обычную для научного доклада манеру выражаться, но в данном случае я пользуюсь точной терминологией: да, именно, как птица, мы чувствуем запах, и в этом отношении далеко отстаем от многих животных, которые имеют весьма совершенное чувство обоняния. Только птицы, обезьяны и лягушки имеют такое же слабое обоняние, как человек.

Каким недостижимым совершенством кажется для нас, например, чутье собаки. Мы с завистью говорим: «Он имеет собачий нюх».

Мы так мало придаем значения обонянию, что даже не придумали названия человеку, который совсем не чувствует запаха, а таких, кстати, довольно много. Мы говорим, «слепой», «глухой», а как мы назовем человека, лишённого чувства обоняния?

Мы ничего достоверно не знаем о чувстве запаха. На этот счет существует несколько теорий. Одни ученые говорят, что мы ощущаем запах благодаря механической бомбардировке нервных клеток в нашем носу частицами пахучего вещества, легко улетающими, и благодаря этому обильно рассеянными в воздухе. Другие утверждают, что это химическая реакция между рассеянным пахучим веществом и протоплазмой нервной клетки. Нет, ничего подобного, доказывает третий ученый, — это молекула пахучего вещества воздействует на клетки особыми внутримолекулярными колебаниями, вызывая явление резонанса.

Мы практически проверили эти теории, поставили сотни экспериментов и сейчас, после трех лет работы, можем продемонстрировать новый прибор, который мы назвали «Синий луч» или «Усилитель запаха».

Я поднял с пола и поставил на письменный стол чомодан из золотистой кожи.

— Мне только что пришлось говорить, что наше обоняние несовершенно, — продолжал я, — но это, конечно, относительно. Должен сказать, что наш нос — все же весьма тонкий прибор при всех его недостатках. Например, никакими приборами химического анализа, построенными руками человека, нельзя определить одну двадцатипятимиллионную грамма пахучего вещества в литре воздуха. А между тем, эту ничтожную примесь ощущают клетки слизистой оболочки несовершенного человеческого носа.

Но нам этого кажется мало. Наш аппарат имеет неизмеримо более сильное обоняние. Усилитель запаха обладает... — я прошу извинения за не совсем научную терминологию, — он обладает... чутьем собаки, умноженным в двести раз.

— Но собаки не используются для разведки земных недр! — воскликнул кто-то с места.

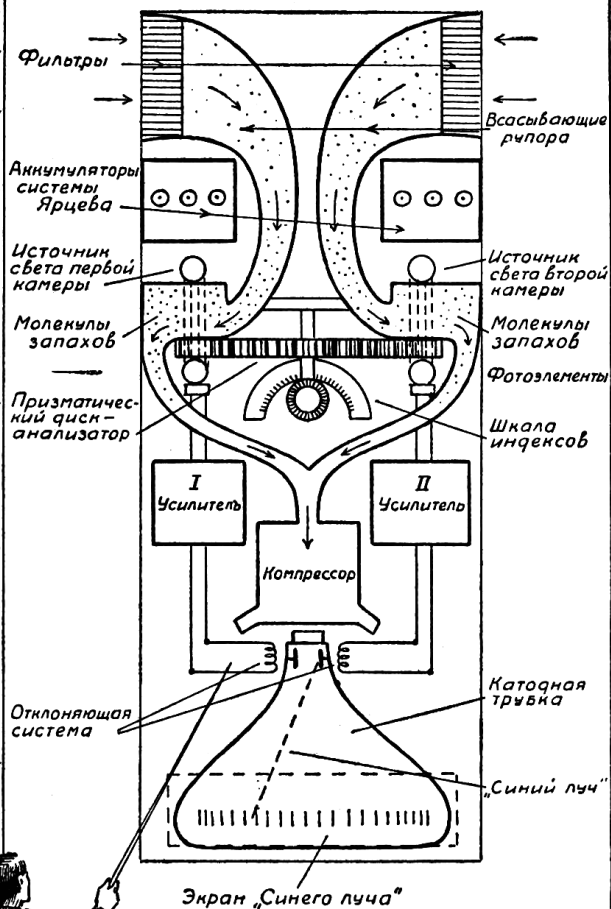
— И, тем не менее, собаки различают по запаху металлы и многие другие вещества, как настоящие химики. Вспомните, как во время минувшей войны собаки-миноискатели обнаруживали по запаху тола мины, закопанные в землю. Даже несовершенное человеческое обоняние может отличать медь от железа, мы не спутаем запах медного пяточка и запах лезвия ножа. В данном случае речь идет о запахе окислов этих металлов. С закрытыми глазами мы с вами можем различить сорта дерева, материи, строительных материалов. Вспомните, как пахнет глина, известь, мел.

Мы находимся в мире запахов, мы их не всегда замечаем, но каждый предмет, все решительно, что окружает нас, издает свой запах. Усиление запаха, способность его анализировать позволяют человеку неизмеримо расширить границы познания, по-новому почувствовать мир. Это будет новое чувство, которое не только откроет перед нами тайны земных недр, но позволит разобраться во многих, неясных еще для нас особенностях в животном и растительном царстве.

— Простите, — прервал меня Чернихов, — о перспективах потом. Вы не сказали еще самого главного — об устройстве прибора.

СКЕЛЕТНАЯ СХЕМА АППАРАТА „СЛ-1“

— К нему я перехожу. Разберем устройство прибора подробно. За этими отверстиями находятся всасывающие рупоры. Они расположены с двух сторон, — я повернул чемодан, чтобы все его видели. — Через эти рупоры компрессор засасывает воздух. Вот в этих камерах, — я открыл крышку чемодана, — воздух сжимается. Здесь собираются все запахи, приходящие с тех направлений, куда обращены рупоры аппарата.

Сквозь эти две камеры пробегает тонкие лучи света и падают на фотоэлементы, которые расположены сзади камер.

Теперь самое главное: известно, что учеными открыта способность молекул различных веществ поглощать часть ультрафиолетовых лучей светового спектра. Такой же способностью обладают и рассеянные в воздухе молекулы — это и есть то, что мы называем запахом. Установлено, что молекулы каждого вещества поглощают световые волны определенной длины. Вот на этом-то принципе и основано действие селектора той части прибора, которая из множества запахов, окружающих нас, отбирает только один — искомый.

Смотрите: я поворачиваю ручку шкалы, одновременно с ней повернулась сложная конструкция, состоящая из сотен миниатюрных призмочек, расположенных по кругу. При повороте ручки то одна, то другая призмочка пересекает световые лучи, направленные на фотоэлементы.

В отделе оптики нашего института доктором технических наук Голубевым разработаны, я бы сказал, совершеннонеобыкновенные стекла. Ему удалось сделать такие призмы, которые пропускают из всего светового спектра только ничтожную, но строго определенную его часть. Каждая такая призмочка пропускает узкий пучок света одной какой-нибудь длины волны, которая поглощается тем или иным определенным запахом. Предположим, я ставлю ручку шкалы на индекс КР-848, что соответствует нефти. Теперь сквозь камеры прибора проходит только тот луч света, который поглощается именно ее запахом. И вот если в одной из этих камер среди сотен других создающих запахи

молекул будут находиться молекулы нефти, то свет от лампочки поглотится. Следовательно, через фотоэлемент пойдет ослабленный ток.

Эти ничтожные изменения тока усиливаются в миллионы раз многоламповыми радиоусилителями и подаются на отклоняющую систему катодной трубки, на экране которой и появляется синий лучик. Ток, который проходит от правого усилителя, от правого рупора прибора, отклоняет светящийся луч на экране вправо, а от левого усилителя — влево. И если запах приходит справа, то и луч будет указывать в эту сторону.

Всасывающие рупоры направлены несколько книзу, поэтому аппарат хорошо чувствует следы запахов на земле. Это обеспечивает нужную направленность действия прибора при поисках, например, полезных ископаемых. Я думаю, что вам ясно, почему от сильного запаха луч на экране увеличивается по длине. В катодной трубке, напоминающей известную всем телевизионную, луч растет от напряжения, которое подается от усилителя.

Я говорил еще долго, чертил схемы, приводил формулы. Но я не мог сказать всего. Невольно на память приходили отдельные моменты нашей совместной работы, в которой успехи, увы, слишком часто сменялись разочарованиями. Наш маленький коллектив работал дружно и упорно. Андрей с присущей ему настойчивостью проделывал вместе со своей помощницей Валей опыт за опытом над молекулами всех веществ, которые только попадались ему на глаза. В результате был составлен целый «гросбух» физических свойств молекул нескольких сот веществ. Мне принадлежала идея селектора. Голубев, не участвовавший непосредственно в наших работах, изготовил, по нашей просьбе, свои чудесные призмочки, а Сандро проявлял свое исключительное мастерство конструктора, чтобы уместить сложный по устройству прибор в портативном чемоданчике... Но разве расскажешь все это в кратком научном докладе!

Заканчивая свое сообщение, я спешил, поглядывая то и дело на часы. Отведенные мне полчаса истекали.

И вот, наконец, все. Пауза. Первый вопрос:

— Существующие уже приборы легко обнаруживают металл на глубине сотен метров. Что нового дает здесь ваш аппарат?

Это, конечно, спрашивает геолог.

— Вы проверяли ваш аппарат на поисках ископаемых? — уточняет профессор с квадратной бородой.

Я смущен. Можно ли наш «опыт» с зажигалкой считать за поиски полезных ископаемых? Может быть, и на самом деле мы слишком поторопились с сообщением о нашем изобретении! Много же ведь требует еще проверки...

— Если бы вы мне сказали, что вы изобрели прибор, который может найти иголку в песке морском, — откровенно усомнился невысокий старичок в аккуратном коричневом пиджаке — «Магнитолог?», подумал я, — то я поверил бы. Это можно сделать хотя бы миноискателем высокой чувствительности. Но когда мне показывают прибор, который может отыскать арбуз, зарытый в песке, я, извините, не верю. Где доказательства?

Не буду перечислять других вопросов. Их было много.

Чувствовалось, что многие глубоко заинтересовались идеей нового прибора, но и эти наши сторонники требовали данных о его работе, и притом, совершенно конкретных.

Наши испытания на поляне в лесу показали мне и вправду детской игрой по сравнению с теми серьезными требованиями, которые — совершенно резонно, должен был я признать, — предъявляли к нам и к нашему аппарату сотрудники института, собравшиеся в кабинете директора.

Последним взял слово высокий человек в светло-сером костюме. Он говорил сдержанно, деловым тоном:

— Я представитель Института редких металлов, — сказал он, — и на этот удивительный доклад попал случайно. Доклад меня чрезвычайно заинтересовал. В прошлом году экспедиция, посланная нами на Урал, обнаружила в одном районе следы рубидия, но точно не смогла установить, есть ли там месторождение, пригодное для эксплуатации. Насколько я понял докладчика, предлагаемый товарищами

метод позволяет вести разведку даже там, где встречаются микроскопические вкрапления редких металлов.

У меня есть практическое предложение: не желаете ли вы испытать свой аппарат именно в этом районе? Если вы действительно найдете месторождения рубидия, то тем самым будет доказана возможность практического использования разработанного вами «усилителя запаха». Это будет тем более ценно, что все обычные методы разведки в этом районе не дали желательных результатов.

— Мы не отказываемся от подобной практической проверки, — проговорил я вставая, — но я должен сказать, что область применения нашего аппарата гораздо шире...

— Об этом поговорим потом, — перебил меня Черников. — Я думаю, что ваше предложение, — он повернулся к представителю Института редких металлов, — весьма полезно. Оно сразу разрешит многие споры. Что скажут нам на это инженер Петров и его товарищи? Согласны на подобные испытания?

Он вопросительно посмотрел на меня.

Я взглянул на Андрея, Сандро и Валю, сидевших на диване и не спускавших с меня глаз, и утвердительно кивнул головой.

НЕОЖИДАННОЕ ПОСЕЩЕНИЕ

Утро на Каме.

Розовое небо отражалось в воде. Оранжевым светом горели верхушки сосен.

Белыми известняковыми террасами спускался к реке высокий берег, похожий на огромную лестницу, по которой когда-то шагали великаны.

За поворотом реки поднимался молочно-розовый утренний туман, сквозь который едва виднелся высокий мост.

Вот уже две недели, как мы ездим со своими двумя аппаратами по району, где были обнаружены следы редкого металла — рубидия. Скоро приедет комиссия для заключения о практической пригодности нашего аппарата, но нам

нечего будет ей сказать. Мы не нашли ни одного месторождения.

Мы приехали втроем — я, Андрей и Сандро. Валя осталась присматривать за изготовлением нового аппарата повышенной чувствительности. Она приедет вместе с комиссией. Но поможет ли нам еще один аппарат, даже более совершенный?

Я бросил камень в воду и медленно побрел к палатке. Навстречу мне вышли Андрей и Сандро; они были с полотенцами, видимо, решили искупаться. Шофер готовил машину к отъезду. Он лежал на спине под машиной, высунув оттуда ноги в огромных ослепительно желтых ботинках.

Андрей остановился на минуту у машины и концом полотенца провел по никелю радиатора. На белом полотне отпечаталось рыжее пятно. Андрей досадливо поморщился и, обращаясь к шоферу, проговорил:

— Вот что, молодец! У тебя в гараже всегда в таком состоянии машина была?

Тот с недовольным видом вылез из-под машины.

— Опять радиатор поржавел, — проворчал он. — Сырость здесь большая. Каждый день вытираю. От реки, что ли?

Шофер с недовольным видом вылез из-под машины.

Парень вертел в руках тряпку, покрытую грязными, бурыми, пятнами.

— Не могу спокойно видеть ржавчину; — сказал Андрей, обращаясь ко мне и Сандро. — Подумайте только: сколько нужно затратить труда, чтобы превратить бесформенный кусок руды в этот блестящий радиатор. И вот, если не принимать мер к сохранению металла, то этот радиатор через некоторое время превратится в рыжий порошок.

— Ты преувеличиваешь, — возразил я. — Человек с успехом борется с упрямством природы. Он придумал различные способы предохранения металла от окисления; тут и хромирование, и кадмирование, и никелирование, и оцинковка, и окраска специальными красками и лаками.

— Однако, несмотря на все эти: способы защиты металла, человечество ежегодно теряет половину всего добываемого железа из-за рыжей проказы — ржавчины. Сколько труда пропадает даром! И все почему? Я уверен, что, по крайней мере, половина уничтожаемого ржавчиной железа пропадает именно потому, что мы еще не научились его ценить, как золото.

— Да, да, железо, сталь, чугун — это драгоценность, — подчеркнул он, поймав недоумевающий взгляд шофера. — Это наша сила. Вы помните, в первую послевоенную пятилетку перед нашей страной была поставлена задача достигнуть выплавки двадцати пяти миллионов тонн стали в год. А сейчас требуется шестьдесят. Чугун, сталь — ведь это наравне с углем первые показатели, определяющие наше хозяйство и его оборонную мощь, — Андрей пристально взглянул в глаза шоферу и добавил: — И вот эта ржавчина на радиаторе, и вон те ржавые болты на колесах — все это непоправимые потери в нашем хозяйстве.

— Когда я иду по улице, — продолжал он, — и вижу проржавевшую водосточную трубу, мне самому хочется взять ведро с краской и густо закрасить выступающую изпод краски рыжую проказу... И я мечтаю иногда найти какой-нибудь совершенно новый способ предохранения металлов от ржавчины, более надежный, чем все существую-

щие. Вот благодарная работа для исследователя. Сколько металла можно спасти...

Андрей на мгновение задумался, потом встряхнул головой и, перекинув полотенце через плечо, быстро зашагал к реке.

Я забрался в палатку, лег на разостланную на земле кошму и стал бесцельно смотреть на туго натянутое полотно, просвечивающее желтоватым светом. На этом фоне, как на экране кино, проносились силуэты птиц и стрекоз, трепетали темные очертания веток.

Я видел, как постепенно убывала вода в стакане.

Вот показался на мгновение профиль нашего шофера — и сразу же застрекотал мотор, как своеобразная звуковая иллюстрация. Послышались неразборчивые голоса, как это

бывает иногда в плохом кино, и на экран выплыл женский профиль. Я не разобрал его характерных особенностей, потому что нижняя часть лица была закрыта силуэтом стакана, просвечивающим в солнечных лучах. Я видел, как постепенно убывала в нем вода. Потом мелькнуло в воздухе красное пятно прозрачного шелкового платочка. Она вытирала им рот... Затем все исчезло. Снова застрекотал мотор, и по экрану пронесся мотоцикл с силуэтом незнакомки в комбинезоне.

Несколько минут экран был пуст. Потом на нем появилось новое лицо — тоже мне незнакомое. Человек в огромной шляпе вытащил из кармана пробирку, посмотрел ее на свет, затем осторожно спрятал в карман.

— Могу я видеть начальника экспедиции? — сказал незнакомец рокочущим басом.

— Пожалуйте в палатку, — ответил голос шофера.

Я приподнялся на локте. Согнувшись, в палатку вошел человек в широченной соломенной шляпе, какие носят иной раз курортники. Просторный белый костюм подчеркивал его огромный рост и ширину плеч.

— Разрешите быть знакомым, — зарокотал он. — Омегин — ваш сосед, Я сетую на свою фамилию: каждая девчонка на почте обязательно переврет и напишет «Онегин». А на самом деле моя фамилия — Омегин. Видимо, назван в честь последней буквы греческого алфа-вита. Как говорится, «от альфы до омеги».

Я предложил ему сесть.

— Благодарствую, — сказал он, деловито размещая свое огромное тело на походном табурете у входа в палатку, — слышались мы о вас и ваших чудесных аппаратах. Слухом, как говорится, земля полнится. Но я, как ни привык к успехам советской науки, все-таки не могу поверить, что такие аппараты существуют. Даже не могу себе представить, на каком принципе можно такую штуку соорудить, — он выжидательно помолчал и, не получив ответа, продолжал: — Ну, как успехи? Чай, всякие органические и неорганические ископаемые в земле находите?

В палатку вошел Омегин.

— Мы больше металлом занимаемся, — ответил я. — Ищем рублий, да безрезультатно, а вчера вот на этом самом месте огромный пласт железа обнаружили, и как будто неглубоко под землей лежит. Надо будет сегодня поехать в город, дать телеграмму. Наверно, пришлют сюда изыскательную партию для пробного бурения.

— Опять железо, опять медь, теперь еще рублий, — пожал плечами гость. — Все силы брошены для того, чтобы искать металлы. А другие материалы забывают. Надо смотреть вперед!

Я удивленно посмотрел на него:

— Металл — самый прочный материал. Понятно поэтому широкое его применение: мы им пользуемся на каждом шагу.

— Вот именно, на каждом шагу, — кивнул он. — Это оттого, что мы с вами не умеем хозяйничать. Только ли металлы являются тем универсальным материалом, из которого можно делать тысячи нужных нам вещей? Пора понять, что на смену давно ушедшему бронзовому веку и последовавшему за ним железному веку наступает новый век...

В этот момент у входа в палатку показались Андрей и Сандро. Они только что выкупались, и на их мокрых волосах, как мельчайшие бриллиантики, горели капельки воды.

Омегин не заметил их, так как сидел спиной к входу, и, продолжая размахивать руками, говорил:

— Настал уже век... — он поднял палец кверху и торжественно произнес: — век пластических масс.

И он с неожиданной страстью вдруг стал убеждать меня:

— Еще десять или двадцать лет тому назад пластмассы были испытаны в самых ответственных деталях машин — делались шестеренки из пластмасс, даже фюзеляжи самолетов. Сейчас уже всюду, где только нужен дешевый, легкий и прозрачный материал, применяются пластические массы. Зачем же вы обращаетесь все к железу?

— Ну, а пушки или металлорежущие станки можно делать из пластмассы?

— Конечно, нет. Во многих случаях металл незаменим, я этого не отрицаю. Но если металл нужен для определенной цели, давайте его для этой только цели и использовать, будем беречь его. Но зачем же, скажите, пожалуйста, нужно человеку совать в рот ложку из нержавеющей стали, когда имеется великолепная пластмасса, прочная и красивая, как слоновая кость? — он вопросительно посмотрел на меня и добавил: — Вот приходите ко мне, здесь неподалеку находится моя резиденция — опытная станция Главхимпрома. Там вы увидите, как можно обойтись в жизни без металла.

Из-за его широкой спины я видел удивленные лица Андрея и Сандро. Мои друзья пожимали плечами.

— Знаете что, дорогой коллега, — говорил между тем Омегин, — будьте моим союзником.

— То есть противником металлов? — иронически заметил я и взглянул на Андрея. — У них и так много врагов. У железа, например, ржавчина. Только полчаса назад я прослушал на эту тему довольно убедительную лекцию моего товарища.

— Оставьте металлы! Помогите мне искать новую смолу для пластмассы, если ваши аппараты действительно могут делать чудеса, которые про них рассказывают. Горная смола совершенно нового типа залегает где-то здесь, поблизости, а я не могу ее выследить.

— Видите ли, товарищ Онегин... — осторожно начал я.

— Омегин, — мрачно поправил гость.

— Прошу извинения! Но задание нашей экспедиции согласовано с Институтом редких металлов и...

— Опять металлов, — перебил меня Омегин. — Да знаете ли вы, что можно сделать из этой смолы, которую я предлагаю вам искать!

Он вытащил из кармана оранжевый круг из незнакомого мне материала, затем горный молоток и передал их мне.

— Вот, — закричал он, — бейте, колите «хрупкую пластмассу», можете греть ее и морозить, травить кислотами и щелочами, строгать и пилить. Она не ржавеет. Она, — тут он остановился, перевел дыхание и закончил почти ше-

потом, — она вечная. Из нее можно памятники делать. Помните: «Металлов тверже он и выше пирамид». Разве это не мечта о пластмассе! Вы только попробуйте!

Я неловко стукнул молотком по кружку, царапины не было.

Не успел я положить молоток на место, как из-за спины моего гостя просунулась голая волосатая рука, взяла молоток и со всего размаха ударила им по кружку.

Омегин с изумлением смотрел на неизвестно откуда появившуюся руку.

— Сандро Беридзе, — услышал он голос за спиной, и с некоторым смущением пожал руку, протянутую теперь уже к нему.

Кряхтя и вздыхая, Омегин повернулся и увидел у входа в палатку невольных свидетелей своего горячего выступления.

— Омегин — ваш сосед, — хмуро говорил он, пожимая руку Андрею. — Значит, металл будете искать? — спрашивал он, поднимаясь во весь свой огромный рост и доставая головой верха палатки.

— Да, до тех пор, пока не выполним свою задачу, — ответил я.

— Пожалеете, — лениво, густым басом бросил Омегин, медленно выходя из палатки.

Мы с интересом рассматривали кусок пластмассы, оставленный неожиданным гостем. Он был зеркально-блестящим, легким, от удара звенел, как металл, и походил на какое-то странное небьющееся стекло. Действительно, можно было поверить, что этому материалу принадлежит большая будущность.

Снова на полотняном экране палатки показалась огромная шляпа Омегина.

— Простите, коллеги, что я вам надоедаю, а где это все-таки железо найдено, если не секрет?

— В пяти километрах отсюда, на том берегу.

— А по какой дороге идти: направо или налево?

— Направо.

— Как?! Ведь там же моя опытная станция! — с отчаянием воскликнул он, снова исчезая с желтоватого экрана.

— Вот энтузиаст, — усмехнулся Андрей. — Ненавидеть ложку только за то, что она сделана из металла, — это уж чудачество.

— А знаешь, Андрей, мне нравятся такие люди, — отозвался я, — люди, одержимые какой-нибудь технической идеей до такого своеобразного фанатизма. Я уверен: он способен разорвать в клочки рецепт врача, если тот пропишет ему железо от малокровия.

— Ну, на малокровного он не похож, — рассмеялся Сандро. — Пойду, проверю укладку багажа, пора собираться в дорогу, — добавил он, выходя из палатки.

— Ты понимаешь, Андрей, — продолжал я, — вот такие «одержимые» люди, на первый взгляд чудаковатые, мне больше нравятся, чем иные холодные ученые, которые мало задумываются над завтрашним днем. Как только представится возможность, я постараюсь ближе познакомиться с этим «одержимым», и даже готов искать его чудесную горную смолу.

— Это в твоём характере, ты всегда утверждал, что при первом знакомстве надо думать о каждом человеке как можно лучше. А потом, если он оказывается совсем не таким, как ты думал, ты удивленно спрашиваешь себя: «Как же это так получилось?»

— Да, это мой принцип. Зачем я о человеке буду скверно думать заранее? Какое я на это имею право? А мне вот кажется, что ты, Андрей, чересчур уж настороженно относишься к людям.

— Ничего не поделаешь, некоторые люди требуют проверки — я в этом убедился на опыте.

Наша беседа была прервана Сандро, который появился с трагическим выражением лица у входа в палатку и молча протянул руку, на которой лежал кусок ржавого железа.

В ПОИСКАХ НЕИЗВЕСТНОГО

ЧТО-ТО новое и неизвестное становилось на нашем пути.

Сандро принес обломок болта, покрытого кристаллическим темнокрасным налетом. Это была ржавчина странного вида, похожая на капли запекшейся крови. Я с тревогой рассматривал сломанный болт.

Как от сильного ветра, заколыхалась палатка. Вслед за Сандро вбежал шофер.

— Вот беда какая: все болты на передних колесах разъедены, — растерянно разводил он руками. — Ехать нельзя... Что за ржа такая напала? И болты-то новые — недавно менял!

Мы еще раз осмотрели обломки болта.

— Ну, что скажешь, Сандро? — спросил я.

— А что тут говорить! Ржавчина так не разъест, это кислотой какой-то особенной тронута.

В моем воображении мгновенно возник силуэт человека в огромной шляпе, рассматривающего пробирку.

«Чепуха какая, — отогнал я невольно мысль. — Не способен он на это! Впрочем, пробирка, ненависть к металлу... Да нет, не может быть!»

— Кто был около машины? — спросил я у шофера.

— Я отходил к реке. Не видел.

— А это мы сейчас узнаем, — с улыбкой, не предвещавшей ничего хорошего, проговорил Андрей.

Он взял аппарат, стоявший в углу палатки, включил и поднес к нему кусок пластмассы, оставленный Омegiным.

— Пусть понюхает!

Через минуту нам удалось определить индекс этого вещества, вернее, входящих в него примесей, оставшихся после полимеризации.

— СК-488, — сказал Андрей, с обычной своей методичностью занося формулу в тетрадь. — Сейчас проверим.

Мы вышли из палатки. Андрей низко опустил чемодан и медленно провел им по траве. Луч на экране прибора метнулся вправо.

— Ну, конечно, это направление на дорогу, — облегченно вздохнул я. — Он пришел с той стороны.

— Это я знаю, но вот и новое направление, — и он слегка повернул чемодан.

Андрей шел в ту сторону, куда указывал луч, глядя на экран, как на компас. Я следовал за ним, и из-за его плеча видел, как все больше и больше вырастает луч. Наконец, чемодан уперся в переднее колесо автомашины.

Андрей поднял валявшийся на земле обломок болта и поднес его к аппарату. Мне показалось, что луч сейчас выпрыгнет за пределы экрана — с такой силой он устремился к болту.

— Вопрос ясен: болт трогал человек, который держал в руках пластмассу. Надо искать этого «железonenавистника», — Андрей повернулся ко мне: — Вот до чего может довести научный фанатизм, если здесь не кроется более серьезное преступление. Болты могли лопнуть на полном ходу, — Андрей усмехнулся. — Нет, уж лучше думать о человеке хуже, чем он нам представляется. Так оно будет спокойнее. Могу вас поздравить еще с одним печальным разочарованием.

Я не успел ничего ответить, как подошел озабоченный-Сандро.

— Новая находка, — сказал он вполголоса, разворачивая перед нами красный шелковый платочек. — Прекрасно пахнет. Духи «Губероза», узнаю без аппарата.

Я снова вспомнил светлый экран палатки и прозрачный платочек в руках незнакомки.

Сандро опустился на колени, разглядывая на примятой траве какие-то следы. Он повернулся ко мне и взволнованно сказал:

— Здесь стояла другая машина, ее прислонили к борту нашей, поэтому она упиралась в землю только двумя колесами. Скажи пожалуйста! Зачем так?

— Фантазируешь, Сандро! Кому это понадобилось ставить машину на два колеса, — возразил я. — Это просто мотоцикл.

— Мотоцикл и был, — подтвердил шофер. — Тут барышня одна проезжала и задержалась, камеру подкачивала.

— А какая она из себя? — спросил Сандро, поднимаясь на ноги.

— А такая, — ответил шофер, — обыкновенная.

— А ну-ка, дайте аппарат, — воскликнул Сандро. — Духи «Тубероза» — это какой индекс? Посмотри, Андрей. Помнишь, Валя запахи цветов определяла. Ты тогда их все записывал в свой «гросбух».

Сандро подкрутил рукоятки прибора и стал лихорадочно ползать с ним около машины.

— Ну так и знал, — объявил он наконец, с укоризной глядя на шофера, — ваша «обыкновенная барышня» всю машину захватала своими душистыми лапками. А водитель в это время, наверное, дремал под деревом.

— А я чего, я не препятствовал, — пожал плечами шофер. — Думаю, пусть интересуется. Машина наша новой марки, Новосибирского завода, здесь ее еще не видали. А так барышня — ничего, обходительная. Все расспрашивала, зачем мы приехали, да сколько нас, да как фамилия начальника, да что делаем...

— Ну, а ты, рад стараться, — возмутился Сандро, — все рассказал?

Шофер обиделся.

— Да что вы меня за дурака, что ли, считаете? Я этих любопытных страсть как не терплю. Я ей прямо сказал, что нас семь охотников, а нашего начальника зовут Кузьмой. А она все не унимается, спрашивает, а чья, дескать, эта машина. Тут уж я ей такое сказал, что она вскочила на свой мотоцикл и мигом усакала.

— Ну, а я что говорил! — воскликнул Сандро. — Недавно какая-то историческая личность в подобных обстоятельствах сказала: «Ищите женщину».

— Постой, постой, а ты подумал, зачем случайно очутившейся здесь женщине портить нашу машину? — перебил я его.

— Вот это я и хочу у нее спросить, — возразил Сандро. — Но для этого ее нужно найти. И я это сделаю!

Я задумался. Вот как спутали сразу все наши планы и расчеты несколько ржавых болтов! Впрочем, в болтах ли только тут дело?

— Вот что, друзья, — наконец принял я решение, — мы не сможем тронуться с места, пока не будет отремонтирована машина. А за это время попробуем выяснить причины этой загадочной поломки. Обстоятельства действительно очень странные. Так оставлять этого нельзя, вы правы. Сделаем так: я, вместе с Андреем, направимся по следу «железнодорожного вора», а Сандро будет следовать совету «исторической личности» и искать женщину по этой улике — платочку с запахом «Туберозы». Кстати, нам предоставляется еще одна возможность испытать на практике наши аппараты. Только вот со средствами передвижения у нас плохо: автомобиль вышел из строя, остался один мотоцикл Андрея. Кому-то придется идти пешком.

— Я пойду, — сказал Сандро. — Это же разведка. А на фронте кто, как не Сандро, ходил в разведку. Только надо действительно скорее! Иначе я эту рассеянную девушку, которая теряет платочки, тоже потеряю.

Он взял в руки аппарат и, почти не глядя на экран, побежал по дороге к мосту.

Андрей тем временем приготовил свой мотоцикл. К его раме он пристегнул багажными ремнями второй аппарат. Мы пользовались этим нехитрым приспособлением в экспедиции для быстрых разведок.

Я вскочил на багажник. Затрещал мотор, и мотоцикл вынес нас на дорогу. Мы помчались в облаке пыли и песка.

Вдруг мотоцикл затормозил; я чуть было не перелетел через голову Андрея.

Он соскочил с седла, отстегнул аппарат. Я увидел еле заметную тропинку, мимо которой мы было проскочили. Андрей решил, очевидно, проверить, куда же, собственно говоря, нужно ехать — по тропинке или по дороге.

*Наш мотоцикл остановился около небольшой усадьбы,
обнесенной белой решетчатой изгородью.*

— Я не ошибся, — удовлетворенно заметил он после того, как обследовал развилку дорог. — «Наш сосед», вероятно, живет в том леске, куда ведет тропинка. Как он называл свою берлогу из пластмассы? «Опытная станция Главхимпрома»? Ну, ничего, мы сейчас отдадим ему визит.

— Нет, Андрей, — плохие мы с тобой разведчики, — покачал я головой. — Ты подумал о том, что мы будем говорить этому медведю? Дескать, не вы ли, товарищ Омегин, случайно оставили капельки кислоты на болтах нашей машины?

Андрей смущенно посмотрел на меня.

— Нет, надо полагать, что это делается несколько иначе...

— Все-таки как? — не унимался я. — Не искушен я в этом деле; научи, пожалуйста.

— Ну, прежде всего выясним некоторые детали путем наводящих вопросов.

— А дальше?

— Дальше видно будет. Разве можно в таких операциях составлять подробный план действий?

— Ну, смотри, как бы нам не испортить все дело. Здесь нужен народ поопытнее, чем мы с тобой.

Андрей не ответил. Мы заняли свои места на мотоцикле и помчались по тропинке. Промелькнул редкий лес.

Андрей сделал крутой разворот, и наш мотоцикл остановился около небольшой усадьбы, обнесенной белой решетчатой изгородью, вырезанной, как мне показалось, из слоновой кости.

Андрей толкнул меня в бок. Я поднял глаза и увидел прозрачную табличку, укрепленную на воротах. «Опытная станция Главхимпрома», — прочел я.

Подойдя поближе, я потрогал завитки узорчатой ограды и заметил:

— Действительно, пожалуй, из другого материала, кроме пластмассы, нельзя сделать решетку такого тонкого рисунка.

МИР БЕЗ МЕТАЛЛА

НАВСТРЕЧУ нам спешил хозяин. Он с любопытством взглянул на аппарат, который Андрей на минуту включил для того, чтобы окончательно убедиться, что мы прибыли по правильному адресу, и широким жестом пригласил нас в дом.

Мы поднимались по лестнице, сложенной, как я подумал, из прозрачного розового мрамора. Хозяин пристукнул по ступенькам каблуком.

— Вот если бы древние греки строили свои храмы не из недолговечного мрамора, а из того материала, что у вас под ногами, до нас дошли бы их архитектурные творения, не тронутые временем, — убежденно заметил он.

— Ну, еще неизвестно, что будет с вашей пластмассой через пару сотен лет, — ответил я.

— Вот для этого и выстроен этот опытный домик. Нам надо знать, как переносят новые материалы жару, холод, дожди и время. Я наблюдаю и произвожу различные опыты. Внизу у меня большая лаборатория.

— Обратите внимание на дверные петли, — продолжал Омегин, — вы, вероятно, думаете, что они железные, — смотрите: это тоже пластмасса.

В вестибюле был приятный полумрак, подчеркивавший необычайную голубизну стоявших вдоль стен прозрачных колонн. Они тянулись вверх и, повидимому, проходили сквозь крышу. Дневной свет проникал в самую их толщу, и они поэтому казались светящимися и как бы висящими в воздухе.

Прозрачная лестница вела на второй этаж. Поднимаясь вверх, мы испытывали необыкновенное ощущение: под нами была твердая, но почти невидимая опора.

Открылась дверь, темно-синяя, как ночное небо. Мне показалось, что мы входили в замок царицы ночи. Но мы вошли... в столовую.

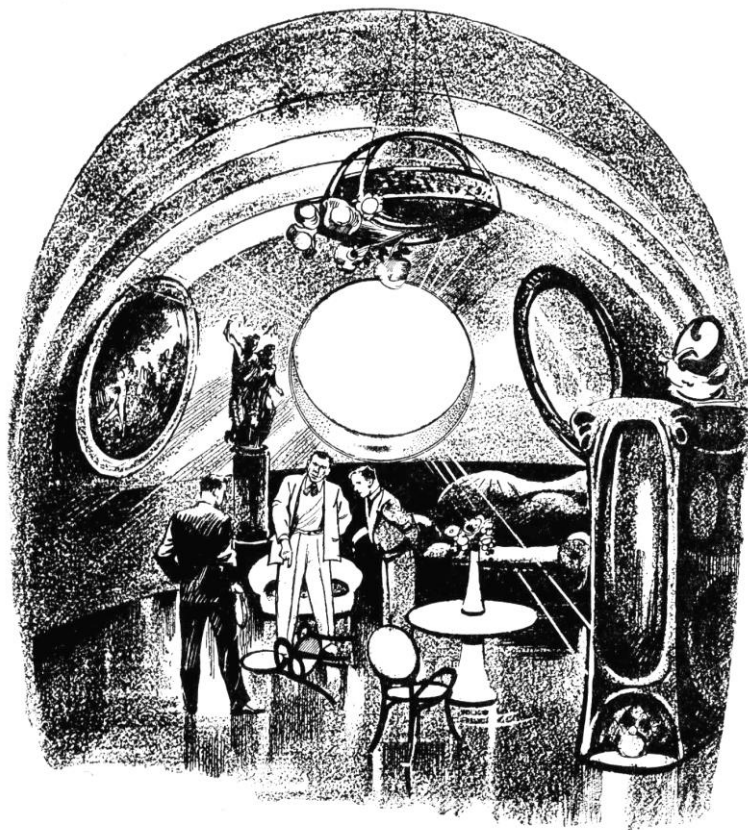
Снопы солнечного света падали сквозь прозрачную крышу. Ее огромный купол, словно стеклянным колпаком,

накрывал круглый зал. Стены тоже казались просвечивающими. В комнате не было острых углов. Глаз встречал всюду мягкие округлые линии.

Я приподнял круглый стул из белой пластмассы, он был удивительно легким.

Хозяин дома постучал по его ножке.

— Совсем недавно, — говорил он, — мы научились делать тонкие и прочные трубки из пластмассы, которые так же хорошо изгибаются, как и металл. Теперь смотрите, встречали вы когда-нибудь такую прочную мебель? — и он с размаху бросил стул на пол.

Стул подпрыгнул, но остался цел.

Стул подпрыгнул, но остался цел.

Мы осматривали диваны, кресла, какие-то тумбочки, своими очертаниями повторяющие плавные линии самой комнаты. Все они были светлыми, и в сочетании друг с другом создавали неповторимую гамму голубых, зеленоватых и кремовых тонов.

— А почему окна в виде иллюминаторов, как на корабле? — спросил я у Омегина.

— Материал определяет архитектуру. Раньше, когда строили из дерева или камня, изготовление круглого окна и рам создавало большие трудности в обработке столь прямолинейного, если можно так выразиться, материала. А для пластмассы это самая выгодная фигура. Легче всего сделать именно круглую прессформу, ведь ее можно выточить на токарном станке.

Затем мы прошли в кабинет. Пользуясь гостеприимством хозяина, мы заглядывали в каждый шкафчик, на каждую полочку. Всюду лежали вещи только из пластмассы.

Андрей наклонился ко мне и прошептал:

— Смотри, может, где-либо в шкафчике лежит кусок разъединенного металла и пробирка с кислотным составом. Должен же он проводить такие опыты предварительно, а потом уже мазать болты машин...

Я только пожал плечами: в этой комнате не было даже намека на присутствие металла.

— Когда я проектировал этот дом, — сказал Омегин, как бы угадав мои мысли, — то поставил себе специальную задачу: ни одного грамма металла для бытовых надобностей. Металл нужен только технике, да и то лишь там, где он действительно незаменим.

— Например? — спросил я.

— Ну, скажем, в электрическом моторе, в осветительных проводах, в электролампочках, да и то только для контактов, потому что лампы накаливания могут быть заменены газосветными, где нет проволоочной спирали.

— Одну минуту, я вас сейчас уличу в некоторой неточ-

ности, — заметил я улыбаясь. — Вы утверждаете, что в этой комнате нет ни одной металлической вещи?

— Готов держать пари!

— Хорошо!

Я подошел к письменному столу, взял ручку с пером и поднес ее хозяину.

— Ну и что же? — спокойно спросил тот.

— А перо?

— Из пластмассы. Очень прочное и к тому же нержавеющее. Писали же раньше гусиными перьями.

Я внимательно рассматривал ручку. Действительно, перо было прозрачное.

Сколько ни шарил я среди десятков безделушек, расставленных на письменном столе, я не нашел ни одного металлического предмета. Даже замки на ящиках стола, которыми заинтересовался Андрей, были тоже из пластмассы.

Я провел рукой по стенам, украшенным тисненым цветным рисунком, рассчитывая найти хотя бы гвоздь, но безрезультатно. В стенах кое-где торчали заранее вделанные крючки из белой массы, похожей на фарфор.

Вдруг Андрей весело рассмеялся:

— А часы?

— Тоже штампованные из пластмассы.

— И шестеренки?

— Совершенно верно.

— Вы проиграли пари, — торжественно заявил Андрей.
— Не будете же вы всерьез утверждать, что в ваших часах даже пружина не металлическая?

— Буду, и совершенно серьезно.

— Ну, это уж просто из упрямства, — улыбаясь, заметил Андрей.

Хозяин быстро повернулся к стене, снял большие часы круглой формы и, открыв заднюю крышку, с усмешкой проговорил:

— Вот, смотрите!

Мы во все глаза глядели на необыкновенную белую пружину, свернувшуюся кольцом среди прозрачных шестеренок.

— Неужели из пластмассы? — удивленно покачал головой Андрей.

— Нет, до этого мы еще не дошли, — с сожалением сказал Омегин. — Это керамическая пружина, короче сказать — фарфоровая. Еще лет пятнадцать назад наши ученые открыли замечательные свойства упругости некоторых сортов керамики.

— А знаешь что, — обратился ко мне Андрей, — оказывается, не так плох будущий мир без железа.

Лицо Омегина расплылось в широкую улыбку, но он ничего не сказал. Немного театральным жестом он распахнул дверь в столовую.

Зеленоватый, словно лунный, свет падал на белоснежный стол, накрытый к завтраку.

Я посмотрел вверх и увидел, что за время нашего отсутствия купол изменил свой цвет. Из белого он стал ярко зеленым, как абажур настольной лампы.

— Объясните нам эти чудеса светотехники, — заметил я, обращаясь к хозяину дома.

— Пластмасса, из которой сделан купол, — он взглянул вверх, — пропускает и ультрафиолетовые, и инфракрасные лучи. Мне показалось, что сейчас слишком жарко, и я решил задержать солнечные лучи зеленым экраном моего изобретения.

Самодовольно улыбнувшись, Омегин подошел к стене и повернул выступающую из нее ручку. Купол постепенно начал светлеть, сначала внизу, потом все выше и выше, пока, наконец, в комнату не ворвались белые солнечные лучи.

Снова поворот ручки — и по куполу снизу вверх побегала яркая синева. Над нами засияло ночное небо.

Еще и еще поворот ручки. Оранжевым абажуром повис купол над нашей головой, чтобы через минуту расцвести бледной сиренью.

Это был совершенно необычайный калейдоскоп красок.

— Прозрачный купол имеет много преимуществ, — говорил хозяин, — но вы сами знаете, что не всегда приятен ослепительный солнечный свет. Делать шторы неориги-

нально и хлопотно, да к тому же они плохо защищают от тепловых лучей. Вот я и придумал устроить в толще прозрачной пластмассы капиллярные каналы, в которые давлением сжатого воздуха нагнетается цветная жидкость. В зависимости от положения переключателя, вверх поднимается то зеленая, то синяя, то оранжевая жидкая «штора», поглощающая тепловые лучи... Впрочем, — прервал он сам себя, — прошу к столу.

По-видимому, Омегин жил в своем пластмассовом доме не один, так как кто-то накрыл в наше отсутствие стол. Но во время завтрака никого, кроме хозяина, в столовой не было.

Скрывая улыбку, я наблюдал за Андреем, который придирчиво рассматривал сервировку в надежде отыскать на столе какой-либо металлический предмет. Но его усилия были тщетны. Ложки, вилки, даже ножи были из совершенно особого материала зеленоватого цвета, очень большой твердости. Он чем-то напоминал камень нефрит.

Граненые графины, бокалы, похожие на хрусталь, стаканы с опаловым блеском, тарелки, сделанные словно из перламутра, — все это было из пластмассы. Посредине стола стоял огромный букет чайных роз; несколько листиков упало на скатерть. Я взял один из них и обнаружил, что цветы тоже искусственные, хотя они и пахли, как настоящие.

После завтрака Омегин взял предложенную Андреем папиросу и не спеша вынул из кармана плоскую цветную коробочку. Андрей насторожился, я тоже: колесико у зажигалки могло быть только стальное...

Хозяин нажал кнопку, вспыхнуло голубое пламя. Выпуская кольца дыма, Омегин говорил:

— Я заметил, как вы сейчас насторожились, думали: «Вот поймал!» И все же пари выигрываю я, потому что эта зажигалка без камня и колесика, она химического действия: соединение двух капель разных жидкостей вызывает вспышку. Теперь вы, надеюсь, убедились, что у меня в доме нет ни кусочка металла?

— А в лаборатории? — неожиданно задал вопрос Андрей.

— Ну, это совсем другое дело, — сухо произнес Омегин.

Потом, как бы извиняясь, заметил: — Знаете, скучно человеку моего склада быть только хранителем этого дома-музея, вот я и вожусь с кое-какими опытами в своей лаборатории.

— Что же это за опыты?

— Разные, — уклончиво ответил Омегин. — Например, при лабораторных испытаниях мы заставляем пластмассы искусственно стариться в сокращенные сроки, чтобы проверить их долговечность. Новые сорта пластмасс, что окружают вас здесь, проверены всесторонне: они очень стойки и не подвержены действию кислот, даже очень сильных. Не то что, например, железо, которое от капли той же кислоты почти мгновенно рассыпается на части.

Мы с Андреем переглянулись.

— Так вы и над металлами проводите свои опыты? — спросил Андрей.

— Конечно. Я должен знать все достоинства и недостатки своего конкурента.

— И вам, наверное, нужно проверить эти недостатки металла и его сопротивляемость ржавлению не только в пробирках, а и в значительно больших масштабах, ну, скажем прямо, на готовых изделиях, на машинах, — допрашивал Андрей.

— Вы прекрасно представляете себе мой творческий метод, — улыбнулся хозяин, попыхивая папироской. — Если бы вы знали, как я люблю свой дом без железа и всякого металла, — видимо, стараясь переменить тему разговора, мечтательным тоном сказал Омегин.

— В особенности принимая во внимание, что он стоит на железе, — в тон ему спокойно заметил Андрей.

Омегин даже привскочил.

— Ну, конечно, вам же известно, — хладнокровно продолжал Андрей, — что именно под вами находится пласт железной руды. Не исключена возможность, что через некоторое время вместо пластмассового дома здесь будет стоять... домна.

— Да что вы на самом деле! Тратить столько сил на железо, которое сразу разрушается от тысячи мелких причин: от воды, ветра, мороза, кислот и щелочей... в то время как здесь, в этом же месте, можно добывать горную смолу, изумительную смолу, которую до меня никто еще не находил, и из которой можно сделать вещи непреодолимой крепости, — он остановился, словно задохнувшись от волнения; и, взмахнув кулаком, закончил. — Нет, этого не будет. Я найду способ заставить прислушаться к моему мнению.

Он грузно опустился в кресло и закрыл глаза.

Андрей отозвал меня в сторону как бы для того, чтобы посмотреть на картину, и тихо прошептал:

— Ну как? А ты говорил — не сумеем ничего выяснить наводящими вопросами. Теперь мне все ясно. Это он намазал своей кислотой болты нашей машины. Это просто опасный безумец. Из ненависти к металлам он готов на все. Надо предупредить кого следует.

Я снова вспомнил о пробирке, которую рассматривал человек в огромной шляпе, но ничего не ответил.

Омегин поднялся с кресла и устало заметил:

— Разве можно бросить все это?

Он подошел к рычагу на стене и опустил его вниз.

— Смотрите, — сказал он, протягивая руку.

Уже не только из купола, а и из стен медленно убегала темная краска, наполнявшая их. Они заметно светлели, а затем, постепенно проясняясь, стали прозрачными.

Перед нами расстилалась величественная картина предгорий Урала: луга, серебристый ивняк около озера, зеленовато-дымчатые холмы, застывшее сверкание Камы и ее крутой берег с известковыми террасами. Все это мы видели сквозь почти неуловимую дымку прозрачной стены.

Омегин подошел к нам, мечтательно посмотрел на облака, повисшие над рекой, и тихо произнес:

— И даже не это главное. Я боюсь не закончить своей работы, она связана с заменой металла в самых ответственных местах машин.

Он полез в боковой карман и вытащил оттуда уже знакомую мне пробирку с прозрачной жидкостью.

— Здесь горная смола, которую мне удалось найти вон у тех холмов, — он указал пробиркой вдаль. — Я надеюсь, что она даст возможность получать изделия такой прочности, что даже болты автомашин можно будет делать из пластмасс, сохраняя их обычную толщину. Недаром я сегодня все утро около вашей машины ползал, снимал размеры разных деталей...

Мы с Андреем быстро переглянулись. Андрей имел очень смущенный, вернее даже пристыженный вид. Вероятно, и я выглядел не лучше.

СКАЗКА О ДВУХ ПЕТУХАХ

САНДРО шел по пыльной дороге. Иногда он останавливался для того, чтобы вытереть пыль с решеток, закрывавших всасывающие рупоры аппарата.

Куда приведет Сандро «парфюмерная улика»?

Тубе... роза — странное название. Сандро старался представить себе, как выглядит цветок с таким названием. Может быть, он похож на розу?

День становился все жарче. Со лба Сандро катились капли пота.

«Не дает ему покоя нежный запах тубероз», — повторял он в уме привязавшуюся фразу. Он не мог вспомнить, откуда эта строчка. Нежный запах... Нет такого в научной классификации. Сандро очень хорошо знал, что существует всего шесть классов запахов: пряный, цветочный, фруктовый, смолистый, гнилостный и пригорелый. Значит, во второй класс попала тубероза...

Синий луч вдруг рассерженно дернулся, как поплавок, когда клюет рыба. «Ого, видимо я у цели», — подумал Сандро. Он остановился и поднял глаза.

На крыльце небольшого домика сидел старик-башкир в черной тубетейке, с редкой седой бородой и, попыхивая трубкой, удивленно смотрел на человека, который шагал по

На крыльце небольшого домика сидел старик-башкир в черной тубетейке...

дороге, не глядя под ноги, а уставившись глазами на чемодан.

— Добрый день, дедушка, — приветствовал его Сандро. — Я извиняюсь, вы не видели тут туберозу... Простите, девушку на мотоцикле?

Старик испытующе посмотрел на Сандро и важно, с расстановкой ответил:

— Нам должность не позволяет смотреть за чужими мотоциклами, у нас своих хватает, — и старик указал на груды трофейных поломанных, покрытых ржавчиной мотоциклов, в беспорядке лежавших на земле.

Сандро огляделся. На огромном пространстве высились ружье чудовища. Здесь были мотоциклы с остатками колес, сломанными рулями, разбитые автомашины, заржавевшие танки. Все они ожидали своей очереди, чтобы в пламени

плавильных печей выжечь проклятое клеймо паучьего креста и разлиться чистым металлом в изложницах. Это был склад металлома завода «Прикамская сталь», о чем можно было прочесть на небольшой эмалированной табличке. «Экспериментальное отделение» — было добавлено внизу.

«Что за эксперименты производятся с этим ржавым металлом спустя столько лет после войны?» — подумал Сандро: — «Впрочем, вряд ли старик-сторож знает это».

— Действительно крупное у вас хозяйство, дедушка, — сказал он вслух. — Да ведь глаза у вас как у степного орла: все видят. Девушку-то не заметили?

— Была здесь такая, камеру клеила. Тут гвоздей натыкано, как иголок на еже. Вот и напоролась. А кто ей велел у самых машин ехать? — ворчливо заметил старик, посасывая потухшую трубку. — Хорошая дорога вон там, в стороне идет.

Старик поправил спадающую тубетейку и участливо спросил:

— Девушку ищешь, а куда идти, не знаешь?

Сандро отрицательно покачал головой и вытащил из кармана карту. Он хотел знать, куда ведет шоссе.

Старик искоса поглядывал на Сандро. Прошло несколько минут в обоюдном молчании.

— Девушка на мотоцикле... Найти ее — не простое дело, — наконец сказал старик. — Я расскажу тебе сказку про двух петухов. Сказка тоже совет даст.

Давно это было. У старого башкира были два петуха: черный и белый. Башкир бедный был. Кушать надо — петуха резать надо. Какого зарежешь? Белого зарежешь — черный скучать будет, черного зарежешь — белый скучать будет. Пошел башкир к самому старому человеку во всем улусе.

— Скажи, какого петуха резать надо?

Много думал самый мудрый старик, час думал, другой-час думал, потом сказал:

— Иди домой, а завтра с солнцем приходи. Скажу тебе ответ.

Высоко поднялось солнце на небо. Приходит башкир и спрашивает:

— О мудрейший, какого петуха резать надо?

— Черного резать надо, — говорит самый мудрый старик.

— Но тогда белый скучать будет.

И тут рассердился мудрец и закричал:

— А чорт с ним, пускай скучает!

— Так какую же дорогу выбирать будешь? — лукаво ухмыльнувшись, спросил у Сандро старик в тюбетейке.

Сандро рассмеялся, вскочил на ноги, обеими руками пожал руку старику и, взяв чемодан, зашагал к шоссе. «А здорово старик завернул про двух петухов, — думал Сандро, шагая по шоссе в направлении города, который, судя по карте, был километрах в трех, за невысокой горой. — Действительно, как часто бывает в жизни, что никак не можешь сделать выбор между двумя почти одинаковыми вещами. В этом случае следует вспомнить мудрую сказку старика-башкира. Надо действовать — вот основной вывод».

Сандро увидел белеющие здания.

Вот уже начало длинной улицы города, выросшего здесь, в предгорьях Урала, совсем недавно. Свое название — Белогорск — он получил от большой известняковой горы, у подножия которой расположился. Это был типичный городок — из тех, что быстро возникают при крупных промышленных стройках, а затем развиваются по мере роста самого предприятия. Даже в самом зародыше такой поселок носит уже все черты советского города.

Сандро вышел на перекресток широких асфальтированных улиц, обсаженных молодыми липами. Милиционер в белом кителе, белом шлеме и белых перчатках указал направо, затем повернулся на каблуках и плавным движением вытянул руку в сторону главной улицы. Синий луч с удивительной точностью повторил жесты милиционера: он указал направление вправо, потом влево и, наконец, вытянулся в сторону, куда указывал милиционер.

Сандро растерялся; он стал вертеть чемодан, но синий луч дрожал и качался в нерешительности. Милиционер искоса поглядывал на человека с чемоданом.

«Но все-таки, что же делать?» — недоуменно спрашивал себя Сандро, потом вспомнил о двух петухах, улыбнулся и решительно свернул направо. Он прошел несколько кварталов и невольно остановился.

Перед ним высилось огромное розовое здание. Широкая мраморная лестница вела к portalу с величественными мраморными колоннами. На фасаде здания тянулся орнамент из чугунного литья. Из этого же металла были сделаны решетки балконов, карнизы, балюстрады.

Сандро удивился: «Неужели из такого материала, как чугун, можно делать такие изумительные по тонкости отделки листья и цветы?»

Он много слышал о знаменитом каслинском литье, известном во всем мире. Оно производится здесь, на Урале, в городе Касли. Видимо, в украшении этого здания каслинцы превзошли самих себя. Сандро долго не мог оторвать взгляд от этого чуда художественной отделки.

«Пожалуй, Омегин с его пластмассовой решеткой может позавидовать такой тонкой работе из... чугуна, — подумал он. — Нет, все-таки, видно, все материалы хороши, если они используются с толком. Напрасно этот чудака так странно относится к металлу. И в будущем мире, который мы строим, найдут себе применение и металлы, и пластмассы, и новые, невиданные еще материалы, которые создаст для себя свободный человек».

Но все же куда идти дальше?

Сандро вышел на бульвар. Сквозь бледную весеннюю зелень просвечивало яркое голубое пятно искусственного пруда. Подойдя поближе, Сандро увидел маленький островок посередине пруда. Он был сложен из какого-то ноздреватого розового камня. Сильная струя фонтаном взлетала метров на двадцать вверх и рассыпалась мириадами сверкавших на солнце капель. Вода била из центра скульптурной группы, изображавшей мальчиков-пловцов, собиравшихся

как бы нырнуть с островка в пруд. Скульптура была выполнена из какой-то особой, нержавеющей цветной стали, и, словно покрытые загаром, бронзовые тела мальчиков под дождем фонтана блестели, как золотые рыбки, плавающие здесь же в пруду.

«Есть, значит, металлы, которые не ржавеют, — подумал Сандро. — Вот какую красивую вещь сделали! И воды не боится».

Но тут луч на экране начал проявлять некоторые признаки беспокойства. С каждым шагом Сандро луч все рос и рос и вот, наконец, коснулся уже края экрана.

Сандро осмотрелся по сторонам. Он стоял у живой изгороди из цветущего кустарника, за которой на небольшом возвышении, под цветным тентом стояли тонконогие столики летнего кафе.

За одним из них сидела миловидная девушка в спортивной блузке с приколотым к ней эмалевым жетоном, на котором выделялась синяя буква «Д».

Сандро повернул аппарат. Синий луч указывал прямо на девушку.

«Так ведь это она — мотоциклистка!» — чуть не вскрикнул вслух Сандро. Не раздумывая, он перепрыгнул через низкий цветущий барьер и очутился на террасе кафе.

ЗАПАХ ТУБЕРОЗЫ

В КАФЕ было мало народа. Девушка сидела одна. Она искоса взглянула на странного посетителя, который почему-то не счел нужным войти нормально, через вход, находившийся в двух шагах от него.

— Я извиняюсь, здесь не занято? — вежливо спросил Сандро.

— Нет, свободно, — ответила девушка.

— Прошу извинить мою навязчивость, — нерешительно начал Сандро. — Я человек приезжий, из Москвы, сам спортсмен. Вот увидел значок одноклубника и решил сесть именно за ваш столик.

*За столиком сидела ми-
ловидная девушка.*

— Вы тоже из «Динамо»? — недоверчиво спросила незнакомка, подцепив ложечкой маленький желтый шарик апельсинного мороженого. — Вы прыгун? Это ваш спортивный чемодан? Какой странный!

Сандро смутился. Собственно говоря, он никогда не был членом спортивного общества «Динамо», а, наоборот, всегда выступал под флагом «Молнии» и даже поставил однажды рекорд по городкам, сбив десять фигур десятью битами. Городки напоминали ему метание гранат, а в этом «спорте» он во время войны тоже поставил однажды рекорд, подбив вражеский танк. Об этом эпизоде у него осталась память: шрам на левой руке и ленточка медали на груди.

Но разве можно об этом сказать? Девушки мало интересуются городками, а боевыми эпизодами хвалиться Сандро не любил.

Может ли эта девушка быть мотоциклисткой? Ей лет двадцать пять, у нее волевое, открытое лицо, сильные руки. Сандро, изучавшему незнакомку, даже показалось, что в еле заметных трещинках ее ладони остались несмываемые следы масла от мотора.

— Видите ли, — нерешительно начал он, — я люблю многие виды спорта: футбол, греблю...

— Как ходите? В шестерке, восьмерке, в одиночке? — заинтересовалась незнакомка.

— Да как вам сказать, когда какая компания подберется... Иной раз столько ребят насядет, человек двенадцать, я извиняюсь, чуть лодку не перевернут. А я плавать не умею...

Девушка удивленно посмотрела на собеседника.

— Ну да, конечно, — поправился Сандро, — кролем не умею, я больше на спине плаваю. Ну и вообще вольным, так сказать, стилем. Этими, как их, саженками...

Спортсменка нахмурилась и стала поспешно доедать мороженое.

Это совсем не входило в планы Сандро.

«Надо идти на штурм», — решил он.

— А больше всего я люблю мотоциклетный спорт! — выпалил Сандро и уставился на незнакомку: какое это произведет на нее впечатление?

Девушка недоверчиво взглянула на него и ничего не ответила.

— Чудесный спорт, лучшего я не знаю, — продолжал разглагольствовать Сандро, — несешься и чувствуешь, что под тобой послушный рокочущий мотор. Он требует от тебя знания характера и твердой, властной руки. Я извиняюсь, для меня мотор — живое существо. И я никогда на него не сержусь. Зачем сердиться? Не надо сердиться!

— Ну да, а если засорится карбюратор, или загрязнятся свечи, или в бензин попадет вода? — перебила неожиданно спортсменка.

Сандро испытующе посмотрел на нее:

— Так, значит, и вам приходится иметь дело с этим капризным созданием? — спросил он.

— Да уж и натерпелась я от него. Помню, как-то, на соревнованиях, на последнем километре чихать начал. Смотрю, «Крылья Советов» меня обходят, а он все чихает, потом «Молния» вырвалась вперед, а он опять чихает. Ну, думаю, из-за его насморка все пропало, и так дала газа, что он опомнился, чихнул в последний раз и уже не сдавал до самого конца. Две секунды я тогда выиграла.

Сомнений не было. Девушка была мотоциклисткой! Теперь только выяснить, где она находилась сегодня утром. Сандро торжествовал.

— Хорошо промчаться ранним утром, когда только встанет солнце. Чудесное время для прогулки! Например, в такое утро, как сегодня.

Девушка молчала, уткнувшись в вазочку с мороженым.

— Больше того, — продолжал Сандро, — мне почему-то показалось, что я вас даже видел сегодня утром...

— Где? — настороженно перебила его собеседница.

— Ну, скажем, у моста, — продолжал он, внимательно наблюдая за выражением лица незнакомки.

Девушка обеспокоенно посмотрела на него.

— Вы от них? — спросила она испуганно.

— Конечно, — важно заметил Сандро. — И от них, и от себя.

— Простите мне эту ошибку — как бы подыскивая слова, говорила девушка, — я не могла себе представить...

— Но что вас заставило пойти на это? — уже не скрывая раздражения, повысил голос Сандро. — Что за цель?

— Я не могла предполагать, что это может задержать отъезд, — робко заметила незнакомка.

«Нет, она еще оправдывается!» — возмущался Сандро.

— Я извиняюсь, так зачем же вы это сделали? Портить машины!..

— Неправда, — вспыхнула девушка, — мотор был в исправности.

Сандро даже поперхнулся от негодования.

— Мотор в исправности? Скажи, пожалуйста! А что вы с болтами сделали? Зачем это вам было нужно? Ведь если бы они лопнули в дороге, на большой скорости... Я извиняюсь, вам известно, что от нас бы осталось мокрое место?

— Да, конечно, — смущенно отвечала девушка. — Впрочем, какой же настоящий спортсмен боится воды?

Сандро открыл рот, потом снова закрыл.

— Я извиняюсь, — наконец вымолвил он. — Вы издеваетесь надо мной! Довольно, идемте в милицию, там все разберут: зачем вы на мотоциклах ездите, зачем машины портите...

Девушка с удивлением посмотрела на рассерженного незнакомца:

— Какие мотоциклы, какие машины? Я же о моторной лодке все время говорю. Утром сегодня ездила на ней к мосту. — Она потупила глаза и тихо добавила: — Без разрешения. Но я не думала, что из-за этого меня не допустят к состязаниям... Я знаю, что из Москвы должны прибыть члены спортивной судейской коллегии, чтобы присутствовать на соревнованиях, но я не знала, что моя поездка вас так рассердит.

Она положила руку на плечо Сандро и доверчиво добавила:

— А мотоцикл?.. Мотор я очень люблю, но представьте себе, ужасно боюсь мотоциклов...

Сандро ничего не ответил, подозвал официанта, молча расплатился и, не глядя на девушку, быстро вышел из кафе.

«Ну и дурака же я сваял!» — думал он, растерянно шагая по улице...

Он снова остановился на перекрестке, не зная, куда идти. Машинально включил аппарат и, взглянув на экран, вздрогнул: синяя черта медленно поползла вправо.

За углом улицы трещал невидимый мотоцикл. Треск усилился, и вдруг из-за дома выскочил парнишка лет двенадцати на детском мотороллере.

«Но при чем здесь тубероза? — озадаченно думал Сандро, глядя, как светящийся луч на экране провожает юного мотоциклиста. — Или индекс туберозы совпадает с запахом всех мотоциклов?»

Но дальше начало твориться что-то совсем удивительное. Синий луч указывал на каждую девушку, проходившую мимо Сандро.

«Это просто издевательство!» — негодовал Сандро. Огорченный он выключил аппарат и устало побрел по тротуару, не глядя больше ни на кого. Но вдруг он почувствовал сильный запах туберозы.

Прямо перед ним, за зеркальными стеклами нарядного магазина, кричал разрисованный яркий плакат:

«Получены духи «Тубероза». Спешите приобрести».

Сандро толкнул дверь. За прилавком стояла знакомая ему девушка-спортсменка, с которой он разговаривал полчаса назад в кафе. Видимо, перерыв на обед в магазине кончился, и его случайная знакомая была снова за работой. Девушка, улыбаясь, спросила:

— Вам флакон «Туберозы»? Самые модные духи. Берут нарасхват.

Сандро вскипел. Но под взглядом смеющихся глаз молодой спортсменки смягчился и вдруг совершенно неожиданно для самого себя сказал:

— Попрошу образец. Он мне нужен для научного исследования.

Девушка снова — уже не в первый раз за сегодняшний день — удивленно посмотрела на Сандро, но на этот раз в ее глазах прыгали веселые искорки.

— Самый лучший подарок для молодой девушки, — сказала она, заворачивая «образец» в розовую бумагу.

БЛУЖДАЮЩИЙ ОГОНЕК

САНДРО со своим неизменным чемоданом, который на этот раз показался ему довольно тяжелым, возвращался в лагерь. Уже почти совсем стемнело, когда он, сойдя с шоссе, вступил в мелкий перелесок и стал пробираться по тропинке. Голубая черта, ярко светившаяся в темноте, указывала ему обратный путь снова по запаху туберозы. Флакон с духами, с которыми Сандро хотел проделать некоторые опыты, пришлось выбросить, так как, несмотря на притертую пробку, запах был настолько силен, что совершенно не давал возможности пользоваться аппаратом.

Впереди, в листве орешника, мелькнул луч фонарика. Запрыгала неясная тень. Сандро показалось, что сквозь просвечивающие листья он различает руль мотоцикла. Забыв, что на нем белый костюм, он, по старой военной привычке, скользнул на землю и пополз по сырой земле...

*

— Нет, видимо, нельзя требовать от нашего аппарата, чтобы он отыскивал следы рубидия. Пока, следует признаться, испытания проходят неудачно.

— И человека, который вывел из строя нашу машину, мы тоже не нашли, — говорил я, осматривая при свете электрического фонаря наш мотоцикл. — Интересно, какие успехи у Сандро?

В это время послышался шорох в кустах.

Андрей, лежавший на траве и мечтательно вдыхавший запах туберозы (он держал в руках потерянный незнакомкой платочек), быстро вскочил на ноги.

— Кто там?

Шорох стих. Я направил луч фонаря в сторону, откуда он слышался. Тихо двигались метелки трав. Кто-то осторожно подкрадывался к нам.

Только мы с Андреем собрались броситься на неизвестного, как из травы показалась голова Сандро.

Он поднялся со сконфуженным видом, машинально стряхивая приставшие травинки со своего позеленевшего костюма.

— Ну вот что, друзья, — говорил я спустя полчаса, когда мы все трое не спеша шли по полевой дороге, — довольно играть в Шерлок-Холмса. Мы просто занялись не своим делом. Нам нужно проверить, как следует, свои аппараты и продолжать, несмотря ни на что, поиски рубидия. Ведь нашли же мы месторождение железа!

— А может быть, аппараты исправны, но здесь просто нет рубидия? — усомнился Андрей.

— В этом тоже важно убедиться.

Мы шли через луг. Наш мотоцикл был испорчен: сломался болт у задней втулки. Я вел мотоцикл за рога, и он, как упрямый козел, то отставал, оттягивая мне руки, то толкал меня в бедро. Мы думали подобрать подходящий болт на складе трофейного металлолома.

— Когда мы убедились, что начальник опытной станции Главхимпрома. не имеет никакого отношения к аварии машины, — рассказывал Андрей, обняв Сандро за плечи, — мы решили поехать тебе навстречу или на помощь, если бы она понадобилась. Направились по запаху туберозы.

— Но искать тебя по запаху не смогли, потому что все время сбивались в сторону, — перебил я Андрея. — Понимаешь, Сандро, он упорно не хотел выбросить платок. Из-за этого аппарат вполне резонно указывал на Андрея, как на главного виновника порчи машины. Однако убедить его

расстаться с платком оказалось невозможным. Платок до сих пор у него в кармане.

— Но если бы его не было, то я не нашел бы вас, — устало сказал Сандро.

— Но зато нашел бы кого-нибудь другого, — возразил я.

Сандро вспомнил девушку в кафе, парфюмерный магазин, вздохнул и ничего не ответил.

— Хорошо, что мы ехали медленно, — продолжал Андрей. — Михаил напрасно ворчит: платок спас нас от серьезной аварии. Представляешь, вдруг в задней втулке лопается болт, и в месте поломки мы обнаружили то же самое...

— Что «то же самое»? — переспросил Сандро.

Андрей вместо ответа осветил фонариком втулку колеса. В месте свежего излома болт был словно покрыт запекшейся кровью.

— Точно так же, как тогда на машине, — тихо произнес Сандро.

— Точно болезнь какая-то, — мрачно сказал Андрей. — Может быть, даже заразительная... Почему-то все болты лопаются!

Сандро усмехнулся:

— Ну, это уже слишком. Я извиняюсь, металл — не живое тело, как же тут применять термины: болезнь, заразительность! Скажешь еще: насморк, простуда...

— Напрасно смеешься, — ответил Андрей уже спокойнее. — Металл может и «простудиться» и «заболеть». Такие случаи известны науке. Однажды — это было в прошлом столетии — из Голландии в Москву была отправлена большая партия олова. От низкой температуры и ряда других невыясненных причин олово в дороге «простудилось» и действительно «заболело». Когда по прибытии в Москву стали открывать вагоны, в них вместо блестящего металла оказалась серая порошкообразная масса. Все олово превратилось от «простуды» в порошок. Эту не изученную еще как следует «болезнь» называли «оловянной чумой». Причем она оказалась заразительной. На один интендантский склад, где

встарину хранились оловянные солдатские пуговицы, случайно занесли «оловянную чуму», и все пуговицы рассыпались...

— Не думаешь ли уж ты... — начал было Сандро.

Но я прервал его:

— погоди! Кажется, мы пришли.

Перед нами выросла черная гора со странными угловатыми очертаниями. Зубцы неправильной формы вырисовывались на фоне синего ночного неба. Я прислушался. Около горы трещал мотоцикл.

— Смотри, — прошептал Сандро, указывая вперед.

У подножья горы бегал голубоватый луч, он появлялся то там, то здесь, мигая, как болотный огонек.

Мы тихо подходили к фантастической горе. Это был невысокий естественный холм, на склоне которого громоздились груды железного лома. Уже можно было рассмотреть взметенный на вершину скелет грузовика с разбитым радиатором, различить голые ребра транспортера, смятые и сплюснутые колеса. Вот поднятый на дыбы растерзанный танк. С вывороченной снарядом броней он напоминал поверженное чудовище с зубчатым хребтом. Как будто он пришел сюда из далеких тысячелетий.

— Кладбище... — прошептал Андрей.

— Нет, это падаль, — резко заметил Сандро, — железная падаль. Я был здесь днем...

Мое внимание снова привлек движущийся, мерцающий свет. Сейчас огонек мелькнул справа от танка.

— Неужели это сторож ночью решил осматривать свое хозяйство? — заметил я.

— Пойдем прямо на огонек! — предложил Сандро.

Андрей вцепился мне в плечо.

— Стой! — глухо воскликнул он, указывая рукой вперед.

Я не давал себе отчета, действительно было это или нет, но мне показалось, что скелет грузовика медленно спускался вниз. Я видел, как он осторожно, словно приносив к дороге, съезжал с холма...

Послышался тихий лязг железа. Скелет машины, мелькнув ободранными колесами, скользнул в темноту. Изуродованный танк с зубчатой спиной вдруг исчез из поля зрения, словно провалился.

Огонек погас. Я стоял, настороженно прислушиваясь. Глухой скрежет, придушенный лязг железа о железо доносились издали в тишине спокойной летней ночи.

Вдруг все замолкло.

Какая неведомая сила вдохнула жизнь в эти мертвые чудища?

Я молчал, чувствуя рядом с собой неровное дыхание своих друзей. Так что же, было это все или нет? Или это только плод моего не в меру разыгравшегося воображения? Не слишком ли много романтических приключений за один только день?

Оставив мотоцикл у дороги, мы двинулись вперед.

Стояла тишина, и только откуда-то издали доносилось стрекотание кузнечиков. Черные силуэты танков и машин застыли неподвижно в синем ночном тумане, освещенном снизу восходящей луной.

— Ты видел огонек? — спросил меня Сандро. — Или это мне только показалось?

Как бы в ответ совсем неподалеку от нас мигнул и погас короткий луч света.

— Я пойду вперед, — прерывистым шопотом проговорил Сандро, — а вы немного позади.

НА ЖЕЛЕЗНОМ КЛАДБИЩЕ

СТОРОЖ экспериментального склада металлома Шамсудинов сидел на крыльце своего маленького домика и допивал остатки крепкого кумыса. Солнце уже давно село. Только красное зарево над лесом напоминало об уходящем дне.

День этот не был богат впечатлениями для сторожа Шамсудинова. День обычный, как десятки других за последнее время. Редко кто бывал на складе трофейного ме-

таллома. К сторожу только раз в неделю приходили машины, и рабочие, тщательно сверяясь с номерами по накладным, грузили сломанные мотоциклы, сплюснутые кузова и развалившиеся на куски танки. Вот и вчера, он помогал отбирать железо на завод. А сегодня за весь день побывали только девушка с мотоциклом и человек с чемоданом.

Шамсудинов поднялся со скамьи и нетвердой походкой направился к двери. Он взялся за ручку двери, но дверь не подавалась, как будто была приперта изнутри. Сторож навалился плечом, и в тот же момент вместе с дверью упал внутрь комнаты.

Сторож вместе с дверью упал внутрь комнаты.

Лежа на двери, и рассматривая ее сломанные петли, Шамсудинов подумал: «Кумыс хорош, вот какая сила!»

Он поднялся на ноги и нагнулся над дверью, решив поставить ее обратно. Он дернул дверь за ручку — ручка оста-

лась у него в руке. Старик удивленно посмотрел на нее. «Нет, кумыс нехорош, — подумал он. — Я так весь дом ломать буду. Надо воды выпить».

Он подошел к питьевому баку и, подставив кружку, взялся за кран. Ему показалось, что тот не поворачивается. Тогда Шамсудинов с усилием потянул ручку крана и... с криком удивления отскочил: вода фонтаном била из отверстия в баке. Сломанный кран валялся на полу.

Сторож схватил ведро, чтобы подставить его под струю, но дужка осталась у него в руке.

Вода разливалась по комнате. Шамсудинов вспомнил, что под кроватью стоит сундук с его праздничной одеждой; она могла подмокнуть. Он взялся за спинку кровати, чтобы отодвинуть ее, но железная дуга с хрустом лопнула, и сторож, поскользнувшись, сел на пол, зажав в руках никелированную трубку.

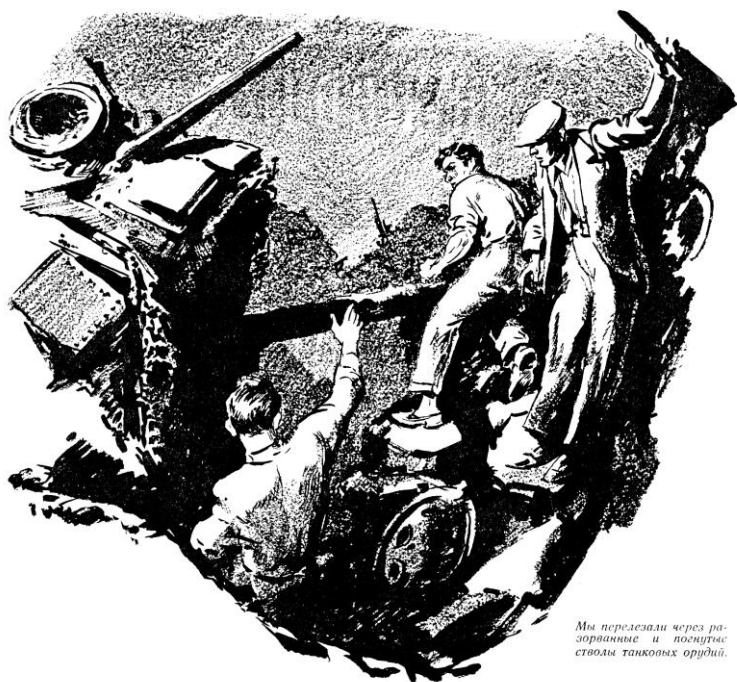
С трудом встав на ноги, Шамсудинов, шлепая туфлями по мокрому полу, подошел к выключателю и зажег свет. Глазам его представилась странная картина: кровать с отломанной спинкой, дыра в баке, ведро с отломанным ушком, ручка от двери и сама дверь, которая казалась плотом, плавающим в луже разлитой по полу воды.

*

Мы пробирались по железному кладбищу.

Это было невероятное путешествие, не похожее ни на одно из описываемых в фантастических или приключенческих романах. Нас окружал железный лес. Он преграждал нам путь, как таежный бурелом, где путешественнику приходится перебираться через вывороченные с корнем стволы деревьев. А сейчас мы перелезали через разорванные и погнутые стволы танковых орудий, путались в скелетах машин, продирались сквозь лианы ржавых канатов и проводов.

Впереди шел Сандро. Его белая фигура выделялась на темном фоне развороченного металла.

Мы перелезали через разорванные и погнутые стволы танковых орудий.

Несколько раз мы теряли из вида призрачный свет таинственного фонарика, словно он куда-то убегал от нас. Тогда я карабкался на какую-либо грудку из обломков машин или на вершину танковой башни, и среди темноты выискивал голубоватый огонек.

Мы пробирались к нему сквозь железный кустарник из обрезков проводов в этом необыкновенном лесу. И кругом нас, куда ни направлял я луч фонарика, вставали, как омерзительные призраки, паучьи кресты, белевшие на броне искрошенных машин и танков.

Вдруг огонек пропал. Куда-то исчез и Сандро. Я остановился и взял за руку Андрея. В этой железной чаще недолго было и потеряться! Но в этот момент голова Сандро вынырнула из развороченной снарядом дыры в боковой стенке штабной машины. Он тихо позвал нас. Протянув руку, Сан-

дро помог мне, а затем и Андрею пролезть через дыру внутрь машины.

В железной коробке было холодно и сыро. Пол машины проржавел насквозь, и прямо на земле стоял аппарат Сандро. Он попросил меня, чтобы я погасил свой фонарик. В наступившей темноте ослепительно горела тонкая голубая черта на фосфоресцирующем экране. Она была такой длинной, что выходила за шкалу и указывала на землю.

— Ну? — нетерпеливо спросил Андрей. — Что все это значит?

— Смотрите индекс! — все так же таинственно отвечал Сандро.

Андрей взглянул на шкалу.

— Не может быть! — восхищенно проговорил он. — Индекс БС-435?

— Ведь это же рубидий! — не удержался и я. — Но почему здесь?

— А почему не здесь? — важно проговорил Сандро и, включив фонарик, стал как бы ощупывать его лучом бледные травинки, торчавшие из земли. Среди обломков металла в траве блеснула яркая кровавая капелька, около нее был просыпан какой-то розовый порошок...

Я быстро наклонился, поднял с земли осколок цветного стекла и сказал:

— Пойдем, Сандро, именно не здесь. Смотри, — я пошевелил ногой стеклянную пыль — это рубидиевое стекло. Наверное, попало сюда от какого-нибудь прибора.

— Да, Сандро, — усмехнулся Андрей, — ты нашел место, годное для эксплуатации.

Сандро огорченно молчал.

— Ничего, Сандро, — утешил я его. — Во всяком случае, ты доказал, что наши аппараты исправны. По крайней мере, один из них — именно твой. Он обнаруживает рубидий.

— Да, но, к сожалению, пока только на расстоянии нескольких сантиметров, — добавил, вздохнув, Андрей. — Этого недостаточно.

Мы молча вылезли из машины. Огонек, манивший нас до того на этом кладбище, исчез. Мы еще долго лазили среди железных завалов и, наконец, поняли, что кружим на одном месте.

— Неужели мы заблудились? — обернулся ко мне Сандро.

Он стоял у лафета крупнокалиберной осадной пушки. Ее треснувший ствол, задранный вверх, напоминал старое дерево с темным дулом.

Я взобрался вверх по этому стволу, цепляясь за расщелины в ржавом металле, и огляделся. Кругом темнота. Луч моего фонарика освещал только груды искаленного металла.

Я спустился вниз. Андрей злился:

— Но ведь это смешно, заблудиться в железном хламе.

Он вытащил из кармана компас, потом, сконфузившись, спрятал его обратно в карман.

— Да, в этом железном лесу компас не поможет, — заметил я.

— Что ж, придется ждать утра, — сказал Сандро. — Я устал за день и непрочь вздремнуть. Можно устроиться на ночь и здесь. Вы как хотите, а я собираюсь расположиться на спине у «тигра». Может быть, это мой старый знакомый со времен войны. Чем черт не шутит! — И он полез сквозь железные каркасы к огромной машине, стоявшей впереди.

Но когда он дотронулся до броневой плиты танка, чтобы вскарабкаться наверх, его рука прилипла к броне. Какая-то липкая мазь покрывала ее. Сандро провел пальцем по бурой клейкой массе, и в свете фонарика обнаружил полосу блестящего металла.

— Что такое? — воскликнул удивленный Сандро и написал пальцем на поверхности броневой плиты букву «С». Буква засверкала, как зеркало.

Сандро спрыгнул на землю. От толчка сдвинулся с места каркас легковой машины. Покачнулся еще какой-то трухлявый металлический остов. Сверху по склону холма покати-лась железная масса гусениц, рельсов, обломков брони; за-

громыхали тонкие и толстые листы обшивок машин, крылья, дверцы, радиаторы; зазвенели, подпрыгивая, ржавые железные гильзы.

Мы спрятались в расщелине между машинами. Железная лавина прокатилась мимо нас, и снова все затихло.

— Нет, уж тут не до сна, — сказал Сандро, вставая на ноги. — Надо выбираться отсюда.

Он заботливо осмотрел свой аппарат. К счастью, тот не пострадал.

— Слушайте, — сказал он, — мне кажется, что по запаху туберозы мы выберемся из этого чортова леса. Ведь Андрей шел все время со своим пахучим платочком. По этому следу и будем искать выход. Как это мы раньше не догадались?

— Вот видите, — сказал Андрей, — платок снова нас выручает. А ты, — обратился он ко мне, — хотел его выбросить.

— И все-таки, — сказал я, — с платочком тебе придется расстаться, Андрей. Сейчас он нам мешает.

Мы задумались.

— Вот еще задача, — усмехаясь, проговорил Андрей, — Мы целый день сталкиваемся с непонятными вещами и попадаем в самые нелепые положения. Ведь если бы кому-нибудь рассказать, что три инженера заблудились на складе с железным ломом и не могли оттуда выбраться, потому что им мешал душистый платочек, кто бы этому поверил!

— Платок нужно уничтожить, — решил я.

— Сжечь! — воскликнул Сандро.

— А может быть, он понадобится, — смущенно заметил Андрей. — Все-таки, как говорится, вещественное доказательство.

— Есть еще один способ, — сказал я. — Уничтожить не платок, а запах. Вы знаете, что при соединении некоторых пахучих веществ запах полностью уничтожается. Например, если налить в канадский бальзам несколько капель хлороформа, вообще никакого запаха не будет — ни бальзама, ни хлороформа. Давай твою зажигалку, Сандро!

Незнакомка вынула перочинный ножик и стала соскабливать ржавчину.

— Только не жечь! — забеспокоился Андрей.

— Не волнуйся, — я вылил из зажигалки бензин на платочек и свернул его в трубочку. — Теперь посмотри, Сандро, есть ли на приборе показания.

— Еле заметные.

— Ну так веди нас!

Мы снова начали перелезать через машины и завалы.

— Ты верно следишь за лучом? — спрашивал Андрей, карабкаясь на груды снаряженных гильз. — Мне кажется, что мы здесь не проходили.

— Луч показывает ясно! — отвечал Сандро, отрываясь от аппарата и оглядываясь по сторонам. — Впрочем, мы и на самом деле здесь не шли...

Вдруг он замолк, притаившись у гусениц самоходного орудия. Вдали, на железном кладбище, снова появился огонек, о котором мы почти уже забыли.

Сандро поманил нас к себе и указал на экран. Луч прибора показывал прямо на огонек. Мы сделали несколько десятков шагов и увидели столбы ограждения. Несколько дальше, у приоткрытых ворот, на обломке гусеницы спиной к нам сидела девушка в синем комбинезоне. Перед ней стоял фонарик, светившийся голубым светом. Незнакомка просматривала на свете содержимое какой-то пробирки. Затем она вынула из кармана перочинный ножик и стала соскабливать ржавчину с куска броневой плиты, собирая рыжий порошок в пробирку.

Я не мог ничего вымолвить от изумления.

— Это она! — шепнул Сандро, сжимая мою руку.

Мы бросились вперед. Посыпались гильзы, они скатывались по уклону холма и, ударяясь о броню, гудели, как колокола. Незнакомка испуганно взглянула вверх, в темноту, откуда катились гильзы. Затем быстро сунула пробирку в карман и скрылась.

Когда звон гильз замолк, мы услышали удаляющийся рокот мотоцикла.

СЛЕДЫ НА ПЕСКЕ

ПРИШЛОСЬ ночевать в сторожке. Сторожа мы застали ночью сидящим на полу в луже воды. Его рассказ заставил нас посоветовать ему хорошенько выспаться. Остатки кукумыса в кувшине на столе достаточно, по нашему мнению, разоблачали источник его фантазии.

Утром мы вновь оглядели картину разрушения в его домике. Обиженный Шамсудинов молча сложил в углу обломки спинки кровати, кран, сломанные петли от двери, дверную ручку и вырванное ушко от ведра.

Сандро, оглядев комнату, обнаружил под столом бутылку темно-зеленого стекла.

— Это еще что за напиток? — сказал он, рассматривая содержимое бутылки на свет. Внутри были остатки маслянистой жидкости бурого цвета.

Шамсудинов сообщил, что этим «маслом» он мазал у себя в домике дверные петли и протирал все металлические предметы, которые только попадались ему на глаза.

Я взял у Сандро флакон, открыл притертую пробку и понюхал. Пахло смесью азотной кислоты и камфары. Я решил поточнее определить этот запах и стал настраивать аппарат. Пришлось долго крутить ручки, пока наконец луч не указал на индекс ДЗ-577.

Он был нам незнаком. Но на этом наши эксперименты не закончились. На обломок железа я вылил несколько капель жидкости из флакона. На поверхности железа сразу показались лопающиеся желтые пузырьки. Я взял обломок в руки и попытался согнуть его. Он треснул именно в том месте, где пузырилась необыкновенная ржавчина.

— Откуда сторож взял этот флакон? — спросил я.

— Говорит, что нашел на складе, — ответил Сандро, подробно расспрашивавший старика. — Стоял на земле среди ржавого хлама.

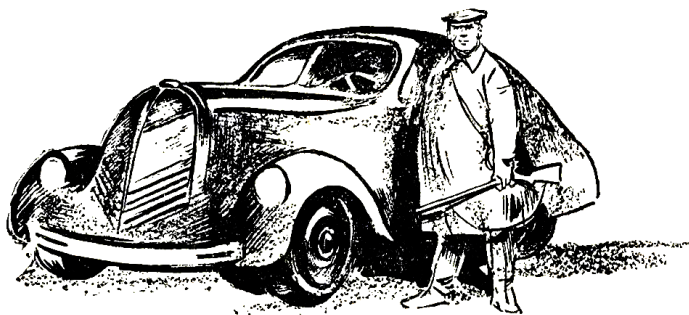
— Значит, — хмуро проговорил Андрей, — все предположения о существовании «железной чумы» оказались просто фантастическим вымыслом. Мы возвращаемся к прежней догадке, что все это сделано человеком. Вот этим самым реактивом какой-то злоумышленник смазал болты нашей машины. Остается только узнать, кто это сделал: девушка-мотоциклистка или Омегин?

— Пошлите меня — сказал Сандро. — Я попытаюсь проникнуть в лабораторию Омегина и проверю: покажутся ли

там эти реактивы? Может быть, найду и сам реактив. Это будет уже улика!

Так и порешили. Распростившись с Шамсудиновым, мы направились к лагерю.

Около лагеря мы увидели автомобиль, и рядом с ним невысокого толстого человека в сапогах и с двухстволкой в руке.

... Около лагеря мы увидели автомобиль и рядом с ним невысокого человека с двухстволкой в руке...

— Какой-то охотник, — сказал Андрей.

Но меня больше заинтересовала машина. Это был низкий лимузин обтекаемой формы и золотистого цвета. Когда я, подойдя к машине, провел рукой по ее полированным бортам, то легко убедился, что это чистый металл, ничем не покрашенный.

Нержавеющая сталь? Я невольно покосился на болты, золотистые головки которых аккуратно располагались вокруг колесной втулки. Надеюсь, у этой машины болты в порядке.

— Изучаете? — спросил меня владелец машины. — Разрешите представиться: Коваль, инспектор складского хозяйства. Приехал поохотиться. А машина замечательная. По специальному заказу изготовлена Свердловским автомобильным заводом. А металл наша «Прикамская сталь» поставляла.

— Разрешите осмотреть вашу машину как следует, — попросил я после того, как объяснил, кто мы такие и что в этой местности делаем. И я направил свой аппарат на ближайшее колесо: меня интересовали в первую очередь болты.

Но странное дело: ни в болтах, ни в других частях машины аппарат не обнаружил ни малейших следов окислов железа. Металл, из которого была сделана машина, не имел запаха. Но этого же не может быть! Любая железная или стальная вещь несет на себе хотя бы тончайшие следы коррозии. Даже нержавеющая сталь, если ее нагревают при сварке, чуть-чуть корродируется, так как в этом случае хром, добавляемый в сталь, чтобы сделать ее нержавеющей, частично «выгорает». Не из золота же сделан этот автомобиль! При внимательном рассмотрении я обнаружил несколько тщательно заделанных и заполированных швов электросварки.

— Что это за металл? — спросил я Ковалю.

Тот пожал плечами:

— Экспериментальный цех изготавливает. Я, право, не специалист. Поговорите с нашими инженерами, если вы так интересуетесь. Они часто на склад ездят — к Шамсудинову. Знаете его?

— Так это ваш склад? Почему же у вас металл зря пропадает? Столько лет валяется без присмотра и напрасно ржавеет.

— Почему же без присмотра? Шамсудинов — добросовестный сторож. А под открытым небом лежит железо — это по особому распоряжению. После войны собрали разный трофейный хлам и решили изучать, как сохраняется металл в естественных, так сказать, условиях. Ну, и разные испытания там проделывают... Да вы лучше с инженерами поговорите.

Я рассеянно крутил ручки прибора. Должно быть, машинально поставил их на индекс БС-435. Это был тот самый индекс, с помощью которого мы безуспешно искали рубидий в этих краях. Удивительное дело! Наши приборы

обнаруживали все, что угодно, кроме рубидия, ради которого мы сюда только приехали.

Но, взглянув на экран, я чуть не вскрикнул. Светящаяся черта резко выросла. Стрелка указывала на автомобиль. И к какому бы месту машины я ни подносил аппарат, всюду был... рубидий! Я остановился в растерянности с аппаратом в руках.

Ковалю наскутили мои опыты, и он, кивнув благосклонно головой — дескать, мол, изучайте сколько влезет, — направился в ближайшие кусты, держа ружье наготове.

Я подозревал Андрея и Сандро. Мое открытие не произвело на них того впечатления, какого я ожидал.

— Испорчен аппарат, — решил Сандро.

— Мы почему-то находим рубидий только в готовых изделиях, — мрачно подытожил Андрей. — Но я немного знаком с металлургией: рубидий не добавляют в сталь. Никогда об этом не слышал. Другое дело ниобий. Даже доли процента ниобия, добавляемого в нержавеющую сталь, позволяют сваривать ее без нарушения антикоррозирующих свойств... Ты не перепутал индексы?

— Давай проверим еще раз.

— Ниобий... — бормотал Андрей, доставая записную книжку. — Пятая группа таблицы Менделеева. Порядковый номер сорок один. Вот: нашел! Индекс КС-200.

Я поставил как можно точнее указатель шкалы на этот индекс и поднес аппарат к машине Коваля. Синяя черта не проявляла ни малейшего намерения увеличиться.

— Никаких признаков, — сообщил я.

— Я говорю: аппарат расстроили, — убежденно сказал Сандро. — Мы немного поторопились со своими приборами. Они у нас еще недостаточно надежны.

Мы огорченно переглянулись.

— А вот и Омегин, — сказал вдруг Андрей, — жалуется нам в гости. Понравились ему мы.

Действительно, из кустов выбежала низкая кривоногая собака; за ней шел Омегин с ружьем за плечами.

Сандро выразительно подмигнул мне и, вытащив из палатки второй аппарат, исчез между деревьями. Он решил посетить лабораторию Омегина в отсутствие ее хозяина.

В это время с противоположной стороны поляны показался страшно довольный Коваль. Сбоку у него, пристегнутые к петелькам охотничьей сумки, болтались две крошечные пичужки. Я вспомнил, что не слышал выстрелов. Неужели он забрел так далеко?

Охотники познакомились друг с другом.

— Тоже ружьишком балуетесь? — спросил Коваль Омегина.

— Да, так иногда, — несколько смущенно ответил тот.

Он полез в карман за табаком и, набивая трубку, иронически спросил меня:

— Ну, а как ваши успехи? Как рубидий? Не нашли еще?

Я ничего не ответил, занятый тем, что настраивал аппарат на индекс реактива, который мы встретили на складе у Шамсудинова.

Да, сомнений не было: луч указывал на Омегина! Неужели это он «испытывал» реактив на болтах нашей машины?

— Я замечаю, что луч вашего аппарата смотрит на меня, — усмехнулся Омегин, раскуривая трубку. — Уж не обнаруживает ли он залежи рубидия у меня в кармане?

Я невольно щелкнул переключателем, чтобы Омегин не заметил, на каком делении стоит указатель шкалы. Мне не хотелось, чтобы Омегин запомнил этот индекс. С деланно-равнодушным видом крутил я рукоятку настройки. И, словно в насмешку, в тот самый момент, когда указатель шкалы прошел мимо индекса рубидия, светящаяся черта вздрогнула, увеличилась и действительно указала на Омегина.

Совершенно невероятная вещь: рубидий у него в кармане! Может быть, он действительно знает, где находятся месторождения этого редкого металла, и даже взял на пробу куски минерала лепидолита, из которого добывается рубидий. Но он вряд ли скажет это нам... Если бы хотел, давно бы сказал. Что за странный человек!

«СОБАЧИЙ РОБОТ»

ЧЕМ БЫ заинтересовать Омегина, чтобы задержать его здесь? Омегин дымил трубкой, внимательно рассматривая наш аппарат, затем наклонился и погладил свою таксу. Кажалось, сама природа надсмехалась над этим животным, вывернув ему передние ноги и прижав заднюю часть туловища к земле.

— Не по специальности собачку используете, товарищ охотник, — заметил Коваль, — не по птице, а по лисице гонять ее надо. За этим такая и сконструирована — лисьи норы разрывать.

— Ничего, у меня и такая пойдет, универсальный пес. А вы без собаки ухитряетесь? И какие результаты?

— Да вот сейчас двух взял тут в кустах, — небрежно заметил Коваль. Потом, взглянув на меня, почему-то смутился и неестественно быстро заговорил: — Ну, пошли, пошли... Если идти, так сейчас, а то солнышко уже скоро начнет садиться.

— Ну что ж, мы к вам тоже присоединимся, — предложил я. — У нас тоже собака найдется.

— А какой она породы? — спросил Омегин.

Я засмеялся.

— Видите ли, такой породы вообще не существует. Это, пожалуй, единственный экземпляр в мире...

Омегин удивленно взглянул на меня:

— А как же ее зовут?

— Да пока еще никак.

— Как же она отзывается, на какую кличку?

— А она не отзывается.

— Глухая? — участливо спросил Омегин.

— Вот именно, глухая! — воскликнул я. — Поэтому и клички у нее нет. Впрочем, между собой мы этого пса зовем Мартыном.

Я принес из палатки большой синий чемодан и поставил его на землю.

— Вот здесь мы его держим.

...Мартык вырвался из моих рук...

— Ну и конура! — заметил Коваль.

Я вынул ключ из кармана и вставил в скважину. Замок щелкнул, крышка упала на землю, и все увидели на дне чемодана макет собаки, сделанный из пластмассы.

Я вытащил эту игрушку и поставил на дорогу. Собака была сделана преувеличенно карикатурно: белая, с рыжими пятнами, с большой головой и огромными ушами. Одно ухо было опущено, другое поднято. Левый глаз косил. Морда с широко расставленными ноздрями припала к самой земле, как будто собака к чему-то принюхивалась. Лапы ее были вытянуты, а между ними по всему брюху тянулись ленты рубчатых резиновых гусениц. На спине находились ручки управления этим необычайным аппаратом.

— Странная игрушка, — заметил Омегин. — Не пойму ее назначения.

— А вот сейчас узнаете, — сказал я, включив пусковую кнопку на спине у собаки.

Контрольные лампочки в глазах пса загорелись синим светом, загудел мотор, и игрушка затрепетала от внутренней дрожи.

Я подошёл к разостланной на земле скатерти, с которой еще не были убраны остатки нашего завтрака, и взял кусочек хлеба. Затем нагнулся к собаке, повернул ручку у нее на спине и поднес кусок к носу Мартына. Собака двинулась ко мне, шлепая по дорожке резиновыми гусеницами. Я отошел в сторону — она повернула за мной.

Я водил куском хлеба по траве, и собака все время следовала за мной, до тех пор, пока не уткнулась носом мне в ноги.

— Хороший пес, умный, — ласково гладил я макет собаки по блестящей спине.

Я бросил в сторону кусок хлеба. Мартын вырвался из моих рук, подбежал к куску и уперся в него черным носом.

— Хлеба он не ест, — сказал я. — Питается электроэнергией.

— Занятная игрушка! — промычал Омегин.

— Это демонстрационная модель нашего усилителя запаха, — объяснил я. — Вообще прибор делается в виде простого прямоугольного ящика, но этому варианту мы нарочно придали такую смешную форму.

— Забавная пародия на «робота», — усмехнулся Омегин. — Но как он движется?

— Обратите внимание на широко расставленные ноздри. В них засасывается воздух. Запах, приходящий справа, попадает в правую ноздрю, а идущий слева — в левую. Каждая ноздря соединена со своим усилителем запаха. В модели их два. Дальше используется обычное телемеханическое устройство. Грубо говоря, ток от левого усилителя попадает в электромагнит, который включает правую гусеницу, и тогда модель пойдет влево, как миниатюрный танк. Так же

работает и правый усилитель. Следовательно, где сильнее запах, туда и ползет аппарат.

Омегин покачал головой. Он подозвал к себе таксу и, почесав ее за ухом, с усмешкой заговорил, обращаясь к ней и искоса поглядывая на нас:

— Ты теперь безработная собака. Поняла? Теперь тебе нечего делать. Человек уже сможет обойтись без твоего несравнимого чутья. Так, по крайней мере, утверждают некоторые изобретатели.

— Мы этого не утверждаем, — возразил я. — Собака остается другом человека. Она ему еще послужит. И, кроме того, я вообще люблю собак. Но факт остается фактом. Наша механическая собака по дальности определения запаха превосходит вашу. Могу это доказать. На какую дичь настраивать Мартына?

— Ставьте на тетерева, — важно заметил Коваль, — уверен, что без тетеревиного петушка я домой не приду.

— Смело вы загадали, — заметил я, — обычно охотники редко бывают столь уверены в результатах своей охоты.

— Ну, какие это охотники...

Я посмотрел в записную книжку, где для Мартына были указаны индексы запахов, и поставил ручку шкалы на индекс тетерева. (В книжке были записаны индексы запахов разной дичи, встречающейся в наших местах.) Затем я включил компрессор и мотор гусениц.

Мартын шумно вздохнул. Мелкие капельки воды, оставшиеся после дождя, потянулись в его широкие ноздри.

Вдруг он задрожал и медленно пополз, выставив вперед свои рыжие лапы. Он прополз два или три метра, затем повернул направо и направился к Ковалю. Коваль смущенно отошел в сторону. Но Мартын снова подполз к нему.

Леди, собака Омегина, тоненько тявкнула и, дрожа всем телом, прижалась к хозяину.

— Так вот кто тетеревиный петушок, — усмехнулся Омегин. — Ну что ж, будем считать первый опыт натаскивания искусственной собаки на тетеревов неудачным.

— Нет, этого не может быть, «СЛ-2» никогда не ошибается, — возразил я, не без удивления глядя, как Мартын тычется носом в высокие сапоги охотника.

Коваль смущенно улыбнулся, открыл свою сумку с бахромой и вытащил оттуда длинношеюю птицу.

— Не хочу порочить аппарат, совесть не позволяет, — сказал он. — Каюсь, повстречался мне тут недалеко от лагеря охотник, я и купил у него эти две пичужки и тетерева. Не хотелось, как говорится, для первого знакомства в грязь лицом ударить. Вот я и обзавелся на всякий случай готовыми трофеями.

— Ну и собака! — восхищенно сказал Омегин. Наконец-таки он оценил нашего Мартына. — Учужала, что в сумке лежит. Прямо, надо сказать, здорово.

— Может, к реке спустимся? — скрывая смущение, проговорил Коваль.

Я справился в книжке, поставил шкалу на новый индекс и взял Мартына подмышку. Мы направились к реке.

Мне хотелось как можно дольше задержать Омегина, чтобы Сандро мог выполнить свою задачу. Я почему-то верил, что Омегин ни в чем не виноват, и мне хотелось иметь доказательства его невиновности.

Стоял один из тех погожих вечеров, что так радуют сердце любителя природы. Никогда не сотрутся в памяти — эта зеркальная гладь засыпающей реки, эти два медленно плывущих друг к другу солнца — в небе и в воде...

Я опустил модель на небольшую луговину, заросшую осокой.

— Смотри, чтобы в камыши не удрал, там его не найдешь, — предупредил Андрей.

Уже начинало темнеть. Мартын медленно полз по вы-сокой траве. За ним шагал Омегин. Он держал ружье наготове, но, как мне казалось, не верил все же, что с Мартыном можно всерьез охотиться. Ведь живая собака делает стойку, когда почует дичь! А этот «собачий робот», разве он может сделать настоящую красивую стойку, с поднятой лапой?

... Совсем близко, почти из-под носа Мартына, взлетела утка...

Вдруг Омегин вздрогнул. Мартын остановился, и у него на хвосте зажглась красная лампочка.

Звучный хохот Коваля прогремел вместо выстрела.

Совсем близко, почти из-под носа Мартына, взлетела утка. Омегин вскинул ружье, раздался запоздалый выстрел, но птица была уже далеко.

— Вот в таких случаях, — ехидно заметил Андрей, — собака оборачивается и посылает охотника к чорту.

— А это нетрудно сделать, — подхватил я. — Можно поставить внутри макета собаки звуковоспроизводящий прибор с пластинкой, усилитель уже есть — значит, нужно, пристроить только громкоговоритель. А включаться все это будет от выстрела.

— Вполне осуществимо, — согласился Андрей. — Достаточно поставить микрофон и реле. От сотрясения воздуха микрофон пропустит ток в реле, пластинка закрутится, и наш Мартын гаркнет басом: «Надо лучше стрелять, мазила!»

— Но ведь он будет так гаркать при каждом выстреле, все равно — убил охотник или не убил, — сказал, смеясь, Коваль, которому, видимо, понравилась эта затея.

— И правильно сделает, — мрачно проворчал Омегин.

— Почему?

— Потому что хороший охотник с ним не пойдет.

— Как так? — удивился Андрей.

— А вот так, — совершенно серьезно сказал Омегин. — Вся романтика охоты пропадает. Вместо хорошей собачьей стойки, из-за которой иной раз и ходит на охоту настоящий любитель, любуйтесь — красная лампочка на хвосте! Вы бы ему еще транспарант сзади устроили, который бы загорался вместе с лампочкой, а на нем надпись: «Целься вернее — добыча твоя».

— Да уж, пожалуй, пусть лучше сама собака и стреляет, — все еще смеясь, предложил Коваль. — И приносит дичь домой. Очень удобно. Нажал на спине пса кнопку с надписью «утка» и пустил ее в камыши. Смотришь, через час приносит утку.

— И это можно сделать, — согласился Андрей, старавшийся, как и я, занять гостей разговором. — Пристроим у Мартына на спине дробовичок, и как почует наш пес утку, подкрадется к ней поближе, запах достигнет максимальной интенсивности, реле сработает, и дробовичок автоматически выстрелит прямо в цель.

— Нет, этого нельзя делать, — понижая голос, сказал я. — Слишком страшно...

— Отчего же? — не понял Коваль. — Мне, например, нравится.

— Нельзя, — убежденно сказал я. — Некоторым не понравилось бы тогда.

— Изобретателям, что ли? — попытался съязвить Коваль.

— Нет, охотникам, которые покупают дичь заранее и прячут ее в сумку. Заряд может попасть не по адресу. Вспомните, как вы бегали от Мартына.

Громкий смех нарушил вечернюю тишину. Смеялись все. Казалось, что смеялся даже Мартын, у которого на хвосте дрожала красная лампочка.

Но мне было не до смеха. Сколько прошло времени? Полчаса, не больше. Этого мало. Надо, во что бы то ни стало, задержать Омегина хотя бы еще на полчаса.

Я подошел к Мартыну, опустил на сырую траву и стал придумывать, какой еще показать интересный фокус, чтобы этим увлечь Омегина. Но ничего в голову не приходило. Вращая ручку шкалы, я невольно все время останавливался на индексе ДЗ-577 — индексе разъедающего железа реактива.

— Товарищ Омегин, — сказал я, поднимая голову, — давайте еще раз попробуем. Если вы сейчас...

Удивленный, я оглядывался по сторонам: Омегина не было, Андрей и Коваль, стоявшие поодаль, о чем-то спорили.

ПРИПОДНЯТЫЙ ЗАНАВЕС

Я сидел около входа в палатку и, обняв за шею Мартына, гладил его холодные бока. Коваль уехал в город, как Андрей ни уговаривал его остаться на ночь с нами. Андрея интересовал не столько сам Коваль, сколько его машина: наша еще не была отремонтирована, мотоцикл тоже не был в порядке. Андрей думал использовать машину Ковалья для вторичного нашего визита к Омегину. Омегин как исчез внезапно в разгар охоты, так больше и не появлялся.

«Если Омегин бродит где-нибудь поблизости, — подумал я, — то Мартын найдет его. Ведь его следы остались на дороге. А на них запечатлелся запах реактива».

Я нажал кнопку на спине Мартына, но тот стоял на месте, не пытаясь даже сдвинуться. Я вытащил его на дорогу, и тут Мартын вырвался у меня из рук. Я побежал за ним.

Робот на мгновение, точно в растерянности, остановился на небольшой полянке, затем прополз немного вправо, потом медленно возвратился на место. После этого он снова повторил тот же путь.

«Так, — подумал я, — все понятно. Значит, Омегин здесь кого-то ожидал, а может быть, и выслеживал».

Я оттащил собаку от этого замкнутого кольца и попытался поставить ее на новый след. Мартын бросился в кусты. Послышался сдавленный крик. Я зажег фонарик.

...Закрывая лицо от света, на меня шел человек, пригнувшись к земле...

Раздвигая кусты и закрывая лицо от света, на меня шел человек, пригнувшись к земле. Он поднял голову... Старое, сморщенное лицо, раскосые мигающие глаза показались мне знакомыми. Передо мной был сторож «железного кладбища».

— Что вы ищете в расположении нашего лагеря? — удивленно спросил я.

Старик вынул изо рта длинную трубку и выпустил через нос облако дыма.

— Барышню дожидался, — ответил он неторопливо. — Зачем на склад без спроса ездит? Кусок железа взяла, повезла на мотоцикле. Почему меня не спросила? Почему потихоньку?

— Но почему вы думаете, — спросил подошедший к нам Андрей, — что она должна сюда приехать?

— Зачем сюда? — удивился сторож. — Барышня поехала дальше, отвезет железо, поедет обратно.

— Куда отвезет?

— Почему я знаю куда? Два раза уже ездила. Все по этой дороге.

Он махнул в сторону, где был домик Омегина.

Наступило молчание. Старик пыхнул раза два своей трубкой и, не прощаясь, скрылся в темноте.

...И вот снова мы с Андреем идем по дороге к дому Омегина. Тревожное настроение все усиливается. Надо же когда-нибудь распутать этот клубок неясных подозрений, что так мешает нам заниматься своим делом. Правда, нам удалось попутно испытать аппараты в новом применении. Но разве это главное?

— Смотри, это она! — остановил меня Андрей, указывая на след от мотоцикла.

Чтобы разрешить сомнения, я включил кнопку на спине Мартына и поставил его на дорогу. Мартын почти выпрыгнул у меня из рук и помчался по узорчатому следу мотоциклетных шин, отпечатавшихся на песке. Скоро он исчез, и я пожалел, что у нашей собаки не было ошейника с цепочкой.

Луна скупно просвечивала сквозь рваные облака, когда мы подошли к дому Омегина. Слабый свет едва проникал изнутри дома сквозь круглые иллюминаторы в первом этаже. Вдруг ослепительно синий луч прорвался сквозь одно из окон. В тот же момент послышалось мощное рычание мотора. Синий свет то вспыхивал, то угасал, мотор угрожающе ревел; казалось, хрупкие стены здания вздрагивали от внутреннего напряжения.

Чья-то рука опустилась на мое плечо. Я обернулся.

— Она там, — сказал Сандро, неожиданно появившийся около нас на пороге. — Что там творится, понять не могу. Я нашел здесь индекс ДЗ-577. Почему так скоро хозяина отпустили? Смотрю, бежит по дорожке, торопится...

— Мотоциклистка что-нибудь привезла с собой? — спросил Андрей.

— Большой длинный сверток.

Андрей многозначительно взглянул на меня. Я вспомнил рассказ Шамсудинова.

— Нужно проследить, куда направится отсюда мотоциклистка. Уж если мы начали заниматься этим делом, надо довести его до конца.

Синий свет в окне погас. Подождав несколько минут, мы тихонько подошли к зданию.

— Тебе не удалось заглянуть в окно? — спросил Андрей у Сандро.

— Очень высоко. Я не мог добраться до него. Попробуем вдвоем.

Он влез на плечи Андрея и заглянул внутрь. Мы с нетерпением ждали результатов его наблюдений. Но он быстро спрыгнул на землю и разочарованно заметил:

— Стекло матовое, ничего не видно.

В этот момент свет в окнах мигнул и слегка померк, и мы услышали, как снова загудела какая-то мощная установка. Мы обошли вокруг здания.

Сандро тронул меня за рукав.

— Смотри, а это что такое? — он указал на огромные шары, укрепленные на стене здания. От них шли цветные

Жанье
-сила

... В ЛАБОРАТОРИИ МЫ УВИДЕЛИ СКЛОНИВШИЕСЯ
НАД СТОЛОМ ФИГУРЫ...

Рис. Г. БАЛАШОВА

пластмассовые трубы внутрь помещения. Я вспомнил установку для смены цветов купола.

— Поищи, нет ли там вентиля?

— Есть тут какая-то рукоятка.

— Попробуй повернуть.

Тихо зашипел выпускаемый из баллона воздух. И вот постепенно начали светлеть снизу темные стены. Они становились почти прозрачными, темнота отступала, словно поднимался театральный занавес. Казалось, это приподнялась завеса над тайной, нависшей над этим странным домом.

Вот занавес дополз до половины. Яркий свет вырвался из лаборатории.

— Довольно, — сказал я Сандро, — можно закрыть кран.

В лаборатории, уставленной колбами и аппаратами, мы увидели три склонившиеся над столом фигуры. Благодаря особенностям преломления света в прозрачной стене, они казались окруженными радужными ореолами и двигались словно в сетке из разноцветных нитей. В одной из фигур в белом халате мы легко узнали широкоплечего Омегина. Другая, в синем комбинезоне, по-видимому, была мотоциклистка. Третьего человека я не знал.

Люди в лаборатории не замечали, что стена стала прозрачной: снаружи было темно.

Вот Омегин взял с пола завернутый в темную ткань длинный предмет.

— Смотрите, — прошептал Сандро, — этот сверток был у мотоциклистки.

Темное покрывало скользнуло на пол. По характерным очертаниям я узнал кусок рельса. Трудно было рассмотреть, но мне показалось, что этот обломок покрыт красной, как киноварь, ржавчиной.

Все трое склонились над рельсом, как врачи над больным. Казалось, они готовятся к трудной операции. Мелькнул отблеск ланцета. По-видимому, Омегин снимал налет ржавчины и складывал его в пробирку с жидкостью.

Омегин взял пробирку, в которой только что был растворен налет ржавчины, взболтнул несколько раз и вылил

содержимое на другой кусок рельса, который он взял со стола. Все склонились над ним. Затем Омегин взял первый кусок рельса и положил в какую-то странную камеру, из которой лился синий свет. В лаборатории потемнело.

Мы ждали, затаив дыхание. Вдруг открылась дверь, и на пороге показались две фигуры: Омегин в белом халате с трубкой во рту и незнакомка в комбинезоне, наглухо застегнутом белом шлеме и очках. Сандро потянул меня за руку. Мы спрятались в кусты.

— Так помните, — слышали мы голос Омегина, — Дворец культуры! Время дорого: ведь завтра открытие... Только осторожно. Не разбейте, — и Омегин передал мотоциклистке темный чемодан.

Незнакомка пристегнула чемодан к багажнику, завела мотоцикл и быстро скрылась по дороге в город. Сандро рванулся за ней, но я удержал его за рукав.

— Тсс, нельзя, — прошептал я, — Он не должен ничего знать, иначе мы все провалим.

Омегин некоторое время смотрел вслед мотоциклу, исчезнувшему в темноте, затем медленно повернулся.

— Мартын! — прохрипел Сандро, до боли сжимая мне руку.

Около ступенек, уткнувшись носом в землю, стоял Мартын, как бы ожидая дальнейших распоряжений. Он, наверно, где-нибудь по дороге попал в канаву, но благополучно выбрался и теперь пришел по следу.

Омегин нагнулся. Я думал, что он увидел нашу собаку, но нет: он смотрел на прозрачные стены своей лаборатории.

Хлопнула дверь. Мы слышали, как Омегин застучал сапогами внутри здания. Сандро выбежал из укрытия, схватил Мартына и бросился к нам. Почти тотчас же снова появился Омегин уже с помощником. Они осмотрелись по сторонам. Потом Омегин указал помощнику на цветные баллоны. Тот быстро подошел к крану, и коричневый занавес начал медленно опускаться. Снова над этим странным домом нависла неведомая тайна.

ПО НЕВИДИМЫМ ПУТЯМ

— ТЕБЕ придется остаться здесь, — сказал Андрей. — Следи за Омегиным. Куда он, туда и ты. Понятно?

Сандро понимающе кивнул и спрятался в кустах. Мы с Андреем поспешили к лагерю.

Было трудно бежать в темноте. Мокрые ветви больно хлестали по лицу. Я держал под мышкой Мартына. Андрей нес «СЛ-1».

В лагере нас ждала приятная новость. За время нашего отсутствия шофер исправил мотоцикл.

— Машина тоже скоро будет готова, — сообщил он. — Достал болты. Выпросил запасные у водителя машины Коваля. Чудные какие-то. Но по размеру подходят: стандарт!

Он протянул руку, в которой лежал болт из золотистого металла, сияющий при свете костра.

Я тут же принял решение.

— Твоя задача, — сказал я Андрею, — во что бы то ни стало догнать мотоциклистку. Нужно под любым предлогом проверить ее багаж. Возьми мотоцикл.

Я остался один в лагере.

«Скорее нужно распутать эту историю, — думал я, — и вернуться к нашей прямой обязанности: найти рублидий».

Урал. Чего здесь только нет? Сколько богатств скрыто в недрах земли! Полный ассортимент элементов таблицы Менделеева. Здесь не только железо, играющее такую роль в жизни человека, но и самые редкие элементы на земле: цезий, рублидий, индий, бериллий, ниобий, цирконий... Впрочем, для советских людей они перестают уже быть редкими. Все шире и шире черпает советский человек нужные ему химические элементы из сокровищницы Урала. Мы должны пополнить этот драгоценный фонд страны, найдя месторождение рублидия.

Но как поступить с Омегиным? Не лучше ли пойти прямо в городские организации и рассказать там обо всех наших подозрениях? Но уж очень необоснованными они могут по-

казаться. Нет, все-таки надо рассказать все, что мы знаем, и все, что думаем. Хотя бы просто посоветоваться...»

Шофер в это время доложил, что машина готова, и это заставило меня принять окончательное решение: — Едем!

Машина мчалась по ровному шоссе. Мелкие камешки барабанили по обшивке кузова, иногда они взлетали перед фарами, вспыхивая, как алмазы.

Но вот и город. Огни в домах уже потушены. Ночь.

Машина остановилась около нового дома.

Парадный подъезд дома был украшен блестящей узорчатой балюстрадой. Это здание Горсовета. В одном окне, на втором этаже, виден свет. Но мой рассказ не для дежурного. Придется ждать утра.

Я стоял у подъезда, держа в руках чемоданчик: я собирался показать наш прибор — ведь он играл столь существенную роль во всей истории.

Машинально скользит рука по гладкой поверхности аппарата. Я нажал кнопку. Засветился экран. Появился короткий синий штрих. Он стал вытягиваться по направлению к зданию Горсовета. Взглянул на шкалу: рубидий! Здесь, в Горсовете? Невольно глаз начал искать мешки с лепидолитом, просыпанные крошки минерала на ступенях... Может быть, сюда приносили образцы руды?

Но нет, луч «СЛ-1» показывал на металлическую балюстраду, блестящую в свете уличного фонаря.

Я пригляделся: ну, конечно, это тот же золотистый металл, что так поразил меня в машине Ковалю.

Все еще ничего не понимая, я пошел по пустынной ночной улице, приказав шоферу следовать с машиной за мной.

Я держал прибор включенным, и время от времени мог видеть, как голубая черта указывала то на то, то на другое новое здание. Из нового, неизвестного мне металла были сделаны литые украшения, ограды, решетки и даже фасонные водосточные трубы.

«Значит, этот сплав дешев, — подумал я, — раз его так щедро применяют в этом городе. Но при чем здесь рубидий?»

Пройдя несколько кварталов, я очутился возле Дворца культуры.

Вот оно, это прекрасное огромное здание. Решетка подвального этажа. Приближаю аппарат. Синий луч упирается в край экрана. Везде в блестящем металле этого нового города присутствует рубидий, который мы никак не могли найти своими аппаратами.

За спиной послышался осторожный кашель.

Я оглянулся. Передо мной стоял человек невысокого роста, в полувоенном костюме и щегольски начищенных блестящих сапогах.

— Будем знакомы, — с некоторой иронией проговорил он. — Комендант вот этого здания, — и он взглядом показал на розовые стены. — Осмелюсь спросить, чем вы изволите здесь заниматься?

Я, как мог осторожнее и короче, рассказал ему о том, кто я такой, о наших аппаратах, об Омегине, о мотоциклистке.

— Это сотрудница Омегина, — сказал комендант, выслушав мое описание мотоциклистки. — У нее пропуск от главного строителя здания. Выдан по ходатайству Омегина — его в городе знают. Женщина сейчас в здании. Полчаса как приехала. Согласен, что это немного странно... Тем более что у меня имеется категорическое приказание: никого сегодня, в эту ночь, внутрь здания не пускать. Непонятное исключение...

Однако мое предложение проникнуть внутрь здания и поговорить с мотоциклисткой комендант решительно отклонил.

— Вас я не могу пустить, — сказал он просто. — У вас нет пропуска. Должен вам сознаться, что я и сам не имею права сегодня входить туда. Категорически запрещено. Ни одна душа! Единственное исключение было сделано для этой женщины. Впрочем, я попробую позвонить главному строителю. Правда, уже поздно...

Комендант ушел.

Не успел он исчезнуть, как на другой стороне улицы по-

казался странный прохожий. Он не то бежал, не то шагал, запыхавшись.

Это был Андрей. Я оглядел его запыленный костюм, разорванный рукав, усталое лицо...

— Где же ты пропадал?

Андрей махнул рукой и полез за платком, чтобы вытереть лоб.

Авария произошла с ним у самого въезда в город. Увлеченный погоней, он чуть не налетел на шлагбаум железнодорожного переезда.

— Мотоцикл пришлось оставить у сторожа в будке.

Я сообщил Андрею все, что произошло со мной.

— Нечего ждать, пока комендант дозвонится до начальника строительства, — решил Андрей. — Время идет, и пока все проснутся, будет уже поздно. Да и начальнику строительства нужно опять все рассказывать сначала. Обстоятельства складываются так, что мы должны действовать сами. Я иду во Дворец. Согласен?

Я кивнул головой. Моим настойчивым другом овладел азарт охотника. Он решительно зашагал прямо к парадному подъезду. Но там его остановил сторож. Что Андрей сказал сторожу, так и осталось для меня в тот день тайной, но сторож, к моему изумлению, пропустил Андрея внутрь здания.

На тумбе у входа висела афиша. Она шевелилась от ветра. Я подошел к ней и при свете, падающем из окон здания, прочел: «Дворец культуры. Завтра открытие! Концерт. Бал».

Из-за поворота показалась машина. Она остановилась около меня. Машина была необыкновенной. Представьте себе пятитонку, у которой в кузове стоит большой медный цилиндр и рядом с ним огромный прожектор. И вдруг из-за странного цилиндра вышел... Сандро.

Хлопнула дверца кабины, и ко мне направилась другая знакомая фигура. Это... Омегин!

КИПЯЩИЙ АКВАРИУМ

АНДРЕЙ бежал по главной лестнице вверх. Везде горел свет. Видимо, электротехники пробовали вечером освещение, да так и оставили его включенным, получив приказ покинуть здание. По широкой лестнице из зеленоватого камня спускалась голубая бархатная дорожка. Как будто бежал водопад, скатываясь по порогам.

Андрей подошел к дубовым дверям с бронзовыми украшениями. За ними он увидел зал со строгими, блестящими колоннами, как будто выточенными из слоновой кости. Свет хрустальной люстры из тысяч ламп отражался в зеркале блестящего паркета.

За большим залом был вестибюль, отделанный цветными тканями. Сбоку изгибалась широкая лестница, покрытая красным бархатным ковром. А над нею, на золотых цепях, висела прозрачная хрустальная доска с какой-то золотой надписью.

«Бельэтаж, левая сторона», — прочитал Андрей, поднимаясь на первую ступеньку.

Вот и зрительный зал. Здесь было полутемно, только горела рампа, как перед началом спектакля. Андрей оглядел зал и заметил за барьером третьего яруса темную фигуру с фонарем в руках. Он побежал вверх. Лестницы во Дворце показались Андрею нескончаемыми. Он осматривал первый, второй, третий ярус. Никого не было.

Андрей поднимался все выше. Наконец, больше идти некуда. Выход на крышу. Сквозь стеклянные двери видна надпись из неоновых трубок: «Кафе».

От ветра сама распахнулась высокая дверь. Как белые водяные линии в темной воде, тускло блестели круглые мраморные столики. Белая колоннада окаймляла плоскую крышу. Пустота.

Он побежал вниз по лестнице. Мелькали золотые надписи: балкон, ярусы, бельэтаж. Андрей поспешил в другое крыло здания, где были расположены комнаты отдыха, гостиные, лекционные залы.

Откинув тяжелую портьеру, он остановился: посредиго-стиной с мягкой мебелью бледно-зеленого шелка стоял огромный круглый аквариум. Цветы в вазах на бронзовых подставках отражались в тихом зеркале воды. За аквариумом от пола до потолка, почти во всю стену, синело окно с тонким белым переплетом. По сторонам от него стояли высокие пальмы, простиравшие перистые листья под сводчатым куполом.

Красные и золотые рыбки с пестрыми прозрачными хвостами плавали в зеленоватой воде аквариума, освещенной изнутри слабым рассеянным светом.

Андрей подошел к аквариуму и положил руку на чугунную подставку художественного литья. Внезапно он резко отдернул руку: железо было горячим.

Дуя на обожженные пальцы, Андрей попытался объяснить себе это непонятное явление. Никаких внешних признаков подогрева металлических частей аквариума не было заметно.

«Отчего же нагрелись эти чугунные листья?» — подумал он, и ему захотелось еще раз испытать этот ожог. В нем заговорил экспериментатор. Снова дотронулся он до чугунных листьев — никакого впечатления. Решетка была холодной.

Пожав плечами, Андрей подошел к окну и взялся за бронзовый барельеф, окружавший раму. Острая боль заставила его вскрикнуть. Ему показалось, что его рука коснулась раскаленной плиты.

Что это такое?

Он притронулся еще раз — бронзовый барельеф был совершенно холодным.

«Нет, такие вещи, в которых я никак не могу разобраться, мне совсем не нравятся», — подумал Андрей.

Он помахал обожженной рукой. «Надо приложить к чему-нибудь холодному», — подумал он и прикоснулся к стеклу. Приятная прохлада успокоила боль. Но вдруг Андрею показалось, что стекло мгновенно раскалилось.

Он отдернул руку.

Через минуту Андрей стоял у аквариума и смотрел на него расширенными от удивления глазами. Вода в аквариуме кипела, выплескиваясь через край. Золотые и красные рыбы трепетали на поверхности.

Затем кипение сразу прекратилось. Ни одного пузырькане поднималось со дна. Андрей сунул руку в аквариум. Вода была холодная. Мертвые рыбы плавали на поверхности вверх животами.

Распахнулась противоположная дверь, и на пороге показалась девушка в синем комбинезоне.

Андрей крикнул.

Незнакомка вздрогнула и обернулась к нему. В тот же миг зазвенели стекла в окне, какая-то необыкновенная сила ударила Андрея по затылку, острая обжигающая боль, как электрический ток, пронеслась по телу, перед глазами поплыли разноцветные круги, и он потерял сознание.

ЧЕРНЫЙ ПРОЖЕКТОР

ОМЕГИН шел ко мне, протягивая руки и широко улыбаясь. Он взглянул на мой аппарат и рассмеялся:

— Уж не меня ли вы ищете своим усилителем запаха? Чудесное занятие. Приехали искать рубидий, а нашли человека, который разрушает железо. Не правда ли, острая неожиданность?

Я ничего не понимал, неужели Сандро рассказал о наших подозрениях. Какая потрясающая бестактность... Или может быть... беспечность?.. Сандро взглянул на меня и, увидев, как я недоверчиво смотрю на Омегина, быстро заговорил:

— Не беспокойся, все хорошо. Мы столько ошибок наделали, что теперь нам самим не разобраться... Я знаю только одно, что Омегин ни в чем не виноват...

Я взглянул на Омегина, затем на экран аппарата, где был поставлен индекс разъедающего реактива... Светящаяся черта упорно указывала на хозяина пластмассового дома... Потом я перевел взгляд на медный цилиндр, на огромный

черный прожектор с маленьким зеркальным кругом в центре и сказал, обращаясь к Омегину:

— Может быть, вы все-таки поясните, что вы хотели сказать вашим ироническим замечанием?

— Вы мне не доверяете, я это знаю. Быть может, я в этом сам виноват... — ответил Омегин. — Я всегда обставлял свои опыты с непонятной на первый взгляд таинственностью, особенно, когда узнал, что вы следите за мной. Да, да, не отрицайте этого. Мне все известно. Думаете, я не догадался, кто сделал мой дом прозрачным, выпустив из него темный состав? Я прекрасно понимал, что вы ищете мои следы своими аппаратами... — он взглянул на мое смущенное лицо и продолжал: — Откровенно говоря, у меня были некоторые основания скрывать от вас результаты моих опытов.

— Каких опытов? — настороженно спросил я.

— Опытов по борьбе с железной коррозией, то есть, попросту, с обыкновенной ржавчиной.

— Но позвольте, надо быть последовательным, — перебил я его. — Вы же химик, и возитесь с разными пластическими массами, я слышал ваши рассуждения о необходимости замены металла пластмассами. Не скрою, что именно этот ваш технический фанатизм и заставил моих товарищей, а затем и меня несколько настороженно относиться к человеку, который с такой ненавистью говорил о железе.

— Я так и знал: Беридзе говорил мне о том, что вы подозревали меня в каких-то чудовищных поступках.

Я снова смутился.

— Признаться откровенно, подозревали... Когда вы впервые появились в нашем лагере, я видел вас с какой-то пробиркой.

— Это была моя горная смола.

— Ну да, но это стало известно только потом... Сразу же после вашего посещения мы обнаружили разъеденные совершенно невероятной коррозией болты у машины.

— Кстати, откуда они попали к вам? — перебил меня Омегин.

— Не знаю. Шофер говорил, что их он недавно сменил на своем заводе.

— А где он работал?

— На «Прикамской стали».

— Так, теперь и это понятно. Он мог их взять из трофейного лома на складе. Продолжайте, я вас слушаю.

— Затем мы увидели анатомирование железной рельсы, доставленной с трофейного склада; да мало ли других фактов заставляло подозревать вас...

— А вы понимаете мое положение? — перебил меня Омегин. — Приезжает какая-то, никому неизвестная экспедиция. Никто о ней ничего не знает, работает она втайне, ищет странными методами по запаху рублий, находит железо, прямо под моим домом, и главное, очень интересуется моими работами. Вы представляете, что я должен был о вас думать? Но, конечно, самое главное, что особенно укрепило мои подозрения, это подосланная вами в мою лабораторию неизвестная девушка. Она все узнавала... все высматривала...

— Поймите, поймите, какая девушка? Вы говорите о вашей сотруднице в синем комбинезоне? Не так ли?

— Нет, у меня такой не было... Позвольте, — с раздражением продолжал Омегин, — быть может, вы станете утверждать, что она подслана не вами?

— Нет, конечно, ведь вы же вместе с ней проводили свои опыты. Вы ей давали задания...

— Да нет, вы ошибаетесь, она сама ко мне приехала, узнала, что у меня есть хорошая химическая лаборатория, притащила пробирку с какими-то окислами и просила сделать анализ. Через два часа снова появляется, говорит, что около склада трофейного лома нашла кусок железа с очень странными следами коррозии. Тоже просит исследовать. Мне не хотелось посвящать ее в сущность своих работ. Так вот поэтому я и говорю ей, что это, мол, случайное явление, не представляющее никакого интереса. Вечером она привозит мне целую пробирку этой ржавчины, а затем обломок рельсы. Ничего не поделаешь, пришлось все ей рассказать.

— О каких работах вы говорите? Что вы ей рассказывали? — еле сдерживая нетерпение и теряясь в смутных догадках, воскликнул я.

— Простите, вы, оказывается, не знаете самого главного. В моей лаборатории занимаются новыми методами защиты металла от коррозии...

Я все-таки никак не мог этому поверить.

— Вы занимались защитой металла?!

— Ничего удивительного в этом нет, — пожал плечами Омегин, — заменять металл, где это возможно, и сохранять его от коррозии — вот наша задача. Для этого мы разработали два способа. Один из них химический, пожалуй, он вам известен. Еще во время войны советскими инженерами был изобретен состав, который они назвали «Уникол». Его применяли для очистки от ржавчины оружия, ну, скажем если оно долго пролежало под снегом или в воде. После обработки этим составом поверхность металла становилась совершенно чистой, вся ржавчина полностью уничтожалась. Мы в наших работах пошли еще дальше. Нам надо было сделать так, чтобы после химической обработки железа новым разработанным в нашей лаборатории составом поверхность металла не только становилась бы зеркальной и чистой, но и совсем не подвергалась коррозии. Это нам почти удалось. В пятом секторе склада трофейного лома, который был отведен для наших опытов, мы покрывали этим составом танковую броню; разорванные орудийные стволы, детали автомашин и другие части стального лома, в котором было самое различное содержание дополнительных металлов, молибдена, хрома, кобальта и так далее. Такой опыт в большом масштабе нам был нужен для того, чтобы знать, как влияет новый состав на различные марки стали. Через некоторое время на поверхности металла появляется характерная для наших опытов красно-бурая ржавчина, которая так смутила вашу сотрудницу.

— Я же вам говорил, что у нас здесь нет никакой сотрудницы, — перебил я Омегина.

— Прошу извинения, — внимательно посмотрев на меня, проговорил он и продолжал: — Ну хорошо, пусть будет так. Эта незнакомка была очень удивлена необычайным действием такой усиленной коррозии, особенно потому, что под этим бурым налетом, иногда темно-красного оттенка, скрывался совершенно чистый, словно полированный до зеркального блеска металл.

— Я тоже был этим очень удивлен, — перебил его Сандро. — Помнишь, — обратился он ко мне. — На танковой броне я написал пальцем букву «С», и она засверкала, словно под ржавой массой было зеркало.

— И вот эта зеркальная сталь через некоторое время лопается, а затем уже, вероятно, и рассыпается в порошок, — иронически заметил я. — Так было с болтами у нашей машины, которые, вероятно, шофер достал из очередной партии лома, доставленного на завод «Прикамская сталь» для переплавки.

— Это верно, — совершенно спокойно проговорил Омегин.

— Что верно? — переспросил я. — Что сталь лопается, или что лом доставлен на переплавку?

— И то, и другое. Вспомните ваше путешествие по же-лезному кладбищу, где, как мне говорил ваш товарищ, вы были испуганы «ожившим железом». Это действовал наш реактив. После наших экспериментов уже не нужный лом поступает в переплавку на завод, где, видимо, соблазнившись совершенно новыми, блестящими, как зеркало, болтами, шофер решил их использовать для машины. Но должен вам сказать, что сталь после обработки нашими реактивами не лопается и не превращается в порошок, как вы говорите. Процесс дальнейшего разъедания металла под действием сильно действующего реактива № 1, как мы его называем, нейтрализуется реактивом № 2, которым мы потом покрываем металл. Вот, собственно говоря, он-то и является тем составом, защищающим железо от ржавчины, создавая на нем прочную защитную пленку от всех внешних воздействий. Вы видели в городе фонтан с ку-

пающимися мальчиками, он отсюда недалеко. На соседней улице.

— Я вчера утром его видел, — сказал Сандро. — Блестящий, как будто бы он только что облит ртутью.

— Вот он обработан по нашему способу. Вода совершенно не действует на эти стальные скульптурные фигуры.

— Все это очень хорошо, — сурово заметил я, — вода на сталь не действует, никакой ржавчины на ней не появляется, однако ваш реактив, как вы его называете — № 1, уже очень хорошо действует, полностью разрушая металл. Вы знаете, что произошло в домике сторожа?

— Нет, — ничего не знаю.

— Ваш реактив, который вы непредусмотрительно оставили на пятом секторе, был использован для смазки дверных петель и других железных предметов...

— Не может быть, — обеспокоенно проговорил Омегин. — Я помню, что мой лаборант оставил на складе флакон с реактивом, но я не придавал этому особого значения...

— Напрасно. Кстати, незнакомка, которая так неожиданно появилась у вас в лаборатории, знала о действии реактива № 1?

— Ну конечно, — нетерпеливо проговорил Омегин. — Но что вы хотите этим сказать?

— Ведь мотоциклистка с вашим реактивом побывала во дворце. А что если на металлических частях здания вдруг появится коррозия, как вы себя будете чувствовать?

Омегин взгянул на меня и спокойно заметил:

— Тут, конечно, мы ошибок наделали, но не беспокойтесь. У нас есть посильнее средство, чем нейтрализующий реактив. Теперь никакая, даже самая страшная коррозия не сможет существовать. Ее просто не будет.

— Опять вы о своих пластмассах. По-моему сейчас не до этого, — проговорил я и отвернулся.

— Да нет, вы меня не поняли. Впрочем, скоро увидите.

Человек в синей куртке выпрыгнул из машины на землю, потянул за толстый черный кабель на барабане, при-

строенном сзади кузова, и побежал в подъезд дома, таща кабель за собой.

... Человек потянул за собою толстый кабель.

Рис. Г. БАЛАШОВА
Е. ХЕЙНИШС

Сандро, хмурый, с зеленым от бессонной ночи лицом, медленно выползал из кабины.

Ничего не говоря, он вытащил из кузова свой аппарат, затем взял у меня другой аппарат — Мартына, поставил их около тротуара, затем оглянулся по сторонам и прикрыл Мартына газетой от любопытных взглядов двух мальчуганов, высунувшихся из окна.

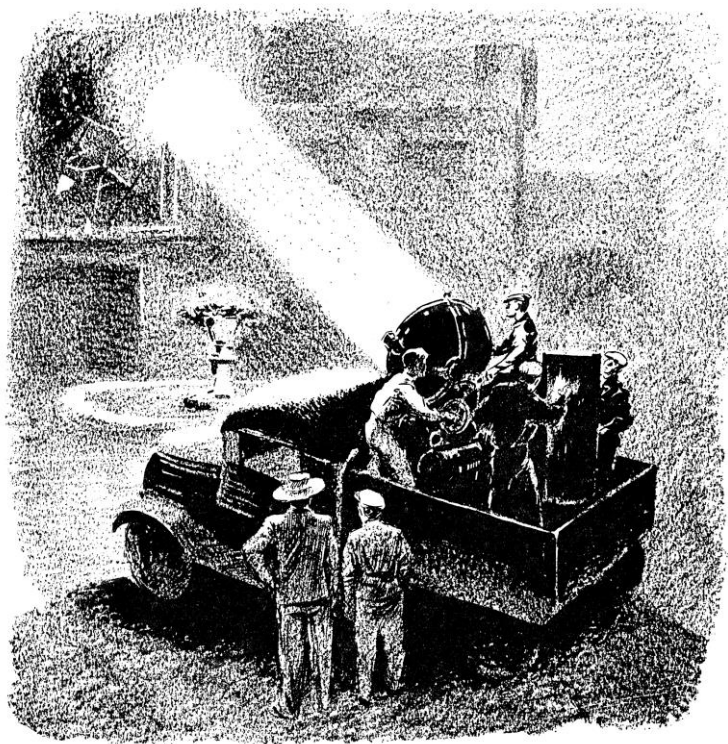
Я с большим вниманием присматривался к каким-то странным приготовлениям Омегина. Уже подошла другая машина с сотрудниками его лаборатории.

Они быстро разбежались по своим местам, как оружейный расчет, готовый к бою. Двое из них застыли у медного

цилиндра, а один устанавливал черный прожектор, направляя его куда-то вверх...

Я смотрел на розовое здание Дворца, vyplывающее из тумана, как огромный фантастический корабль. Оно казалось сейчас светящимся в отблеске зари.

Тонкий пронзительный свист прорезал тишину. Я взглянул на машину и увидел над ней словно выросшую высокую прозрачную колонну, упирающуюся в облака. Она, казалось, была сделана из синего стекла. Вдруг колонна закачалась, скользнула по крыше Дворца и исчезла.

...Черный прожектор был направлен куда-то вверх...

ОПЫТ ОМЕГИНА

УЖЕ стало почти светло. Тонкий прозрачный луч солнца вырвался из-за горизонта и повис на крыше Дворца. Он блестел на его белых колоннах, которые уходили далеко вверх и, казалось, как бы поддерживали тяжелые нависшие над зданием облака.

— Видели? — загадочно улыбаясь, проговорил подбегавший к нам Омегин. Из его трубки сыпались искры, как из трубы паровоза. — Сейчас все узнаете!

Вдруг Мартын, спокойно стоявший посреди дороги, сорвался с места и бросился к Омегину.

— Ну как хотите, Алексей Константинович, — решительно проговорил Сандро. — Мы с удовольствием сейчас посмотрим на ваши опыты, но только скажите, в каком кармане у вас лежит кусок лепидолита?

— Какого лепидолита? — удивился тот.

— Или амазонины, — добавил я, — или просто пробирка с солями рублидия,

— Что вы пристали ко мне с рублидием. Ищите лучше-горную смолу, — рассмеялся Омегин. — Вот честное слово, никогда я этим металлом не занимался. Смотрите, — он вывернул карманы, достал оттуда ключи, кошелек, носовой платок и передал мне. — Натэ, пусть ваш собачий робот проверит!

Я положил все эти предметы сбоку от Мартына, но он даже не повернулся к ним, уткнувшись носом в сапог Омегина.

— Видите, ничего нет, — смеялся Омегин, — собака-прекрасно в этом деле разбирается...

— Алексей Константинович, — крикнул издалека комендант Дворца. — Можно начинать.

Омегин, оставив у меня в руках все содержимое своих карманов, бросился к машине. К нашему удивлению, Мартын побежал за ним, шлепая по песку резиновыми гусеницами.

— Видишь, — многозначительно проговорил я, указывая на удаляющегося Мартына. — Ошибки быть не может. Омегин все-таки что-то от нас скрывает... Он знает, где находится рубидий. Пойдем!

Сандро медленно побрел за мной.

— Начнем! — крикнул Омегин, включая рубильник.

Загудел трансформатор, голубым светом вспыхнули колбы мощного выпрямителя. Сквозь отверстия в цилиндре стали видны раскаленные аноды генераторных ламп.

В руках у Омегина повернулся странный прожектор с черным зеркалом и блестящим кругом в центре.

— В здании никого нет? — слегка нахмурившись, спросил Омегин.

— Нет, там стоит охрана, она никого не пропускает, — нетерпеливо ответил комендант, с интересом глядя на медленно поднимающийся черный глаз необыкновенного аппарата.

Казалось, что этот глаз смотрит на верхние этажи здания, как бы оценивая свои возможности.

Загудел трансформатор, задрожали в зеркале цилиндра неясные изображения людей, обступивших машину. Вырвался на свободу синий луч, вместе с мощным потоком какой-то невидимой, таинственной энергии. Луч метался по верхним этажам, упирался в колонны, как бы хотел их столкнуть с места, и летела тонкая белая пыль, как туман, спускаясь на землю.

Омегин выключил аппарат, чтобы дать охладиться черной поверхности прожектора.

Сандро засунул руку под гимнастерку, вытащил оттуда тонкую книжку в зеленом переплете, передал ее мне и сказал:

— Мне кажется, что ты все-таки не веришь Алексею Константиновичу. Смотри, какой он «железонавистник».

Я взял книгу и на обложке прочел:

А. К. Омегин.

«Новые методы защиты железа от коррозий».

— Ничего не пойму! Кто же вы по специальности, химик по пластмассам или металлург? — обратился я к Омегину.

Тот, не спеша, сошел со своего дирижерского пульта, приложил руку к черному прожектору и как бы про себя сказал:

— Долго остывает, надо придумать ребра для охлаждения, — потом, отвечая на мой вопрос, заметил: — Я раньше этими вопросами занимался — исследованием металла, работал над созданием защитного покрова от коррозии, применяя поверхностную закалку в поле высокой частоты. Эти работы не дали положительных результатов.

И только сейчас мы знаем способы надежной защиты металла. Самый эффективный из них, конечно, последний. Не только новое, но и старое здание, обработанное при помощи энергии вот этого аппарата, — тут Омегин похлопал по медному цилиндру, — навсегда становится свободным от болезни, именуемой коррозией железа.

— Вот что, дорогой Алексей Константинович, — подошел к нему Сандро и положил руку ему на плечо. — Мы одно дело делаем: у вас испытания нового аппарата, а у нас тоже. Вы верите в свой аппарат... И мы тоже. Нам нужен рубидий, и мы его, конечно, найдем. Однако все наши аппараты указывают, что рубидий находится в вашей лаборатории, даже в одном из ваших карманов, хотя вы в этом упорно не хотите сознаться... Смотрите, наша модель усилителя запаха все время около вас крутится...

— Ну что за несносный народ! — уже не в шутку разозлился Омегин. — Я ничего не знаю о рубидии, поняли? Ваша уродливая собака за всеми гоняется в поисках несуществующего рубидия, словно научилась у своих хозяев, — он вдруг рассмеялся и, указывая на тротуар, добавил: — Ловите ее, вот она бежит за женщиной. Может быть, у нее в сумке с продуктами полкилограмма рубидия. Нет, друзья, — уже совершенно серьезно заметил он, — с этим делом у вас, прямо надо сказать, не получается. Поработать еще надо над аппаратами.

Я взглянул на тротуар, куда указывал Омегин, и к своему удивлению, увидел Мартына. Он неторопливо шлепал гусеницами, догоняя пожилую женщину в накинутом на плечи платке. В руках она держала разрисованный фарфоровый чайник, из которого шел пар...

Женщина почти уже дошла до подъезда, куда она направлялась, но в этот момент, услышав за собой странные шаги шлепающих гусениц Мартына, быстро обернулась... На лице ее вначале отразилось удивление, затем страх, и она побежала к подъезду. Из чайника расплескивалась во все стороны горячая жидкость.

Женщина в страхе побежала к подъезду.

Мартыну словно больше ничего и не нужно было. Он как живой самодовольно и лихо развернулся, выключив левую гусеницу, затем остановился и уперся блестящим но-

сом в лужицу дымящегося чая. Я подбежал к нему, взглянул на индекс и убедился, что там стоит все тот же индекс рубидия. Но при чем же тут чай? Почему модель побежала за этим запахом?

— Убери его от меня, Сандро, — сказал я ему, когда он подбежал подъезду, где скрылась испуганная женщина. — Можно с ума сойти от подобных испытаний. Хорошо, что на улицах еще никого нет, а то стыда не оберешься, — я поднял Мартына и передал его Сандро. — Чортова игрушка, чаю захотела.

— Может быть, наши аппараты не чувствуют запаха рубидия, — хмуро заметил Сандро, когда мы снова возвращались к машине Омегина. — Наверное, запахи этих окислов очень слабы. Вот «Тубероза» — это другое дело.

— Нет, наверное, все там разладилось, — оборвал я его. — Сейчас Мартын и туберозы не почувствует. Гоняется за всеми, как обыкновенный дурашливый пес.

— Скорее ко мне, коллеги! — крикнул Омегин. — Бросьте вашу собаку. Смотрите. Начинаются решающие испытания.

Сандра машинально поставил Мартына около машины, и, не отрывая глаз, смотрел на черный прожектор...

Тонкий, высокий до боли в ушах свист прорезал воздух. Это Омегин повернул какую-то ручку на пульте. Синий луч медленно пополз с этажа на этаж, обходя окна и балконные двери. Вдруг луч скользнул вправо, и оконное стекло со звоном рассыпалось в прозрачную стеклянную пыль.

Омегин на мгновение приостановил испытания.

— Ах, какая досада, — сказал он. — Вы, конечно, понимаете, что сам луч, который сейчас выдавил стекло, — невидим. Но для того, чтобы видеть направление луча, нам пришлось соединить его с цветным прожектором. Иначе бы ни одного стекла не осталось — и Омегин снова медленно повернул прожектор.

В это время к нам подбежал пожилой человек в темном пальто с золотыми позументами. Это был сторож из Дворца культуры.

— Товарищ Кудашев! — кричал он, размахивая запиской и обращаясь к коменданту. — Мне сейчас сказали, что в клуб-то наш пока еще входить нельзя!

— Нельзя, нельзя! — кричал со своего места Омегин.

— Ты что это, мил-человек, кричишь: «нельзя, нельзя»? Ты свое дело исполняешь, а я свое. Человека мне там одного сыскать надо.

— Какого человека, ведь там же никого нет? — удивился комендант.

— Как так нет? — рассердился сторож. — А барышня?

— Но ведь она вчера вечером там должна быть?

— Никак нет, ей ночью понадобилось, я уж за ней туда посылал, она не идет, да и посыльный что-то запропастился.

— Какой посыльный? — забеспокоился я.

— А я почему знаю? За ней около домов шел, говорит, нельзя ее, дескать, пускать было; я, говорит, ее моментом доставлю. А сам — все не выходит.

— Это Андрей, — невольно вырвалось у меня.

— Там люди? — вскрикнул Омегин, сразу выключая рубильник.

Прекратилось гудение трансформатора, синий луч погас, стало тихо.

Омегин приподнялся на своем сидении и почти шепотом сказал, указывая глазами на прожектор:

— Это аппарат ультразвука, а его луч может быть смертельным.

НЕОЖИДАННАЯ РАЗГДКА

ОМЕГИН, Сандро и я бежали по коридорам Дворца.

— Почему ультразвук смертелен? — задыхаясь от быстрого бега, кричал я Омегину. — Неужели вы получили такую мощную? Не может быть... Вы ошиблись.

Омегин, нервно кусая нижнюю губу, торопливо рассказывал:

— Нет, нет, это не ошибка. И я жалею о том, что мне удалось сделать невозможное: я получил в кратких им-

пульсах невероятную мощьность ультразвука. А это смерть... гибель!

Вот вход в гостиную. Сквозь приоткрытую дверь я увидел зеленый, как луг, ковер, шелковую обивку кресел, угол аквариума, стеклянные яркие цветы люстры. Совсем низко над водой висел лиловый колокольчик.

Я тихо открыл эту дверь и в смущении остановился...

У окна, на фоне его клетчатого переплета, как вырезанные из черной бумаги силуэты — стояли, обнявшись, две фигуры.

У окна стояли две фигуры.

В одной из них я узнал Андрея, другой — была таинственная мотоциклистка.

Андрей привлек девушку к себе и нежно поцеловал в лоб. Та привсталла на цыпочки, повернулась к Андрею и, по-видимому, решила ответить тем же.

Но это ей не удалось, потому что раздался удивленный возглас Сандро:

— Виктор, ущипни меня! Я не верю, что это Валя.

Он не ошибся: рядом с Андреем стояла Валя Чернихова, научный сотрудник нашего института.

*

Мы расселись в мягких креслах, и этот ранний утренний час решили посвятить разгадке всех «тайн» и оценке всех наших ошибок.

— Примерно через две недели, — рассказывала Валя, — я нашла, что есть более сильные индексы запаха рубидиевых соединений, чем те, которые были нами записаны. Но точно я их установить не могла: для этого мне нужно было их проверить на тех аппаратах, которые мы взяли с собой.

Валя порылась в боковом карманчике и вынула оттуда маленькую стеклянную баночку с притертой пробкой.

— Вот наиболее распространенное рубидиевое соединение, оно имеет совсем другой запах и встречается не только в лепидолите.

— Проверим, — сказал Сандро и потянулся за чемоданом. Затем он взял из рук Вали баночку, открыл ее, включил аппарат, настроился на старый индекс рубидия и заявил:

— Никакого впечатления, настройка не соответствует.

— Значит, была допущена ошибка в работе нашей экспедиции, — заметил я. — Мы поехали не с тем индексом, поэтому две недели наших поисков пропали даром.

— Так вот, — продолжала Валя, — посоветовавшись с товарищами, я решила выехать к вам.

— А почему ничего не сообщила, не телеграфировала? — спросил Андрей.

— А я, — смутилась Валя, — хотела неожиданно, вроде сюрприза... Когда третьего дня утром я начала вас искать в том районе, где мне указали, то никого не нашла. Правда, недалеко от моста стояли две палатки, я туда приезжала на мотоцикле, спрашивала вас, но шофер, который мне там встретился, сказал, что таких нет, а здесь собрались охотники. Мне показалась знакомой машина, я спросила, откуда она? А он отвечает: «Из воды вытащили». Ну, вы, конечно, представляете мое состояние. Я носилась как бешеная по всему району, чтобы хоть где-нибудь найти ваши следы. Где-то неподалеку от дороги я нашла минерал, очень похожий на лепидолит. — Ну ясно, что не утерпела, хотела проверить себя. А вдруг это действительно так. Направили в лабораторию к Алексею Константиновичу. При анализе я убедилась, что это был не лепидолит. Потом, проезжая около склада, нашла кусок железа со странной коррозией...

— Остальное нам известно, — прервал Валью Сандро, выразительным жестом указав на Омегина.

— Вот и чудесно, — рассмеялась Валя. — Однако я ничего не знаю о ваших успехах — обратилась она ко мне. — Много нашли месторождений?

— Бесчисленное количество, — горько усмехнулся Сандро. — Весь город пропитан солями рубидия. Все изделия из рубидия. Даже Омегин носит его в кармане, но почему-то и до сего времени скрывает это от нас.

— Ничего не понимаю, — забеспокоилась Валя.

— Можете убедиться, — сказал Сандро, включая аппарат. — На шкале стоит индекс рубидия, тот, которым мы пользовались.

— Но позвольте, — перебила его Валя, — эти соединения, которым соответствует старый индекс, мало распространены.

— Однако же они имеются в кармане Омегина, — проговорил Сандро. — Желаете убедиться?

Валя заглянула на экран и пожала плечами:

— Не вижу никакого отклонения.

— Как так? — удивился Сандро и наклонился над аппаратом. — На самом деле, Виктор, смотри, никаких следов.

— Алексей Константинович, — обратился я к Омегину, — ну не мучайте нас. Скажите, что вы вынули из кармана банку с рубидиевыми солями или кусок лепидолита, и оставили их в машине.

— Опять вы за старое, — сразу сделавшись серьезным, проговорил Омегин. — Я не могу понять, почему вы до сего времени мне не верите, — он нервно вытащил из кармана трубку и полез за табаком.

— Ну, тогда я ничего не понимаю. Аппараты все время ошибаются, — говорил я. — Они всюду находили рубидий, кроме месторождений, которых, возможно, здесь и нет. Дело дошло до курьеза, когда Мартын обнаружил рубидий в лужице чая...

Омегин слушал с нескрываемым интересом с трубкой во рту, которую позабыл зажечь.

— Да, Валентина Сергеевна, — сказал я, — «СЛ-1» ошибается, он всюду находит рубидий.

— Это говорит только за его большую чувствительность, — торжествующе воскликнула Валя. — Я не понимаю, как можно было позабыть, что следы рубидиевых соединений часто обнаруживаются в чае. А вы это считаете ошибкой прибора.

Признаться, я несколько смутился. Действительно, я только сейчас вспомнил, что некоторые сорта растений, в том числе чайные кусты, впитывают в себя из почвы соли рубидиевых и цезиевых соединений. Но какая же должна быть чувствительность аппарата, чтобы обнаружить следы этого редкого металла в лужице разлитого чая?!

— Одну минутку... Алексей Константинович, — обратился я к нему. — Зажгите вашу трубку...

— С большим удовольствием, — и Омегин, прижав большим пальцем табак в трубке, полез в карман за своей химической зажигалкой.

— Сандро, смотри! — крикнул я, когда закурил Омегин, и облачко белого дыма устремилось в рупора аппарата.

— Максимальное отклонение, — удивленно проговорил Сандро, наклоняясь над экраном. — Значит, и в табачном дыму рубидиевые соединения?

— Как видишь, — сказал я. — Плохие мы с тобой химики, если не знали об этом.

— Мне следует больше всего радоваться, — иронически заметил Омегин. — Теперь с меня снимаются все подозрения. Надо полагать, что и под моим домом также нет лепидолита, или как вы его там называете — амазонины. Вероятно, вы проверяли эти места после того, как я выкурил у подъезда свою трубочку, — он любовно посмотрел на нее и добавил: — Вот сколько принесла ты неприятностей моим коллегам...

За окнами Дворца просыпался город. Звенели трамваи, гудели машины, и слышался рокот раннего рейсового самолета.

— А я-то думала, — проговорила Валя, искоса взглянув на Андрея, — что мне больше чем другим свойственно ошибаться, а оказывается...

— За эти два дня мы ошибок наделали больше, чем вы за многие годы, — перебил я ее. — Ошибок не сосчитать. Но в нашем деле решает конечный результат. А результаты таковы: мы пока еще нашли месторождений рубидия, но зато нами найден способ обнаруживания железной коррозии аппаратом «СЛ-1», а в лаборатории Алексея Константиновича разработан замечательный аппарат ультразвука...

Андрей почти сорвался с кресла.

— Так вот в чем дело! — воскликнул он, проводя рукой по затылку. — Теперь мне все ясно. Ну и звук: до сих пор в голове звенит. Хорошо, что Алексею Константиновичу не удалось получить еще большей мощности этого звука, а то я бы уже не разговаривал с вами. Страшная сила! — он улыбнулся. — Я очнулся только в тот момент, когда Валя меня усиленно поучивала каким-то резким запахом реактива неизвестного номера... Но каким же образом ваш ультразвук уничтожает коррозию?

— Мне удалось выяснить, — ответил Омегин, — что при частотах в сорок семь тысяч периодов при одновремен-

ном подогреве высокой частотой распадаются полностью молекулы окисла железа. Достаточно даже ничтожных колебаний окружающей среды с этой частотой, как в молекулах наступают, видимо, какие-то, пока еще не ясные резонансные явления, и они распадаются в порошок. Вы же знаете, — медленно говорил Омегин, как бы погруженный в свои мысли, — что ультразвуковые волны, которые мы получаем от механических колебаний стержня из специального сплава, в поле генератора размельчают, будоражат, встряхивают частицы любого вещества, любой эмульсии. Мы их вначале применяли для молекулярного размельчения пластических масс в жидком состоянии. Поэтому и получали такую прочную и стойкую пластмассу, а потом применили для уничтожения ржавчины. В сочетании с вашим способом определения коррозии мы теперь навсегда освободимся от нее.

(Конец.)

СОДЕРЖАНИЕ

О. КРИШТОПЕНКО
ЗАГАДОЧНЫЕ МЕТЕОРИТЫ
Научно-фантастическая повесть

5

Н. НЕМЧЕНОК
КОРАБЛЬ-ЧЕРПАК
Фантастический очерк

36

К. РАТУШИНСКИЙ
ГОСТЬ ИЗДАЛЕКА
Научно-фантастическая повесть

37

А. Р. ПАЛЕЙ
ОПАСНАЯ МАШИНА
Фантастическая юмореска

65

Е.А. ПОПОВ
ТАЙНА ОЗЕРА ИССЫК-КУЛЬ
Научно-фантастическая повесть

69

А. МОРОЗОВ

ЧУДЕСНАЯ ЭЛЕКТРОСТАНЦИЯ

Научно-фантастический рассказ

113

ЛЕВ УСПЕНСКИЙ

ПЛАВАНИЕ «ЗЭТЫ»

Научно-фантастический рассказ

119

ВЛАДИМИР ОБРУЧЕВ

ВИДЕНИЕ В ГОБИ

Научно-фантастический рассказ

145

ВЛАДИМИР ОБРУЧЕВ

ПОЛЕТ ПО ПЛАНЕТАМ

Научно-фантастический рассказ

163

Ф. ВЕЙТКОВ

ЭЛЕКТРОСТАНЦИЯ 195... ГОДА

Научно-фантастический очерк

185

С. В. РЕСПОЛОВСКИЙ

144 ЧАСА НА СТАНЦИИ УПРАВЛЕНИЯ ПОГОДОЙ

Научно-фантастический очерк

197

А. АНТРУШИН

ЗААТМОСФЕРСТРОЙ

Научно-фантастический очерк

214

В. САПАРИН

УДИВИТЕЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Научно-фантастический рассказ

225

А. МОРОЗОВ	
СТАНЦИЯ ПРОФЕССОРА ФЛАНДЕРСА	
Научно-фантастический рассказ	
249	
Б. ЛЯПУНОВ	
СТАНЦИЯ ВНЕ ЗЕМЛИ	
Научно-фантастический очерк	
260	
В. САВЧЕНКО	
ПУТЕШЕСТВИЕ ВИТИ ВИТЬКИНА	
Научно-фантастический рассказ-загадка	
281	
В. ПРИВАЛЬСКИЙ	
КАК ВЫГЛЯДИТ НАША ПЛАНЕТА	
Научно-фантастический очерк	
293	
НИКОЛАЙ ТОМАН	
ИСТОРИЯ ОДНОЙ СЕНСАЦИИ	
Научно-фантастический рассказ	
305	
Г. ГРАДОВ	
ПО ГОРОДУ ЭНСКУ (Через 40 лет)	
Научно-фантастический очерк	
345	
В. БЕЗОРУДЬКО	
ПАССАЖИРЫ С «КОМЕТЫ»	
Фантастическая юмореска	
351	
В. НЕМЦОВ	
«СЛ – 1»	
Научно-фантастическая повесть	
358	

